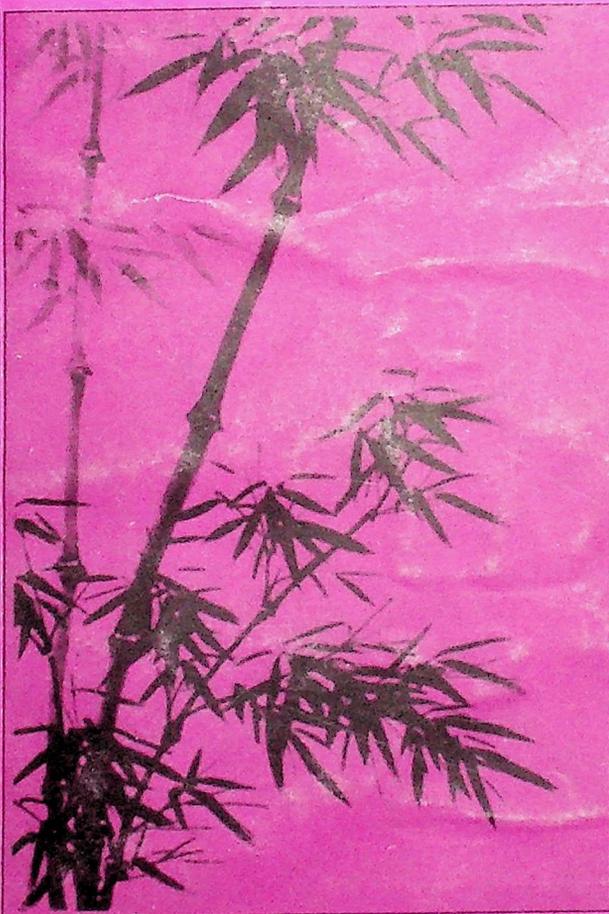

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 5/2016

Куда движется ШОС?

●
Китай в БРИКС

●
Проблема долга
в экономике Китая

●
Развитие района
дельты реки Чжуцзян

●
Языки Китая:
последние исследования

Российская академия наук
Институт Дальнего Востока

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

5/2016

Сентябрь — Октябрь

Научный и общественно-политический журнал,
выходит шесть раз в год на русском и четыре
раза в год на английском языках
Издается с марта 1972 года

Выпускается под руководством
Отделения глобальных проблем
и международных отношений
РАН

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков (доктор экономических наук, проф.)

Редакционная коллегия

Я.М. Бергер, д.и.н., (зам. главного редактора), О.Н. Борох,
к.э.н., А.В. Виноградов, д.полит.н., А.Д. Воскресенский,
д.полит.н., проф., С.А. Горбунова, д.и.н., А.С. Давыдов, к.и.н.
(зам. главного редактора), В.Г. Дацышен, д.и.н., проф.,
А.З. Жебин, к.полит.н., В.П. Зимонин, д.и.н., проф.,
А.Н. Карнеев, к.и.н., В.О. Кистанов, д.и.н., Я.В. Лексютина,
д.полит.н., А.В. Ломанов, д.и.н., С.Г. Лузянин, д.и.н., проф.,
В.М. Мазырин, д.э.н., О.И. Мальцева (ответственный
секретарь), Н.Л. Мамаева, д.и.н., П.А. Минакир, академик
РАН, Л.В. Новоселова, д.э.н., А.В. Островский, д.э.н., проф.,
Л.С. Переломов, д.и.н., В.Е. Петровский, д.полит.н.,
Н.А. Самойлов, д.и.н., С.С. Сулина, д.э.н.

Иностранные члены редколлегии

А. Ачария, проф., директор Института китайских
исследований (Нью-Дели, Индия), М. Бастид-Брюгер, проф.,
Национальный центр исследований по общественным наукам
(Париж, Франция), У Эньюань, проф., Академия
общественных наук Китая (Пекин, КНР), Ху Аньган, проф.,
Университет Цинхуа (Пекин, КНР), Чжу Сяньпин, проф.,
Цзилиньский университет (Чанчунь, КНР).

Редакция

К.В. Асмолов зав. отделом Кореи
Е.В. Белилина
зав. отделом внешней политики
А.Н. Карнеев
зав. отделом истории и
внутренней политики
А.Н. Коробова
зав. отделом культуры
А.С. Крушинский
зав. отделом экономики
Л.С. Лаврова экспедитор
Е.А. Лапшина зав. редакцией
Г.П. Манча редактор
Д.Б. Славинский оператор ЭВМ
А.Б. Старостина
зав. отделом идеологии и
философии
А.В. Шлындов зав. отделом Японии

© Российская академия наук, 2016

© ФГУП «Издательство «Наука», 2016

© Составление. Редколлегия журнала «Проблемы Дальнего Востока», 2016

Содержание

ПОЛИТИКА

- В.Я. Воробьев.* Куда будет двигаться Шанхайская организация сотрудничества?4
Я.В. Лексютина. Китай в БРИКС: первый среди равных 11
Ю.В. Морозов. Китай в Арктике: цели и риски для российско-китайских отношений21

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

- В.И. Балакин.* Совокупная национальная мощь Китая: диалектика построения новой государственности.....33

ЭКОНОМИКА

- Б.А. Хейфец.* Экономический пояс Шелкового пути — новая модель привлекательного экономического партнерства для ЕАЭС39
А.В. Афонасьева. Роль зарубежных китайцев в развитии центральной ветки Экономического пояса Шелкового пути.....50
И.В. Вахрушин. Проблема долга в экономике Китая: подходы к оценке, сценарии, варианты решения63
В.В. Чуванкова. Частное и индивидуальное предпринимательство — ключевой фактор развития экономики КНР75
З.А. Муромцева. Государственные предприятия КНР в 2011–2020 гг.: особенности и перспективы реформирования84
Ж.В. Петрунина. Китай укрепляет позиции в нефтегазоносном бассейне Персидского залива90
Ю.М. Шиганова. Развитие дельты реки Чжуцзян: тенденции, проблемы, перспективы95

ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ

- Е.И. Кранина.* Китай: ускорение строительства «экологической цивилизации»102
Н.В. Прохорова. Вопросы формирования водного рынка в Китае112

ИСТОРИЯ

- Н.Л. Мамаева.* Россия и начальный период «Движения за новую культуру» в Китае123
А.В. Полупов. Разведывательное сотрудничество Японии и Польши против СССР (1919–1945 гг.)129

КУЛЬТУРА

- О.И. Завьялова.* Языки Китая: новейшие исследования и открытия139

<i>А.В. Семенов.</i> Новогодние обращения председателя КНР в свете дискурсного подхода (социолингвистические заметки).....	144
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

IV Всероссийская научная конференция «Исторические события в жизни Китая и современность».....	159
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>А.С. Давыдов.</i> Титаренко М.Л., Петровский В.Е. Россия, Китай и новый мировой порядок. Теория и практика.....	167
<i>В.О. Кистанов.</i> Стрельцов Д.В. Внешнеполитические приоритеты Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе	173
<i>Т.И. Виноградова.</i> Seijas Tatiana. Asian slaves in colonial Mexico. From Chinos to Indians	176

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Юбилей Людмилы Дмитриевны Бони	180
Юбилей Ким Ен Уна	182

НАШ ЮБИЛЯР

Юбилей Андрея Сергеевича Давыдова.....	184
Contents	186
Summary.....	188

Политика

Куда будет двигаться Шанхайская организация сотрудничества?

© 2016

В.Я. Воробьев

В статье рассматриваются итоги 15-летней деятельности Шанхайской организации сотрудничества, особенности ее структуры, взаимоотношения между участниками. Анализируется роль ШОС в регионе, проблемы партнерства, дается прогноз развития ШОС в условиях складывающегося нового миропорядка.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Ташкентская декларация пятнадцатилетия ШОС, многополярный мир, международное сотрудничество, Китай, Россия, США.

Пятнадцатилетие ШОС — международной организации, завершившей фазу стремительного становления, — побуждает порассуждать о ее дальнейших перспективах. К этому подвигают также материалы июньского юбилейного саммита в Ташкенте, на котором вполне уместно и резонно прозвучало немало парадно-официозных комплиментарных формулировок в адрес организации.

Первые признаки эволюции «неоперившегося» механизма — «Шанхайской пятерки» (Казахстан, Киргизия, Китай, Россия, Таджикистан) в нечто более структурированное и целесосредоточенное начали появляться на пороге XXI века. Едва ли кто-то тогда предполагал, что относительно скоро по историческим меркам получится та ШОС, которую мы видим и анализируем сегодня, а именно: многопрофильное, сложносоставное объединение, включающее шесть государств-основателей (в их число сразу вошел также Узбекистан) и все время увеличивающееся количество наблюдателей и партнеров по диалогу. Ареал ШОС раскинулся на значительной части евразийского пространства. Постоянно растет ее международный престиж.

Завышенные ожидания и требования быстрой результативности, а с другой стороны — снисходительно-скептические взгляды на возможности ШОС и даже на ее выживаемость сопровождали организацию с момента ее рождения. Подобные настроения в разных странах дают о себе знать и сейчас. В России наблюдается возникновение попу-

листского мутанта, эклектически сочетающего в себе эти две крайности и занимающегося подзуживанием ШОС к совершенно невозможным вещам, например, стать военно-политическим союзом с оголенной антиамериканской направленностью или щитом антиракетной обороны.

О чем может все это свидетельствовать? Во-первых, о том, что ШОС является одной из тех немногих международных организаций, существование и функционирование которых притягивает к себе постоянное внимание. Во-вторых, о том, что ШОС — развивающийся и растущий организм, потенциал которого находится в ранней стадии раскрытия. В-третьих, о том, что, будучи молодым объединением-акселератором, ШОС не может не иметь некоторых конструктивных недочетов, слабостей и, возможно, противоречивых несообразностей, действительно сказывающихся на ее коэффициенте полезного действия.

Перспективы ШОС будут определяться не пессимистическими оценками и не дерзко утопическими проектами. Они в значительной степени зависят от того, насколько организация сможет быть способной к самообновлению, самокритичной и самообучаемой. В том числе — осмысления опыта «более старших по возрасту» объединений, а также рекомендательных подсказок экспертного сообщества, заинтересованного в совершенствовании организации и укреплении ее консолидирующих начал.

Предлагаемые ниже соображения отчасти навеяны наблюдениями и комментариями китайских специалистов-международников, которые все приметнее монтируют тематику ШОС в контекст новой внешнеполитической парадигмы, призванной лапидарно и выразительно оформить выход «возвышающегося» в своей державности Китая на арену большой геополитики. Складывающаяся парадигма идет на замену или в развитие известного дэнсяопиновского «завета» 1980-х годов, делавшего поведенческий акцент на «присматривании и приспособлении» к внешним обстоятельствам и накоплении внутренней мощи без ее явной демонстрации. Этот «завет» хорошо послужил интересам и задачам превращения КНР во вторую экономическую силу в мире, плотно встроенную в глобализационные потоки. Нынешнее поколение китайских руководителей, очевидно, полагает, что прежде скроенные «одежды» уже тесноваты для «окрепшей фигуры» современного Китая¹.

В документах, принятых в Ташкенте, мы находим подтверждение выводу, сделанному по итогам саммита ШОС в Уфе в 2015 г. о том, что деятельность организации в течение довольно длительного временного отрезка будет следовать в основном инерционному сценарию. Инерционному не в плане угасания набранной динамики, чего никто не хочет и не допустит. Речь идет о том, что хотя ритм активности ШОС будут стараться сохранять, он, похоже, в чем-то все же станет замедляться.

Одобренная в Уфе «Стратегия развития ШОС до 2025 года» не содержит крупных мобилизующих задач. Главное — она не дает целевых ориентиров для новой фазы движения ШОС, которые позволяли бы судить о том, куда она должна двигаться. Показательно, что в Ташкенте главы государств если и упоминали «Стратегию...», то делали это вскользь. Председатель КНР Си Цзиньпин отметил, что ШОС могла бы стать «сообществом общих интересов». Это, видимо, передает китайские представления о возможном направлении дальнейшей эволюции ШОС.

Утвержденный в Ташкенте «План действий на 2016–2020 гг.» по реализации указанной «Стратегии...» выглядит местами даже более сдержанно-консервативным в сравнении с текстом самой «Стратегии...». В нем в самом общем виде перечисляется то, чем уже занимается ШОС, без какой-либо детализации и добавлений. Это касается, в ча-

стности, пункта о необходимости повышения эффективности работы организации. Пожалуй, впервые в истории ШОС в Информационное сообщение по итогам заседания Совета глав государств — членов ШОС вставлено около 20 абзацев, почти буквально воспроизводящих положения Ташкентской декларации пятнадцатилетия ШОС. В итоге Информсообщение по объему почти догнало Декларацию, но в нем не заметно новых серьезных поручений по проработке тех или иных вопросов и документов.

Подобного рода послеуфимскую особенность ШОС подметил исследователь из шанхайского Хуадунского педагогического университета Ян Чэн, назвав ее «ловушкой среднего этапа развития» организации². В данном случае он, видимо, методологически использовал понятие из финансово-экономической сферы, известное как «ловушка среднего уровня доходов». Оно характеризует состояние «застывания» на долгий период большинства из быстрорастущих экономик на некоем средневысоком уровне подушевых доходов и непереход соответствующих стран на качественно более высокую ступень — в разряд развитых. Кстати, тема «ловушки среднего уровня доходов» сейчас является предметом оживленных дискуссий в Китае в связи с ожидаемым длительным существованием низкой для Китая планки среднегодовых темпов роста ВВП.

По логике китайского исследователя, наступление такого «стадиального вызова» или даже «кризиса» неизбежно при быстром строительстве любой организации. Выход из ситуации, по его мнению, может быть найден либо на пути задействования внутриинституционального потенциала, или за счет «вливания свежей крови». Оба варианта применительно к ШОС чреваты серьезными сложностями и неясными последствиями, поскольку организация сложилась внутренне «многополюсной», без ярко выраженного единого центра и опирается на политико-философский фундамент, именуемый «шанхайским духом». Нужен какой-то баланс, но в чем он может состоять, Ян Чэн не раскрывает.

Наблюдения Ян Чэна небезынтересны и симптоматичны, поскольку исходят от прагматично мыслящего профессионала-аналитика, благожелательно относящегося к ШОС. Особенно полезной представляется его идея о необходимости нахождения баланса. Однако, между чем и чем?

Итогом уфимского саммита, как отмечалось, стало возникновение противоречия между выдвиганием в качестве приоритетной задачи повышения эффективности работы всех механизмов и органов ШОС и открытием шлюзов для безлимитного расширения основного состава организации, числа ее наблюдателей и партнеров по диалогу. То есть, противоречия между упором на переход к преимущественно интенсивному пути и сохранением доселе господствовавшего экстенсивного подхода, который смещается из внутренней структурной сферы во внешнюю область. Такое совмещение способно реально затруднить решение генеральной задачи — повышение эффективности ШОС. Здесь и потребуются искать деликатный, но четко артикулируемый баланс, который к тому же не может не быть подвижным.

Поэтому инерционный сценарий, принятый год назад в Уфе и нашедший отражение в недавних ташкентских документах, представляется не регрессом в практике организации, не каким-то «заболеванием» ШОС, а вполне оправданным, хотя, возможно, и интуитивно сделанным выбором, позволяющим относительно спокойно эволюционировать неспешным методом, «переходить реку вброд, нащупывая камни».

Сейчас можно лишь контурно обозначить, что следовало бы принять во внимание в целях обеспечения сбалансированного движения ШОС.

Она задумывалась и воплощалась как региональная организация универсального комплексного типа, сфокусированная на проблематике Центральной Азии. В ходе получающего ныне развитие процесса расширения организации (по китайской терминологии «инклюзивного расширения») ШОС становится объединением, состыковывающим большие геополитические пространства, выходящие за рамки Евразии. Так или иначе, это будет вызывать раздумья о вероятности корректировки изначального центрирования ШОС на региональной тематике. Накануне визита в Китай, состоявшегося сразу после ташкентского саммита, президент В.В. Путин в интервью агентству «Синьхуа», опубликованном в «Жэньминь жибао» 24 июня 2016 г., высказался за то, чтобы ШОС становилась более масштабной организацией, приобретала всемирное значение.

Готова ли ШОС к столь серьезным субстантивным изменениям, подразумевающим появление других трансрегиональных забот, помимо Центральной Азии? Какие-то подвижки скорее всего будут назревать, несмотря на то, что ничего подобного в «Стратегии...» не видно. Гадать сейчас, как повернется дело, задача неблагодарная и бесполезная. Тем не менее, не лишено смысла задуматься о следующих моментах.

Как сделать так, чтобы при любых трансформациях ШОС ее центральноазиатские страны-учредители не почувствовали себя маргинализированными и обиженными, не стали затевать групповые игры ради отстаивания первоначально обретенных политических позиций и продвижения своих мнений?

Не окажется ли ШОС логистической пристройкой к уже существующему консультативному механизму Россия — Китай — Индия, который в рамках ШОС может обрести постоянно действующий характер с регулятивным оттенком?

Каким образом отлаживать своего рода конвергенцию «незападной» модели политической культуры и стиля дипломатии, присущих ШОС в ее нынешнем составе, с «западной», которая неизбежно будет привнесена с приходом Индии и Пакистана на все рабочие уровни функционирования ШОС, включая проблему легализации английского языка?

Надолго ли Индия и Пакистан сохранят согласие с теми несоразмерно малыми по критериям ШОС долями их взносов в общий бюджет и квотами персонала в постоянно действующих органах, которые им определены в подписанных в Ташкенте документах и которые уравнивают эти две страны, несмотря на видимую разницу в их экономических потенциалах?

В случае удовлетворения заявки Ирана не будет ли сказываться на характере и качестве каждодневных рабочих взаимоотношений концентрация в одних стенах представителей двух ветвей исламской религии — шиитской и суннитской?

Пора, думается, коллективно обмозговать в составе «шестерки» и такие темы. Какую критическую массу членства вообще может выдержать ШОС без того, чтобы не надломиться от непросчитанной заранее тяжести, тем более когда речь уже идет о культурно-цивилизационном множестве? Как не «потерять» страны-основательницы в качестве консолидирующей силы, коей они должны оставаться и впредь?

Несколько странно выглядит увлечение погоней за количеством наблюдателей и партнеров по диалогу, географический разброс и колоритность которых может порождать упреки в «неразборчивости» ШОС. Приверженность организации принципу открытости не должна оставлять впечатления всеядности, распахнутости входных дверей для всех и вся.

ШОС — чуть ли не первое международное объединение, изначально и целиком выстроенное в формате многостороннего партнерства. В этом состоит громадное достоинство организации и именно этим определяется ее привлекательность.

Сейчас термин «партнерство» прочно входит в международный лексикон, развелось даже множество видов партнерских отношений. Тогда, 15–17 лет тому назад, готовых лекал, тем более модельного ряда партнерства, не существовало. Был пример складывавшихся отношений партнерства между Россией и Китаем. Соответствующие наработки и теоретические обобщения отчасти были использованы и транспонированы в многостороннюю тональность. Совпадение времени принятия решения о создании ШОС и заключения российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, юридически оформившего стратегическое партнерство между двумя странами, видимо, неслучайно.

Иными словами, большая работа по формированию ШОС в значительной степени носила первопроходческий характер. Сегодня можно уверенно констатировать, что в целом она оказалась весьма успешной и во многом поучительной. Отдельные «сучки и задоринки» не меняют общей картины.

Думается, во всех будущих перипетиях, связанных с ШОС, в том числе, с эвентуальными «сопряжениями» ШОС с китайской инициативой Экономического пояса Шелкового пути, с формирующимся Евразийским экономическим союзом или с идеей «Большой Евразии», первейшая необходимость — это сбережение, отстаивание и обеспечение партнерской сущности организации, то есть ее собственного лица, собственной системы устройства и механики функционирования.

Основной содержательный смысл наступившей фазы развития ШОС видится в адаптации организации, приспособленной к работе в составе «шестерки», к иным более сложным условиям функционирования в режиме пополнения ее основного состава и расширения списка участников. Важно, чтобы эта адаптация искусственно не подгонялась, не подстраивалась под новичков, а наоборот, культивировала у них приверженность «шосовскому» типу партнерства, не отодвигала в сторону багаж наработанного и достигнутого. Она должна стать такой органической частью дальнейшей эволюции ШОС, которая способствовала бы обретению организацией все большей зрелости и наращиванию ее политической весомости.

* * *

В дополнение к изложенному выше следует отметить, что в китайском экспертном сообществе предметом жаркой дискуссии становится понятие «великая держава». В китайском языке отсутствует отдельное иероглифическое обозначение понятия «держава». До недавнего времени в данном случае неизменно применялся термин «да го». Теперь все чаще проводится мысль, что «*да го*» — это просто государство с большой территорией и ресурсной базой. Понятие «великая держава» должно включать в себя всю комплексную мощь государства, в том числе военный и инновационный потенциалы. Некоторые предлагают взять термин «*цян го*» («сильная страна»), мотивируя это в частности тем, что Китай мол ныне решает задачу в дополнение к «*да го*» стать «*цян го*». Другие видят смысл в совмещении двух терминов «*да цян го*». Поэтому остается весьма туманным, что же следует понимать под предлагаемой «дипломатией крупных держав» («*да го вай цзяо*») нового типа. Лидеры КНР применительно к китайско-американским отношениями используют понятие «*да го*». Тем не менее, думается, небезынтересен и

показателен сам факт дискуссии на фоне желания по-новому выразить суть внешнеполитической парадигмы современного Китая.

Для понимания палитры мнений в китайском экспертном сообществе по кардинальным вопросам внешнеполитической стратегии Китая примечательны взгляды, которые последовательно отстаивает профессор Янь Сюетун, директор НИИ международных исследований Университета Цинхуа в Пекине.

Относительно тенденции многополярности и вероятности китайско-американского двухполюсного расклада сил профессор считает, что «тенденцию» следует понимать как процесс, а «расклад сил» — как относительно длительное устойчивое состояние. По его мнению, тенденция не может быть продолжительнее, чем состояние расклада сил, а лишь является переходом к нему. «Двуполяризация мирового расклада сил уже началась, — утверждает он, — поэтому нет смысла обсуждать вопрос о тенденции многополярности. В 2013 г. я прогнозировал, что до 2023 года двухполюсность состоится, может быть, это произойдет раньше, к 2020 году».

Двухполюсность с участием Китая, полагает он, для КНР, конечно, лучше, чем без ее участия, гораздо выгоднее, чем многополярность. Китай наравне с США обретает право судьи, которое самый сильный соперник, наверняка, сможет использовать и против него. «Но отсутствие такого права как раз означает, что подъем-возвышение Китая теряет перспективу, равно как и возрождение китайской нации. Точка зрения, что многополюсность выгодна Китаю, тождественна тому, что Китай всегда должен оставаться второразрядным государством».

По вопросу, готов ли Китай к двухполюсному раскладу сил, Янь Сюетун считает, что изменения в мире ускоряются и «фактически не бывает наступления полной готовности, ибо скорость изменений в мире превышает темпы готовности стран к ним».

Профессор осознает, что США будут отстаивать однополярность: «По мере сокращения дистанции между размерами комплексной мощи Китая и США структурные противоречия (между двумя странами) будут непрерывно выходить на поверхность. Главное, как их использовать и каким образом предотвращать эскалацию конфликтных ситуаций в вооруженное столкновение и войну... В настоящее время комплексная мощь США, особенно военный потенциал, далеко превосходят китайские. А потому можно сделать прогноз, что США будут военными средствами сдерживать Китай».

О целесообразности сохранения Китаем принципа невступления в союзы Янь Сюетун придерживается следующего мнения: «Стратегию подъема-возвышения надо определять исходя из того, что брать за ориентир — тенденцию многополярности или двухполюсность... В последнем случае союзничество — это стратегия, к которой вынуждены прибегать крупные державы, так как чем больше отношений стратегической дружбы, тем сильнее право лидерства. Вступление в союзы — это разновидность политической тактики, средство, способ, приспособление. Считать союзничество “мышлением холодной войны” — просто догматизм, которым можно только связывать себя по рукам и ногам, но никак не ограничивать другие страны... В союзе главная составляющая — это военный союз... Некоторые считают, что недавно подписанная Китаем и Россией “Совместная декларация об укреплении глобальной стратегической стабильности” (25 июня 2016 г.) является выраженным политическим союзом. Как бы то ни было, такие акции действительно благоприятствуют подъему-возвышению Китая»³.

1. Вань Фань. Да го вай цзяо: [Дипломатия крупных держав]. Пекин, 2016. 382 с. Автор — проректор Института международных отношений, профессор, вице-председатель Китайского общества по изучению международных отношений. Книга имеет примечательный подзаголовок «От политики “держаться в тени и накапливать силы” к “дипломатии крупных держав”. Что Китай хочет сказать миру?». Фраза «держаться в тени и накапливать силы» — это часть дэнсяопиновского постулата периода 1980-х годов, устанавливавшего, какой внешней политики следует придерживаться Китаю при осуществлении «всесторонней модернизации». Похоже, отступление именно от этого указания становится сейчас первым «тестовым» подходом к ревизии всего комплекса «завета». Выработка новой внешнеполитической парадигмы происходит под маркой формирования «дипломатии крупных держав с китайской окраской» (*чжун го та ся да го вай цзяо*) в русле директивно направляемого движения придавать всему и вся «китайскую окраску» и увязывать с задачей «возрождения китайской нации» (*чжун хуа минь цзу фу син*). Все эти моменты доминируют в книге. Автор исходит из презумпции, согласно которой США вошли в стадию упадка (*цуй ло*). Китай же на этом фоне переживает «подъем-возвышение» (*цзюе ци*). Ван Фань утверждает, что после завершения холодной войны и самораспада СССР в своем стремлении закрепиться в качестве единственной и неоспариваемой сверхдержавы США совершили целый ряд крупных политических ошибок и просчетов, что и привело их к нынешнему состоянию. «Возвышение» Китая трактуется как геополитическая закономерность и своего рода символический показатель исторической недолговечности гегемонистского статуса США, их единоличного пребывания на мировом политико-экономическом олимпе. ШОС, по мнению автора, является крайне важной составной частью формирующейся китайской «дипломатии крупных держав». Организации необходимо усиливать консолидацию, наращивать элементы сотрудничества, становиться более сбалансированной в части политики и экономики. При этом, как считает Ван Фань, функционал безопасности должен и далее занимать ведущее положение. В деле наращивания международного влияния автор рекомендует Китаю активно идти по пути «стыковки-сопряжения» (*дуйцзе*) с другими международными объединениями, включая НАТО, ЕС и ОДКБ. Принимая как данность начавшийся процесс расширения основного состава ШОС, Ван Фань поддерживает точку зрения ряда китайских исследователей о том, что «тройка Китай — Россия — Индия» могла бы стать своего рода направляющей силой в ШОС, а их плотное взаимодействие — фундаментом дальнейшего развития организации.
2. См.: Ян Чэн. Чжи ду лэй цзи юй шан хэ цзинь чжуань фа чжань чжун дуань сянь цзин: [Системное укрпление и «ловушка среднего этапа» в развитии ШОС и БРИКС] // Шицзе чжиши. 2015. № 15. С. 38–45. Ян Чэн — заместитель руководителя Центра исследований России НИИ международных отношений и регионального развития Хуадунского педагогического университета (г. Шанхай), доцент, в прошлом дипломат. Под «ловушкой среднего этапа» Ян Чэн понимает следующее: «Новосоздаваемые международные организации, быстро пройдя этап становления, связанный с их институционализацией, в развитии реального сотрудничества начинают все чаще сталкиваться не только с вызовом снижения эффективности достижения консенсуса, но и с трудностями вследствие возникновения противоречий и разногласий в деле согласования интересов по мере углубления сотрудничества. Иными словами, если международная организация после вступления в средний этап развития не имеет достаточно четкого ориентира стратегического развития и стратегического подхода, не имеет достаточно сильных установок, идущих сверху, и стремления углублять сотрудничество, идущего снизу, то такая организация с большой вероятностью может превратиться из первоначально системно крепкой в рыхлое образование».
3. Интервью Янь Сюэтуна // Хуаньцю шибао. 2016. 15 июля.

Китай в БРИКС: первый среди равных

© 2016

Я.В. Лексютина

В статье приводятся аргументы в поддержку тезиса о том, что Китай, разительно выделяясь среди стран БРИКС большими масштабами экономики и высокой степенью вовлеченности в мирохозяйственные связи, является главным бенефициаром предпринимаемых БРИКС усилий, направленных на изменение существующей валютно-финансовой системы.

Ключевые слова: БРИКС, Китай, мировая валютно-финансовая система, финансовые институты, интернационализация юаня, экономическая мощь.

В процессе восхождения любой страны к статусу великой державы с глобальными амбициями всегда есть исторический рубеж, переступив который данная страна при определении своего внешнеполитического курса начинает руководствоваться целью реформирования существующей международной системы в соответствии с собственными интересами и потребностями развития. Для Китая таким историческим рубежом стал мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг., серьезно затронувший развитые страны и обнаруживший несовершенство моделей их макроэкономического управления, равно как и глобального экономического управления в целом, а также рельефно проявивший достижения китайской экономики на фоне переживавших экономические трудности западных стран.

Тремя важнейшими характеристиками внешней политики Китая в посткризисный период стали *активизация, инициативность и напористость*: активизация внешнеполитической деятельности по всем направлениям и во всех регионах мира, *инициативность* китайского руководства в выдвижении новых крупномасштабных внешнеполитических проектов, *напористость* в отстаивании национальных интересов Китая.

Китай, некогда стоявший перед дилеммой автономного существования или вхождения в существующую международную систему, оказался снова перед выбором: функционировать в рамках существующей системы, где ему отведена скромная роль, не соответствующая его возросшей экономической мощи, или стимулировать ее реформирование или даже создание новой системы. Выдвигаемые и реализуемые Пекином в последние несколько лет внешнеполитические инициативы свидетельствуют о том, что китайское руководство взяло курс на стимулирование реформирования мировой финансово-экономической системы. Усилия в этом направлении прилагаются как в одностороннем порядке, так и на многосторонней основе в рамках диалогового форума БРИКС, объединившего пять стран с формирующимися рынками (Бразилию, Россию, Индию, Китай и ЮАР), разделяющих общую заинтересованность в глубоком реформировании валютно-финансовой системы. Вместе с тем, хотя стимулирование реформирования валютно-фи-

Лексютина Яна Валерьевна, доктор политических наук, доцент кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: lexuapa@ua.ru.

Исследование выполнено в рамках научного проекта, поддержанного Санкт-Петербургским государственным университетом (шифр 17.37.226.2016).

нансовой системы декларируется БРИКС в качестве приоритетной задачи объединения, представляется, что в ее реализации в первую очередь и главным образом заинтересован именно Китай. Масштабы четырех других экономик, их внешнеторговый оборот не настолько велики, чтобы они могли рассчитывать занять принципиально более высокие позиции в процессах глобального экономического управления в результате реформирования валютно-финансовой системы. Те изменения в международной валютно-финансовой системе, которых странам БРИКС уже удалось достичь путем консолидированного давления на страны Запада, подтверждают это.

Экономические позиции Китая относительно других стран БРИКС

Акроним БРИК обязан своему появлению ведущему экономисту Goldman Sachs Дж. О'Нилу, который в 2001 г. в аналитическом докладе Building Better Global Economic BRICs выделил Бразилию, Россию, Индию и Китай в отдельную группу наиболее перспективных с точки зрения зарубежных капиталовложений динамично развивающихся стран с формирующимися рынками. Все четыре страны БРИК демонстрировали высокие темпы экономического роста и обладали высоким инвестиционным потенциалом, хотя уже тогда особо среди них выделялся Китай. В 2000 г. на Китай приходилось 3,6% мирового ВВП по текущим ценам и 7,6% мирового ВВП по паритету покупательной способности (ППС), в то время как совокупный ВВП в текущих ценах и по ППС оставшихся трех стран составлял только 4,2 и 9,8% соответственно (табл. 1).

Таблица 1

Позиции стран БРИКС в мировой экономике в 2000, 2010 и 2015 гг.

Страны	Доля в мировом ВВП в текущих ценах, в %			Доля в мировом ВВП по паритету покупательной способности, в %		
	2000	2010	2015	2000	2010	2015
Китай	3,6	9,2	14,8	7,6	14	17,2
Россия	0,8	2,3	1,8	2,1	3,3	3,2
Индия	1,4	2,6	2,8	4,4	6,1	7,0
Бразилия	2	3,4	2,4	3,3	3,2	2,8
ЮАР	0,4	0,6	0,4	0,7	0,7	0,6
<i>Итого четыре страны (за исключением Китая)</i>	4,4	8,9	6,4	10,5	13,3	13,6

Источник: рассчитано и составлено по данным Всемирного банка // World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/>

Средние годовые темпы прироста ВВП Китая в 1991–2000 гг. составили 10,46% против 5,6%, 2,59% и -3,6% у Индии, Бразилии и России соответственно (табл. 2).

Диспропорции между экономическим развитием Китая и остальных стран БРИК усилились на фоне мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. Даже в условиях кризиса Китай продолжал ускоренно наращивать свою долю в мировой экономике. В 2009–2014 гг. средние годовые темпы прироста ВВП Китая составили 8,7%, что превышало показатели партнеров Китая по БРИК: Индия — 7,5%, Бразилия — 2,7% и Россия — 1,1% (табл. 2).

В целом, за прошедшие с момента появления акронима БРИК пятнадцать лет позиции Китая в мировой экономике и, в том числе, относительно других стран БРИКС (с присоединением в 2011 г. к объединению ЮАР) еще сильнее окрепли. К 2015 г. разрыв в показателях ВВП между Китаем и другими странами БРИКС возрос еще сильнее: ВВП Китая в 2,3 раза превысил агрегированный ВВП остальных стран БРИКС. В 2015 г. ВВП

Китай, достигший 10,9 трлн долл., в 8 раз превысил ВВП России, в 5,2 раза — Индии, в 6 раз — Бразилии и в 35 раз — ЮАР¹. С 2010 г. Китай прочно занял позиции второй крупнейшей экономики мира при расчете ВВП в текущих ценах, а с 2014 г. — крупнейшей мировой экономики при расчете ВВП по ППС, обойдя США.

По такому важному показателю, как объем внешнеторгового оборота, Китай также является лидером как среди стран БРИКС, так и среди всех стран мира. Более того, Китай не только имеет крупнейший в мире валовой объем внешнеторгового оборота, но и является ведущим торговым партнером более чем сотни стран мира, включая Россию, Индию, Бразилию и ЮАР. Страны БРИКС, однако, отнюдь не ведущие торговые партнеры Китая. В 2015 г. на четверку стран БРИКС приходилось лишь 6,5% внешнеторгового оборота Китая, тогда как доля Китая во внешнеторговом обороте России в 2015 г. составляла 12,1%, Бразилии — 18,3%, Индии — 10,9%, ЮАР — 13,7%². Китай — крупнейший экспортный рынок для Бразилии и ЮАР, а также крупнейший источник импорта для Бразилии, России, Индии и ЮАР.

Уже в августе 2013 г. создатель акронима БРИК Дж. О'Нил в интервью Wall Street Journal заметил, что если бы он мог изменить эту аббревиатуру, то оставил бы только букву «К», поскольку Китай единственный из пятерки продолжал демонстрировать впечатляющий экономический рост, тогда как экономическое развитие других стран разочаровывало³. Существенное снижение темпов экономического роста стран БРИКС (за исключением Китая, годовой прирост ВВП которого после мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. до сих пор не опускался ниже отметки 6,9%) в период и сразу после мирового финансово-экономического кризиса заставило многих западных экспертов говорить о нежизнеспособности объединения и его скором упадке. На 44-й сессии Всемирного экономического форума, прошедшего в январе 2014 г. в Давосе, одна из дискуссий. в ходе которой обсуждались низкие показатели роста экономик стран БРИКС, составляющих порядка половины от докризисного уровня, носила звучный заголовок «БРИКС: кризис среднего возраста?». В противовес БРИКС стали выдвигаться новые акронимы, представляющие перспективные экономические группы стран: такие, как, например, MINT в составе Мексики, Индонезии, Нигерии и Турции или TISCK, объединяющий Тайвань, Израиль, Китай и Южную Корею⁴.

В последние несколько лет к сложностям, связанным с преодолением последствий кризиса 2008–2009 гг., в трех странах БРИКС прибавились и другие проблемы: в Бразилии и ЮАР разразились политические кризисы, российская экономика оказалась под давлением западных антироссийских санкций, Россия, Бразилия и ЮАР как страны-экспортеры сырьевых ресурсов стали испытывать негативное влияние резкого падения мировых цен на сырьевые ресурсы. На фоне экономических рецессий в Бразилии, России и ЮАР при относительно устойчивом экономическом развитии Китая и быстром экономическом росте Индии, как отмечает бразильский исследователь О. Стюнкель, возникают предпосылки превращения БРИКС в азиатоцентричный блок⁵. Помимо Китая, среди стран БРИКС наибольшие темпы экономического роста демонстрирует Индия. Средние годовые темпы прироста ВВП Индии в 2009–2014 гг. составляли 7,5%. По результатам 2015 г. впервые с начала столетия темпы прироста ВВП Индии превысили аналогичные показатели Китая, достигнув отметки в 7,6% в противовес китайским 6,9%⁶. Как показывают многие экспертные оценки, экономический рост Индии будет продолжаться, в то время как экономическое развитие Китая замедлится. Например, в докладе Всемирного банка о перспективах мировой экономики, опубликованном в июне 2016 г., прогнозируется, что в 2016 г. экономическая рецессия в России и Бразилии достигнет своего пика (темпы прироста ВВП -1,2 и -4,0% соответственно), продолжится замедление темпов экономического роста в ЮАР и Китае (до 0,6 и 6,7% соответственно), и только Индии удастся сохранить высокие темпы экономического роста на уровне 7,6% (табл. 2)⁷.

Таблица 2

**Средние годовые темпы прироста ВВП стран БРИКС в 1991–2015 гг.
и прогноз на 2016–2018 гг., %**

Страны	1991–2000	2009–2014	2015	2016	2017	2018
Китай	10,46	8,7	6,9	6,7	6,5	6,3
Россия	-3,6	1,1	-3,7	-1,2	1,4	1,8
Индия	5,6	7,5	7,6	7,6	7,7	7,7
Бразилия	2,59	2,7	-3,8	-4,0	-0,2	0,8
ЮАР	1,84	1,8	1,3	0,6	1,1	2,0

Источник: рассчитано и составлено по данным Всемирного банка // World Bank.

URL: <http://data.worldbank.org/>; Global economic prospects. June 2016.

URL: <http://www.worldbank.org/en/publication/global-economic-prospects#data>

Такие тенденции между тем отнюдь не свидетельствуют о переходе экономического лидерства в рамках БРИКС от Китая к Индии в обозримом будущем. По большинству репрезентативных экономических показателей Китай существенно превосходит Индию. Например, масштабы китайской экономики несопоставимо крупнее: соотношение ВВП Китая и Индии составляет 10,9 трлн долл. к 2,1 трлн долл. ВВП на душу населения в Индии очень низкий и растет крайне медленно: в 2011–2015 гг. он возрос только лишь на 126 долл. — с 1456 до 1582 долл., в то время как в Китае он увеличился на 2351 долл. — с 5574 до 7925 долл.⁸ В 2011–2012 гг. 269,3 млн человек, или 21,9% населения Индии жило за чертой бедности⁹.

Роль Китая в общемировых финансово-экономических процессах

Высокие экономические показатели Китая (в первую очередь, размеры экономики и внешнеторгового оборота) вкупе с продуманной государственной политикой китайского руководства, преследующего цель вывести государство на один уровень с ведущими мировым экономическими державами, позволили Китаю занять особое место в мировой финансово-экономической системе.

В частности, среди стран БРИКС Китай оказался единственным, достигшим заметных результатов в деле интернационализации своей национальной валюты. Приступив к расширению международного использования своей национальной валюты значительно позднее (только в 2008 г.), чем, например, Россия, Китай в весьма сжатые сроки смог существенно расширить масштабы международного хождения юаня. За прошедшие с 2008 г. восемь лет удельный вес расчетов в юанях во внешнеторговых операциях и инвестициях Китая за рубежом существенно увеличился. С июля 2009 г., когда начались международные торговые расчеты в юанях, и по конец 2013 г. общий объем международных торговых расчетов в юанях достиг 10,6 трлн юаней (или 1,7 трлн долл.), из которых 5,16 трлн юаней пришлось только на 2013 г. (прирост на 61% по сравнению с 2012 г.)¹⁰. В 2014 г. доля операций в юанях во внешней торговле Китая составила 24,76%, а в инвестициях за рубежом — 17,8%. При этом валовой объем внешнеторговых расчетов в юанях достиг 6,55 трлн юаней, что составило 2,96% мировой торговли¹¹. Юань стал использоваться также при осуществлении денежных переводов, перечислении дивидендов и пр. Ныне 189 стран мира используют юань во внешнеторговых операциях с Китаем. Расширяется и спектр центральных банков стран мира, которые включают юань в свои официальные резервы. К 2015 г. юань стал частью валютных резервов более 47 центральных банков или органов денежно-кредитного регулирования зарубежных стран¹².

В целях интернационализации юаня Китай заключает межправительственные соглашения об использовании или расширении использования национальных валют во взаиморасчетах и кредитовании со своими внешнеторговыми партнерами (такие согла-

шения были подписаны и со странами БРИКС). Центральный банк Китая активен в подписании с центральными банками зарубежных стран своп-соглашений¹³, которые рассматриваются как путь укрепления национальной валюты. С 2008 г. Народный банк Китая создал своп-линии с более чем 30 центральными банками стран мира (включая Россию, Бразилию и ЮАР)¹⁴.

В целях интернационализации юаня (и не только) в октябре 2015 г. Китаем была также запущена собственная международная межбанковская система передачи данных и совершения платежей The China International Payments System (CIPS), представляющая собой аналог SWIFT¹⁵. Ее запуск призван расширить масштабы использования юаня по всему миру за счет сокращения операционных издержек и времени обработки платежей.

Благодаря целенаправленной политике китайского правительства по интернационализации юаня, роль китайской национальной валюты в мировой валютно-финансовой системе неуклонно возрастает. По состоянию на май 2016 г. юань вошел в шестерку мировых валют, наиболее часто используемых в международных расчетах, наряду с долларом США, евро, фунтом стерлингов, японской иеной и канадским долларом. По результатам отдельных месяцев в 2015 г. юань занимал 5-ю и даже 4-ю позиции, впервые обойдя японскую иену и канадский доллар в августе 2015 г. Между тем еще в январе 2012 г. юань находился на 20-ом месте в списке наиболее часто используемых валют (рубль тогда занимал 14-е место)¹⁶. В период с января 2012 г. по август 2015 г. доля международных платежей с использованием юаня увеличилась с 0,25 до 2,79% (хотя к маю 2016 г. она снизилась до 1,9%)¹⁷.

Во многом знаковым стало принятое 30 ноября 2015 г. Исполнительным советом МВФ решение о включении китайской национальной валюты в корзину резервных валют МВФ. С 1 октября 2016 г. китайская национальная валюта — юань — будет относиться к категории свободно используемых валют и будет включена в корзину СПЗ (специальных прав заимствования) в качестве пятой валюты наряду с долларом США, евро, японской иеной и фунтом стерлингов. С 1 октября 2016 г. обновленная формула корзины валют СПЗ будет выглядеть следующим образом: доллар США — 41,73%; евро — 30,93%; китайский юань — 10,92%; японская иена — 8,33% и фунт стерлингов — 8,09%. Примечательно, что пятью годами ранее, в 2010 г., когда рассматривался вопрос пересмотра системы специальных прав заимствования, запрос Пекина о включении юаня в корзину резервных валют МВФ был решительно отклонен.

Наряду с расширением международного использования юаня, весьма успешной стала и такая инициатива Пекина, как создание национальной платежной системы и ее интернационализация. Учрежденная в марте 2002 г. по инициативе Госсовета и Национального банка Китая, UnionPay быстро получила распространение как в самом Китае, став основной платежной системой в стране, так и за его пределами. По состоянию на июль 2016 г., карты этой платежной системы принимаются в 160 странах мира и выпускаются в более чем 40 странах¹⁸. Сейчас UnionPay входит в тройку крупнейших мировых платежных систем, располагаясь в одном ряду с такими ведущими мировыми платежными системами, как Visa и MasterCard: UnionPay является крупнейшей в мире платежной системой по числу выпущенных карт и карт в обращении (в 2015 г. 53% карт в обращении приходилось на UnionPay, 28,9% — на Visa и 15,3% — на MasterCard¹⁹), она занимает 2-е место по совокупному объему транзакций после Visa. За исключением Китая, ни одна из национальных платежных систем стран БРИКС (ELO, Hipercard и Agrocard — в Бразилии, RuPay — в Индии, «Мир» — в России) не только не вышла на международный уровень, но и не стала основной в соответствующих странах.

Достижения Китая в валютно-финансовой сфере отнюдь не ограничиваются расширением масштаба использования юаня и китайской платежной системы UnionPay в международных расчетах. В последние несколько лет Пекин весьма активен и, что важно, успешен в создании новых крупных международных финансовых институтов, спо-

собных в перспективе занять важное место как в региональных, так и мировых экономических процессах. Так, Китай не только совместно с другими странами БРИКС учредил Новый банк развития, но и инициировал создание такого крупного финансового учреждения, как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) с уставным капиталом 100 млрд долл. Среди 57 присоединившихся к Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций государств Китай стал крупнейшим акционером Банка с 30,34% акционерного капитала. В отличие от других многосторонних банков развития, где Китай обладает незначительной долей голосов и не является крупнейшим по размеру доли голосов членом (во Всемирном банке — только лишь 4,64% голосов, а в Азиатском банке развития — 5,459%²⁰) или наделен паритетной с другими странами-учредителями долей голосов (как в случае с Новым банком развития БРИКС), в Азиатском банке инфраструктурных инвестиций Китай имеет наибольшую долю голосов (в размере 26,06%), что наделяет его привилегированным статусом в процессе принятия решений. Индия и Россия, занимающие вторую и третью позиции в списке стран с крупнейшей долей голосов в АБИИ, обладают 7,5 и 5,92% голосов соответственно.

В течение нескольких лет ведутся переговоры по поводу выдвинутой в 2010 г. Китаем инициативы создания Банка развития ШОС. Принципиальное отличие Банка развития ШОС от Нового банка развития БРИКС состоит в том, что, согласно твердой позиции Пекина, долевое участие в нем предполагается привязать к размеру ВВП каждой из стран-участниц, в то время как в Новом банке развития БРИКС зафиксировано паритетное участие. В случае реализации данной инициативы будет создан уже второй крупный финансовый институт (в дополнение к АБИИ), где за Китаем будет закреплена особая роль в процессе принятия решений.

Более того, в одностороннем порядке Китай учредил Фонд Шелкового пути с уставным капиталом 40 млрд долл., равно как и другие финансовые институты меньшего масштаба с капиталом в 5 млрд долл. каждый: Китайско-африканский фонд развития, Китайско-латиноамериканский фонд сотрудничества, Фонд экономического сотрудничества Китай — Евразия.

В целом, в выдвижении экономических инициатив для современного Китая характерна масштабность, с которой едва ли могут соперничать другие страны БРИКС. Достаточно перечислить такие крупные китайские проекты, как «Один пояс, один путь» и шесть экономических коридоров: Китай — Пакистан (с договорной суммой инвестиций более 30 млрд долл.), Бангладеш — Китай — Индия — Мьянма, Китай — Индонезия, Китай — Монголия — Россия, Новый евразийский континентальный мост, Китай — Центральная Азия — Западная Азия. На март 2016 г. более 70 стран и международных организаций обозначили желание присоединиться к инициативе «Один пояс, один путь», и свыше 30 стран подписали с Китаем соглашения о сотрудничестве для ее осуществления²¹.

БРИКС, Китай и изменение существующего экономического миропорядка

Как свидетельствуют выдвигаемые и реализуемые Китаем в последние годы инициативы в валютно-финансовой сфере, заинтересованность Пекина в изменении существующего экономического миропорядка, как не в полной мере учитывающего интересы Китая и сдерживающего его дальнейшее экономическое развитие, весьма велика. Аккумулировав значительную экономическую мощь и достигнув показателей ВВП, уступающих только американским, Пекин рассчитывает на расширение своей роли в процессе выработки и принятия глобальных экономических решений до уровня ведущих западных стран. Однако вопреки протекающим с начала XXI века изменениям в соотношении экономической мощи между развивающимися (и, в первую очередь, Китаем) и

развитыми западными странами, ключевые институты и механизмы управления мировой экономикой по-прежнему контролируются развитыми западными странами, не стремящимися отказываться от соответствующих привилегий.

В реализации цели изменения существующего экономического миропорядка важная роль Пекином отводится объединению БРИКС. По существу, заинтересованность в реформировании мировой валютно-финансовой системы и системы глобального экономического управления стала тем связующим звеном, которое изначально объединило пять таких непохожих друг на друга развивающихся стран. На фоне разразившегося в 2008 г. мирового финансово-экономического кризиса страны БРИКС объединили усилия и в ходе саммитов G20 консолидированно выступили с адресованными развитым западным странам требованиями о перераспределении квот и права голоса в пользу развивающихся стран во Всемирном банке и МВФ, а также об открытии доступа их представителям к управленческим постам в этих финансовых институтах. Страны объединения апеллировали к тому, что произошедшее в мировой экономике перераспределение экономической мощи между развитыми и развивающимися государствами должно повлечь соответствующие изменения в международной финансово-экономической архитектуре и, в частности, быть отражено в распределении квот и прав голоса в ключевых финансовых институтах.

Концентрированные усилия и согласованность действий стран БРИКС в этом направлении дали определенные результаты. Договоренности о перераспределении национальных квот и прав голоса с ведущими развитыми экономиками мира были достигнуты на саммите G20 в Питтсбурге, и в апреле 2010 г. Всемирный банк принял беспрецедентное по масштабу изменений решение о реформировании системы представительства. Предполагалось, в частности, увеличить долю голосов развивающихся государств за счет развитых на 3,13 проц. пункта — с 44,06 до 47,19% (в дополнение к согласованному еще на первой фазе в 2008 г. повышению на 1,46 проц. пункта). Наибольшее увеличение доли голосов предусматривалось для Китая (с 2,77 до 4,42%), который должен был переместиться с 6-й позиции на 3-ю в списке крупнейших по величине доли голосов стран: на 1,65%. Доля Бразилии повышалась на 0,18 проц. пункта. Индии — на 0,14 проц. пункта, доля России не менялась, а ЮАР — даже сокращалась на 0,88 проц. пункта. Одновременно сократилась доля крупнейших акционеров Всемирного банка на момент второй фазы его реформирования (2010 г.) — Японии, Франции, Великобритании и Германии. В результате реформы в десятку стран-лидеров по величине доли голосов во Всемирном банке должны были войти США (15,85%), Япония (6,84), Китай (4,42), Германия (4,0), Великобритания (3,75), Франция (3,75), Индия (2,91), Россия (2,77), Саудовская Аравия (2,77) и Италия (2,64)²². После вступивших в силу изменений к июлю 2016 г. изменения в распределении голосов для стран БРИКС выглядели следующим образом: доля Китая увеличилась на 1,87, Индии — на 0,28, России — на 0,14 проц. пунктов, в то время как доли Бразилии и ЮАР сократились на 0,22 и 0,06% проц. Пунктов соответственно (табл. 3). Таким образом, наибольший прирост доли голосов пришелся на Китай как страну, экономическая мощь которой в последние полтора десятилетия увеличилась в наибольшей степени (табл. 1).

В ответ на растущее давление со стороны развивающихся стран МВФ также пошел на пересмотр системы управления и квот. В декабре 2010 г. был утвержден пакет реформ МВФ (так называемый 14-й пересмотр квот), предусматривавший беспрецедентное 100-процентное увеличение совокупных квот (с приблизительно 238,5 млрд СПЗ или 329,83 млрд долл. до приблизительно 477 млрд СПЗ, или 659,67 млрд долл.) и существенное перебалансирование долей квот, включающее их увеличение для динамично развивающихся стран с формирующимися рынками и развивающихся государств на 6 проц. пунктов. За исключением ЮАР, квота которой должна была быть снижена, квоты стран БРИКС предполагалось увеличить: Китая — с 4,0 до 6,4% (а долю голосов Китая увели-

чить с 3,8 до 6,1%); Индии — с 2,4 до 2,8% (с 2,3 до 2,6%); России — с 2,5 до 2,7% (с 2,4 до 2,6%); Бразилии — с 1,8 до 2,3% (с 1,7 до 2,2%)²³.

Таблица 3

Позиции стран БРИКС во Всемирном банке в 2010 и 2016 гг.

Страны	Доля в общем количестве голосов, %		
	До реформы 2010 г.	После реформы, на 1 июля 2016 г.	Изменения
Китай	2,77	4,64	+1,87
Россия	2,77	2,91	+0,14
Индия	2,77	3,05	+0,28
Бразилия	2,06	1,84	-0,22
ЮАР	0,84	0,78	-0,06

Источник: IBRD 2010 voting power realignment. URL: <http://siteresources.worldbank.org/NEWS/Resources/IBRD2010VotingPowerRealignmentFINAL.pdf>; IBRD Subscriptions and voting power of member countries. URL: <http://siteresources.worldbank.org/BODINT/Resources/278027-1215524804501/IBRDCountryVotingTable.pdf>

С вступлением в силу в конце января 2016 г. решения об изменении квот 2010 г. Китай, Индия, Россия и Бразилия вошли в десятку крупнейших акционеров МВФ, повысив свои позиции в списке крупнейших по размеру квот стран: Китай переместился с 6-го на 3-е место, Индия — с 11-го на 8-е, Россия — с 10-го на 9-е и Бразилия — с 14-го на 10-е. Как и в случае с реформами во Всемирном банке, наибольшие изменения в распределении квот и прав голоса пришлось на Китай (табл. 4).

Таблица 4

Позиции стран БРИКС в МВФ в 2010 и 2016 г.

Страны	Квота в капитале МВФ, %			Доля в общем количестве голосов, %		
	До реформы 2010 г.	После реформы, на июнь 2016 г.	Изменения	До реформы 2010 г.	После реформы, на июнь 2016 г.	Изменения
Китай	4,00	6,44	+2,44	3,81	6,12	+2,31
Россия	2,50	2,73	+0,23	2,39	2,61	+0,22
Индия	2,44	2,77	+0,33	2,34	2,65	+0,31
Бразилия	1,78	2,33	+0,55	1,72	2,23	+0,51
ЮАР	0,78	0,64	-0,14	0,77	0,64	-0,13

Источник: составлено по данным МВФ // IMF. URL: <http://www.imf.org/>

Серьезным изменением в функционировании МВФ также стало решение Исполнительного совета организации о включении китайской национальной валюты в корзину резервных валют МВФ. Идея включения валют стран БРИКС в корзину специальных прав заимствования МВФ озвучивалась еще в январе 2011 г. тогдашним президентом РФ Д.А. Медведевым на открытии Всемирного экономического форума в Давосе²⁴. Однако именно китайский юань был удостоен такого высокого статуса.

Помимо стимулирования реформирования ведущих финансовых институтов, усилия БРИКС, направленные на изменение существующего экономического миропорядка, включают создание собственной структуры финансовых организаций, свободных от доминирования западных стран, а также снижение зависимости от американского доллара при осуществлении международных операций. Так, с июля 2016 г. начали функциони-

ровать Новый банк развития и Пул условных валютных резервов БРИКС с совокупным объемом ресурсов в 200 млрд долл. А во взаиморасчетах между странами БРИКС был взят курс на использование национальных валют и снижение масштабов использования американского доллара.

В целом, вплоть до настоящего момента БРИКС удавалось достаточно методично и успешно следовать заявленному курсу на стимулирование изменений в валютно-финансовой системе и добиваться поставленных целей. Однако ключевым моментом представляется то, что главным бенефициаром от реформирования международной валютно-финансовой системы становятся не все страны БРИКС, а именно Китай как страна, обладающая наибольшими масштабами экономики и вовлеченности в мирохозяйственные связи. Именно на Китай пришлось наибольшее увеличение квот и прав голоса в МВФ и Всемирном банке после вступления в силу соответствующих решений 2010 г., именно китайская национальная валюта была включена в корзину СПЗ МВФ. И в перспективе дальнейшие изменения в ведущих финансовых институтах, в случае их принятия, также будут в определяющей степени соответствовать китайским интересам, поскольку основным принципом реформирования выступает соотнесение системы управления и представительства финансовых институтов с меняющимся весом развивающихся стран в мировой экономике. А экономический вес Китая, даже в условиях замедления темпов его экономического роста, будет оставаться значительнее, чем у других стран БРИКС.

Более того, предпринимаемые БРИКС меры по изменению валютно-финансовой системы и снижению экономической зависимости от стран Запада, включающие создание Нового банка развития и расширение использования национальных валют во взаимных расчетах, также в большей степени отвечают интересам Китая. Ведь заявленное расширение национальных валют во взаимных расчетах по существу представляет собой расширение использования китайской национальной валюты, и в широком смысле способствует интернационализации юаня. Создание же Нового банка развития также отвечает интересам Китая как способствующее институционализации предоставляемой Китаем помощи странам мира. Неудивительно, что упор в предоставлении помощи Новый банк развития делает именно на финансировании инфраструктурных проектов, в реализации которых по всему миру так преуспел Китай.

Таким образом, для Китая БРИКС стал чрезвычайно эффективной площадкой для получения консолидированной поддержки со стороны ведущих развивающихся стран в деле повышения своей роли в валютно-финансовой системе и процессе принятия решений в сфере управления мировой экономикой.

1. Рассчитано по данным Всемирного банка // World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/>
2. International Trade in Goods based on UN Comtrade data. URL: <http://comtrade.un.org/>
3. *Magalhaes L.* China Only BRIC Country Currently Worthy of the Title — O'Neill // The Wall Street Journal. 23.08.2013. URL: <http://blogs.wsj.com/moneybeat/2013/08/23/china-only-bric-country-currently-worthy-of-the-title-oneill/>
4. *Johnson St.* The Brics are dead. Long live the Ticks // The Financial Times. 28.01.2016. URL: <http://www.ft.com/cms/s/2/b1756028-c355-11e5-808f-8231cd71622e.html#axzz4DSfEwH1v>.
5. *Stuenkel O.* In Goa, 8th BRICS Summit will focus on consolidating the grouping. 23.03.2016. URL: <http://www.postwesternworld.com/2016/03/23/summit-consolidating-grouping/>; *Stuenkel O.* The BRICS grouping is becoming more Asia-centric. 11.12.2015. URL: <http://www.postwesternworld.com/2015/12/11/grouping-becoming-centric/>
6. India outpaces China in 2015 economic growth // BBC News. 8.02.2016. URL: <http://www.bbc.com/news/business-35519671>.
7. Global economic prospects. June 2016. URL: <http://www.worldbank.org/en/publication/global-economic-prospects#data>.

8. World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD/countries>.
9. Press Note on Poverty Estimates, 2011–12. 2013. P. 3. URL: http://planningcommission.gov.in/news/pre_pov2307.pdf.
10. Андреев В. П. Интернационализация китайского юаня — на пути к мировой валюте // Деньги и кредит. 2014. № 7. С. 51.
11. Цыпляков С. Девальвация юаня: причины и последствия // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 5. С. 28.
12. People's Bank of China's Annual report 2014. P. 69. URL: http://www.pbc.gov.cn/eportal/fileDir/image_public/UserFiles/english/upload/File/%E4%BA%BA%E6%B0%91%E9%93%B6%E8%A1%8C2014%E8%8B%B1%E6%96%87%E5%B9%B4%E6%8A%A56.15%EF%BC%88%E5%AE%9A%E7%A8%BF%EF%BC%89.pdf.
13. Валютный своп между Центральными банками — это инструмент, открывающий возможность каждой из сторон получить доступ к ликвидности в валюте другой страны, минуя необходимость ее приобретения на валютных рынках.
14. Zhu Yihong. Swap Agreements & China's RMB Currency Network. 22.05.2015. URL: <http://cogitasia.com/swap-agreements-chinas-rmb-currency-network/>
15. Система SWIFT была основана в 1973 г., ее соучредителями выступили 239 банков из 15 стран, базируется в Брюсселе. Компания регулируется законами Бельгии, вследствие чего обязана следовать решениям Европейского союза (ЕС). См.: Центробанк России предлагает обсудить идею создания аналога SWIFT в рамках БРИКС // Ведомости. 29.05.2015. URL: <http://www.vedomosti.ru/finance/news/2015/05/29/594387-tsentr-obnak-rossii-predlagaet-obsudit-ideyu-sozdaniya-analoga-swift-v-ramkah-briks>.
16. RMB Tracker April 2013. URL: <https://www.swift.com/our-solutions/compliance-and-shared-services/business-intelligence/renminbi/rmb-tracker/document-centre#topic-tabs-menu>.
17. RMB Tracker April 2013, April 2016. URL: <https://www.swift.com/our-solutions/compliance-and-shared-services/business-intelligence/renminbi/rmb-tracker/document-centre#topic-tabs-menu>.
18. URL: <http://www.unionpayintl.com/en/enaboutUpi/encompanyProfile/index.shtml>.
19. Payment cards numbers world-wide up 8.2% in 2015 whilst usage grew 16%. 13.05.2016. URL: <https://ctmfile.com/story/payment-cards-numbers-world-wide-up-8.2-in-2015-whilst-usage-grew-16>.
20. World Bank. URL: <http://siteresources.worldbank.org/BODINT/Resources/278027-1215524804501/IBRDCountryVotingTable.pdf>; <http://www.adb.org/sites/default/files/institutional-document/182852/oi-appendix1.pdf>.
21. Обзор: китайская инициатива «Пояс и путь» создает шансы для всего мира // Жэньминь жибао он-лайн. 16.03.2016. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/0316/c31521-9030653.html>.
22. IBRD 2010 voting power realignment. URL: <http://siteresources.worldbank.org/NEWS/Resources/IBRD2010VotingPowerRealignmentFINAL.pdf>.
23. IMF. Illustration of proposed quota and voting shares — by member 1. URL: http://www.imf.org/external/np/sec/pr/2010/pdfs/pr10418_table.pdf.
24. Президент России выступил на открытии Всемирного экономического форума. 26.01.2011. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/10163>.

Китай в Арктике: цели и риски для российско-китайских отношений

© 2016

Ю.В. Морозов

В статье рассматриваются рост значения Арктики для национальных интересов Китая в XXI в. и связанные с этим риски для российско-китайских отношений. Выделены ключевые моменты, касающиеся целей и стратегии КНР в этом регионе. Предлагаются возможные шаги России по укреплению ее позиций в Арктике при помощи Китая.

Ключевые слова: Арктический совет, приарктические государства, Китай, Россия, российско-китайские отношения, Северный морской путь, экономическая зона, милитаризация.

Значение Арктики в условиях глобализации

Характерной чертой XXI века является усиление международной конкуренции за доступ к энергоресурсам, обеспеченность которыми определяет состояние современной экономики ведущих государств мира, в число которых входит и Китай. В обозримом будущем такая зависимость сохранится, несмотря на активное развитие альтернативных источников энергии. При этом разведанные запасы разрабатываемых месторождений нефти близятся к истощению.

В этих условиях Арктика, как кладовая значительных запасов углеводородов, а также область прохождения потенциально удобных трансконтинентальных морских и воздушных маршрутов, стала привлекать к себе внимание Китая и иных развитых стран и их международных объединений. Уже сегодня добыча полезных ископаемых в ряде ее районов становится все более рентабельной, а потому растет число акторов, намеренных активно осваивать арктический регион. Это влечет столкновения их интересов, что подтверждают как обострение споров по поводу границ экономических зон между приарктическими государствами, так и желание не относящихся к ним стран, включая и Китайскую Народную Республику, получить свои права на использование арктических недр.

В соответствии с географическим расположением приарктическими государствами являются Россия, Канада, Соединенные Штаты Америки, Норвегия и Дания. На этот статус претендуют также Финляндия, Швеция и Исландия. Согласно Конвенции ООН по морскому праву (1982 г.) этим странам в Арктике принадлежат исключительные экономические зоны (шириной до 200 миль) и континентальный шельф (до 350 миль), в пределах которых они обладают суверенным правом на разработку недр.

Однако, с правовой точки зрения, этот регион пока остается, по сути «ничьейной землей». На международном уровне до сих пор не решен вопрос о способах «дележа»

Арктики, его юридических основах и о том, кто имеет право делить — лишь соседние с Арктикой страны или же она должна стать достоянием всего человечества. Поэтому для решения проблем разграничения арктического шельфа и для определения принадлежности участков шельфа, выходящих за эти пределы, в рамках Конвенции по морскому праву была создана Комиссия ООН по границам континентального шельфа. Государство, сумевшее доказать этой комиссии, что его континентальный шельф простирается за границу автоматической принадлежащей ему полосы прибрежных вод шириной в 200 морских миль, будет обладать правами на всю нефть, газ и минеральные ресурсы данного шельфа. Наиболее верный способ убедить Комиссию ООН в своем праве на шельф Арктики — представить исследование, полученное экспериментальным путем. Например, результаты обследования этих территорий с помощью эхолотов.

Вместе с тем еще в 1909 г., задолго до основания ООН, Канада распространила свою юрисдикцию на сектор Арктики, ограниченный меридианами от точек выхода ее сухопутной границы к Северному Ледовитому океану до их схождения на полюсе. Ее поддержала Россия, принявшая в 1916 г. аналогичный закон. И хотя другие приарктические государства подобного законодательного оформления своих владений в Арктике не приняли, но и возражений Канаде и России не высказали. Поэтому принцип секторального деления этого региона является признанной реальностью, и только в последнее время зазвучали призывы к его пересмотру. Причиной тому стало обнаружение в Арктике широкой номенклатуры полезных ископаемых, запасы ряда которых к тому же имеют достаточные для промышленного освоения объемы.

Так, по оценкам Геологической службы США, в зоне Северного Ледовитого океана находится до 20% мировых запасов углеводородов, причем потенциальные запасы нефти составляют 90 млрд барр., газа — 47,3 трлн куб. м, газового конденсата — 44 млрд барр.¹ Наиболее значительные газовые месторождения лежат у берегов Аляски и Сибири². РФ, которой принадлежит половина побережья Ледовитого океана, претендует на большую долю ресурсов региона. Около 80% запасов нефти и 90% запасов газа и угля России залегают в ее Арктическом секторе. Одно только Штокмановское месторождение содержит 3800 млрд куб. м газа — эквивалент объема газопотребления Франции на протяжении 80 лет.

В северных широтах также открыты значительные залежи различных руд, включая редкоземельные металлы. Кроме того, там сконцентрированы крупнейшие биоресурсы, включающие более 150 видов рыб, некоторые из которых играют ведущую роль в мировом рыбном промысле³.

Этот регион также играет особую роль в глобальных метеорологических и гидрологических процессах, которые определяют климат на Земле. Он влияет на перемещение воздушных масс в атмосфере и на циркуляцию воды в Мировом океане, определяющих погоду во всем северном полушарии.

Арктика имеет и важное военно-стратегическое значение. Здесь находятся удобные позиции для запуска баллистических ракет и размещения систем противоракетной обороны, других элементов систем стратегического сдерживания, что важно для национальной безопасности. Благодаря тому, что в условиях глобального потепления площадь льдов неуклонно сокращается, военно-морские силы получают возможность действовать в Арктике на протяжении значительной части года.

В условиях глобализации для транснациональных корпораций весьма важно и то, что через Арктику проходят кратчайшие морские и воздушные маршруты, соединяющие Северную Америку и Евразию. И по мере таяния льдов морской путь через арктические широты позволит сократить на 40% протяженность маршрутов между Европой и

Дальним Востоком. Так, расстояние от Петербурга до Владивостока по Северному морскому пути — 14,8 тыс. км, а вокруг мыса Доброй Надежды — 29,4 тыс. км.

Правда, использование этих путей пока сдерживают серьезные сложности плавания и полетов в высоких широтах, а также слабая транспортная инфраструктура региона. Из-за таяния полярных льдов может возрасти опасность, которую представляют дрейфующие льды, что потребует крупных инвестиций в безопасность судоходства. Не избежать и необходимого для плавания на севере дооборудования транспортных судов (укрепления корпусов в районе ватерлинии, установки защиты винторулевой группы от повреждений во льдах, монтажа систем обогрева служебных, жилых и грузовых помещений и т. п.). Все это значительно снижает скорость перехода судов (дооборудование судна снижает его скорость на 10–15%, плавающие льды — в 2 раза, караванная проводка — в 3 раза), что сводит на нет выигрыш в расстоянии данного маршрута в сравнении с альтернативными южными⁴.

На широкое освоение природных ресурсов Арктики накладывают ограничения ее экстремальные климатические условия, прежде всего, низкий температурный фон, мощный постоянный и сезонный ледовый покров в акваториях, вечная мерзлота на суше, полярные ночи.

Другим ограничением является высокая уязвимость экосистемы Арктики, вызванная крайним дефицитом солнечного тепла. Прогнозируемое смягчение климата на планете также не вполне однозначно, о чем свидетельствует факт случившихся там несколько лет назад сильных и рано наступивших холодов, что тогда не позволило даже привычной к этому России выполнить в необходимом объеме план «северного завоза» в пункты Заполярья.

И все же, несмотря на указанные ограничения, стратегическое значение Арктики в условиях глобализации XXI в. неуклонно растет. Вследствие глобальных изменений мировой политики экономическая и военно-стратегическая роль Севера существенно повысилась. Арктика становится «лакомым пирогом» для ведущих государств мира и их союзов и полигоном территориальной, ресурсной и военно-политической игры. Попытки инициировать вопрос о пересмотре принципов и действующих международных норм, определяющих порядок разграничения арктических владений между государствами, содержат серьезный конфликтный потенциал. За правообладание арктической зоной обостряются политические и юридические споры, которые тесно сплетены с экономическими. И государству, которое в этом регионе будет сильнее в военной области, легче будет доказать свое «право на Арктику» и заниматься там добычей полезных ископаемых.

Цели и стратегия Китая по освоению Арктического региона

Среди государств, не относящихся к приарктическим, наиболее активно ведет себя Китай. Интересы и цели КНР в Арктике тайной ни для кого не являются. Не случайно такое авторитетное в мире учреждение, как Стокгольмский институт исследования проблем мира опубликовал целевое исследование «Китай готовится к Арктике, свободной ото льда». Однако, как таковой, официальной арктической стратегии (по аналогу со стратегиями приарктических государств) у Китая нет. Пекин в настоящее время делает упор на «научную дипломатию» (накопление информационной базы об Арктике) и осмотрительную работу в Арктическом совете как основу долгосрочной дипломатии⁵.

В северных широтах Пекину приходится действовать осторожно, поскольку мало кто из приарктических стран заинтересован в том, чтобы одно из крупнейших государств мира получило доступ к арктическим ресурсам. А для Китая принципиально важно показать, что он является великой державой и поэтому должен доказывать свой статус

на деле, в том числе и в Арктике. В мае 2013 г. на 8-ой сессии Арктического совета (АС)⁶ Китайская Народная Республика получила статус наблюдателя этой организации. Повышенный интерес руководства КНР к Арктике и стремление Пекина активно участвовать в деятельности АС объясняется растущей стратегической важностью этого региона.

Пекин уже давно стремится стать постоянным участником деятельности за Полярным кругом. Так, в 1980-е годы китайский инвестор пытался купить за 100 млн долл. участок в 300 кв. км (почти 1/4 площади Гонконга) на северо-востоке Исландии под предлогом создания там «экологического парка». Имея такую территорию за Полярным кругом, Китай получил бы основание не ограничиваться статусом наблюдателя в Арктическом совете, а добиваться постоянного членства в АС. Однако в то время власти Исландии на подобный шаг не пошли. Примечательно и то, что газета «Жэньминь жибао» еще до открытия 8-ой сессии АС опубликовала сообщение, что якобы Россия, Канада, Норвегия и несколько других государств-членов совета уже поддержали заявку Китая на право стать постоянным наблюдателем в этой международной организации, что не соответствовало действительности.

Современная стратегия Пекина по освоению Арктики в нынешнем статусе КНР в АС включает несколько основных направлений.

Проведение широкомасштабных научных исследований Арктики. О серьезности намерений Китая в этой области говорит тот факт, что за проведение научных программ в Арктике отвечает специальное управление по Арктике и Антарктике (Chinese Arctic and Antarctic Administration), организационно подчиняющееся Государственному океанологическому управлению и в последнее время заметно увеличившее штат своих сотрудников (до 230 человек). Основными направлениями китайских исследований служат изучение льдообразования, полярная океанография, исследования биоресурсов, метеонаблюдения, изменение окружающей среды на Северном полюсе и т. д. Эти исследования проводятся с целью учета глобальных изменений климата в интересах развития экономики КНР. Для этого в 2015 г. Пекин отправил на Северный полюс две научные экспедиции. Ранее китайские ученые уже побывали здесь (1999, 2003, 2008 и 2010 г.). Кроме того, с начала 1980-х годов в норвежской зоне архипелага Шпицберген постоянно работает китайская научная станция «Хуанхэ». Здесь КНР демонстрировал свою новейшую технику, включая оборудование для особых глубоководных роботов.

Активное использование Северного морского пути. Интерес Китая к Севморпути закономерен: это кратчайший водный маршрут между Европой и Дальним Востоком. Он почти на 4,5 тыс. км короче пути через Суэцкий канал. Изменившиеся климатические условия позволяют проводить по нему суда с июля по конец ноября. Маршрут этот не только короче, но и безопаснее: здесь нет пиратов, как у берегов Сомали и в Малаккском проливе. Поэтому плавание вдоль северных берегов России привлекает зарубежные транспортные фирмы все сильнее. Если в 2010 г. по СМП прошли всего 4 судна, то в 2011 г. их было уже 34, а в 2012 — 46. В 2013–2015 гг. российские власти выдали разрешения на совершение по СМП более 400 рейсов в год⁷.

Транзит по СМП имеет важное значение для Китая, ибо летняя проводка судов по канадским и российским путям в Северном Ледовитом океане становится все более рентабельной. Так, в 2013 г. по Северному морскому пути до Роттердама прошел китайский сухогруз Yong Sheng на 2 недели быстрее, чем продолжалось бы плавание по обычному маршруту через Индийский океан и Суэцкий канал. Разрешение на проход также получили китайские суда Da Cai Yun, Hong Xing. Есть разрешение на плавание по СМП судна Nordic Bothnia, ходящего под флагом Гонконга. В перспективе следует ожидать роста числа таких разрешений для судов КНР. По оценке китайских экспертов, только на

одном «северном» рейсе простого контейнеровоза или сухогруза можно сэкономить до полумиллиона долларов. Согласно ряду прогнозов китайских ученых, к 2030 г. весь Северный Ледовитый океан может очиститься от ледяного покрова. А это открывает горизонты для новых, более коротких, безопасных, дешевых маршрутов судоходства. Для Пекина этот вопрос крайне важен с учетом того, что экспорт китайской продукции на 46% зависит от международного судоходства. Освобожденная ото льда Арктика способна не только увеличить китайский грузопоток по морю, но коренным образом изменить всю мировую торговлю.

В связи с этим обстоятельством нельзя исключать, что в будущем, по мере усиления КНР и продолжающейся стагнации экономики России, Пекин может потребовать предоставления Северному проходу статуса нейтральных вод. Не случайно представитель Дальнянского морского университета Ли Чжэнфу считает, что получивший «контроль над арктическим маршрутом будет контролировать новый путь мировой экономики». А профессор Го Пэйцин из Китайского университета океана называет споры арктических держав за шельф «вызовом» международному праву, в том числе и со стороны России. Им вторит китайский контр-адмирал Инь Чжоу, который еще в 2010 г. заявил: *«Арктика принадлежит всему миру, так что ни у одного народа нет над ней единоличной власти. При этом Китай как страна, где проживает пятая часть населения всего Земного шара, должен непременно принять участие в арктическом освоении»*⁸.

Перспективу освоения Арктики в интересах своей страны китайские лидеры видят и *в развитии собственного ледокольного флота*. Для этого Пекин интенсифицировал работу по строительству мощных ледоколов, планируя таким образом стать самым крупным производителем морской техники, предназначенной для освоения северных широт. В высоких широтах уже ходит китайский ледокол «Сюзлун» («Снежный дракон»), который КНР приобрела у Украины. В 2014 г. к нему присоединился более мощный ледокол водоизмещением 8 тыс. т, который может преодолевать льды толщиной более полутора метров. Также в Китае принята программа создания сверхмощных ледоколов, в Шанхае перестраивается порт приписки ледокольного флота, возводятся корпуса для центра обработки данных, хранилища и другие объекты.

Китай также начал *освоение арктических богатств на практике*. В частности, китайская корпорация по добыче шельфовой нефти CNOOC в партнерстве с исландской группой Еукоп Енергу приняла участие в тендере на получение лицензии на разведку и добычу углеводородов у северного побережья Исландии. А китайская корпорация CNPC приобрела 20% долю в проекте «Ямал СПГ».

Этот проект предусматривает строительство завода, на котором природный газ Южно-Тамбейского месторождения будет сжижаться и закачиваться в крупнотоннажные СПГ-танкеры. Мощность завода — примерно 16,5 млн т сжиженного газа в год. Параллельно здесь будет создаваться морской порт, а в районе поселка Сабетта на Обской губе построен аэропорт. Капитальные затраты на реализацию проекта составляют более 20 млрд долл. Он финансируется консорциумом, в который в том числе вошли Банковская корпорация развития Китая, Промышленный и коммерческий банк Китая, Банк Китая и Китайский строительный банк.

Таким образом, не обладая значительными запасами полезных ископаемых, Китай стремится обеспечить себе с помощью своей значительной финансовой базы доступ к их разработке в Арктике. В связи с этим небезынтересен комментарий российского эксперта А. Инджиева, которой объясняет такое поведение Китая: *«Они не хотят быть отрезанными от доступа к Арктике, активно продвигая мысль о том, что у России, контролирующей существенную часть региональных ресурсов, нет ни технологий, ни капитала для до-*

бычи этих богатств. Поэтому и грезят о создании совместных предприятий для добычи в российских водах с привлечением китайского капитала и западных технологий. На самом же деле Поднебесная, конечно же, печется только о своих интересах»⁹.

В реализации своей стратегии в Арктике Китай предпочитает блокироваться со странами АС, чьи позиции не так сильны перед лицом таких крупных держав региона, как США. Россия и Канада. Так, несмотря на временные трения с Норвегией в связи с присуждением Нобелевской премии мира Лю Сяобао, он заключал с ней договоры по освоению Арктической зоны. Если же говорить о стратегическом партнере КНР, то государство, которое выражает однозначную поддержку Китаю в плане освоения Арктики — это Исландия. Причина заключается в том, что в условиях продолжающегося глобального экономического кризиса Исландия стала существенно зависеть от китайских инвестиций. КНР выдает этой стране кредиты под «щадящие» проценты. Между Рейкьявиком и Пекином также действует договор о свободной торговле. Еще одной сторонницей присутствия Китая в Арктике является Дания, которая стремится заручиться поддержкой Пекина в спорных вопросах с другими странами, а также привлечь китайские инвестиции к разработке природных ресурсов Гренландии, в частности, месторождений нефти и газа на шельфе.

Для Китая эта автономная провинция Дании является идеальным местом для закрепления своего присутствия в регионе, который богат не только энергетическими ресурсами, но и обладает 10% мировых запасов пресной воды. Гренландия, по сути, оптимальная географическая точка входа китайских предприятий, интересующихся арктическими ресурсами, потому что у правительства острова нет возможностей для самостоятельной добычи полезных ископаемых. Вполне вероятно, что по причине малонаселенности острова китайские фирмы будут завозить туда из КНР большое количество рабочих для строительства электростанций, предприятий по обогащению руды и прочих объектов гренландской инфраструктуры, в которую Китай инвестирует свои средства.

Таким образом, стратегия Китая в северных широтах не на словах, а на деле доказывает то, что он является глобальной державой, способной бросить вызов остальным странам мира, не исключая РФ и США. Борьба за ресурсы Арктики становится все более интенсивной, и Китай будет играть в ней значимую роль. Помогать ему будут представители слабеющей Европы, стремящиеся хоть как-то удержаться на плаву и подыскивающие новых, пусть и несколько неожиданных, союзников.

В связи с активностью Китая в Арктике для России и для развития российско-китайских отношений складывается двоякая ситуация. С одной стороны, Китай для РФ — стратегический партнер, с которым по многим геополитическим вопросам просматриваются схожие позиции, но с другой стороны, для России это означает появление в арктических широтах еще одного конкурента, претендующего на освоение арктических богатств. КНР в качестве страны-наблюдателя АС уже имеет юридические предпосылки для того, чтобы получить доступ к ресурсной базе богатейшего региона. И рассчитывать, что Китай останется только на позиции наблюдателя, не приходится.

Тенденции развития обстановки в регионе и риски для российско-китайских отношений

Точно просчитать, как будет меняться будущая роль ведущих игроков в Арктике, чрезвычайно сложно из-за необходимости учитывать множество независимых переменных. То, что Россия сможет позволить себе в Арктике в будущем, во многом будет зависеть от эффективности мер, направленных на выход из существующей стагнации страны, взлетов и падений других держав и их коалиций, от изменения их веса по отношению к ней.

В целом центр глобальной динамики и далее будет перемещаться из Европы и Атлантического региона в страны Азии и Тихоокеанского бассейна, где продолжится динамичное развитие Китая. Глобализация будет и далее определять международную обстановку, и значение Арктического региона для развитых государств мирового сообщества будет неуклонно возрастать в связи с открывающимися возможностями региона.

Арктические исследования и военные приготовления западных стран будут идти по нарастающей, поскольку научные, экономические и технические возможности у них уже есть, и год от года они будут увеличиваться. В перспективе возможностями, которые открываются для Китая в Арктике в связи с глобальным потеплением, могут воспользоваться и военные ведомства НОАК.

Пекин будет прагматично преследовать свои национальные интересы в Арктике, между ним и другими странами вряд ли возникнут существенные идеологические расхождения, способные обострить межнациональную конкуренцию. Очевидна и другая тенденция: западные страны во главе с США не только все больше будут сближаться в своих общих интересах против России, но и противодействовать закреплению Китая в Арктике, привлекая к этому другие государства. В западных СМИ будут периодически публиковать мнения «авторитетов» о необходимости приостановить наращивание деятельности Москвы и Пекина в Арктике и широко обсуждать данный вопрос. Подобные призывы, не учитывающие исторически сложившиеся реалии и устремления России сотрудничать с Китаем в освоении Арктики, будут иметь целью лишить РФ и КНР каких-либо возможностей для отстаивания их интересов на самом обширном арктическом участке прилегающих акваторий и шельфов.

Усилится и милитаризация региона, роль военной силы в Арктике будет играть существенную роль. Россия будет окружена антироссийски настроенными странами и их союзами более динамичными, нежели она сама, в экономическом, военном и политическом отношении. И по мере глобального потепления они усилят давление на Москву в интересах интернационализации использования Севморпути в качестве транспортной коммуникации мирового сообщества. К такому давлению может присоединиться и Пекин. Интернационализация этого вопроса будет одним из способов Китая получить более весомые козыри в споре за арктические богатства.

Пока же в Арктике наблюдается относительная стабильность. Но нельзя исключить, что если в будущем может начаться «силовой передел» этого региона, в Северных широтах возможна реализация сценария *межгосударственного вооруженного конфликта*. Администрация США уже предупредила мировое сообщество о возможности такого конфликта вокруг природных ресурсов и «земель» Арктики. Об этом говорится в американской «Стратегии сотрудничества по военно-морским силам XXI века». Будущую ситуацию в Арктике ее авторы включили в список «вызовов новой эры», к которым необходимо быть готовыми. Для этого США планируют использовать свои ВМС как для демонстрации военной мощи, так и для давления на государства, политика которых в Арктике не устраивает Вашингтон. В частности, в документе подтверждается, что *«мощь крупнейшей в мире армады, насчитывающей 279 надводных и подводных кораблей, будет концентрироваться там, где высока напряженность или там, где США захотят продемонстрировать союзникам приверженность идеям безопасности региона»*.

В Арктике, существуют и другие вызовы, которые напрямую затрагивают национальные интересы России и, частично — российско-китайские отношения.

Первый из них — это *проблема разграничения полярных владений*. России предстоит борьба с оппонентами в ООН по отстаиванию своего права на богатства в условном треугольнике Архангельск — Северный полюс — Чукотка. В этом треугольнике

оппоненты России будут проводить единую и скоординированную политику недопущения РФ к богатствам шельфа. Для чего ими выдвигаются идеи, что к Арктике надо подходить как «к общему наследию человечества», имея в виду открытие этого региона для международных нефтегазодобывающих компаний. Многие в этих планах не совпадают с экономическими и оборонными интересами России, представляет системную угрозу для российско-китайских отношений.

Другой вызов региональной стабильности — *противоречия между приарктическими государствами*. В позициях каждого из них по вопросам деятельности в своих секторах существуют противоречия с другими странами региона. Так, Канада не желает, чтобы СЗП приобрел статус международного. При этом необходимо отметить двойственность политики Оттавы по этому вопросу. СЗП — «свой», а не путь вдоль берегов РФ, за интернационализацию которого Канада активно выступает. Дания не может договориться с Канадой относительно границ юрисдикции на разделяющих их владения акваториях. Есть у нее разногласия по ряду проблем использования Арктики с Норвегией и Россией. При этом норвежцы чувствуют себя на спорных территориях хозяевами. Нефтедобычу они пока там не ведут, но российские рыболовные суда выпроваживают оттуда крайне решительно. И если Пекин в спорах между Москвой и Осло поддержит позицию Норвегии, то это тоже может нанести урон развитию российско-китайских отношений.

Серьезный вызов региональной стабильности — *рост милитаризации Арктики*. Так, скандинавские страны объявили о создании собственного военного блока для действий в арктических широтах. В него вошли Дания, Исландия и Норвегия, являющиеся членами НАТО, а также придерживавшиеся до последнего времени политики неприсоединения к военно-политическим альянсам Финляндия и Швеция. При этом они объявили, что их объединение преследует цели «обеспечения безопасности в арктическом регионе»¹⁰. Если для Дании и Норвегии, имеющих свои секторы в Арктике, подобные действия в целом оправданы, то не совсем ясен интерес к «скандинавскому блоку» Швеции и Финляндии, которые не располагают прямым выходом в Арктику. Можно только предположить, что Стокгольм и Хельсинки подключились к этому блоку с целью участия в пересмотре существующего status quo в регионе.

«Скандинавский блок» создал «военный кулак», который в перспективе будет способен конкурировать с силами общего назначения России в Арктике. Суммарные силы этого блока предположительно будут насчитывать около 600 боевых самолетов, 24 подводные лодки и свыше 30 боевых кораблей основных классов, а также до 220 более мелких кораблей и катеров.

Кроме «скандинавского блока», в регионе активно действуют и силы НАТО, которая никогда не скрывала свои интересы в Арктике, прежде всего — военные. На Северо-Западном европейском театре военных действий в зоне объединенных вооруженных сил альянса находится акватория западной части Баренцева моря и архипелаг Шпицберген, а в зоне на Атлантике — атлантический сектор Арктики. Дальнейшее расширение ответственности НАТО в направлении Северного полюса означает фактический отказ от границ операционных зон ОВС альянса, установленных документами 1949–1953 гг. По мнению экспертов НАТО, международное соперничество вокруг Арктики в ближайшем будущем обострится не только из-за секторов и энергоресурсов, но и из-за биоресурсов, пресной воды, а также судоходных и воздушных путей. В совокупности это является глобальным вызовом безопасности евро-атлантического сообщества. Поэтому в документе, посвященном путям реформирования НАТО, говорится о высокой вероятности возникновения конфликтов в Арктике в результате потепления.

Арктическая устремленность перечисленных военных альянсов, как и их преимущественно антироссийская направленность, очевидны. Ибо давно известно, в основе всякого военного объединения лежит подготовка к проведению силовых акций, а значит, нужен и объект, консолидирующий необходимость такой подготовки. И если взглянуть на карту Севера планеты, то кроме России выбрать для НАТО в таком качестве там некого. И если США и НАТО давно проводят военные приготовления в Арктике, то сейчас к ним присоединяется и «скандинавский блок», что добавляет тревожные «ноты» в полемику относительно возможных направлений дальнейшего развития событий в Арктике. Что касается Китая, то в случае обострения военно-стратегической обстановке в регионе он не будет на «чьей-либо стороне», занимая нейтральную позицию и используя трибуну ООН для примирения конфликтующих сторон, тем самым повышая свой международный авторитет.

Проблемы трансарктических перевозок. Следует отметить, что с точки зрения международных правовых основ маршрут СМП проходит по акваториям с различным правовым статусом. Это — внутренние воды России, территориальное море и прилежащие воды, а также районы, отнесенные к исключительной экономической зоне РФ и открытое море¹¹. Начиная с 1991 г. Москва открыла СМП для проводки иностранных судов, установив при этом некоторые ограничения, поскольку его маршрут в основном проходит по водам, находящимся под юрисдикцией РФ. По некоторым оценкам потенциально-го объема транзита по СМП, он может достичь 8–12 млн т в год. Правда, это значение пока не дотягивает и до 0,05% (!) того объема транзита, который сейчас осуществляется через проливную зону Юго-Восточной Азии, превысившего 2 млрд т в год. Поэтому, несомненно, что широко рекламируемая в СМИ оценка западными специалистами данного маршрута как весьма перспективного для коммерческого судоходства между Америкой, Европой и Азией, имеет иную цель. Это один из способов, с помощью которого транснациональные и крупные национальные компании развитых стран стремятся проникнуть в российское Заполярье, с задачей закрепиться там и развернуть хозяйственную деятельность для установления в последующем своего контроля над добычей ресурсов, прежде всего энергетических, в этом регионе планеты¹².

Тем не менее, Россия заинтересована в участии иностранных компаний в освоении ресурсов на своем шельфе и расширении транзита грузов по СМП как в дополнительном источнике валютных поступлений для развития инфраструктуры российского арктического региона. Ведь Заполярье приносит 21% в национальный ВВП, а его экспортная продукция составляет 17% всего экспорта РФ¹³. Наряду с задачей привлечения иностранных инвестиций в модернизацию северных предприятий, у Москвы есть потребность шире привлекать к вывозу этой продукции зарубежных перевозчиков. С этой целью РФ уже открыла значительное число своих северных портов для захода судов, несущих флаги других государств. Однако из-за событий на Украине западные страны применили по отношению к России различного рода санкции, отмену которых не следует ожидать в ближайшем будущем. Это оказывает существенное влияние не только на добычу арктических энерго-ресурсов российскими компаниями, но и на эксплуатацию СМП западными странами, которые стремятся «интернационализировать» этот маршрут (или хотя бы некоторые его участки). Так, Евросоюз, подавляющее большинство стран-членов которого имеют весьма отдаленное отношение к Арктическому региону, настаивает на расширении круга акторов, которые бы участвовали в решении проблем региона и эксплуатировали там месторождения полезных ископаемых, и даже подводит юридическую базу под идею интернационализации СМП, игнорируя существующую нормативно-правовую основу.

Поэтому за предложениями типа создания «Международного транспортного консорциума для управления СМП» видится желание третьих акторов оттеснить Россию

от руководства этой важной артерией (в том числе, от выработки эксплуатационной и тарифной политики, правил безопасности и контроля за их исполнением и т.д.).

Экологические вызовы. Как уже отмечалось, природа в Арктике в высшей степени чувствительна к антропогенному воздействию и очень медленно восстанавливается после грубого вмешательства. Хозяйственная деятельность человека там особенно негативно влияет на окружающую среду, которая ранее считалась эталонно чистой. Так, в Арктической зоне РФ экспертами выделено 27 районов, получивших название «импактных», где процессы загрязнения уже привели к сильной трансформации естественного геохимического фона, загрязнению атмосферы, деградации растительного покрова и почвы, повышенной заболеваемости местного населения. Крайне остро стоит проблема утилизации промышленных отходов, в большом количестве накапливающихся вокруг предприятий. Так, российское объединение «Апатит» ежегодно складировает около 30 млн т отходов. За относительно короткий срок освоения Арктики пробурены десятки тысяч скважин и на половине из них случаются аварийные утечки¹⁴.

Существует потенциальная опасность радиоактивного загрязнения региона. Ее причина — неудовлетворительное техническое состояние объектов хранения радиоактивных отходов и отработавшего ядерного топлива. Только на атомных подводных лодках Северного флота РФ, находящихся в отстое, и на береговых хранилищах Кольского полуострова сосредоточено около 250 активных зон реакторов¹⁵.

Аналогичные примеры негативного воздействия на экологию Арктики можно привести и из деятельности других приарктических государств. Поэтому экологические проблемы Арктики нельзя рассматривать как сугубо национальные или региональные, поскольку они являются индикатором глобальных тенденций. К тому же следствия нарушения экологического равновесия рано или поздно выходят за границы отдельных стран. Реализовать такие важнейшие проекты как обоснование «экологической емкости» территорий допустимых «антропогенных нагрузок», а также разработать нормативы природопользования для условий Арктики можно только усилиями всех заинтересованных в этом государств, включая Китай.

Возможные шаги России по укреплению своих позиций в Арктике за счет развития российско-китайского сотрудничества

Из вышеизложенного следует, что в свете стоящих перед страной задач по освоению Арктики основной целью России на ближайшее десятилетие должно стать укрепление статуса арктической державы по следующим основным направлениям.

Первое. В Арктическом совете целесообразно выступать ведущим субъектом в освоении и эксплуатации ресурсов Арктики, развивая диалог и партнерство в этой сфере с принятыми в АС странами-наблюдателями, отдавая при этом приоритет КНР. Прагматичная политика РФ в этой организации, основанная на уважении чужих национальных интересов, может свести к минимуму число потенциальных недругов и установить благоприятный международный климат, при котором Россия могла бы направить свою энергию на развитие своих арктических владений.

Второе. Необходимо стать ключевым субъектом глобальной энергетики и лидером в разработке новых технологий в нефтегазовой сфере в условиях крайнего Севера. При этом крайне важно ликвидировать отставание от Запада в области разработки технологий для добычи энергоресурсов в северных широтах и продолжать оставаться ведущим поставщиком энергоносителей с севера России в страны Европы и в Китай, инициируя их инвестиции в российский Север. Однако этому может препятствовать то, что в

северных широтах Россия делает упор на реализацию крупных проектов, а Китай — на накопление информационной базы и НИОКР.

Третье. Важно стать основным партнером для всех государств, заинтересованных в освоении Арктики, используя для этого свои преимущества — обладание самым мощным ледокольным флотом в мире и контроль над Севморпутем. Это козырь для России: на самом трудном участке маршрута корабли могут проходить этот путь только в сопровождении российских ледоколов.

Четвертое. Союзником России в освоении ресурсов Арктического региона может стать Китай. Для этого у обоих государств есть объективная заинтересованность. Так, в 2013 г. Председатель КНР Си Цзиньпин представил для стран Евразии проекты — «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века» в рамках реализации единого проекта «Один пояс, один путь». При этом направления морского пути планируется развивать из портов Китая через Южно-Китайское море до Индийского океана и Тихого океана, через Северный Ледовитый океан до Европы. На этих акваториях будут созданы безопасные маршруты с узловыми точками в важнейших портах, что совпадает с национальными интересами России¹⁶.

Кроме того, Китай стремится выйти из-под американского контроля поставок энергоресурсов в страну из нефтедобывающих государств арабского мира. Зависимость от импорта энергоресурсов и, особенно, нефти является «ахиллесовой пятой» промышленности КНР, главного соперника США. Альтернатива этому — развитие энергопоставок из России, включая в перспективе и из Арктики.

РФ также может оказать КНР помощь в проведении исследований в Арктике и в развитии флота, предназначенного для плавания в северных широтах. В свою очередь Россия заинтересована в финансовых инвестициях из Китая в развитие инфраструктуры северных территорий.

Пятое. России необходимо быть готовой к усилению информационного противоборства по проблемам Арктического региона, играя на опережение оппонентов в этой сфере. Важной составляющей российского информационного противодействия интернационализации Севморпути должна стать научно аргументированная разъяснительная кампания в зарубежных СМИ. Примером положительного эффекта таких акций может послужить статья В. Путина о Сирии, опубликованная в американских СМИ.

Шестое. Одновременно целесообразно продолжать развивать систему военной безопасности на севере страны, укрепляя группировку войск общего назначения и других формирований в арктической зоне России, способных обеспечить защиту госграницы и экономической зоны РФ, а также осуществлять эффективный контроль Севморпути. Для этого целесообразно ускорить внедрение системы «Глонасс» и систему контроля за военной обстановкой в регионе, которая включала бы радиотехнические, военно-морские, авиационные и армейские силы и средства.

Седьмое. Ближайшими задачами на нынешнем этапе реализации «Основ политики РФ в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» могут стать:

— международно-правовое оформление границ в регионе в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. и заявки России в ООН по расширению ее границ принадлежности арктического шельфа;

— организация транзитных полетов в Арктике и использование Севморпути на базе международного права и российского законодательства;

— активное развитие российско-китайского партнерства в освоении Арктики, основанного на совпадении национальных интересов. КНР становится все более заметным участником деятельности в Арктических широтах, его торговое плавание по Север-

ному морскому пути, научные высокоширотные экспедиции, а также статус наблюдателя в Арктическом совете дополняются активным участием в реализации проектов разработки полезных ископаемых на шельфе северных морей. Стремительная эволюция международных отношений побуждает органы власти РФ по-новому взглянуть на ситуацию в регионе и уточнить приоритеты в сфере развития российско-китайских отношений с учетом существующих в Арктике реалий.

1. *Кашин В.* Арктическая кладовая // Ведомости. 25.07.2008.
2. *Schepf Matthias, Traufetter Gerald.* «Business Week». 24.05.2010.
3. *Robinson Steve & DiPietro Ben.* Seafood International. URL: www.Fish online.ru.
4. Арктика: перспективы развития. Информационно-аналитический бюллетень РИСИ. 2008. № 4.
5. *Криворотов А.К.* Тезисы выступления на круглом столе в ИДВ РАН «Российско-китайские отношения на современном этапе» // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 4. С. 31–34.
6. Арктический совет был основан 19 сентября 1996 г. Организация состоит из 8 приарктических государств (Канада, Дания, Финляндия, Исландия, Норвегия, Россия, Швеция и США). К странам-наблюдателям АС относятся 10 государств (Великобритания, Германия, Испания, Италия, КНР, Республика Корея, Нидерланды, Польша, Франция, Япония, Индия и Сингапур). С 2015 г. пост председателя АС занимают США.
7. *Морозов Ю.В., Клименко А.Ф.* Арктика в стратегии НАТО и направления взаимодействия России с государствами Северо-Восточной Азии в этом регионе // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 17 (302). С. 39–51.
8. Китайский дракон в Арктике. URL: <http://www.notum.info/news/ekonomika/kitajskij-dragon-v-arktike>.
9. *Инджиев Артур.* Битва за Арктику. Будет ли Север Русским? М, 2010. URL: <http://detectivebooks.ru/book/24057364/>
10. Скандинавские страны создают «арктический кулак» // «Правда.Ру». URL: <http://news.mail.ru/politics/2364882/>
11. Материалы заседания Экспертного совета СФ России «Государственная политика Российской Федерации в Арктике: парламентское измерение» от 24 апреля 2009 г. URL: http://archiv.council.gov.ru/files/parliament_attend/14.doc.
12. Тезисы выступления академика Симония Н.А. на круглом столе в МИД РФ «Арктика в политических ориентирах» 19 мая 2009 г. URL: http://studopedia.ru/11_80152_sovremenniy-geopoliticheskij-rasklad-v-arktike-voenno-politicheskie-strategii-arkticheskij-gosudarstv.html.
13. *Cristensen Svend Aage.* Are the Northern Sea Routs Really the Shortens? URL: www.diis.dk/sac.
14. *Моргунюв Б.А.* Методология учета экологического фактора в процессе выработки стратегии устойчивого развития арктической зоны России. СПб., 2006 г. URL: http://delist.ru/article/12102006_morgunovba.
15. Загрязнение радионуклидами арктических морей России // Арктика сегодня. URL: <http://www/arctictoday.ru>.
16. *Морозов Ю.В.* Интеграционные планы для Евразии: подходы Китая, России и США. // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 3. С. 43–59.

Дискуссионная трибуна

Совокупная национальная мощь Китая: диалектика построения новой государственности

© 2016

В.И. Балакин

Формирование комплексной национальной мощи КНР нацелено на достижение государством статуса «сверхдержавы», которая могла бы определять новый миропорядок без оглядки на другие современные «центры силы». Диалектика построения новой китайской государственности в XXI в. представляет собой идеологическую базу для создания национальной мощи, которая должна стать стимулом развития страны. Китайская государственность, несмотря на продолжительные периоды революционных потрясений, демонстрирует удивительную устойчивость и непрерывное движение в направлении ускоренного роста совокупной национальной мощи.

Ключевые слова: Китай, совокупная национальная мощь, государственность, мировой порядок.

Государственность в Китае формировалась в течение тысячелетий в рамках собственной особой парадигмы, суть которой состояла в том, что любые законодательные заимствования по форме должны были быть наполнены глубоким национальным содержанием. Проект формирования комплексной национальной мощи КНР, безусловно, имеет своей целью достижение государством статуса сложившейся «сверхдержавы», которая могла бы определять новый миропорядок без оглядки на другие современные «центры силы». С точки зрения реальной геополитики абсолютно неважно, какие объективные критерии применяются к оценке совокупной национальной мощи Китая, главным является то, какое субъективное восприятие этой мощи присутствует в сознании основных китайских противников и конкурентов. От этого зависит оценка уровня реальной безопасности государств, соперничающих с КНР, их готовность идти на финансовые расходы, подкрепляющие данную безопасность на должном уровне. Определение этого должного уровня во многом диктуется субъективными представлениями высшего руководства соперничающих государств¹.

Диалектика построения новой китайской государственности в XXI веке представляет собой, по сути дела, идеологические параметры создания национальной мощи, которая, по мнению нынешнего руководства КНР, должна стать стимулом единения народа на основе интеграции властных институтов. В данном случае под внутренней интеграцией, а правильнее сказать, консолидацией понимается нематериальная составляющая нацио-

Балакин Вячеслав Иванович, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра стратегических проблем СВА и ШОС ИДВ РАН. E-mail: prof_bvi@mail.ru.

нального самосознания, когда ощущение наступления некоего нового этапа развития государственности заставляет правящую элиту предпринимать определенные и весьма активные усилия, которые объективно невозможно не предпринимать. У китайской стратегии консолидации есть вполне определенная цель, обозначенная как единение людей в рамках национальной государственности, их сплочения на уровне генетического выживания в интересах сохранения традиционного общества, готового противостоять разрушительному «цунами» нарастающего западного влияния. Существенным признаком того, что КНР встала на продолжительный путь глубоких перемен в осознании реальной необходимости построения новой государственности, стало полное отсутствие какой-либо жесткой реакции на заявления новых властей Тайваня относительно принципиального поворота к достижению реального и полного государственного суверенитета островной республики². Многие эксперты в связи с этим полагают, что китайские власти сегодня видят консолидацию национальной государственности не только и не столько в усилении военной компоненты, сколько в «социальной гармонии», диалектика которой состоит в конкуренции за право совершенствовать единое китайское государство и общество.

Совокупная национальная мощь в китайском обществе все более рассматривается в единстве природы и человека, то есть тех непреходящих ценностей, которые включают в себя веру в Абсолют, семью, культ предков, корпоративность, коллективизм, сложившиеся формы социальной иерархии. Последовательное раскрытие мировоззренческих принципов китайской государственности определено, как считают специалисты, неким гармоничным соразвитием высшего Абсолюта (чаще всего называется «Небо»), народа, придерживающегося устоявшихся традиций и соединяющего их некоего символа государственности (в имперский период истории эту функцию выполнял император — сын «Неба»). Понятно, что сегодня из-за формального отсутствия династического правления в Китае там существует и активно развивается модель государственности, соединяющая в себе: а) патриотизм, национальное достоинство, общественную собственность на ключевые сегменты национальной экономики; б) реалистичную оценку окружающей действительности; в) осознанное включение в глобальную конкуренцию; г) последовательное стремление «оседлать» крупные потоки свободного движения капиталов³. Руководство КНР заявляет, что оно, как никогда, сплочено единым пониманием цели формирования новой китайской государственности, ориентируется на формирование совокупной мощи страны, которая будет пользоваться всеобщим уважением и станет достаточной для обеспечения статуса Китая как одного из мировых лидеров. Высшим достижением к 100-летию Китайской Народной Республики (2049 г.) призвано стать превращение КНР в страну исключительной привлекательности, центр притяжения и поглощения мировой творческой энергии, созидания и сосредоточения глобальных финансов.

Китайская государственность всегда была «властечцентричной» в том смысле, что государственность рассматривалась как некий краеугольный камень мироздания Поднебесной. Государство в Китае издревле опирается на силу традиций, и эти традиции, как правило, оказывались выше всех экономических обусловленностей, социальных догм, природно-климатических факторов⁴. Срединная империя на всем протяжении своего становления терпеливо выжидала наступления периода «открывающихся стратегических возможностей», который будет основан на усилении внутренней интеграции и определении в результате новых внешнеполитических приоритетов. Главное направление использования подобного «периода возможностей» в Китае всегда видели в очередном укреплении национальной государственности. В глубинном понимании китайцев государственность продолжает оставаться непреходящей универсальной ценностью, пришедшей к ним из глубины веков и удерживающей страну в привычных цивилизационных пределах.

Формулируя новую государственность, руководство КНР настроено последовательно добиваться приобретения для Китая статуса великой державы, которая своим совокупным потенциалом сможет без прямой военной операции добиться воссоединения Тайваня с материком⁵. Это — классическая китайская модель решения вопросов укреп-

ления государственности через обеспечение национальной безопасности в ее цивилизационном понимании, суть которого состоит в адаптации имеющегося на данный момент передового зарубежного опыта и применения его на главных направлениях противостояния с противником. Особенностью подхода КНР к наращиванию национальной мощи является получение максимального экономического эффекта во внутренней политике за счет использования благоприятно складывающихся внешних факторов, когда потенциальные противники заняты борьбой между собой, что позволяет китайскому государству отражать попытки оказывать на него внешнее давление и предотвращает угрозы, ведущие к дезинтеграции страны, а также размыванию устоявшейся системы традиционных ценностей. Такая категория, как «сила согласованности» внутри- и внешнеполитических решений дает возможность китайскому государству оптимально отвечать на возникающие конфликты. Обеспечение полного национального суверенитета и государственной безопасности осуществляется не только через правительственные структуры, но и через авторитетные организации вне данных структур и, как показывает реальная практика, неофициальные авторитеты зачастую обладают определяющим влиянием, поскольку поддерживаются высшим руководством Китая.

Китайское правительство, последовательно наращивая собственную совокупную национальную мощь, даже при самых жестких внешнеполитических трениях старается урегулировать их мирным путем и пытается состыковать свои внешнеполитические интересы, стремясь к обоюдной выгоде в отношениях с партнерами. Твердый курс КНР на отказ от военно-политических союзов с какими бы то ни было великими державами или группами государств позволяет Пекину добиваться максимума возможного в отношениях с дружественными партнерами в «третьем мире» и извлекать из этого значительную выгоду для своего экономического роста. Вкладывая значительные усилия в построение мощного национального государства, Китай не позволяет себе руководствоваться какими-то идеализированными или просто надуманными представлениями о характере современного глобального развития. Наблюдая со стороны новые политические веяния, Пекин тем не менее всегда руководствуется никем еще не опровергнутым тезисом о том, что миром правит сила, включающая в себя в качестве главного компонента военную мощь государства. Это — объективный императив современности, и он может быть реализован, как считают в КНР, лишь за счет создания постоянно совершенствующейся традиционной государственности, опирающейся на национальный эгоизм, а не на прекраснодушный альтруизм⁶.

В традиционной китайской философии есть «учение о гармонии», суть которого ассоциируется с состоянием взаимодействия и взаимосочетания элементов всех вещей и явлений, понимаемых как органическое единство человека, общества и государства. Китайские традиционные представления о государственности проецируются на современные реалии развития общества в КНР и приобретают форму официальной идеологии построения нации с высоким совокупным потенциалом, ориентированным на устойчивое внутреннее развитие и внешнюю стратегическую безопасность. Одним из таких традиционных представлений в Китае считается «метод гармонии», который есть не что иное как метод глубокого теоретического понимания государственности, когда ее составляющие развиваются, не нанося ущерба друг другу и постоянно взаимодействуя друг с другом без какого-либо взаимного отторжения. Государственность в китайском понимании — это формат, в котором происходит диалектическое разрешение противоречий: между реальным уровнем экономического развития и реальным балансом общественных интересов, между объективным ростом городского населения и сохранением деревенского уклада как гарантии сохранения национальных традиций. Совокупная государственность представляет собой некий набор конфуцианских ценностей, а именно: поддержание множественности в единстве, сбалансированность силы и нейтрализация вражды через взаимопроницающую интеграцию традиционных интересов⁷.

Традиционализм государственности является гарантией сохранения и даже выживания нации, если нация стремится остаться в истории, и здесь совокупная нацио-

нальная мощь представляется не более чем залогом устойчивости традиционной государственности. Китайское руководство осознает, что бросило вызов сложившемуся мировому порядку и что этим поставлена под сомнение сложившаяся после Второй мировой войны система взаимозависимостей, прежде всего в финансовой сфере, которая практически полностью находится под контролем США. В этих условиях Пекину сложно рассчитывать на партнерство со всеми другими «центрами силы», включая Россию, поскольку, как показывает практика, между государствами-цивилизациями временно совпадают лишь тактические цели, а вот глобальное будущее видится совершенно разным. И это надо воспринимать как объективную реальность, что КНР, собственно говоря, и делает, разрабатывая и предлагая всеобщему вниманию проекты континентального масштаба, которые со всей очевидностью не могут быть реализованы без активного участия Китая, а в действительности — без мощного китайского потенциала, подкрепленного устойчивой традиционной государственностью⁸. Итак, китайская государственность сегодня стала фактором глобальной политики практически для всех крупных стран, ибо она проявляет высокий динамизм саморазвития и оказывает существенное влияние на все сложившиеся организации типа ООН и новые международные структуры XXI века, такие как ШОС, БРИКС и G20.

Проблема построения новой государственности всерьез озаботила нынешнее китайское руководство, которое, вплотную столкнувшись с многочисленными трудностями в процессе переустройства всей системы власти внутри страны, вынуждено было искать иные варианты обеспечения «общественной гармонии», основываясь на ценностях реального обладания совокупной национальной мощью, позволяющей государству чувствовать себя уверенно и безопасно в условиях непрекращающихся кризисных явлений, охвативших практически весь мир. Неустойчивость глобальной ситуации вынуждает Китай делать ставку на использование противоречий между ведущими «центрами силы» в современной системе международных отношений, а это дает Пекину возможность играть более весомую роль, несмотря на пока еще серьезный недостаток адекватного силового потенциала, позволяющего решать на равных острые вопросы с общепризнанными великими державами, к которым в КНР сегодня относят лишь США и Россию. В конкуренции с названными державами Китай в свойственной ему традиционной манере выбрал себе в партнеры «более слабого», то есть Российскую Федерацию, руководствуясь при этом надеждой превратить Москву в некую «заложницу» своего соперничества с Вашингтоном⁹. И хотя китайское руководство продолжает утверждать, что не стремится стать сверхдержавой, однако по факту эволюция государственности в КНР развивается именно в направлении создания мощного современного государства глобального уровня. Цель формирования такого государства открыто не провозглашается, но изучающим Китай абсолютно ясно, что это будет держава, создающая «новый мировой порядок» и стремящаяся стать основным ядром сплочения и расширения международного фронта борьбы против гегемонии «Большой семерки» в мире.

Внешне это напоминает геополитику Пекина, нацеленную на создание своей собственной версии глобализации, принципиально отличной от той, которой сегодня управляют Соединенные Штаты Америки. Вашингтон выстроил свое мировое господство на основе обеспечения всеми возможными способами (включая военные) приоритета доллара в качестве главной мировой резервной валюты, но в планах США никогда не звучала идея формирования глобальной государственности, а это коренным образом отличается от точки зрения КНР на развитие мировых процессов, не исключающей некие варианты «вселенской государственности»¹⁰. Иными словами, это — государственность, находящаяся в развитии, когда ее качественное состояние характеризуется такими факторами, как состояние мирового сообщества, специфика исторического развития каждого национального государства, наличие сложившихся форм государственного управления. Под государственностью в современном Китае, как правило, понимается особая форма организации общества, включающая в себя синергию национальных и наднациональных государственно-правовых явлений, организационную структуру мирового сообщества,

государственно-правовые институты, наднациональную государственную идею, выполняющую интеграционную мобилизационную функцию. Наднациональная идея государственности представляет собой систему санкционированных национальными государствами представлений об идеалах и долговременных целях развития мирового сообщества, которая формирует единую символическую универсальность, перерастающую в глобальный нормативно-ценностный порядок.

Совокупная национальная мощь Китая, генерируемая идеей глобальной государственности, придает внутрикитайский легитимный характер представлениям элиты КНР, старающимся опираться на сохранение внутривосточного единства и социального порядка в качестве альтернативы сепаратизму и хаосу¹¹. Вселенская идея государственности изначально была присуща китайской правовой традиции, она и сегодня устанавливает единый нормативно-ценностный порядок и выступает весьма специфической формой объективного выражения национально-этнической и социокультурной глобальной интеграции зарубежных китайских общин. Политика «жесткой силы» в мировых делах пока выглядит для Китая лишь как средство скрыть свою уязвимость с точки зрения претензий на новую глобальную роль. Тем не менее, Пекину удалось к сегодняшнему дню провести «черновую работу» по формированию новой государственности, отвечающей современным геополитическим вызовам. Судя по всему, китайское руководство, создавая новую государственность, нацелилось отойти от прежних геополитических идей мирного сосуществования с приграничными странами и акцентировать внимание на адекватной ситуационной реакции в отношении изменений, происходящих в настоящее время в международной правовой архитектонике.

Диалектика новой китайской государственности имеет достаточно специфический характер и опирается в своей основе на «мягкую силу», включающую культурную составляющую и ставящую своей главной целью обеспечение стабильного и устойчивого доступа к международным экспортным рынкам. КНР никогда открыто не провозглашала свое желание стать великой державой, поскольку данный статус не только дает стратегические преимущества, но и часто влечет за собой не всегда предсказуемую ответственность, снять с себя которую при резко меняющихся обстоятельствах иногда стоит больших моральных и финансовых усилий. Альтернативный выбор также не всегда четко просчитывается в подобных ситуациях, что приводит к потерям в темпах развития и почти во всех без исключения случаях лишает государство возможности вовремя отступить назад и выйти из геополитической игры. Тайваньская проблема как раз из этого ряда диалектических противоречий, и суть вопроса на сегодняшний день сводится к почти тупиковой ситуации, когда Пекину нельзя портить отношения с «коллективным Западом», а Тайбэй после смены власти на острове очень соблазнительно продвигать в мировое общественное мнение идею суверенной тайваньской государственности. Такой геополитический расклад оборачивается для Китая в принципе не решаемой дилеммой, а именно: увеличение китайских вложений в свою совокупную национальную мощь провоцирует все большее стремление Тайваня к полной независимости, а это означает, что финансовые затраты Пекина не только не ведут к окончательному формированию единой китайской государственности, но, напротив, стимулируют Тайбэй к ускоренному продвижению в направлении своего реального суверенитета¹².

Не обозначая своей геополитической целью достижение статуса великой державы, китайское руководство, тем не менее, достаточно часто провозглашает тезис о стремлении КНР в XXI веке обрести достаточную совокупную национальную мощь, чтобы стать сильной, развитой, единой державой, занимающей доминирующее положение в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Защита государственной целостности Китая является «альфой и омегой» китайской геополитики. Под этим понимается не только безусловное воссоединение с Тайванем, но и формирование «зон ответственности» КНР, то есть Китай готов рассматривать «зону своей ответственности» как «ареал» своего геополитического влияния и контроля. Все чаще в китайском экспертном сообществе такой «зоной ответственности» называется Восточная Азия, что явно связано с заявлениями Вашинг-

тона о смещении фокуса американской внешней политики в АТР. В Пекине полагают, что пришло время дать ясное, четкое разграничение «зон ответственности» КНР и США, так как Китай заинтересован прежде всего в Восточно-Азиатском регионе, а США рассматривают стать доминирующей силой в АТР¹³. Американская администрация, наблюдая рост могущества Китая, пытается выстроить долгосрочную стратегию сдерживания КНР, однако пока не понятно, как это сделать, поскольку адекватно не осознан сам феномен «китайской угрозы».

По всему видно, что китайская государственность продолжает оставаться terra incognita для властей США, поскольку не в американской традиции обращаться к глубинному пониманию политических аспектов жизнедеятельности Китая. Китайская государственность, несмотря на продолжительные периоды революционных потрясений, демонстрирует удивительную устойчивость и в настоящее время развивается в направлении ускоренного роста совокупной национальной мощи. Этот тренд определяет и внешнюю политику КНР, демонстрируя стабильность базовых принципов китайской власти в сочетании с ее уникальной адаптацией к новым современным вызовам, одновременно в значительной мере выполняя мировоззренческую функцию для будущих глобальных программ¹⁴. Российская идея широкой евразийской интеграции от Лиссабона до Владивостока не оставила Пекин равнодушным и побудила его вплотную заняться всеобъемлющей концепцией Шелкового пути. Как представляется, дело идет к тому, что в недалекой перспективе будет создана авторитетная рабочая группа экспертов из Китая, Евразийского экономического союза и Европейского союза, которая начнет разрабатывать поэтапный план реализации инфраструктурных программ континентального масштаба.

1. *Shahar Hameiri, Lee Jones. Governing Borderless Threats Non-Traditional Security and the Politics of State Transformation. London, 2015. P. 24.*
2. *Chen Lung-chu. The Evolution of Taiwan Statehood. London: Oxford University Press, 2015. P. 3.*
3. *Guo Sujian, Blanchard J.-M. "Harmonious World" and China's New Foreign Policy. London, 2008. P. 125.*
4. *Gelhar M. Chinas Städte – zwischen Tradition und Postmoderne. Neugründungen: DierkeWeltatlas Magazin, 2012. S. 8.*
5. *Нисида Ёсихиро. Тюгоку но дайто-о мэгуро сёмондай / Рэфэрэнсу : [Проблемы вокруг китайского лидерства]. Токио: Бэй дайгаку сюппан, 2006. С. 7.*
6. *Цань То. Хэсюэ шиэ юй Чжунго дуйвай чжанлюэ : [Гармоничный мир и китайская внешняя стратегия]. Харбин, 2012. С. 81.*
7. *Чжан Ливэнь. Гуанюй сехэдэ гоцзяшэнцунь : [О гармоничной государственности] // Чжунго жэньминь дасюэ юэбао. 2002. № 3. С. 22–27.*
8. *Holenstein M. «Chinesische Values» Hypothese // Zürich Universität Verlag, 2011. S. 15.*
9. *Noesselt N. Wie wird in China regiert ? // Internationale Politik. 2015. № 4. S. 114–119.*
10. *Иногуми Такаси. «Сэйки но коккатайсэй» ни тай суру Нихон но гёман : [Японские амбиции по поводу «нормальной государственности»]. Токио, 2016. С. 12.*
11. *Чжан Учан. Гоцзя лилунь: Шэмо ши гоцзя?: [Теория государства: что есть государство?]. Шанхай, 2013. С. 15.*
12. *Chiang Y. F. State, Sovereignty, and Taiwan // Fordham International Law Journal. 1999. V. 23. № 4. URL: <http://ir.lawnet.fordham.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1687&context=ilj>.*
13. *Gersham J. Is Southeast Asia the second front? // Foreign Affairs. 2002. V. 81. № 4. P. 60–74.*
14. *Hamashita T. Changing Region and China: Historical Perspectives // China Report. 2001. V. 37. № 3.*

Экономика

Экономический пояс Шелкового пути — новая модель привлекательного экономического партнерства для ЕАЭС

© 2016

Б.А. Хейфец

В статье анализируется тенденция к трансрегионализации глобальной экономики, связанная с формированием новых экономических мегапартнерств, обосновывается вывод о наибольшей привлекательности для стран ЕАЭС партнерства в рамках Экономического пояса Шелкового пути. Рассматриваются возможные направления и формы для активизации такого партнерства.

Ключевые слова: трансрегионализация, экономические партнерства, глобальное экономическое пространство, ЕАЭС, Экономический пояс Шелкового пути

Трансрегиональные экономические мегапартнерства

Отличительной тенденцией в развитии мировой экономики, проявившейся в последние годы, является формирование трансрегиональных экономических альянсов нового типа. Первый договор о трансрегиональном мегапартнерстве — Соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП) — был подписан 12 государствами АТР в начале февраля 2016 г. В течение последующих двух лет он должен вступить в законную силу, когда его ратифицируют, как минимум, шесть стран, аккумулирующих не менее 85% суммарного ВВП ТТП.

На стадии завершения находятся переговоры по другим мегасоглашениям: ЕС — Канада, ЕС — Япония, Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (ТАТИП), Региональное всестороннее экономическое партнерство (РВЭП) и некоторым другим. Ожидается, что большинство из них будет подписано в 2016–2017 гг.

Тенденция трансрегионализации должна привести к принципиальным изменениям в структуре и характере международного разделения труда и в конечном счете к глубокому переформатированию глобального экономического пространства. С учетом взаимного пересечения (вхождения в разные союзы одних и тем же стран) доля отдельных мегапартнерств в мировом ВВП (по номинальному валютному курсу) составляет 30–45%, в мировой торговле — 20–35%, в накопленных ПИИ — 20–40%. Речь идет об огромных блоках мировой экономики (табл. 1).

Таблица 1

Новые экономические мегартнерства

Соглашения	Участники	Число стран	Доля в мировом итоге в 2014 г., %			
			ВВП*	Экспорт товаров	Экспорт услуг	Накопленные ПИИ
Транстихоокеанское партнерство	Австралия, Бруней, Канада, Чили, Япония, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, Сингапур, США, Вьетнам	12	42 (28)	23	25	33
Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство	Страны ЕС (28), США	29	47 (33)	24	40	39
Всестороннее экономическое и торговое соглашение	Страны ЕС (28), Канада	29	28 (19)	18	28	38
ЗСТ ЕС-Япония	Страны ЕС (28), Япония	29	32 (22)	19	29	36
Региональное всестороннее экономическое партнерство	Страны АСЕАН (10), Австралия, Китай, Япония, Индия, Республика Корея, Новая Зеландия	16	29 (31)	34	16	20
Экономический пояс Шелкового пути (только сухопутные маршруты)	Китай, Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан, Иран, Ирак, Сирия, Азербайджан, Грузия, Турция, Украина, Россия, Беларусь, Польша, Германия, Голландия, Франция, Болгария, Румыния, Италия, Испания и др.	>30	>45 (>35)	>35	>25	>20

*по номинальному валютному курсу, в скобках — по ППС

Источник: рассчитано по Базе данных Всемирного банка. URL: www.worldbank.org (дата доступа: 21.04.2016); Базе данных ВТО. URL: www.wto.org (дата доступа: 21.04.2016); Базе данных ЮНКТАД. URL: www.unctad.org (дата доступа: 21.04.2016).

Приоритетом при формировании новых трансрегиональных экономических союзов является в первую очередь общность экономических интересов, а не территориальная близость и наличие общих границ.

Можно выделить несколько типов новых мегартнерств¹. Один из них условно можно назвать американо-европейским. Он представлен ТТП, а также будет в значитель-

ной мере отражен в таких партнерствах, как ТАТИП, Всестороннее экономическое и торговое соглашение ЕС — Канада, ЗСТ ЕС — Япония. Это тип либерального торгово-инвестиционного соглашения по модели «ВТО плюс». Данная модель означает принятие на себя каждым участником партнерства обязательств по условиям торговли и другим сферам экономического взаимодействия сверх обязательств, вытекающих из ее членства в ВТО. В рамках этой модели практически отменяются импортные пошлины. Так, в ТТП это коснется 99% всех пошлин, хотя их отмена будет проходить поэтапно и с временным сохранением квотирования по поставкам некоторых товаров.

К другому типу мегапартнерств, азиатскому, можно отнести РВЭП. Его главными драйверами выступают АСЕАН и Китай. Проект РВЭП полностью отвечает приоритетам китайской внешнеэкономической политики и является его альтернативным ответом на ТТП.

Основные направления РВЭП в общем плане совпадают с ТТП. При этом в качестве базовых в РВЭП использованы принципы, которые применяются АСЕАН в существующих соглашениях о ЗСТ с третьими странами. Это относится, например, к торговле текстилем и одеждой, правилам происхождения товаров, таможенным процедурам, техническим барьерам в торговле, санитарным и фитосанитарным нормам, торговым поощрительным мерам, финансовым услугам, телекоммуникациям, юридическим и организационным вопросам. При этом важнейшим принципом АСЕАН является консенсусный подход при реализации совместных мероприятий и движение со скоростью «самого медленного верблюда в караване», который определяет и скорость всего каравана. Однако устанавливается и минимальная планка для включения в такой «караван». В РВЭП, например, предусматривается постепенное обнуление более 90% импортных пошлин.

В отличие от ТТП в РВЭП специально не выделяются такие области, как временные въездные визы, охрана окружающей среды, государственные закупки, трудовые отношения и некоторые другие вопросы. Существенно и то, что соглашение о РВЭП в большей мере отвечает так называемому формату живого документа, то есть может быть дополнено и изменяться в процессе его реализации. Кроме того, соглашение о РВЭП с самого начала предполагало формирование специального дифференцированного режима для менее развитых его участников. Это определяет большую гибкость РВЭП и его привлекательность для развивающихся стран. В первую очередь это соглашение открыто для стран, имеющих соглашения о ЗСТ с АСЕАН.

В настоящее время, на наш взгляд, оправдано выделение еще одного типа экономического партнерства, к которому относится проект Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) и Морского Шелкового пути (МШП) XXI века. Этот проект можно назвать гибридным, так как он будет реализовываться по разным направлениям, с разными скоростями и не предполагает заключение одного универсального соглашения, как в ТТП, ТАТИП или РВЭП.

ЭПШП и МШП может стать самым мягким и гибким экономическим партнерством. Он предполагает, что его участники будут обмениваться мнениями относительно путей экономического развития для того, чтобы выявить потенциальные конфликтные точки, устранить их и приступить к объединению стратегий развития с учетом экономической, политической, правовой практик стран — участниц этого проекта. Привлекательность ЭПШП и МШП обеспечивается не только охватом большой группы стран, но и гибкостью его механизмов. Инициатор данного проекта, Китай, подчеркивает, что ЭПШП и МШП — не интеграционная структура, не региональная или международная организация, а инициатива взаимовыгодного сотрудничества и совместного развития. Она открыта, всеобъемлюща, лишена жестких ограничительных рамок и приветствует участие всех стран и международных организаций². Участвовать в проекте смогут все заинтересованные государства и компании, которые будут сами выбирать удобный для се-

бя формат взаимодействия. В этом смысле ЭПШП и МШП еще может быть назван моделью «открытого партнерства».

Сказанное выше не умаляет того факта, что этот проект несет существенные геополитические и экономические выгоды для Китая, особенно в связи с формированием ТТП и ТАТИП.

Именно данная модель мягкого экономического партнерства в настоящее время является наиболее привлекательной и удобной для стран ЕАЭС, которые пока не готовы к созданию либерального экономического партнерства американско-европейского и азиатского типов, о которых говорилось выше. Например, при вхождении России в ВТО была достигнута договоренность о поэтапном снижении средневзвешенной импортной пошлины в течение семи лет с 11,8% до 7,1%, в том числе на сельскохозяйственную продукцию — с 15,2% до 11,3% и на промышленную продукцию — с 11,3% до 6,4%. Однако даже такой уровень таможенной защиты вызвал резко отрицательные отклики среди многих экспертов и политиков.

Именно с данных позиций следует оценивать возможность вступления в новые экономические альянсы с фактически беспошлинными правилами торговли и жесткими ограничениями по использованию нетарифных барьеров. Подобные опасения еще в большей мере касаются менее развитых стран ЕАЭС.

Особенности проекта ЭПШП

Как известно, первое официальное заявление о новом Шелковом пути было сделано в октябре 2013 г. А в марте 2015 г. был опубликован первый официальный документ: «Концепция и план действий по содействию совместному строительству Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века. Из него следует, что основная цель проекта — стимулирование упорядоченного и свободного потока экономических факторов, высокоэффективного распределения ресурсов и глубокой рыночной интеграции путем укрепления связей и взаимодействия между Азией, Европой и Африкой, а также в омывающих их берега морях³.

Сейчас не до конца ясны четкие очертания этого проекта, который активно обсуждается на различных форумах. По предположениям ОЭСР, число возможных участников проекта составит 60 государств и международных организаций. Он охватит страны, где проживает около 4 млрд человек (немногим менее 60% всего населения планеты)⁴.

Данный проект, если его рассматривать в контексте реформирования глобального экономического пространства, может стать крупнейшим трансрегиональным экономическим партнерством. Он охватывает страны, производящие более 45% мирового ВВП (только сухопутные маршруты и с учетом европейских государств, где будут расположены их конечные пункты). Это, конечно, оценка, цифры могут измениться, поскольку до конца не проработаны все возможные маршруты данного проекта.

ЭПШП и МШП не предполагает заключения общего универсального соглашения, как в ТТП, ТАТИП или РВЭП. Уже заявлены многие цели, совпадающие с целями «Программы устойчивого развития до 2030 года», которая была принята на Генеральной ассамблее ООН в сентябре 2015 г. Среди них: содействие развитию, развитие конкуренции, защита потребителей, поддержка малого и среднего бизнеса, развитие науки и трансферт технологий, обмен передовым опытом, обеспечение продовольствием, улучшение управления сельским и лесным хозяйством, укрепление контактов между региональными (местными) органами власти, городами, людьми и т.п. В то же время на экономическом пространстве этого проекта уже существуют более тесные союзы в виде ЗСТ и возможно заключение новых соглашений такого рода.

Логистические выгоды

Важнейшей стороной проекта ЭПШП и МШП является его транспортно-инфраструктурная компонента, которая во многом обусловила рождение идеи самого проекта. Новый Шелковый путь пройдет по территориям, которые характеризуются невысоким уровнем развития инфраструктуры, и позволит существенно сократить сроки поставки экспортных и импортных товаров. Например, путь из Китая в Германию по железной дороге займет 16 дней, тогда как его морская альтернатива — вдвое больше⁵. Между тем у первых в мировом рейтинге по объему внешней торговли — ЕС и Китая — налажены интенсивные торговые связи. На ЕС в 2014 г. приходилось 16% всего экспорта и 12% импорта Китая. У ЕС на Китай пришлось 9% экспорта и 17% импорта.

В логистике заинтересованы многие другие потенциальные участники этого проекта. Так, у Казахстана на ЕС в 2014 г. пришлось 41,2% всего товарооборота страны, что в 2 раза больше, чем доля государств ЕАЭС, членом которого он является.

Одновременно для стран Центральной Азии и России новый Шелковый путь открывает дорогу к китайскому порту Ляньюнган, через который будут поступать как экспортные, так и импортные грузы для/из государств Юго-Восточной Азии. Это отвечает интересам ЕАЭС по созданию ЗСТ с отдельными странами АСЕАН. Осуществлять транзит своих грузов в Европу через Китай собирается Монголия. Иными словами, речь идет о создании трансевроазиатской системы транзита.

Таблица 2

Место в мировых рейтингах развития логистики ряда стран, охватываемых Экономическим поясом Шелкового пути (2014 г.)

Страна	Интегральный индекс развития логистики	Таможня	Наземная инфраструктура	Международный морской транспорт	Компетенция логистики	Проектирование объектов	Соответствие современным требованиям
Китай	28	38	23	22	35	29	36
Турция	30	34	27	48	22	19	41
Индия	54	65	58	44	52	57	51
Украина	61	69	71	67	72	45	52
Пакистан	72	58	69	56	75	86	123
Казахстан	88	121	106	100	83	81	69
Россия	90	133	77	102	80	79	84
Беларусь	99	87	86	91	116	113	93
Таджикистан	114	115	108	92	113	119	133
Грузия	116	131	100	138	119	102	87
Азербайджан	125	82	68	113	149	148	143
Узбекистан	129	157	148	145	122	77	88
Монголия	135	132	120	110	126	149	147
Туркменистан	140	122	146	116	155	134	153
Ирак	141	149	131	139	147	136	116
Киргизия	149	145	147	127	151	145	155

Источник: составлено по Базе данных Всемирного банка. URL: www.worldbank.org (дата доступа: 21.04.2016).

Она будет выгодна и для имеющих более удачное транспортное положение потенциальных участников этого проекта, например, Индии или Бангладеш, так как в ее рамках будут устраняться нетарифные барьеры. Так, создание новой логистики ЭПШП и МШП будет означать упрощение бумажных и других бюрократических процедур, на которые тратится 2/3 времени при транспортировке грузов⁶. Эта проблема существует и на границах ЕАЭС, где забюрократизированность таможенных процедур задерживает грузы на 3–6 дней, съедая все выгоды от сокращения времени их физического перемещения.

Представление о значении инфраструктурного фактора в реализации проекта ШП дают данные рейтинга Всемирного банка по интегральному уровню развития логистики и его отдельным компонентам (табл. 2).

Как видно из таблицы, Китай занимает 1-е место по интегральному рейтингу Всемирного банка и практически по всем его составляющим индексам развития логистики среди представленных в таблице потенциальных стран-транзитеров для сухопутных маршрутов Шелкового пути.

При этом большинство потенциальных транзитеров находится во второй половине данных рейтингов как по развитию транспортной инфраструктуры, так и по институциональным условиям развития логистики. Это обуславливает их сильную заинтересованность в реализации инфраструктурных проектов Экономического пояса Шелкового пути.

Другие привлекательные стороны партнерства

Среди важнейших целей Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века можно назвать стимулирование взаимной торговли путем упрощения торгово-инвестиционных процедур и ликвидации существующих в этой сфере барьеров; использование уникальных природных преимуществ стран-участниц через многосторонние механизмы и многоуровневые платформы; усиление двустороннего и многостороннего сотрудничества в финансовой сфере, расширение расчетов в национальных валютах, развитие финансовых институтов и укрепление их конкурентоспособности; активизация человеческих контактов и т.п.

Притягательность проекта для стран ЕАЭС также связана с его лучшей финансовой обеспеченностью. Для его реализации созданы соответствующие институты, которые будут оказывать содействие в строительстве национальных инфраструктурных объектов. Это специальный Фонд ШП объемом 40 млрд долл. и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) с уставным капиталом 100 млрд долл., учредителями которого стали 57 государств, в основном из Азии и Европы. Доля трех крупнейших акционеров АБИИ — Китая, Индии и России — составила 30,34, 8,52 и 6,66% соответственно. О большой заинтересованности в этом институте свидетельствует то, что заявки на участие в АБИИ были собраны менее чем за полгода, они продолжают поступать и после окончания установленного срока их приема. В финансировании проектов Шелкового пути будут также принимать участие Азиатский банк развития, Новый банк развития БРИКС и другие международные институты. Так, в марте 2016 г. Азиатский банк развития (АБР) подписал Рамочное соглашение с Евразийским банком развития (ЕАБР) о софинансировании проектов на территории Армении, Казахстана, Киргизии и Таджикистана. Для реализации соглашения ЕАБР выделит 1 млрд долл., АБР — 2 млрд долл. до 2021 г.

Важно и то, что Китай в своих инвестициях за рубеж все большее внимание уделяет экономической зоне проекта Шелкового пути. На конец 2015 г. китайские предприятия имели контракты на 3987 проектов в 60 странах, охватываемых ЭПШП и МШП, стоимостью в 92,6 млрд долл., что составило 44,1% от всех китайских зарубежных проектов. В 2015 г. Китай осуществил ПИИ в 49 из этих стран на сумму 14,8 млрд долл. (12,6% от общего объема нефинансовых ПИИ за рубеж в размере 118 млрд долл.). Наибольший объем ПИИ получили Сингапур, Казахстан, Лаос, Индонезия, Россия и Таиланд⁷.

Правда, на Россию пришлось менее 0,8% от объема зарубежных китайских инвестиций в 2015 г. Хотя Китай формально осуждает санкционную войну против России, многие китайские компании и банки, за исключением уполномоченных государственных структур, опасаются возможных последствий своих контактов с российскими корпоративными структурами, попавшими под санкции. Это сказывается на общем тоне сотрудничества, особенно в финансовой и инвестиционной сфере.

Сопряжение ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути

Еще в мае 2015 г. руководители России и Китая договорились о сопряжении проектов ЕАЭС и ЭПШП, была создана соответствующая рабочая группа, которая стала проводить регулярные встречи. В августе 2015 г. в Пекине обсуждались такие вопросы, как инвестиционные инфраструктурные проекты между Китаем, Россией и другими партнерами по ЕАЭС, устранение различного рода барьеров в торговле, создание системы по защите взаимных инвестиций и их поощрению, а также механизмы решения инвестиционных споров, о приоритетах сотрудничестве в области высоких технологий⁸. То есть фактически речь шла о формировании ЗСТ ЕАЭС и Китая с определенными ограничениями, как это вытекало из майских договоренностей.

Однако впоследствии заявленный интеграционный уровень данного проекта был снижен, что нашло отражение в его названии. Теперь это — «Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем», которое не предусматривает глобального снижения таможенных пошлин, что в принципе не противоречит ранее объявленной цели, так как создает необходимые предпосылки для либерализации торговли и инвестиций в дальнейшем. Как заявил в то время экс-председатель коллегии ЕЭК В. Христенко, это пока не преференциальное соглашение, но важный этап в развитии экономического сотрудничества, который упорядочивает всю структуру отношений и создает базу для дальнейшего движения, в том числе в целях возможного выхода на соглашение о зоне свободной торговли⁹.

В таком подходе проявляется главное препятствие для развития новых экономических партнерств России — слабая конкурентоспособность экономики, которую не удастся существенно повысить в ближайшей перспективе.

Сам термин сопряжение достаточно дипломатичен и удобен, так как подразумевает многовариантное толкование. Такое понятие существует в математике, химии, черчении и в некоторых других негуманитарных науках. Под сопряжением в черчении понимается, например, плавный переход по кривой от одной линии к другой. Использование такого термина в экономической политике дает большую вариантность и возможность более гибких подходов.

Представляется, что в случае ЕАЭС и ШП можно выделить три возможных типа сопряжения:

а) инфраструктурное или более широко — проектное сопряжение;
б) институциональное сопряжение (гармонизация регулятивных практик) — прежде всего, устранение барьеров в торговле + защита инвестиций, выработка общих норм в некоторых других сферах (защита интеллектуальной собственности, трудовые отношения, охрана окружающей среды и т.п.);

в) оба варианта будут дополнять друг друга, образуя фактически третий тип сопряжения — гибридное сопряжение, хотя в ближайшей перспективе инфраструктурное сопряжение, вероятно, будет опережать институциональное.

Большие перспективы у инфраструктурного сопряжения ЕАЭС и ЭПШП. Оно может осуществляться по линии железнодорожного, автомобильного, морского, речного, трубопроводного, воздушного транспорта, ЛЭП и оптико-волоконных консультаций. Кроме финансового потенциала, у Китая имеется огромный опыт и свободные мощности

строительных подрядчиков, в том числе в связи с относительным снижением динамики объема их работ внутри страны.

С точки зрения инфраструктуры, ЕАЭС занимает важнейшее место в проекте Шелкового пути. При этом центральную роль играет Казахстан, по территории которого проходит 5 международных транспортных коридоров (МТК) железных дорог: 1) Северный коридор Транскавказской железнодорожной магистрали (ТАЖМ); 2) Южный коридор ТАЖМ. 3) Центральный — Среднеазиатский коридор ТАЖМ; 4) Север — Юг; 5) Европа — Кавказ — Азия. Планируется и создание автодорожного МТК Западный Китай — Западная Европа (TRASECA). Предполагается, что его протяженность составит 8445 км, из них 2233 км пройдут по территории России, 2787 — Казахстана и 3425 км — по территории Китая. Крайние точки коридора Санкт-Петербург и порт Ляньюньган.

В России Китай уже стал участвовать в финансировании разработки проектной документации высокоскоростной железной дороги Москва — Казань. Объем китайских кредитов со стороны корпоративного сектора и Фонда ШП может составить до 400–450 млрд руб. Сооружение дороги Москва — Казань должно начаться в 2017 г. (завершиться в 2022 г.) и потребует около 1 трлн руб. инвестиций. При этом длительные сроки реализации данного проекта уже встречают критику с китайской стороны. Обсуждается и вариант включения в маршруты Шелкового пути дороги Москва — Санкт-Петербург.

В то же время не оправдываются российские ожидания по инфраструктурной интеграции с ЭПШП. России не удалось в полной мере включить Транссибирскую магистраль и БАМ в инфраструктурные маршруты Шелкового пути. Хотя сейчас наблюдается рост перевозок китайских грузов по Транссибу (66 тыс. TEU в 2015 г.), этот путь, нуждающийся в масштабных инвестициях для модернизации, пока не может конкурировать с казахстанским транзитом.

Планировалось также, что один из маршрутов ШП пойдет по Среднему, Южному Уралу и северным региональным территориям, где идет стройка Северного широтного хода. Однако данные железнодорожные магистрали также нуждаются в крупных инвестициях для их расширения и модернизации, которые не готова осуществить Россия. Был также вариант превращения Крыма в стратегическую торговую базу и точку захода торгового маршрута в Европу. Но и он отпал вместе с прекращением проекта по строительству крымского порта¹⁰.

Остается актуальным проект по превращению Северного морского пути в реальную транспортную связку между АТР и Европой, который также не вошел в проект ШП. В последние годы по нему постоянно увеличиваются объемы трансконтинентальных перевозок, а также удлиняются сроки навигационного периода, чему способствует общее потепление климата. Для того, чтобы повысить коммерческую привлекательность данного маршрута, предполагается установить льготный режим свободного порта на ключевые порты Дальнего Востока по типу Владивостока. Но этот маршрут пока не встречает большого интереса со стороны китайских партнеров.

Россия стала предлагать ряд новых маршрутов транзита китайских грузов. Среди них — перевозки грузов из Западного Китая и из Казахстана через Мурманск на восточное побережье США. Этот путь на треть короче, чем маршрут через восточное побережье Китая, Тихий океан, Панамский канал. Другие новые направления — выход на Черное море через Достык (Казахстан), Тамань — Черное море в южную Европу, а также использование новых балтийских портов в Высоцке и Приморске для транзита в Северную Европу.

Что касается более гармоничного институционального сопряжения, то здесь возможны различные подходы. Одним из вариантов является участие в проектах Китая по созданию 23 экономических торгово-производственных зон в рамках ЭПШП по Евразии, где могут быть предложены более преференциальные условия ведения внешнеэкономической и хозяйственной деятельности по типу особых экономических зон. Например, Бе-

ларусь хочет включить свой новый индустриальный парк «Великий камень», организуемый в кооперации с «Китайской корпорацией инжиниринга САМСЕ», в проект Экономического пояса Шелкового пути. Кроме развития высокотехнологичных производств, «Великий камень» должен стать крупнейшим торгово-логистическим хабом, своеобразным «сухим портом» в 25 км от Минска. Россия рассчитывает на активное участие китайского бизнеса в создаваемых на Дальнем Востоке «территориях опережающего развития».

Странами ЕАЭС готовятся и другие двусторонние соглашения, обеспечивающие либерализацию торговли и инвестиций по отдельным проектам и направлениям. Важно при этом координировать сотрудничество отдельных стран ЕАЭС с Китаем, так как их разноскоростная интеграция неизбежно вызовет усиление центробежных тенденций в ЕАЭС. Уже сейчас партнеры России по ЕАЭС отдают предпочтение двустороннему взаимодействию с Китаем, для которого ЕАЭС также является аморфным объединением с невнятными механизмами управления.

В частности, наблюдается активное развитие сотрудничества Китая с Казахстаном, где китайские инвестиции намного опережают инвестиции из России. Так, объем накопленных китайских прямых иностранных инвестиций на конец 2014 г. в Казахстане достиг 23,6 млрд долл., тогда как в России — лишь 3,4 млрд долл., то есть почти в 7 раз меньше¹¹. Уже достигнуты договоренности по реализации 52 промышленных проектов на общую сумму свыше 24 млрд долл. При этом речь идет не столько о традиционных отраслях добывающей промышленности, сколько о современных предприятиях, производящих продукцию с более высокой добавленной стоимостью. Например, в рамках Фонда Шелкового пути создан специальный фонд объемом в 2 млрд долл., ориентированный на китайско-казахстанское сотрудничество в агропромышленной сфере. Из 19 совместных проектов 12 реализуются на территории Восточного Казахстана и Алматинской области, примыкающей к Северо-Западной Китаю. Предусматривается реализация совместных проектов по производству и переработке мяса, масличных и зерновых культур, томатов — с дальнейшим продвижением ее на экспортные рынки Китая.

Казахстан, отчасти разочарованный положением дел в ЕАЭС, на заседании его Высшего экономического совета, которое состоялось в конце мая 2016 г. в Астане, выступил с инициативой активизации связей с третьими странами и интеграционными объединениями, прежде всего в рамках проекта ЭПШП. Предполагалось, что на заседании должна быть принята Концепция развития и сопряжения ЕАЭС и китайской программы «Один пояс, один путь», концепция и подходы были одобрены на заседании глав правительств стран ЕАЭС¹². Однако, судя по официально опубликованным документам этого заседания, концепция пока не была одобрена. В то же время было принято решение о необходимости старта и начала переговоров с КНР о формировании всеобъемлющего торгово-экономического партнерства, что теоретически может заложить фундамент более тесной интеграции ЕАЭС и ЭПШП¹³.

Выигрышной для России была бы стратегия игры на опережение, особенно в инвестиционной сфере, где реальное открытие национальной экономики было бы не так чувствительно по сравнению с далеко идущей торговой либерализацией. Тем более что зарубежные страны ЕАЭС фактически такую политику по отношению к китайским инвестициям уже проводят. В этом плане создание зоны свободных инвестиций ЕАЭС—Китай путем заключения преференциального всеобъемлющего инвестиционного соглашения выглядит перспективным проектом. При этом Россия может пойти на существенные уступки в плане допуска иностранных инвестиций в некоторые стратегические предприятия в области добычи и переработки топливно-сырьевых ресурсов. Она уже сделала некоторые шаги в этом направлении, предоставив ряду крупных китайских компаний возможность приобретения крупных пакетов акций предприятий газовой и нефтяной промышленности. Такая практика может получить дальнейшее развитие в связи с намечаемой в ближайшие годы приватизацией привлекательных госактивов.

В свою очередь, расширение инвестиционного взаимодействия ЕАЭС — Китай даст сильный импульс развитию торговли и сотрудничества в других областях, ослабит атмосферу определенного недоверия, которая существует во взаимоотношениях. Аналогичные соображения могут быть высказаны в отношении Индии и ряда других стран по маршрутам Экономического пояса Шелкового пути.

Большие резервы улучшения условий взаимодействия таятся в ликвидации нетарифных барьеров, что может частично компенсировать неготовность стран ЕАЭС снизить или ликвидировать таможенные пошлины. Это, прежде всего, касается таможенного администрирования, санитарных и фитосанитарных мер, технического регулирования, механизмов защиты интеллектуальной собственности и т.п. Серьезный потенциал в сопряжении проектов ЕАЭС и ШП заложен в либерализации торговли услугами, где скорее могут быть сняты или отменены тарифные и нетарифные барьеры. Наиболее перспективные сферы: IT-услуги, инжиниринг, электронная торговля, строительные, транспортные, туристические услуги и т.п.

Так, подписание в конце 2015 г. соглашения между Россией и Китаем о транзитных автомобильных грузоперевозках через Казахстан позволяет заметно облегчить процедуру прохождения таможенной регистрации товаров. Это сократит время на перевозку с одной недели до 2–3 дней. Другой пример: соглашение между Россией и Китаем о безвизовых туристических поездках (февраль 2000 г.) способствовало серьезному росту туристического потока из Китая, занимающего 1-е место в мире по затратам на выездной туризм. Китай еще в 2014 г. опередил другие страны по количеству посещающих Россию туристов (примерно 1/7 часть всех интуристов). В 2015 г. численность группового турпотока из Китая в Россию вырос до 537 тыс. человек, увеличившись на 87% по сравнению с 2014 г. Из этого турпотока почти половина (224 тыс. человек) посетили Россию по приграничному «безвизовому» туристическому обмену. В 2014 г. китайские туристы оставили в России более 1 млрд долл.¹⁴

Не следует забывать и о многосторонних проектах углубления торгового и инвестиционного сотрудничества, которые готовятся в настоящее время в рамках партнерства ЕАЭС — ШОС. В нем будут представлены все страны ЕАЭС, Китай, новые члены ШОС — Индия, Пакистан, а в перспективе, возможно, и Иран. В соответствии с данным в конце 2015 г. поручением своих правительств экспертами стран ШОС прорабатывается «Концепция реализации континентального экономического партнерства на пространстве ЕАЭС и ШОС». Реализация подобного проекта может способствовать формированию более тесного партнерства в рамках Экономического пояса Шелкового пути. Формат ЕАЭС во взаимодействии с ШОС также позволит Армении и Беларуси активнее включиться в интеграционные процессы на пространстве Евразии.

* * *

Таким образом, наиболее удобный для ЕАЭС вариант по созданию экономического партнерства — это ЭПШП. Данный вывод связан с тем, что этот проект — самый мягкий и позволяет выбрать удобные для каждого его участника уровень и формы участия.

Важно и то, что участие в ЭПШП станет альтернативным ответом на усиливающуюся трансрегионализацию глобальной экономики. Как справедливо отмечает министр по торговле ЕЭК В. Никишина, стыковка ЕАЭС и ЭПШП — хорошая возможность для России постепенно встроиться в международные цепочки добавленной стоимости. Это помогло бы и реструктуризировать экономику, и нарастить необходимую для взаимного доверия плотность контактов с Китаем, и постепенно подготовиться к конкуренции в условиях XXI века¹⁵. Современная практика показывает, что в интеграционных процессах наибольший выигрыш получает тот, кто играет на опережение.

Кроме того, сопряжение с Экономическим поясом Шелкового пути также позволяет успешнее реализовать планы ЕАЭС по созданию современных экономических партнерств с ШОС, странами АСЕАН и другими государствами.

Вместе с тем Россия должна проявлять активность в реализации данного проекта и теснее координировать свои действия с другими странами ЕАЭС, что важно и с точки зрения нейтрализации дезинтеграционных тенденций в Евразийском экономическом союзе. А это невозможно без концентрации усилий на реальной модернизации российской экономики и совершенствовании ее структуры.

1. *Хейфец Б.А.* Новые экономические мегапартнерства и глобальная экономика // *Международная жизнь*. 2016. № 3. С. 128–146.
2. *Чжоучао Ю.* Проект 21 века — Экономический пояс Шелкового пути. URL: <http://rusila.sw/2015/10/22/proekt-21-veka-ekonomicheskij-royas-shyolkovogo-puti/> (дата доступа: 22.10.2015).
3. Китай опубликовал план действий по строительству «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути 21-го века». Посольство КНР в Москве. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zgxw/t1251070.htm> (дата доступа: 01.04.2015).
4. OECD. A silk road for the XXI century: initial reflections on new opportunities for partnerships. 2015 Silk Road Forum. URL: <http://en.drc.gov.cn/OECD.pdf> (дата доступа: 29.10.2015).
5. *Brautlecht N.* Germany Plans to Expand Chinese Rail Link as Xi Visits Duisburg. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2014-03-28/germany-plans-to-expand-chinese-rail-link-as-xi-visits-duisburg> (дата доступа: 28.03.2014).
6. A silk road for the 21st century: initial reflections on new opportunities for partnerships. OECD. 2015. P. 4. URL: <http://en.drc.gov.cn/silkroadforum.htm> (дата доступа: 29.10.2015).
7. The Regular Press Conference of the Ministry of Commerce. 20 January Mofcom. 2016. URL: <http://English.mofcom.gov.cn/article/newsrelease/press/201601/20160101244116.shtml> (дата доступа: 22.01.2016).
8. *Воскресенский С.* Идея сопряжения проектов ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути. URL: <http://econopoly.gov.ru/minpec/press/interview/2015082704> (дата доступа: 27.08.2015).
9. Высший Евразийский экономический совет принял решение о новой структуре Евразийской экономической комиссии. ЕЭК.2015. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/16-10-2015-2.aspx> (дата доступа: 16.10.2015).
10. *Сабурова И.* Новый Шелковый путь: маршрут, схема, концепция. 2015. 9 октября. URL: <http://fb.ru/article/208819/novyyi-shelkovyyi-put-marshrut-shema-kontseptsiya> (дата доступа: 09.10.15).
11. *Лисоволик Я., Винокуров Е.* Поворот на Восток: Куда инвестирует Китай // *Ведомости*. 2016.15 янв.
12. *Пауфилова В.* Евразийский экономический союз уходит в Китай // *Независимая газета*. 2016. 31 мая.
13. ЕАЭС решил начать переговоры с Китаем по экономическому партнерству. 2016. 31 мая. URL: <http://www.zakon.kz/4796477-ejcas-reshil-nachat-peregovory-s-kitaem.html> (дата доступа: 31.05.2016).
14. Россия в 2015 году по безвизовому каналу посетило почти 540 тысяч туристов из Китая. URL: <http://www.visit-russia.ru/news/rossiya-v-2015-godu-po-bezvizovomu-kanalu-posetilo-pochti-540-tysyach-turistov-iz-kitaya> (дата доступа: 24.02.2016); *Раманова К., Штыкова В.* Китайский миллиард для России. URL: <http://www.gazeta.ru/business/2015/07/17/7643517.shtml> (дата доступа: 19.07.2015).
15. *Коростиков М.* Под высоким сопряжением // *Власть*. 2016. № 18 (9 мая).

Роль зарубежных китайцев в развитии центральной ветки Экономического пояса Шелкового пути

© 2016

А.В. Афонасьева

В статье рассматривается экономическая деятельность зарубежных китайцев (*хуацяо*) в опорных пунктах центральной ветки Экономического пояса Шелкового пути в Китае и за его пределами. Анализируется территориальная и отраслевая структура инвестиций и предприятий *хуацяо* в экономическом районе дельты р. Янцзы и в западных районах КНР, а также в странах Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока, Балканского полуострова и Западной Европы. Оценивается влияние зарубежного китайского бизнеса, включая госкорпорации КНР, на развитие центральной ветки ЭПШП.

Ключевые слова: зарубежные китайцы (*хуацяо*), Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП), прямые иностранные инвестиции (ПИИ), КНР, Центральная Азия, Ближний Восток, Средний Восток, Балканский полуостров, Западная Европа.

Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП), о строительстве которого Пекин официально объявил осенью 2013 г., — основной тренд развития китайской экономики в XXI веке. Внутри страны он призван стимулировать модернизацию предприятий в развитых районах и экономический подъем в отсталых, а за ее пределами — способствовать укреплению позиций китайского бизнеса, освоению новых рынков сырья, товаров, капитала и рабочей силы.

В китайских политических и научных кругах считается, что этнические китайцы за рубежом (*хуацяо*) потенциально способны стимулировать развитие ЭПШП, так как располагают значительными материальными и финансовыми ресурсами (их совокупный капитал в 2013 г. составлял примерно 5 трлн долл., в разы превосходя фонды ЭПШП, АБИИ¹ и прочих финансовых структур, обслуживающих китайский мегапроект).

Предполагается, что ЭПШП будет иметь три основных ветки: северную, центральную и южную. Конкретные их маршруты пока что находятся на стадии обсуждения. Относительно центральной ветки, которая берет начало на юго-востоке КНР и простирается до французского побережья Атлантического океана, есть следующие варианты:

- 1) через Актау (Казахстан), Баку, Тбилиси — в Турцию (этот маршрут уже реализуется)²;
- 2) через Центральную и Западную Азию в страны Персидского залива и Средиземноморья³;
- 3) через КНР — Казахстан — Узбекистан — Туркменистан — Иран — Армению — Турцию — Германию — Францию⁴.

Афонасьева Алина Владиславовна, кандидат экономических наук, ученый секретарь, старший научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: alina-afonasyeva@yandex.ru.

Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-07-50008.

Отмечая в целом непротиворечивость названных маршрутов, автор будет опираться на третий вариант как наиболее детализированный.

Центральная ветка ЭПШП — приоритетная для китайской стороны. Она сулит китайскому бизнесу возможности укрепить свое влияние в Центральной Азии, на Ближнем Востоке и в Западной Европе. Для России развитие ЭПШП по центральной ветке также представляет интерес, ибо проходит через страны ЕАЭС — Казахстан и Армению, имеющие единое таможенное пространство с РФ.

Более детально центральная ветка ЭПШП выглядит (в ее третьем варианте) следующим образом:

– Китай (г. Шанхай — пров. Цзянсу, г. Сюйчжоу — пров. Шэньси, г. Сиань — пров. Ганьсу, г. Ланьчжоу — Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР), гг. Кумул, Турфан, Урумчи, Куйтунь, уезды Цзинхэ и Хочэн;

– Казахстан (г. Алма-Ата);

– Узбекистан (г. Ташкент);

– Туркменистан (г. Теджен);

– Иран (гг. Мешхед, Тегеран, город-порт Бендер-Хомейни);

– Армения (г. Ереван);

– Турция (г. Анкара);

– Балканский полуостров;

– Германия;

– Франция (гг. Париж, Гавр)⁵.

Общая протяженность маршрута составляет ориентировочно 15 470 км. Из них по территории Китая — 4820 км; по странам Центральной Азии — 2380 км, в том числе 1140 км по территории Казахстана — участника ЕАЭС; по странам Ближнего и Среднего Востока — 5470 км (180 км по Армении, входящей в ЕАЭС); по территории европейских стран — 2800 км (из них 200 — через Австрию, 1200 км — через Германию и Францию и 1400 км — по Болгарии, Сербии, Хорватии, Словении).

Хозяйственная деятельность зарубежных китайцев в зоне китайской части центральной ветки ЭПШП

Центральная ветка ЭПШП берет начало в экономически развитом регионе КНР — дельте р. Янцзы (г. Шанхай, пров. Цзянсу и Чжэцзян). Сам пояс непосредственно проходит через Шанхай и Цзянсу. Общая численность их населения — 104 млн человек, доля во внутреннем региональном продукте дельты Янцзы — 68,5% (13,8% от ВВП КНР), доля инвестиций в основные производственные фонды региона — 68,3% (10,1% от ВВП КНР), доля в региональном потреблении — 68,8% (13,2% от ВВП КНР), доля во внешнеторговом обороте — 75% (24,4% от показателя по КНР)⁶. В ВРП рассматриваемых регионов доминируют промышленность и сфера услуг. В Шанхае сфера услуг составляет 63% (при доле промышленности — 33%). В Цзянсу соотношение промышленности и сферы услуг — 42,7% и 45,5%, в Сюйчжоу — 40% и 43,2% (табл. 1).

Из дельты Янцзы маршрут переходит в западные районы Китая: в пров. Шэньси и Ганьсу, далее — в СУАР. Население провинций и Автономного района суммарно составляет 81,43 млн человек. На эти территории приходится 24,4% ВРП западных районов (или 5,2% от ВВП КНР), 26,6% инвестиций в основные производственные фонды (6,5% от показателя по КНР), 24,2% потребления (5,2% от данных по КНР), 20,1% внешнеторгового оборота западных районов КНР (1,4% от показателя по КНР)⁷.

В экономике большей части западных районов КНР, через которые проходит центральная ветка ЭПШП, налицо довольно высокий удельный вес промышленности и сферы услуг: пров. Шэньси — соответственно 46,2% и 36% (в г. Сиане — 28,4% и 54,8%), в пров. Ганьсу — 34,1% и 43% (в г. Ланьчжоу — 33,2% и 52,6%), в СУАР —

38,2% и 35,9%. Отраслевая структура городов и уездов СУАР, через которые непосредственно пройдет центральная ветка ЭПШП, неоднородна. Преимущественную ориентацию на промышленность и сферу услуг сохраняют города Кумул (соответственно 33 и 40,5%), Урумчи (36 и 57%) и Куйтунь (43,2 и 41,2%). Относительно высока доля аграрного сектора в ВРП г. Турфан (22,5%): доля промышленности в нем — 23,6%, сферы услуг — 47,1%. В уездах Цзинхэ и Хочэн преобладает аграрный сектор, первая сфера занимает в них 48 и 33,5% ВРП соответственно (доля промышленности — соответственно 10,8% и 18,7%, сферы услуг — 24,6% и 43,4% (табл. 1).

Таблица 1

**Отраслевая структура экономики регионов
в китайской части центральной ветки ЭПШП, %⁸**

	Первая сфера	Вторая сфера в т. ч. промышл.		Третья сфера
Дельта реки Янцзы				
г. Шанхай	0,6	36,5	33,0	63,0
пров. Цзянсу	5,9	48,7	42,7	45,5
г. Сюйчжоу	9,6	47,2	40,0	43,2
Западные районы				
пров. Шэньси	9,1	54,9	46,2	36,0
г. Сиань	4,1	41,1	28,4	54,8
пров. Ганьсу	13,4	43,6	34,1	43,0
г. Ланьчжоу	2,7	44,7	33,2	52,6
СУАР	17,5	46,6	38,2	35,9
г. Кумул*	9,6	50,0	33,0	40,5
г. Турфан*	22,5	30,4	23,6	47,1
г. Урумчи*	1,2	41,8	36,0	57,0
г. Куйтунь*	5,2	53,5	43,2	41,2
уезд Цзинхэ*	48,0	19,1	10,8	24,6
уезд Хочэн*	33,5	23,2	18,7	43,4

Расчеты произведены по среднегодовому показателю за 2012–2014 гг. Для районов, отмеченных *, рассчитано по данным за 2011–2013 гг.

Таким образом, по территории КНР центральная ветка ЭПШП проходит от промышленно развитого экономического района дельты р. Янцзы через г. Сиань (важный научно-технический центр пров. Шэньси и западных районов). Далее через г. Ланьчжоу трасса идет к развивающимся и не преодолевшим еще свою отсталость городам и уездам СУАР. Бросается в глаза высокая доля сферы услуг во всех опорных точках этого маршрута — более 35% (за исключением уезда Цзинхэ), что, на наш взгляд, является ресурсом для логистической, транспортной, финансовой и иной поддержки развития центральной ветки ЭПШП.

Рассмотрим территориальную структуру прямых инвестиций *хуацяо* в КНР вдоль центральной ветки ЭПШП. Среднегодовой объем прямых инвестиций *хуацяо* в дельте Янцзы составляет 15,6 млрд долл., или 24,7% от общего среднегодового объема прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в регионе. На Шанхай приходится 4,1 млрд прямых инвестиций *хуацяо*, или 24,6% от общего объема ПИИ, на пров. Цзянсу — 8 млрд долл., или 24,7% всех ПИИ. Наибольшее влияние инвестиции *хуацяо* оказывают на экономику Шанхая, составляя 1,17% в ВРП и 4,52% вложений в основные производственные фонды города. Доля инвестиций *хуацяо* в ВРП и вложениях в основные производственные фонды пров. Цзянсу составила 0,83% и 1,36% соответственно; по дельте Янцзы в целом эти показатели составили 0,81% и 1,55% (табл. 2).

Зарубежные китайцы — ключевые внешние инвесторы в западных районах КНР, через которые пройдет центральная ветка ЭПШП. В пров. Шэньси, Ганьсу и в СУАР вложения хуацяо составляют 46,7%, 33,7% и 47,5% от объема ПИИ соответственно, хотя в абсолютных цифрах объем вложений хуацяо там существенно ниже, чем в дельте Янцзы — 1,68 млрд, 560 млн и 190 млн долл. соответственно. Влияние инвестиций хуацяо на экономику западных районов КНР также заметно слабее, чем в дельте Янцзы. В ВРП пров. Шэньси, Ганьсу и в СУАР их доля — 0,65%, 0,56% и 0,16% соответственно, а доля в инвестициях в их основные производственные фонды — 0,71%, 0,53% и 0,18% (табл. 2).

Таблица 2

ПИИ зарубежных китайцев в китайской части центральной ветки ЭПШП⁹

	ПИИ хуацяо, млрд долл.	Доля в ПИИ, %	Доля в ВВП/ВРП, %	Доля в инвестициях в основн. производствен- ные фонды, %
КНР	85,0	73,1	0,9	1,2
Дельта Янцзы	15,6	24,7	0,81	1,55
Шанхай	4,1	24,6	1,17	4,52
Цзянсу	8,0	24,7	0,83	1,36
Чжэцзян	3,5	24,3	0,58	1,07
Шэньси	1,68	46,7	0,65	0,71
Ганьсу	0,56	33,7	0,56	0,53
СУАР*	0,19	47,5	0,16	0,18

Расчеты произведены по среднегодовому показателю за 2012–2014 гг. Для районов, отмеченных *, — по данным за 2011–2013 гг.

Отраслевая структура предприятий зарубежных китайцев вдоль центральной ветки ЭПШП неоднородна. В Шанхае 60% их относится к обрабатывающей промышленности, 40% занято в сфере услуг, высокотехнологичного производства нет. В Цзянсу 72% предприятий хуацяо занято в обрабатывающей промышленности, высокотехнологичных из них — 6%; 25% компаний занято в сфере услуг. Зато в Шэньси все предприятия хуацяо относятся к высокотехнологичной обрабатывающей промышленности. В СУАР бизнес зарубежных китайцев сосредоточен, в основном, в первой сфере экономики (67%), остальные заняты в сфере услуг (табл. 3).

Сопоставление данных табл. 1 и 3 показывает, что в дельте Янцзы отраслевые структуры региона и предприятий хуацяо частично совпадают, поскольку последние сконцентрированы в обрабатывающей промышленности и сфере услуг. Но в процентном соотношении предприятий хуацяо в обрабатывающей промышленности заметно больше, чем в сфере услуг, хотя в отраслевой структуре экономики Шанхая превалирует сфера услуг, а в Цзянсу доли обрабатывающей промышленности и сферы услуг равны. В пров. Шэньси все предприятия хуацяо заняты в обрабатывающей промышленности, в сфере услуг таковые отсутствуют, хотя в целом доля сферы услуг в ее экономике довольно высока. В обрабатывающей промышленности СУАР нет предприятий хуацяо, все предприятия этого типа заняты в первой сфере и в сфере услуг (недвижимость), тогда как в экономике региона удельный вес промышленности и сферы услуг высок.

Можно заключить, что из числа компаний хуацяо, функционирующих в КНР, участвовать в развитии центральной ветки ЭПШП могут лишь те из них, что расположены в дельте Янцзы и в пров. Шэньси, производя товары (в том числе высокотехнологичные) для экспорта в Центральную Азию, на Ближний Восток и в Западную Европу. Кроме товаров, некоторые из таких компаний способны направлять услуги и капитал в пров. Ганьсу, в СУАР и в зарубежные страны по маршруту центральной ветки ЭПШП.

Таблица 3

**Отраслевая структура предприятий зарубежных китайцев
в китайской части центральной ветки ЭПШП, %¹⁰**

	Первая сфера	Обрабатываю- щая промыш- ленность	в том числе высо- ко-технологич- ный сектор	Сфера услуг
Дельта Янцзы				
г. Шанхай	0	60	-	40
пров. Цзянсу	—	72	6	25
Западные районы				
пров. Шэньси	0	100	100	0
пров. Ганьсу	—	—	—	—
СУАР	67	0	0	33

В выборке учтены наиболее успешные компании, являющиеся лауреатами проводимого в КНР конкурса «100 лучших компаний зарубежных китайцев» за несколько лет.

**Как китайский бизнес влияет
на развитие ЭПШП в Центральной Азии?**

Из стран Центральной Азии, через которые проходит ЭПШП, наибольшее число китайцев проживают в Казахстане — порядка 70 тыс. человек, или 0,4% населения страны. На Узбекистан и Туркменистан, по данным Всемирного Банка (ВБ), в 2013 г. приходилось свыше 1900 и около 300 человек соответственно¹¹. Данные ВБ представляются нам заниженными в 10–14 раз. Такой вывод напрашивается при сопоставлении его же данных по китайской миграции в РФ и Казахстан с экспертными оценками численности китайцев в этих странах. Таким образом, число китайцев в Узбекистане должно находиться в диапазоне от 19 330 до 25 062 человек, или 0,6–0,8% населения страны, а в Туркменистане этот диапазон должен составить 2980–4172 человек, или 0,06–0,08% населения страны. Поясним, что речь идет не только о постоянно проживающих здесь китайцах, но и о так называемых маятниковых мигрантах (кроме туристов), прибывающих сюда по несколько раз в год по делам или работающих по срочным трудовым контрактам. Число последних в Казахстане, Узбекистане и Туркменистане составляло в конце 2014 г. соответственно 9305, 2278 и 1019 человек¹².

Китайский бизнес присутствует во всех сферах экономики этих стран. В Казахстане отраслевая структура китайских предприятий сбалансирована: на первую, вторую и третью сферы приходится 24,1; 38,6 и 37,3% соответственно. В Узбекистане и Туркменистане в отраслевой структуре китайских предприятий доминирует вторая сфера экономики — 60 и 54,6% соответственно (в основном, в тяжелой промышленности и строительной индустрии). Доля китайских предприятий первой и третьей сфер в Узбекистане составила 15 и 25%, в Туркменистане — 27,3 и 18,2% соответственно (табл. 4).

Рассмотренные данные позволяют говорить о достаточно широком присутствии китайского бизнеса в экономике стран Центральной Азии, через которые прокладывается ветка ЭПШП. Кроме добывающих отраслей (нефть, газ) китайских предпринимателей привлекает в регионе возможность перемещения из КНР предприятий тяжелой и легкой обрабатывающей промышленности, чтобы снизить себестоимость продукции за счет сокращения издержек на рабочую силу и уплату налогов на охрану окружающей среды. Экспорт услуг китайских строительных фирм, специализирующихся на возведении объектов нефтегазовой и электроэнергетической инфраструктуры, позволяет снизить нагрузку на пересыщенный китайский рынок и обрести контроль над соответствующей инфраструктурой стран ЦА. Китайские предприятия из третьей сферы (в основном торгов-

ля, услуги связи и транспортные услуги) также являются значимым ресурсом для продвижения ЭПШП в ЦА.

Таблица 4

**Отраслевая структура китайских предприятий в Центральной Азии
по состоянию на 2014–2015 гг., %¹³**

	Казахстан	Узбекистан	Туркменистан
Первая сфера	24,1	15,0	27,3
Добывающая промышленность:	22,9	15,0	27,3
- энергоресурсы	20,5	15,0	27,3
- руда	2,4	—	—
Сельское хозяйство	1,2	—	—
Вторая сфера	38,6	60,0	54,6
Обрабатывающая промышленность	26,5	20,0	27,3
- тяжелая	21,7	15,0	27,3
- легкая	4,8	5,0	—
Строительство	12,1	40,0	27,3
Третья сфера	37,3	25,0	18,2
Электро-, газо-, тепло- и водоснабжение	4,8	—	—
Транспортные услуги	6,0	5,0	9,1
Услуги связи и телекоммуникации	6,0	15,0	9,1
Торговые услуги	12,1	5,0	—
Финансовые услуги	2,4	—	—
Гостиничное хозяйство и туризм	6,0	—	—

В Казахстане числится порядка 2800 китайских компаний, объем выборки для расчетов в данной таблице составляет 78 из них, причем одна компания занята в пяти и одна — в двух отраслях экономики. В Узбекистане функционирует 448 китайских компаний, для расчетов взято 20 из них. В Туркменистане насчитывается 32 китайские компании, для таблицы выбрано 11.

Алма-Ате, Ташкенту и Теджену участие в ЭПШП дает шансы восстановить закрытые в 1990-е годы предприятия тяжелой и легкой промышленности, создать новые рабочие места, повысить уровень жизни населения, расширить транспортную инфраструктуру, выйти с помощью китайских партнеров на новые рынки сбыта.

В Казахстане более 60% китайских предприятий находится в Алма-Ате, их отраслевая структура соответствует данным табл. 4. На добывающую и обрабатывающую промышленность в целом приходится 49,4% китайских компаний. В постсоветское время город утратил статус индустриального центра, много крупных предприятий было закрыто, из чего можно заключить, что китайские предприятия играют сегодня роль локомотивов в развитии его промышленности. Ташкент и Теджен также получают шанс модернизировать за счет сотрудничества с китайскими партнерами старые советские промышленные предприятия.

**Китайское присутствие на ближневосточном
отрезке центральной ветки ЭПШП**

Численность хуацяо в Иране составляет 200, в Турции — 60 000 человек¹⁴. Данных по Армении нет, но известно, что ежегодно ее посещают с разными целями 1000–1500 китайских граждан¹⁵. В процентном отношении к населению этих стран китайское присутствие в Иране и Турции равняется 0,0002 и 0,08% соответственно, в Армении — 0,03–0,05%.

Китайский бизнес присутствует во всех сферах экономики ближневосточных стран — участниц ЭПШП. В Иране и Турции наряду с крупными государственными корпорациями КНР активно работают компании *хуацяо*. В Армении в настоящее время представлены лишь государственные китайские корпорации. В отраслевой структуре Ирана, Армении и Турции доминирует сфера услуг — 47,3; 60 и 46,9% соответственно. Во всех трех странах китайский бизнес присутствует в отраслях электро-, газо-, тепло- и водоснабжения, услуг связи и телекоммуникации. В Иране и Турции значительная доля китайских компаний занята экспортно-импортной торговлей (22,2 и 23,4% соответственно). Заслуживают внимания китайские компании, занятые оказанием транспортных, финансовых и консалтинговых услуг — соответственно 8,3; 5,6; 2,8% в Иране и 6,4; 2,1; 6,4% в Турции (табл. 5). По мнению автора, наличие китайских компаний в этих трех отраслях существенно снижает риски для «идущего за рубеж» китайского бизнеса, гарантируя стабильность процессу развития там ЭПШП.

Во всех рассматриваемых странах китайский бизнес присутствует в строительной отрасли. В Иране, Армении и Турции — 16,7; 20,0; 12,8% соответственно. В Иране и Турции немало предприятий второй сферы занято в обрабатывающей промышленности, преимущественно в тяжелой (химической — 19,4% и нефтехимической — 31,9%) промышленности. В Турции 2,1% предприятий *хуацяо* приходится на легкую промышленность (табл. 5).

Таблица 5

**Отраслевая структура китайских предприятий в Иране, Армении и Турции
в 2014–2016 гг., %¹⁶**

	Иран	Армения	Турция
Первая сфера	16,7	20	6,4
Добывающая промышленность:	16,7	20	6,4
- энергоресурсы	13,9	20	6,4
- руда	2,8	0	0
Сельское хозяйство	0	0	0
Вторая сфера	36,1	20	46,8
Обрабатывающая промышленность	19,4	0	34
- тяжелая	19,4	0	31,9
- легкая	0	0	2,1
Строительство	16,7	20	12,8
Третья сфера	47,3	60	46,9
Электро-, газо-, тепло- и водоснабжение	2,8	20	4,3
Транспортные услуги	8,3	0	6,4
Услуги связи и телекоммуникации	5,6	40	4,3
Торговые услуги	22,2	0	23,4
Финансовые услуги	5,6	0	2,1
Консалтинг	2,8	0	6,4

В Иране функционирует более 80 китайских компаний (выборка для расчетов — 23 из них), причем одна компания учитывается в четырех и четыре — в трех отраслях экономики каждая. В Армении 5 китайских компаний, в выборку взято 4 из них (одна учитывается в двух отраслях). В Турции числится 64 китайских компании, для расчетов взято 34, причем одна участвует в четырех отраслях, одна — в трех, четыре — в двух отраслях.

Китайские предприятия первой сферы во всех рассматриваемых странах заняты в основном добычей энергоресурсов — 13,9; 20 и 6,4% соответственно. В Иране 2,8% китайских компаний занято добычей руды (табл. 5).

Анализ структуры китайского бизнеса в Иране, Армении и Турции позволяет говорить о наличии плацдарма для развития и продвижения ЭПШП на Ближнем и Среднем Востоке, созданном правительством КНР совместно с зарубежными китайскими предпринимателями.

Китайский бизнес на пути от Ближнего Востока в Европу

При прохождении через Средний и Ближний Восток у маршрута ЭПШП есть варианты прокладки дополнительных линий: из Ирана — в страны Персидского залива через город-порт Бендер-Хомейни; из Армении — на Северный Кавказ, юг России и далее в Восточную и Западную Европу; из Турции — в страны Северной Африки, Южной, Восточной и Западной Европы.

Кратчайший сухопутный путь из Турции в Западную Европу лежит через Балканский полуостров: Болгарию — Сербию — Хорватию — Словению. В каждой из этих стран проживают *хуацяо*. В Болгарии их численность оценивается в диапазоне от 900 до 1000 человек, в Сербии 700–2000 человек, в Хорватии примерно 450 человек, в Словении — 900–1450 человек¹⁷. Это сотые доли процента от численности населения указанных стран.

Китайские предприятия функционируют во всех странах этой группы. В Болгарии, Сербии и Словении наряду с госкорпорациями КНР имеются и крупные предприятия *хуацяо*, в Хорватии китайский бизнес представлен пока только госкорпорациями. Китайских предприятий насчитывается (без учета сетевых супермаркетов): в Болгарии — 20, в Сербии — 16, в Хорватии и Словении — по два¹⁸. В Болгарии китайский бизнес занят в тяжелой и легкой обрабатывающей промышленности, в строительстве, сельском хозяйстве, сферах телекоммуникаций и связи, финансовых услуг, торговли. В Сербии (которую китайцы считают единственным в Центральной и Восточной Европе стратегическим партнером КНР) много китайских компаний занято строительством и эксплуатацией объектов транспортной, водной и электроэнергетической инфраструктуры. Китайские фирмы функционируют в тяжелой и легкой обрабатывающей промышленности, предоставляют услуги связи и телекоммуникаций, финансовые услуги, осуществляют экспортно-импортную торговлю. В Хорватии две госкорпорации КНР заняты в сфере услуг связи и телекоммуникаций. В Словении китайский бизнес занят в тяжелой и легкой обрабатывающей промышленности. В Болгарии, Сербии и Словении значительная часть китайских предприятий тяжелой промышленности и строительной отрасли ориентирована на производство оборудования и строительство объектов накопления и выработки энергии из альтернативных источников.

Изложенные факты подтверждают мнение автора о важности балканского региона как связующего звена между ближневосточным и западноевропейским участками центральной ветки ЭПШП и отчасти свидетельствуют о лояльности стран региона к китайскому мегапроекту, поскольку китайский бизнес инвестирует в реальный сектор экономики этих стран, улучшает инфраструктуру, создает рабочие места и способствует росту благосостояния граждан. Китай не граничит с этими странами, что снижает опасения местных жителей относительно китайской экспансии в регионе. Так что включение балканского региона в центральную ветку ЭПШП — вопрос времени. Экономический задел для этого китайцами уже создан.

Китайский бизнес в западноевропейской зоне центральной ветки ЭПШП

Кратчайший маршрут из стран Балканского полуострова в Германию и далее во Францию лежит через Австрию, где проживает от 30 000 до 40 000 *хуацяо*¹⁹, или 0,35–0,46% ее населения. Примерно 1200 компаний *хуацяо* занято здесь ресторанным бизне-

сом, около 20 — туристическим, 4 — в обрабатывающей промышленности²⁰, одна — в строительстве²¹. Компании обрабатывающей промышленности и строительной отрасли заняты производством оборудования и строительством объектов, способных накапливать и вырабатывать электроэнергию из альтернативных источников, а также производством композитных материалов.

В Германии и Франции китайская диаспора существенно больше — от 111 до 150 тыс. (0,14–0,18% населения) и от 300 до 450 тыс. (0,45–0,68% населения) соответственно²². В обеих странах абсолютное большинство *хуацяо* занято ресторанным бизнесом: в Германии числится более 7000 китайских ресторанов²³, во Франции — 8000²⁴. Китайских предприятий вне сферы общественного питания существенно меньше — около 2000 в Германии²⁵ и 211 во Франции²⁶. Представляется целесообразным отдельно рассмотреть структуру китайских предприятий в этих странах вне ресторанного бизнеса.

В Германии таковые представлены во всех сферах экономики, во Франции — только во второй и третьей. Абсолютное большинство китайских компаний в обеих странах занято в сфере услуг — 75,5 и 62,6% соответственно. В Германии среди китайских предприятий третьей сферы преобладают торговля (30,6%), транспортные (18,4%) и финансовые услуги (14,3%). Имеются фирмы, занимающиеся маркетингом и консалтингом (8,2%), предоставляющие услуги связи и телекоммуникации (4,1%).

Таблица 6

Отраслевая структура китайских предприятий в Западной Европе по состоянию на 2014–2016 гг., %²⁷

	Германия	Франция
Первая сфера	2,0	0
Добывающая промышленность:	2,0	0
- энергоресурсы	0	0
- руда	2,0	0
Сельское хозяйство	0	0
Вторая сфера	22,5	37,3
Обрабатывающая промышленность	22,5	28,9
- тяжелая	14,3	12,0
- легкая	8,2	16,9
Строительство	-	8,4
Третья сфера	75,6	62,6
Электро-, газо-, тепло- и водоснабжение	-	2,4
Транспортные услуги	18,4	13,3
Услуги связи и телекоммуникации	4,1	4,8
Торговые услуги	30,6	3,6
Финансовые услуги	14,3	9,6
Гостиничное хозяйство и туризм	-	12,0
Маркетинг, консалтинг	8,2	15,7
Здравоохранение	-	1,2

В таблице не учтены предприятия ресторанного бизнеса. В Германии числится около 2000 китайских компаний, для расчетов взято 37 из них, причем две учтены в трех отраслях, 6 компаний — в двух отраслях каждая. Во Франции числится 211 китайских компаний, для расчетов взято 80 из них. Три компании учтены в трех отраслях каждая.

Во Франции китайские предприятия сферы услуг заняты преимущественно маркетингом и консалтингом (15,7%), оказанием транспортных (13,3%) и финансовых (9,6%) услуг, гостиничным бизнесом и туризмом (12%). Некоторые китайские предпри-

ятия заняты здесь услугами связи и телекоммуникации (4,8%), здравоохранением (1,2%), торговлей (3,6%), электро-, газо-, тепло- и водоснабжением (2,4%).

В Германии во второй сфере экономики занято 22,5%, во Франции — 37,3% китайских предприятий. В Германии это предприятия тяжелой и легкой обрабатывающей промышленности — 14,3% и 8,2% соответственно, во Франции — предприятия тяжелой и легкой обрабатывающей промышленности, а также строительные фирмы (12,0; 16,9 и 8,4% соответственно). В Германии работают китайские предприятия первой сферы экономики, занятые добычей руды — 2%. Во Франции, по имеющимся у нас сведениям, таковые отсутствуют (табл. 6).

Рассмотренные данные указывают на широкое представительство китайских компаний в экономике Германии и Франции. Присутствие китайского бизнеса во всех отраслях сферы услуг создает условия для «вхождения» в бизнес-среду этих стран все новых китайских компаний, «идущих за рубеж». Китайская диаспора в Германии, и, особенно, во Франции фактически представляет собой развитую китайскую бизнес-сеть. Диаспора имеет широкие связи в обеих странах, что помогает лоббировать здесь интересы государственного и частного китайского бизнеса.

* * *

Центральная ветка ЭПШП представляет собой путь от дельты Янцзы — развитой экономической зоны КНР — в развитые страны ЕС. Этим она принципиально отличается от северной и южной веток ЭПШП, начало которых — развитые экономические зоны КНР, а конечный пункт — развивающиеся страны.

Влияние *хуацяо* на китайском участке центральной ветки ЭПШП весьма значимо, причем в продвижении ЭПШП за пределы КНР способны участвовать лишь предприниматели-*хуацяо* из экономической зоны дельты Янцзы и из пров. Шэньси, ориентированные на выпуск экспортной высокотехнологичной продукции и на услуги в сферах консалтинга и логистики.

Китайцы ведут активную хозяйственную деятельность в каждой из стран вдоль маршрута ЭПШП. Во всех этих странах, за исключением Армении, проживают *хуацяо* численностью от нескольких сотен до сотен тысяч человек. Китайские предприятия (крупные госкорпорации и компании *хуацяо*) представлены во всех отраслях экономики стран Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока, Балканского полуострова, Западной Европы. Все активнее экспортируются в эти регионы услуги китайских строительных фирм, создающих (и затем эксплуатирующих) объекты транспортной и электроэнергетической инфраструктуры. Этому в последнее время сопутствует переброска ранее созданных крупных производственных мощностей из КНР. В повестку дня вступают двусторонние усилия, нацеленные на предотвращение экологического ущерба странам, расположенным вдоль трассы ЭПШП.

Развитие китайского бизнеса вдоль центральной ветки ЭПШП стало возможным благодаря активной поддержке общественных организаций зарубежных китайцев. Самая влиятельная из таковых — Союз китайских предпринимателей (СКП), имеющий отделения во многих странах мира. Из стран вдоль центральной ветки ЭПШП только в Узбекистане, Туркменистане, Армении и Хорватии пока нет отделений СКП. В Австрии, Германии, Франции, наряду с СКП, имеются десятки других общественных организации *хуацяо*, отстаивающих интересы китайского бизнеса.

1. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (англ: *Asian Infrastructure Investment Bank, AIIB*) — международная финансовая организация, созданная по инициативе КНР с целью стимулировать финансовое сотрудничество в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Ряд экспертов рас-

- смастривают его как потенциального конкурента базирующихся в США Международного валютного фонда и Всемирного банка. Китай, Индия и Россия входят (наряду с КНР) в тройку крупнейших владельцев голосов АБИИ.
2. *Островский А.В.* Китайский проект «Экономический пояс Шелкового пути» как путь к международному экономическому сотрудничеству // *Азия и Африка сегодня*. 2016. № 2. С. 11.
 3. Уянаев С. Китайский проект «Один пояс — Один путь»: концепция, план, сотрудничество с Россией // *Проблемы Дальнего Востока*. № 4. 2016. С. 10.
 4. «Сычоу чжилу цзинциздай» юй цюйюй цзинцизи фачжань яньцзю: [«Экономический пояс Шелкового пути» и изучение регионального экономического развития]. Пекин, 2014. С. 004.
 5. Там же.
 6. Для расчетов взяты среднегодовые показатели ВВП, инвестиций в основные производственные фонды, потребления, экспорта и импорта в 2012–2014 гг. Рассчитано по: Чжунго тунцизи няньцзянь 2015: [Китайский статистический ежегодник — 2015], Табл. 2–5, 3–1, 3–9, 3–17, 10–3, 11–9. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2015/indexch.htm> (дата обращения: 17.07.2016); Чжунго тунцизи няньцзянь 2014. Табл. 3–22, 10–3, 11–9. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2014/indexch.htm> (дата обращения: 17.07.2016); Чжунго тунцизи няньцзянь 2013. Табл. 2–22, 5–3, 6–10. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2013/indexch.htm> (дата обращения: 17.07.2016).
 7. Там же.
 8. Рассчитано по: Шанхай тунцизи няньцзянь 2015: [Шанхайский статистический ежегодник 2015]. Табл. 4–1. URL: <http://www.stats-sh.gov.cn/tjnj/nj15.htm?d1=2015tjnj/C0401.htm> (дата обращения: 17.07.2016); Цзянсу тунцизи няньцзянь 2015: [Статистический ежегодник пров. Цзянсу 2015]. Табл. 2–3, 2–10. URL: <http://www.jssb.gov.cn/2015nj/indexc.htm> (дата обращения: 17.07.2016); Цзянсу тунцизи няньцзянь 2014. Табл. 2–10. URL: <http://www.jssb.gov.cn/2014nj/indexc.htm> (дата обращения: 17.07.2016); Цзянсу тунцизи няньцзянь 2013. Табл. 2–14. URL: <http://www.jssb.gov.cn/2013nj/indexc.htm> (дата обращения: 17.07.2016); Шэньси шюй юй тунцизи няньцзянь 2015: [Региональный статистический ежегодник пров. Шэньси 2015]. Табл. 3–1, 4–1. URL: <http://www.shaanxitj.gov.cn/site/1/html/126/127/234/list.htm> (дата обращения: 17.07.2016); Ганьсу фачжань няньцзянь 2015: [Развитие пров. Ганьсу. Ежегодник 2015]. Табл. 2–1, 2–17. URL: <http://www.gstj.gov.cn/tjnj/2015/> (дата обращения: 17.07.2016); Ганьсу фачжань няньцзянь 2014. Табл. 2–17. URL: <http://www.gstj.gov.cn/tjnj/2014/> (дата обращения: 17.07.2016); Ганьсу фачжань няньцзянь 2013. Табл. 2–17. URL: <http://www.gstj.gov.cn/tjnj/2013/> (дата обращения: 17.07.2016); Синьцзян тунцизи няньцзянь 2014: [Статистический ежегодник Синьцзян-Уйгурского Автономного района 2014]. Табл. 2–1, табл. 2–10. URL: <http://cyfd.cnki.com.cn/№ 2014120108.htm> (дата обращения: 17.07.2016); Синьцзян тунцизи няньцзянь 2013. Табл. 2–10. URL: <http://cyfd.cnki.com.cn/№ 2013100046.htm> (дата обращения: 17.07.2016); Синьцзян тунцизи няньцзянь 2012. Табл. 2–10. URL: <http://cyfd.cnki.com.cn/№ 2012110029.htm> (дата обращения: 17.07.2016).
 9. Рассчитано по: Шанхай тунцизи няньцзянь 2015. Табл. 4–1, 7–1, 8–10. URL: <http://www.stats-sh.gov.cn/data/toTjnj.xhtml?y=2015> (дата обращения: 18.07.2016); Шанхай тунцизи няньцзянь 2014. Табл. 8.10. URL: <http://www.stats-sh.gov.cn/tjnj/nj14.htm?d1=2014tjnj/C0810.htm> (дата обращения 18.07.2016); Цзянсу тунцизи няньцзянь 2015. Табл. 2–3, 8–14. URL: <http://www.jssb.gov.cn/2015nj/nj02.htm>; Материалы официального сайта Бюро статистики пров. Чжэцзян 2012, 2013, 2014. URL: <http://tjj.zj.gov.cn/tjsj/ydsj/gmjhs/> (дата обращения: 18.07.2016); Чжунго тунцизи няньцзянь 2015. Табл. 10–1, 10–3, табл. 11–14. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2015/indexch.htm> (дата обращения 18.07.2016); Чжунго тунцизи няньцзянь 2014. Табл. 10–3. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2014/indexch.htm> (дата обращения 18.07.2016); Чжунго тунцизи няньцзянь 2013. Табл. 5–1, 6–13. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2013/indexch.htm> (дата обращения: 18.07.2016); Синьцзян тунцизи няньцзянь 2014. Табл. 2–1, 4–1, 5–6. URL: <http://cyfd.cnki.com.cn/№ 2014120108.htm> (дата обращения: 18.07.2016).
 10. Источники: Чжунго цюаоцзы цие фачжань няньду баогао — 2008: [Годовой доклад по развитию компаний с капиталом зарубежных китайцев в КНР — 2008]. Пекин, 2009. С. 145–148; Хайфнай хуашань цай Чжунго. Чжунго цюаоцзы цие фачжань няньду баогао — 2014: [Зарубежные китайские предприниматели в КНР. Годовой доклад по развитию компаний с капиталом зарубежных китайцев в КНР — 2014]. Пекин, 2014. С. 70.

11. Материалы сайта Всемирного банка. URL: <http://www.worldbank.org/en/topic/migrationremittancesdiasporaissues/brief/migration-remittances-data> (дата обращения: 21.07.2016).
12. Имеется в виду совокупность рабочих и инженеров, работающих по трудовым контрактам. Рассчитано по Чжунго тунци няньцзянь 2015. Табл. 11–22. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2015/indexch.htm> (дата обращения: 17.07.2016).
13. Рассчитано по: Дуйвай тоуцзы хэцзо гобе (дицьюй) чжинань. Хасаэксытань (2014 няньбань): [Справочник по инвестициям за рубеж по странам (регионам). Казахстан (издание 2014 года)]. URL: <http://www.fdi.gov.cn/CorpSvc/Temp/T3/Product.aspx?idInfo=10000545&idCorp=1800000121&iproject=25&record=523> (дата обращения: 25.06.2016); Чжунго дуйвай тоуцзы цуцзинь го-бе/дицьюй силе баогао. Тоуцзы Хасаэксытань: [Серия докладов о стимулировании экспорта китайского капитала за рубеж по странам/регионам. Инвестиции в Казахстан]. URL: <http://www.fdi.gov.cn/CorpSvc/Temp/T3/Product.aspx?idInfo=10000548&idCorp=1800000121&iproject=35&record=125> (дата обращения 25.06.2016); Дуйвай тоуцзы хэцзо гобе (дицьюй) чжинань. Узбекистан. 2014. URL: <http://www.fdi.gov.cn/CorpSvc/Temp/T3/Product.aspx?idInfo=10000545&idCorp=1800000121&iproject=25&record=520> (дата обращения 26.07.2016); Дуйвай тоуцзы хэцзо гобе (дицьюй) чжинань. Туркменистан 2014. URL: <http://www.fdi.gov.cn/CorpSvc/Temp/T3/Product.aspx?idInfo=10000545&idCorp=1800000121&iproject=25&record=525> (дата обращения: 26.07.2016).
14. По материалам базы данных библиотеки университета Огайо. URL: <http://cicdatabank.library.ohiou.edu/orac/population.php> (дата обращения: 30.07.2016).
15. Статистический ежегодник Армении 2015. Табл. 28. URL: <http://www.armstat.am/file/doc/99493598.pdf> (дата обращения: 30.07.2016).
16. Рассчитано по: Дуйвай тоуцзы хэцзо гобе (дицьюй) чжинань. Иран. 2015. URL: <http://www.fdi.gov.cn/CorpSvc/Temp/T3/Product.aspx?idInfo=10000545&idCorp=1800000121&iproject=25&record=368> (дата обращения: 29.07.2016); Список китайских предприятий на сайте Торгпредства КНР в Иране. URL: <http://ir.mofcom.gov.cn/article/zxhz/zjzg/201407/20140700646849.shtml> (дата обращения: 29.07.2016); Дуйвай тоуцзы хэцзо гобе (дицьюй) чжинань. Армения. 2015. URL: <http://www.fdi.gov.cn/CorpSvc/Temp/T3/Product.aspx?idInfo=10000545&idCorp=1800000121&iproject=25&record=566> (дата обращения: 29.07.2016); Список китайских предприятий на сайте Торгпредства КНР в Армении. URL: <http://am.mofcom.gov.cn/article/zxhz/zjzg/201602/20160201264502.shtml> (дата обращения: 29.07.2016); Дуйвай тоуцзы хэцзо гобе (дицьюй) чжинань. Турция. 2015. URL: <http://www.fdi.gov.cn/CorpSvc/Temp/T3/Product.aspx?idInfo=10000545&idCorp=1800000121&iproject=25&record=378> (дата обращения: 29.07.2016).
17. Минимальные оценки численности хуацяо в Болгарии и Сербии, а также максимальная оценка численности хуацяо в Словении даны по материалам сайта Всемирного Банка. URL: <http://www.worldbank.org/en/topic/migrationremittancesdiasporaissues/brief/migration-remittances-data> (дата обращения: 21.07.2016). Единственная оценка по численности хуацяо в Хорватии, а также минимальная оценка их численности в Словении даны по материалам сайта Международной организации по миграции. URL: <http://www.iom.int/world-migration> (дата обращения: 21.07.2016). Максимальные оценки численности хуацяо в Болгарии и Сербии даны по материалам сайта Института миграционной политики. URL: <http://www.migrationpolicy.org/programs/data-hub/charts/international-migrant-population-country-origin-and-destination> (дата обращения: 21.07.2016).
18. Дуйвай тоуцзы хэцзо гобе (дицьюй) чжинань. Болгария. 2014. URL: <http://www.fdi.gov.cn/CorpSvc/Temp/T3/Product.aspx?idInfo=10000545&idCorp=1800000121&iproject=25&record=512> (дата обращения: 30.07.2016); Дуйвай тоуцзы хэцзо гобе (дицьюй) чжинань. Сербия. 2014. URL: <http://www.fdi.gov.cn/CorpSvc/Temp/T3/Product.aspx?idInfo=10000545&idCorp=1800000121&iproject=25&record=521> (дата обращения: 30.07.2016); Дуйвай тоуцзы хэцзо гобе (дицьюй) чжинань. Хорватия. 2015. URL: <http://www.fdi.gov.cn/CorpSvc/Temp/T3/Product.aspx?idInfo=10000545&idCorp=1800000121&iproject=25&record=567> (дата обращения: 30.07.2016); Дуйвай тоуцзы хэцзо гобе (дицьюй) чжинань. Словения. 2014. URL: <http://www.fdi.gov.cn/CorpSvc/Temp/T3/Product.aspx?idInfo=10000545&idCorp=1800000121&iproject=25&record=524> (дата обращения: 30.07.2016).
19. Минимальная оценка: Хуажэнь цзинци няньцзянь. 2012–2013: [Ежегодник по экономике зарубежных китайцев. 2012–2013]. Пекин, 2013. С. 142. Максимальная оценка: База данных биб-

- лютеки университета Огайо. URL: <http://cicdatabank.library.ohiou.edu/opac/population.php> (дата обращения: 30.07.2016).
20. Хуажэнь цзинци няньцзянь... С. 142.
 21. По материалам сайта Торгпредства КНР в Австрии. URL: <http://at.mofcom.gov.cn/article/catalog/zgqy/> (дата обращения: 30.07.2016).
 22. Минимальные оценки: База данных библиотеки университета Огайо. URL: <http://cicdatabank.library.ohiou.edu/opac/population.php> (дата обращения: 30.07.2016). Максимальные оценки: Германия — Хуажэнь цзинци няньцзянь... С. 144; Франция — Хуажэнь цзинци няньцзянь... С. 130.
 23. Хуажэнь цзинци няньцзянь... С. 144.
 24. Там же. С. 131.
 25. Дуйвай тоуцзы хэцзо гобе (дицью) чжинань. Германия. 2014. URL: <http://www.fdi.gov.cn/CorpSvc/Temp/T3/Product.aspx?idInfo=10000545&idCorp=1800000121&iproject=25&record=483> (дата обращения: 30.07.2016).
 26. Дуйвай тоуцзы хэцзо гобе (дицью) чжинань. Франция. 2014. URL: <http://www.fdi.gov.cn/CorpSvc/Temp/T3/Product.aspx?idInfo=10000545&idCorp=1800000121&iproject=25&record=490> (дата обращения: 30.07.2016).
 27. Рассчитано по: Дуйвай тоуцзы хэцзо гобе (дицью) чжинань. Германия. 2014. URL: <http://www.fdi.gov.cn/CorpSvc/Temp/T3/Product.aspx?idInfo=10000545&idCorp=1800000121&iproject=25&record=483> (дата обращения: 30.07.2016); Чжунго дуйвай тоуцзы цуцзинь гобе/дицью силе баогао. Тоуцзы Дэго: [Серия докладов о стимулировании экспорта китайского капитала за рубеж по странам/регионам. Инвестиции в Германию]. URL: <http://www.fdi.gov.cn/CorpSvc/Temp/T3/Product.aspx?idInfo=10000548&idCorp=1800000121&iproject=35&record=114> (дата обращения: 30.07.2016); Дуйвай тоуцзы хэцзо гобе (дицью) чжинань. Франция. 2014 года. URL: <http://www.fdi.gov.cn/CorpSvc/Temp/T3/Product.aspx?idInfo=10000545&idCorp=1800000121&iproject=25&record=490> (дата обращения: 30.07.2016); Список китайских предприятий на сайте Ассоциации китайских предприятий во Франции. URL: <http://aef8.free.fr/membre.htm> (дата обращения: 30.07.2016).

Проблема долга в экономике Китая: подходы к оценке, сценарии, варианты решения

© 2016

И.В. Вахрушин

В статье затрагиваются различные аспекты долговой проблемы в экономике Китая. Анализируются подходы к оценке совокупного долга с точки зрения его структурных компонентов, абсолютных и относительных показателей. Рассматриваются возможные сценарии развития китайской экономики с учетом фактора возрастающей долговой нагрузки. Особое внимание уделяется проблеме долга местных правительств и комплексу мер, направленных на ее решение.

Ключевые слова: государственный долг Китая, долг местных правительств, финансовые фонды местных правительств (LGFV), совокупное общественное финансирование (СОФ), продукты по управлению благосостоянием (WMP), «плохие» кредиты.

В последнее время финансовая система Китая столкнулась с целым рядом одно-временных вызовов и угроз, в числе которых долгосрочное замедление темпов экономического роста, сокращение экспорта и импорта, периодические потрясения на фондовом рынке, ухудшение ситуации с международным платежным балансом вследствие давления на валютном рынке, сокращения золотовалютных резервов, усиливающегося оттока капитала. Все это вызывает у значительной части международных экспертов и инвесторов опасения относительно долгосрочной финансовой стабильности в Китае.

Одним из ключевых потенциальных факторов нестабильности является постоянно возрастающая долговая нагрузка на китайскую экономику. Если по показателю уровня долга центрального правительства экономика КНР представляется вполне благополучной (в частности, в 2009–2013 гг. этот показатель снизился с 29 до 25% ВВП), то тенденция стремительного роста задолженности местных правительств на протяжении последних лет выглядит угрожающей.

Еще в марте 2013 г. экономистами Nomura, ведущей инвестиционной компании в азиатском регионе, был опубликован доклад, в котором обосновывалось наличие серьезных угроз для китайской экономики и допускалась высокая степень вероятности ее полномасштабного кризиса. Стремительному росту долговой нагрузки на экономику в докладе отводилась роль ключевого потенциального кризисного фактора.

В первую очередь аналитики Nomura указывали, что соотношение выданных кредитов (банковских кредитов, а также корпоративных и государственных облигаций на руках у банков) к ВВП достигло своей самой высокой точки за всю историю измерений. Показатель вырос с 121% ВВП в 2008 г. до 155% ВВП в 2012 г.¹

Рассмотрим близкие по содержанию показатели долговой нагрузки с позиции сегодняшнего дня. По итогам 2015 г. отношение совокупной задолженности по всем видам кредитов финансовых институтов Китая (99 трлн юаней) к ВВП (67,7 трлн юаней) со-

ставляет 146% ВВП. Если добавить задолженность по всем видам корпоративных облигаций, показатель долговой нагрузки возрастет до 168%. Таким образом, тревожная тенденция сохраняется и, возможно, даже усиливается². Определенную тревогу экспертов также вызывает значительно возросшая нагрузка на ВВП в части процентных расходов — с 7,2% ВВП в 2009 г. до 13% ВВП в 2015 г.

Долговая нагрузка будет значительно выше, если рассматривать ее исходя из концепции совокупного общественного финансирования (СОФ), принятой Народным банком Китая (НБК) в 2011 г. и включающей банковское и все виды небанковского кредитования реального сектора экономики (нефинансовых предприятий и домохозяйств). По итогам 2015 г. показатель отношения объема задолженности СОФ (138 трлн юаней) к ВВП составил 204%. По данным МВФ и Банка международных расчетов, соотношение кредитного долга (в юанях и иностранной валюте) к ВВП выросло со 107% в декабре 2008 г. до 133% в марте 2012 г., а соотношение СОФ к ВВП выросло со 127% до 194% за аналогичный период. Таким образом, за прошедшие четыре года правительство достаточно успешно сдерживало рост долговой нагрузки в части СОФ (+10%), в то время как кредитная нагрузка в условиях более низкой базы выросла существенно (+13%).

Доля небанковского кредитования в общем объеме СОФ выросла с 5% в 2002 г. до максимального уровня 42% в 2012 г., затем снизилась до 31% по итогам 2015 г. Такая динамика вполне укладывается в русло политики финансовых регуляторов, которые рассматривают чрезмерный рост небанковского кредитования как существенный риск для финансовой системы и в последние годы стараются его сдерживать.

Что касается структуры небанковского финансирования, то по итогам 2015 г. накопленная задолженность по корпоративным облигациям составила 14,6 трлн юаней, кредитам под поручительство (entrusted loans) — 11 трлн юаней, банковским акцептам — 5,8 трлн юаней, трастовым кредитам (trust loans) — 5,4 трлн юаней, акционерное финансирование — 4,5 трлн юаней³.

Таблица 1

Показатели долговой нагрузки в экономике КНР (в % к ВВП)

	2008	2010	2012	2014	2015
Совокупная долговая нагрузка центрального и местных правительств	н/д	43,2	47,7	57	н/д
Совокупный объем выданных кредитов и задолженность по государственным и корпоративным облигациям	121	н/д	155	н/д	168
Долговая нагрузка в рамках совокупного общественного финансирования	127	н/д	194	н/д	204
Золотовалютные резервы	42,6	47,4	39	36,8	30,3
Совокупный внешний долг (всех видов)	8,5	9,1	8,7	8,6	14,3

Источник: рассчитано автором по: China Statistical Yearbook 2015.

URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2015/indexeh.htm>; IMF World Economic Outlook Database; URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2016/01/weodata/index.aspx>.

Из табл. 1 видно, что практически все рассчитанные показатели свидетельствуют об устойчивом росте долговой нагрузки начиная с 2008 г., за исключением внешнего долга, который оставался на стабильном уровне, но резко вырос в 2015 г. Также очевидна тенденция стремительного сокращения золотовалютных резервов (как относительного, так и абсолютного), что может привести к снижению финансовой устойчивости китайской экономики уже в среднесрочной перспективе.

По оценке агентства Fitch, многие элементы небанковского кредитования тесно связаны с теневой экономикой Китая. Прежде всего, это развитие инвестиционных про-

дуктов, связанных с управлением благосостоянием (wealth management products, WMP). Однако, несмотря на тесную связь, СОФ отличается от теневой банковской системы.

Аналитики J.P. Morgan Chase Bank отмечают, что понятие теневой банковской системы различается в отдельных странах, но в Китае она в большей степени состоит из трастовых фондов, продуктов управления благосостоянием (WMP) и подпольных кредитов (underground lending). Последние не входят в расчет СОФ, которое учитывает также средства, находящиеся в активах балансов банков и финансовых организаций. Теневая экономика, в свою очередь, включает в себя различные небанковские финансовые операции, многие компоненты которых могут пересекаться между собой. К примеру, WMP иногда выступают источниками фондирования (обязательствами) для трастовых фондов, из-за чего размер теневой банковской системы может быть преувеличен.

Еще одно различие заключается в том, что СОФ фокусируется на поддержке реального сектора экономики, в то время как теневая экономика представляет собой куда более широкий набор инвестиционных опций. К примеру, по оценкам China Trust Association, активы под управлением в трастовой индустрии выросли на 2,66 трлн до 7,47 трлн юаней в 2012 г., в то время как статистика СОФ показывает, что трастовые кредиты увеличились лишь на 1,29 трлн юаней. Дело в том, что СОФ учитывает только кредиты трастовых фондов, но не их финансовые активы (владение облигациями и акциями финансовыми организациями учитывается в отдельных категориях в рамках СОФ)⁴.

В последние годы НБК пытается повлиять на рынок WMP. Сегодня китайские банки (в особенности, небольшие) предлагают своим клиентам альтернативу банковским депозитам, которая дает более высокий процент (в 2015 г. — до 6% годовых). WMP осуществляют инвестиции в более рискованные активы. По оценкам JP Morgan, объем WMP в китайских банках достиг 7,1 трлн юаней по итогам 2012 г., что составляло 7,5% от всех банковских депозитов. К концу 2014 г. банками было выпущено 6539 продуктов WMP, а их общая стоимость достигла 12,7 трлн юаней⁵.

По оценкам МВФ, в 2014 г. объем теневого банковского сектора в Китае составлял 19,9 трлн юаней (35% ВВП). Оценки инвестиционных банков UBS и JP Morgan намного выше и лежат в диапазоне 50–80% ВВП⁶.

В 2015 г. заметно осложнилась ситуация с международным платежным балансом. По данным Государственного управления валютного контроля (ГУВК) КНР, по итогам 2015 г. положительное сальдо по текущим операциям увеличилось на 37,5%, составив 293,2 млрд долл. (против положительного сальдо в размере 213,1 млрд долл. в 2014 г.), по капитальным операциям и операциям с финансовыми инструментами дефицит увеличился на 67,8%, составив 161 млрд долл. (90 млрд долл. в 2014 г.).

Увеличение дефицита платежного баланса по капитальным операциям и операциям с финансовыми инструментами подтвердило, что Китай ускорил темпы вывоза капитала, оказав тем самым самый долгосрочную валютную поддержку предприятиям в процессе выхода на зарубежный рынок.

В 2015 г. также существенно уменьшились валютные резервы Китая — на 512,6 млрд долл. Согласно данным ГУВК, по состоянию на конец 2015 г. валютные резервы Китая составили 3,33 трлн долл., сократившись на 13,3%. Значительную часть валютных резервов НБК направил на стабилизацию ситуации на валютном рынке, сложившейся вследствие девальвации национальной валюты. При этом до 70% валютных резервов Китая номинированы в долларах США. По оценкам различных экспертов, около 2 трлн долл. валютных резервов Китая представлены качественными и высоколиквидными активами.

Внешний долг КНР вырос на 78,6% — до 9731,8 млрд юаней (1 527,75 млрд долл.). Коэффициент задолженности (или доля внешнего долга в ВВП страны) достиг 14,29% против 8,64% в 2014 г.⁷

По данным инвестиционного банка Goldman Sachs, положительное сальдо по текущему счету платежного баланса Китая по итогам 2015 г. составило 337 млрд долл.,

что эквивалентно 3,6% ВВП (разночтение с данными ГУВК может, в частности, объясняться снижением валютного курса юаня по отношению к доллару), включая чистые прямые иностранные инвестиции — 74 млрд долл. Прогнозные значения этих показателей для 2016 г. предусматривают некоторое снижение — 324 млрд долл. (3% ВВП) и 48 млрд долл. соответственно. По оценкам Goldman Sachs, в перспективе до 2019 г. ресурсов текущего счета и чистого притока иностранных инвестиций будет достаточно, чтобы пополнять валютные резервы качественными активами и не допустить «жесткой посадки» экономики.

В концепции МВФ, как и в большинстве других западных источников, помимо собственно государственного долга (так называемого долга общего правительства, включающего долг центрального правительства и облигации местных правительств) активно используется показатель расширенного государственного долга (дополнительно включающего все собственные источники финансирования местных правительств, прежде всего привлеченные кредиты и выпущенные облигации).

По прогнозу МВФ, сделанному в рамках методики анализа долговой устойчивости Китая, к 2020 г. долг общего правительства составит чуть более 20% ВВП, в то время как расширенный государственный долг вырастет с 57 до 71% ВВП, а в случае сочетания ряда неблагоприятных макроэкономических факторов — до 78% ВВП.

Также аналитиками фонда произведен стресс-тест с использованием стресс-фактора всплеска условных обязательств (в данной методике это ситуация, в которой 10% совокупных банковских активов обращаются в обязательства правительства, а в КНР активы банков достигали 205% ВВП в 2014 г.), что в случае Китая может быть связано с необходимостью масштабной рекапитализации банковской системы, например, в результате кризиса «плохих» кредитов. Результаты теста по заданному параметру показывают, что уровень долга общего правительства вырастет с 19% ВВП в 2015 г. до 41% ВВП в 2016 г., а в перспективе до 2020 г. при прочих равных условиях будет на уровне 44% ВВП. При этом расширенный госдолг к 2020 г. вырастет до 100% ВВП.

Куда более устойчивой финансовая система Китая оказалась в отношении другого стресс-фактора — резкого замедления темпов роста ВВП (в соответствии с методикой, падение темпов роста на 2 проц. пункта в 2016 и 2017 г. по сравнению с базовым прогнозом). В данном сценарии к 2020 г. долг общего правительства составит 25% ВВП в сравнении с 22% ВВП в базовом прогнозе⁸.

Аналитики Goldman Sachs разработали два сценария экономического развития Китая в период с 2015 до 2022 г. Первый сценарий предполагает сохранение темпа роста ВВП на среднем уровне в 6,5%, предусмотренном 13-м пятилетним планом социально-экономического развития страны. При этом валовые инвестиции в основные фонды снизятся с 45% ВВП в 2015 г. до 40% ВВП в 2022 г., конечное частное потребление в отношении к ВВП вырастет с текущих 38% на 8,5 проц. пункта, показатель общей факторной производительности⁹ увеличится с текущих 1,6% до 2,5%, совокупный долг¹⁰ возрастет с 218% до 257% ВВП.

Второй сценарий предусматривает замедление средних темпов роста ВВП до 4,8%. При этом инвестиции, как и в первом случае, снижаются до 40% ВВП, общая факторная производительность уменьшается вследствие низкой эффективности проводимых реформ, совокупная долговая нагрузка достигает 285% ВВП к 2022 г. и 300% ВВП к 2024 г.¹¹

Аналитики Goldman Sachs также проанализировали показатель прироста совокупной долговой нагрузки в отношении к ВВП для Китая и еще пяти стран, в различное время переживших глубокий финансовый кризис (США, Великобритания, Япония, Южная Корея, Таиланд), и пришли к выводу, что, за исключением Таиланда, за последние восемь лет прирост данного показателя в Китае (на 79%) был больше, чем в предкризисный восьмилетний период для рассматриваемых стран. Так, в Таиланде в 1990–1997 гг.

совокупная долговая нагрузка в отношении к ВВП выросла на 102%, в Японии в 1983–1990 гг. — на 54%, в США в 2000–2007 гг. — на 45%.

С другой стороны, высочайший уровень сбережений в Китае среди всех значимых экономик мира (47,5% ВВП в 2015 г.), а также низкая зависимость от внешнего финансирования служат определенным защитным барьером от возможного финансового кризиса. Однако в случае Южной Кореи данный барьер не сработал: в кризисном для нее 1998 г. уровень национальных сбережений был также на очень высоком уровне — 38%, а показатель ВВП в расчете на душу населения был на 45% больше, чем в сегодняшнем Китае.

В настоящее время около половины совокупного долга Китая, рассчитанного по методике Goldman Sachs, составляет задолженность нефинансового корпоративного сектора. Существуют два теоретических подхода к частичному решению проблемы долгового бремени корпораций.

Первый подход предполагает кардинальное снижение ключевых процентных ставок в рамках инструментов денежно-кредитной политики. Начиная с 2015 г. НБК принял серию таких снижений с целью стимулирования экономического роста. Однако, по оценкам финансовой исследовательской компании Autonomus Research, для достижения корпорациями долговой устойчивости масштаб снижения ключевой процентной ставки к концу 2016 г. должен достигнуть 4%, в настоящее время средний уровень ставки по совокупному корпоративному долгу, включая облигаций, составляет 6,4%¹².

Однако такое резкое снижение имеет целый ряд отрицательных последствий: возрастает давление на валютный рынок и курс юаня, что в свою очередь может привести к новой волне оттока капитала; значительно сокращается рентабельность банковского сектора; наносится серьезный удар по росту потребления в силу резкого сокращения процентных доходов на сбережения домохозяйств.

Второй подход столь же противоречив и заключается в том, что правительство может побудить банки активно списывать заведомо недействующие кредиты. Однако такая политика невозможна без учета риска полномасштабного банковского кризиса или кризиса корпоративных дефолтов. По оценкам Autonomus Research, в настоящее время совокупный объем избыточного, экономически неэффективного кредитования в Китае достиг 73 трлн юаней (11 трлн долл.). В перспективе это может привести к росту доли «плохих» кредитов в банковской системе до 20%, а также к падению рентабельности крупнейших банков на 35%.

По данным НБК, в 2015 г. объем недействующих кредитов вырос на 51% и достиг 1,27 трлн юаней, или 1,6% совокупного кредитного портфеля при совокупных активах банковского сектора 192 трлн юаней (30 трлн долл.)¹³.

Такой низкий официальный уровень «плохих» кредитов в Китае не должен вводить в заблуждение. В отчетности китайских банков активно используется термин кредиты «особого упоминания» (или кредиты на особом контроле), по которым заемщик в настоящее время в состоянии погасить основную сумму и проценты, в то время как существуют факторы, которые потенциально могут воспрепятствовать обслуживанию ссуды. Таким образом, эти кредиты являются потенциально «плохими». К концу 2015 г. общая задолженность по кредитам на особом контроле и «плохим» кредитам достигла 4,2 трлн юаней, что составляет 5,46% совокупного кредитного портфеля.

Ряд западных аналитиков подвергают серьезным сомнениям объективность данных официальной статистики относительно доли «плохих» кредитов в банковской системе Китая, приводя при этом собственные оценки. Так, в соответствии с экстремальной оценкой Кайла Басса, главы крупного американского хедж-фонда Nauman Capital Management, доля проблемных кредитов в действительности может достигать 30%, вследствие чего китайские банки могут потерять около 10% своих активов, что эквивалентно 3,5 трлн долл.

Более осторожный прогноз приводят аналитики китайской фондовой компании China International Capital. По их оценкам, реальная доля проблемных кредитов не превышает 10%. В случае, если кризис «плохих» долгов наступит в условиях «жесткой посадки» экономики, совокупные потери банков могут достичь 10 трлн юаней (1,5 трлн долл.), в то время как превышение порогового значения в 8 трлн юаней неизбежно приведет к сокращению собственного капитала банков¹⁴.

Для сравнения, в ходе мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. доля «плохих» кредитов в банковской системе США достигала максимального значения в 5,64%, в еврозоне в результате кризиса суверенных долгов 2010–2013 гг. этот показатель вырос до 6,45%. При этом максимальный объем банковских активов в США составлял 12,4 трлн долл. против 30 трлн долл. в Китае.

Вероятно, в обозримой перспективе будет набирать обороты практика корпоративных дефолтов китайских компаний. Если в 2014 г. объем таких дефолтов составил 6,7 млрд юаней (1 млрд долл.), то в 2015 г. их масштаб достиг 28 млрд юаней (4 млрд долл.). Однако облегчению долгового бремени экономики в результате корпоративных дефолтов препятствует непрозрачность процедур и фактическое неравенство кредиторов в правах. По большинству компаний банкротство осуществляется в ручном режиме, в результате чего влиятельные кредиторы получают полное возмещение по своим требованиям, в то время как возмещение для рядовых кредиторов либо частичное, либо вовсе отсутствует. В качестве примера можно привести первый в Китае дефолт по корпоративным облигациям компании Shanghai Chaog Solar, состоявшийся в 2014 г. Объем эмиссии дефолтных облигаций составлял 1 млрд юаней. Новые владельцы компании в полном объеме выплатили возмещение держателям данных облигаций.

После того как Госсовет КНР в 1994 г. запретил местным правительствам осуществлять прямые заимствования, они стали активно создавать посреднические структуры — финансовые фонды местных правительств (local government financing vehicles, LGFV), аккумулирующие средства путем эмиссии корпоративных облигаций для финансирования муниципальных проектов.

По организационно-правовой форме LGFV мало чем отличается от обычных госпредприятий провинциального и муниципального уровня, поэтому в ряде случаев их достаточно сложно идентифицировать, однако по самым скромным оценкам их количество по всей стране превышает десять тысяч. LGFV в интересах местных правительств напрямую инвестируют в строительство объектов дорожной, транспортной, энергетической, водной и жилищной инфраструктуры. От органов местной власти они могут получать либо непосредственно денежные средства, либо земельные активы, которые затем используют в качестве залога при получении банковских кредитов или заимствованиях на рынке капитала.

В 2011–2013 гг. был проведен масштабный аудит с целью выявления объективного финансового состояния местных правительств. Первые проверки 2011 г. показали уровень финансовой непрозрачности: из общего числа провинциальных правительств (31) у 24 — отсутствовали какие-либо механизмы мониторинга финансовых рисков, у 14 — не были учреждены специальные фонды по обслуживанию долга, у 7 — отсутствовала система управления догом.

Результаты аудита были представлены следующими данными: по состоянию на конец 2012 г. совокупный накопленный долг центрального правительства составлял 11,8 трлн юаней, долги местных правительств достигли 15,8 трлн юаней. По состоянию на середину 2013 г. эти показатели составили 12,4 и 17,9 трлн юаней соответственно. Таким образом, за полгода накопленные долги местных правительств выросли на 13%, а с конца 2010 г. их прирост достиг 67%.

Доля правительств городского и районного уровней в совокупной структуре местного долга составляла около 40% и имела тенденцию к некоторому снижению, однако это могло быть результатом административной реформы, направленной на укрупнение

районов. Что касается структуры местного долга по типам заемщиков, то в 2013 г. на LGFV пришлось 39% общей задолженности. Несмотря на то, что вследствие усилившегося контроля над их заимствованиями удельный вес LGFV снизился (в 2010 г. — 46%), они по-прежнему остаются крупнейшими заемщиками на местном уровне.

В отличие от предыдущих проверок в аудите 2013 г. отражены данные по задолженности госпредприятий провинциального уровня, которая достигла 3,1 трлн юаней (17,5% местного долга). Доля госпредприятий на долговом рынке растет, и есть опасения, что через них будет компенсироваться недостаток местных заимствований, вызванный ограничениями в деятельности LGFV.

В структуре источников заимствований местных правительств в 2013 г. банковские кредиты по-прежнему занимали 1-е место, хотя их удельный вес с 2010 г. значительно снизился — с 80 до 57%. В то же время наблюдалась тенденция устойчивого роста облигационных займов: в 2012–2013 гг. объем эмиссий вырос с 2,1 до 3,2 трлн юаней¹⁵.

Необходимо отметить, что местный долг состоит из прозрачной части (банковские кредиты и облигационные займы), размер которой легко и достоверно прослеживается из финансовых отчетов LGFV и банков, и непрозрачной части (все формы небанковского и теневого кредитования), которая не подлежит сплошному учету и может быть оценена лишь экспертным путем на основании разрозненных данных. Прозрачная часть в период с 2010 г. до середины 2013 г. выросла всего с 1,5 до 2,1 трлн долл., снизившись при этом с 24 до 23% ВВП. Что касается непрозрачной части, то в период 2011–2013 гг. она увеличилась с 360 млрд долл. до 1,2 трлн долл. Таким образом, прирост местного долга происходит в основном за счет его непрозрачной части.

В части небанковского кредитования одним из ключевых источников финансирования LGFV выступают продукты управления благосостоянием (WMP), формально учреждаемые банками. Для частных инвесторов это более высокодоходная, но и куда более рискованная альтернатива обыкновенным банковским депозитам. Вкладчикам WMP, как правило, не гарантирован возврат даже основной суммы вклада (на них не распространяется система обязательного страхования вкладов). Минимальная сумма для участия в WMP обычно составляет от 50 тыс. юаней.

Объем выпускаемых банками WMP ограничен регулятором. Банки не обязаны начислять по ним резервы, так как в отчетности WMP отражаются на забалансовых счетах. Таким образом, все риски по WMP несут их инвесторы. Привлеченные в рамках WMP средства канализируются в сектор небанковских финансовых институтов (трастовые компании, компании по ценным бумагам) и затем инвестируются в ценные бумаги и небанковские ссуды. Как правило, стратегию инвестирования WMP определяют их банки-учредители, однако регулятором установлено, что на ссуды в инвестиционном портфеле WMP может приходиться не более 35%.

В частности, для компаний LGFV фонды WMP активно предоставляют ссуды для финансирования проектов в отраслях с избыточным инвестированием (с точки зрения регуляторов) и уже перенасыщенных банковскими кредитами, прежде всего это сфера жилищного строительства. При этом ставки по ссудам WMP, как правило, не отражают реальный уровень рисков в данных проектах.

Один из ключевых вызовов LGFV на текущем этапе развития — проблема с платежеспособностью в краткосрочной перспективе. Это связано с тем, что большинство обязательств в долговом портфеле LGFV представлено краткосрочными банковскими и небанковскими кредитами, в то время как выход на рентабельность по реализуемым инфраструктурным проектам возможен лишь в долгосрочной перспективе, что приводит к разрыву краткосрочной ликвидности. По оценкам Moody's и Nomura Securities, у половины всех LGFV уже в 2014 г. было недостаточно собственных денежных потоков для обслуживания долгов. Вместе с тем, по мнению Macquarie Capital, 29% новых заимствований LGFV используются для погашения наступивших долговых обязательств.

В то же время большинство LGFV располагают достаточными ресурсами для выплаты процентов, пеней и штрафов, что позволяет максимально отсрочивать погашение основной суммы долга. Однако растущие процентные ставки еще больше подрывают финансовое положение LGFV, так как им приходится в среднем рефинансировать долг раз в год, заключая новое соглашение с более высокими процентными расходами.

Что касается долгосрочных вызовов для деятельности LGFV, то они связаны с такими фундаментальными проблемами, как сохраняющаяся разбалансированность бюджетной системы, непрозрачность финансовых отношений на местном уровне, а также заинтересованность региональных правительств в избыточном инвестировании.

Ключевая проблема местных правительств заключается в том, что без привлечения новых заимствований их собственных ресурсов категорически недостаточно для текущего обслуживания долга и погашения обязательств с приближающимся сроком выплаты. Также значительный риск представляют условные обязательства¹⁶. По состоянию на конец 2013 г. совокупный объем обязательств местных правительств оценивался в 18 трлн юаней.

Наибольший риск представляет часть местного долга, сконцентрированная в проектах, реализуемых по инвестиционной схеме «строительство — передача». В среднем по провинциям доля таких проектов в структуре долга составляет 8%. Однако в наименее развитых и бедных провинциях она гораздо выше (например, в Гуйчжоу — 30%).

Схема «строительство — передача» (СП) представляет собой видоизмененный вариант классического концессионного соглашения «строительство — эксплуатация — передача» (СЭП) с изъятием фазы эксплуатации объекта. Договор по схеме СП заключается местными органами власти с частной или государственной компанией, которая с опорой на собственное (или заемное) финансирование строит объект в интересах местного правительства и передает его через 2–3 года после завершения строительства (в схеме СЭП объекты передаются через 20–30 лет эксплуатации). В свою очередь правительство осуществляет выплаты по проекту в течение 2–3 лет после передачи.

Рентабельность проектов СП для инвестора-застройщика составляет около 20%, значительно выше, чем для проектов СЭП (8–12%). Таким образом, проекты СП крайне привлекательны как для крупных частных, так и для государственных компаний, имеющих доступ к недорогим кредитным ресурсам. В то же время для органов власти использование схемы СП влечет серьезные риски, связанные с высокими издержками, коротким периодом выплат и недостаточным опытом эксплуатации объекта. Тем не менее объекты СП могут использоваться заказчиками в качестве залога по займам в течение всего периода их реализации.

Важнейшим активом местных правительств является земля. Она, с одной стороны, служит фактором наращивания долга, так как инфраструктурные проекты реализуются благодаря промышленному освоению все новых земель, с другой — является определенной гарантией обслуживания долга, так как выступает главным объектом залога. В настоящее время земельный фонд только 34 крупнейших городов по стоимости покрывает 40% совокупного местного долга. Однако возможная коррекция на рынке земли и недвижимости может серьезным образом повлиять на платежеспособность местных правительств. Необходимо заметить, что доходы, генерируемые земельными ресурсами, в структуре доходов местных бюджетов в среднем составляют одну треть, а в некоторых провинциях они значительно весомее¹⁷. В 2013 г. доходы местных правительств от передачи земельных активов в сравнении с 2012 г. выросли на 45% и составили 25% совокупных доходов.

В целом долговая нагрузка местных правительств возросла с 26,7% ВВП в 2010 г. до 30,6% ВВП в 2012 г. и 33,2% ВВП в середине 2013 г. При этом необходимо учитывать, что структура местного долга, как и центрального, включает прямой долг правительства, правительственные гарантии и условные обязательства. В период с 2010 г. до середины 2013 г. прямой долг местных правительств относительно вырос —

с 16,7 до 20,2% ВВП; правительственные гарантии, напротив, несколько сократились — с 5,8 до 4,9% ВВП; условные обязательства увеличились — с 4,2 до 8,1% ВВП.

Осознавая всю серьезность сложившейся ситуации, 3-плenum ЦК КПК 18-го созыва (ноябрь 2013 г.) принял ряд решений, призванных облегчить финансовое положение местных правительств. Часть местных социальных расходов было решено передать на центральный уровень, а доходную базу местных бюджетов расширить за счет увеличения налогообложения собственности. Также было продекларировано изменение подходов к оценке деятельности чиновников провинциального и местного уровней. Важным критерием оценки станет уровень долговой нагрузки вверенных им регионов. С одной стороны, руководством страны обозначена серьезность намерений в решении назревшей проблемы, с другой — принятые решения носят явно недостаточный характер, к тому же не предложено никаких мер повышения прозрачности местных бюджетов (за исключением запущенной в начале 2014 г. пилотной программы по облигационному финансированию ряда муниципалитетов, которая предполагает их аудит и присвоение кредитного рейтинга). Однако по некоторым оценкам, для участия в эксперименте были выбраны достаточно благополучные в финансовом отношении объекты, что не позволит распространить их опыт на большинство территориальных образований.

Совокупная долговая нагрузка правительства (центрального и местных) по состоянию на середину 2013 г. составила 56,2% ВВП. Оценка данного показателя МВФ за 2014 г. составляет 57% ВВП, что является вполне приемлемым уровнем в сравнении с рядом развитых и развивающихся стран. Так, у стран — партнеров Китая по группе БРИК — Бразилии и Индии этот показатель составляет около 65%, в Японии — более 200%, в США — 100%. В международной практике пороговым является уровень в 60%, при превышении которого финансовая система может быть признана неустойчивой.

Академия общественных наук Китая в 2014 г. проанализировала сценарий гипотетического дефолта по государственному долгу. По ее оценкам, одних только золотовалютных резервов на тот момент (около 4 трлн долл.) было достаточно для полного покрытия ожидаемой долговой массы. Весьма значительный ресурс представляют также земельные активы правительства и активы более 100 тыс. госпредприятий. По данным Миинфина КНР, общие активы госпредприятий составляют 13 трлн долл., чистые активы (за вычетом обязательств) — 4,4 трлн долл.¹⁸

С 1978 г., начала проведения политики открытости и реформ, и до 1994 г. в силу резкого падения рентабельности госпредприятий доходы центрального правительства сократились с 30 до 12% ВВП, что вызвало необходимость в кардинальной реформе бюджетной системы. В результате реформы доходы правительства стали неуклонно расти и достигли 22% ВВП в 2014 г., однако на уровне местных бюджетов сформировался системный дисбаланс доходов и расходов. Местные бюджеты несут нагрузку в размере более 70% совокупных расходов, в то время как получают лишь 50% налоговых доходов. В отсутствие других источников доходов для покрытия этого дефицита местные правительства полагаются на трансферы из центрального бюджета и собственные заимствования.

Принимая во внимание, что долгие годы Китай опирался на модель экстенсивного экономического развития, главная задача местных правительств сводилась к поддержанию высоких темпов роста зачастую очень высокой ценой, что вело к наращиванию неэффективных инвестиций, образованию избыточных объектов инфраструктуры и производственных мощностей, а также непомерному росту долговой нагрузки.

В августе 2014 г. в Закон КНР о бюджете были внесены поправки, в соответствии с которыми начиная с 2015 г. провинциальные правительства получали большую самостоятельность в вопросах эмиссии облигаций. Теперь они осуществляют эмиссию самостоятельно в пределах установленной квоты и после утверждения займа Госсоветом КНР. Ранее эмитентом таких бумаг в интересах провинциальных правительств выступал Госсовет, действуя в качестве их агента. Таким образом, началась реализация долгосрочной стратегии по замещению краткосрочного и дорогого в обслуживании кредитного

долга долгосрочными и эффективными заимствованиями на рынке ценных бумаг. В настоящее время на долю банковского финансирования приходится более 50% совокупного местного долга.

Еще одно изменение в бюджетном законодательстве направлено на повышение прозрачности бюджетного процесса. Новые поправки предусматривают обязательную публикацию данных по всем четырем бюджетным счетам — общему счету, инвестиционному счету, счету социального обеспечения и счету госпредприятий. Общая концепция развития бюджетного процесса предполагает, что прямые финансовые транзакции государственных органов всех уровней должны в полном объеме отражаться на бюджетных счетах, в то время как все прочие заимствования будут рассматриваться как коммерческие и не подлежат государственным гарантиям (например, проекты в рамках государственно-частного партнерства).

Для провинциальных и местных бюджетов отменяется требование балансировать их каждый год, что требовало значительных усилий и дополнительных затрат. Заявлено о переходе на средне- и долгосрочное бюджетное планирование, базирующееся на прогнозировании ключевых макроэкономических показателей. Еще одно новое положение предусматривает, чтобы классификация и управление местным долгом осуществлялись строго в соответствии с укрупненной структурой бюджетных счетов. Так, задолженность по общим расходам должна отражаться на общем счете, обязательства по проектам — на инвестиционном счете.

В октябре 2014 г. Госсовет КНР принял специальное постановление об урегулировании задолженности местных правительств, в соответствии с которым им разрешалось конвертировать часть существующего долга в новые облигационные займы. Задолженность по краткосрочным дорогим кредитам подлежала рефинансированию посредством эмиссии долгосрочных низкодходных облигаций. По заявлениям Минфина КНР, такая практика приведет не к наращиванию долга, а лишь к изменению его формы. Изначально разрешенный объем эмиссии составил 1 трлн юаней, вскоре квота была увеличена до 2 трлн юаней. Естественно, эта сумма покрывала лишь небольшую часть всех обязательств, однако по расчетам правительства, она составляла 53,8% совокупной задолженности, срок погашения которой наступал в 2015 г., что позволяло в полном объеме обслуживать долг до 2016 г.

Решение Госсовета также предусматривало снижение средней процентной ставки на 5%, что позволило бы облегчить бремя процентных выплат местных правительств приблизительно на 100 млрд юаней в год. Перенос акцента с эмиссии корпоративных облигаций LGFV на облигации местных правительств также позволяет существенно сэкономить на процентных расходах. В частности, в первом квартале 2015 г. ставка по семилетним облигациям местных правительств была в среднем на 3,5% ниже ставки по аналогичным облигациям LGFV (AA-).

В проекте бюджета на 2015 г. квота на эмиссию облигаций местными правительствами была увеличена на 50% — до 600 млрд юаней, из которых 500 млрд юаней составляли облигации общего финансирования и 100 млрд юаней — облигации целевого финансирования.

После того, как была отложена эмиссия облигаций провинции Цзянсу в связи с тем, что потенциальные инвесторы запросили слишком высокую доходность, в мае 2015 г. последовало более детальное регулирование эмиссии облигаций местных правительств в рамках плана конвертации долгов в облигационные займы. В частности, было указано, что облигации должны размещаться на специальных аукционах. Представители местных правительств имеют право напрямую вести переговоры с заинтересованными в данной эмиссии кредиторами об ее условиях и размерах процентных выплат. Однако процентная ставка не может быть ниже средней процентной ставки по казначейским облигациям с аналогичным сроком погашения, а также не может превышать ее более чем на 30%.

Посредством эмиссии облигаций с середины мая по середину июня 2015 г. местным правительствам удалось рефинансировать долг в объеме 700 млрд юаней. Большинство займов было размещено на аукционах. Лишь несколько провинций прибегли к прямому размещению. Срок погашения составил от 3 до 7 лет с процентной ставкой в интервале 2,89–3,56%. Предполагалось, что эти облигации будут приниматься НБК в качестве залога по сделкам репо и другим операциям на денежном рынке. Таким образом, параметры займов, близкие к казначейским облигациям, а также признание НБК в качестве залога придают облигациям местных правительств статус косвенно гарантированных государством.

Что касается финансовой деятельности LGFV после старта программы конвертации долга, то в первом квартале 2015 г. они привлекли всего 194 млрд юаней, на 45% меньше, чем в аналогичном периоде 2014 г. В последующие месяцы активность LGFV нарастала, так как были дополнительно сняты некоторые ограничения на их эмиссионную деятельность. Только в мае 2015 г. было выпущено облигаций на 121 млрд юаней. Вместе с тем Госсовет КНР активно пытается преодолеть прямую инвестиционную зависимость инфраструктурных проектов от долговых заимствований LGFV. И действительно, определенный успех заключается в том, что в последнее время рост инвестиций в основные фонды инфраструктуры перестал напрямую коррелировать с ростом задолженности LGFV¹⁹.

В мае 2015 г. Госсовет также разработал порядок дополнительного финансирования LGFV, которые не в состоянии погашать текущие долговые обязательства. В частности, в первую очередь местные правительства и заинтересованные банки могут достичь договоренности о пролонгации задолженности или внесении дополнительного залога. В случае если этих мер недостаточно, возможно привлечение финансирования со стороны политических банков или в рамках проектов государственно-частного партнерства. В последнюю очередь разрешается использование бюджетных депозитов и продажа активов.

По оценке МВФ, финансовые потребности LGFV в 2015 г. составляли 6 трлн юаней, из них 4,1 трлн — инвестиции в инфраструктурные проекты и 1,9 трлн — средства для погашения и обслуживания долговых обязательств. В структуре источников финансирования на программу конвертации долга в облигационные займы приходится 2 трлн юаней (в пределах квоты), эмиссию облигаций местных правительств — 0,6 трлн (в пределах квоты), эмиссию облигаций LGFV на межбанковском рынке — 0,5 трлн (по состоянию на середину 2015 г.), проекты государственно-частного партнерства — 0,2 трлн (всего заключено таких проектов на 2 трлн юаней с годовым инвестиционным потоком в размере 10%), финансирование со стороны политических банков (в основном в проекты строительства социального жилья) — 1 трлн юаней. По источникам финансирования оставшихся 1,7 трлн юаней нет информации, но очевидно, что большая часть пришлась на самостоятельно привлеченные LGFV банковские и небанковские кредиты.

В настоящее время Министерство финансов КНР осуществляет практику жесткого контроля уровня долга местных правительств с использованием инструментов бюджетного регулирования. Однако, как отмечается в докладе Минфина Всекитайскому собранию народных представителей, на действующие инвестиционные проекты будет распространяться льготный период, в частности, для их финансирования разрешат привлечь дополнительные банковские кредиты.

В заключение можно констатировать, что проблема долговой нагрузки на китайскую экономику, особенно в части задолженности местных правительств и корпоративного сектора, вышла на передний план социально-экономической повестки в качестве ключевого фактора потенциальной финансовой нестабильности. Очевидно, правящие круги в Китае отчетливо это осознают, о чем, в частности, свидетельствует провозглашение долгосрочного курса на облегчение долгового бремени местных правительств. Так или иначе, представляется, что уже в обозримой перспективе в ходе смены экономической модели Китаю необходимо активно сдерживать рост совокупной долговой нагрузки

на экономику, постепенно снижать уровень инвестиций в основные фонды, способствовать росту конечного потребления и переходить к все более умеренным темпам экономического роста. В случае успешности необходимых структурных реформ приемлемые темпы роста ВВП будут обеспечены, в том числе за счет повышения общей факторной производительности.

1. URL: <http://www.interfax.ru/business/296610>.
2. Рассчитано автором по: URL: <http://www.pbc.gov.cn/diaochatongjisi/116219/116319/2161324/2161344/index.html>.
3. URL: <http://www.pbc.gov.cn/diaochatongjisi/resource/cms/2016/01/2016012711211873133.pdf>.
4. URL: <http://smart-lab.ru/tag/total%20social%20financing/>
5. URL: http://www.peri.umass.edu/fileadmin/pdf/working_papers/working_papers_351-400/WP375.pdf.
6. Elliott D., Kroeber A., Qiao Yu. Shadow banking in China / The Brookings Institution. March 2015. URL: http://www.brookings.edu/~media/research/files/papers/2015/04/01-shadow-banking-china-primer/Shadow_banking_china_elliott_kroeber_yu.pdf.
7. Экономика и внешняя торговля КНР / Торговое представительство РФ в КНР. URL: <http://www.russchinatrade.ru/assets/files/ru-about-torg/foreign-trade-2015.pdf>.
8. PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA / International Monetary Fund // IMF Country Report. August 2015. No. 15/234. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/scr/2015/cr15234.pdf>.
9. Общая факторная производительность (англ. total factor productivity) — экономическое понятие, обозначающее совокупность факторов, влияющих на выпуск продукции, за исключением затрат труда и капитала. Общая факторная производительность может рассматриваться как мерилло долгосрочных технологических изменений или технологической динамики.
10. В методике Goldman Sachs показатель совокупного долга в 2015 г. составил 218% ВВП. При этом он включает долг нефинансового корпоративного сектора — 121% ВВП, долг финансовых фондов местных правительств (LGFV) — 41% ВВП, долг домохозяйств — 37% ВВП, долг общего правительства — 19% ВВП.
11. Walled In: China's Great Dilemma / Goldman Sachs Investment Strategy Group. January 2016. URL: <http://www.goldmansachs.com/what-we-do/investment-management/private-wealth-management/intellectual-capital/isg-china-insight-2016.pdf>.
12. Charlene Chu. «China Roadmap: Suspension of Disbelief Receding» // Autonomous Research. 2015. July 28.
13. CBRC Supervisory Statistics Q4 2015. URL: <http://www.cbrc.gov.cn/EngdocView.do?docID=4770FF3885B44349972415DE0BB6E77F>.
14. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2016-02-15/china-bad-loan-problem-not-as-bad-as-bass-makes-out-cicc-says.2016.02.15>.
15. Naito Jiro. China's Fiscal Position and Policy: Current Status of Local Government Debt Problems and Challenges // Public Policy Review. March 2015. Vol. 11. No. 1. URL: https://www.mof.go.jp/english/pri/publication/pp_review/ppr027/ppr027c.pdf.
16. Условные обязательства (англ. contingent liability) — потенциальное обязательство, которое необходимо исполнить только при наступлении какого-либо события или совершении действия, зачастую не зависящих от компании. Как правило, имеются в виду гарантии в самых разных формах, а также судебные иски, апелляции, споры с контрагентами.
17. China. Overview // OECD Economic Surveys. March 2015. URL: <http://www.oecd.org/eco/surveys/China-2015-overview.pdf>.
18. Huang Y., Bosler C. China's Debt Dilemma: Deleveraging While Generating Growth / Carnegie Endowment for International Peace, 2014. URL: http://carnegieendowment.org/files/Brief-Yukon-Chinas_Debt_Dilemma.pdf.
19. China Economic Update / World Bank Group. June 2015. P. 10–11. URL: https://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/document/EAP/China/ceu_06_15_en.pdf.

Частное и индивидуальное предпринимательство — ключевой фактор развития экономики КНР

© 2016

В.В. Чуванкова

В статье рассматривается роль частного и индивидуального предпринимательства в решении задач, поставленных планом социально-экономического развития в 12-й пятилетке (2011–2015). Последовательное продвижение массовой предпринимательской и инновационной деятельности стало новым трендом в обеспечении сбалансированного и устойчивого развития. Частный капитал активно способствует ускорению модернизации страны и развитию ее инновационного потенциала, обеспечивает расширение рамок трудоустройства, рост доходов населения, предложение общественных услуг.

Ключевые слова: Китай, частные и индивидуальные предприятия, модернизация, инновационный потенциал, сессия ВСНП.

В период 12-й пятилетки китайское руководство прилагало беспрецедентные усилия для стимулирования и поддержки предприятий малого и среднего бизнеса. Основой для эффективного и динамичного развития национального предпринимательства в этот период были решения XVIII съезда КПК (2012 г.), 3, 4 и 5-го пленумов ЦК 18-го созыва и текущих сессий ВСНП, нацеленные на создание более широких возможностей и благоприятной среды для бизнеса. Чтобы в полной мере раскрыть предпринимательский и инновационный потенциал населения шла активная разработка постановлений и нормативно-правовых актов, которые трансформировались в конкретные меры, регулирующие порядок регистрации и налогообложения средних, малых и микропредприятий, имущественные отношения и инновационную политику; устранявшие излишние административные барьеры и создававшие равные возможности для субъектов рынка в области распределения ресурсов и кредитования, модернизации производства, внедрения информационных технологий, выхода на внутренний и зарубежный рынки.

Быстрый рост национального предпринимательства способствовал наращиванию общего объема экономики, а также расширению рамок трудоустройства, росту доходов населения, предложению общественных услуг. В результате инновационной деятельности внедрялось большое количество новых технологий, продуктов и услуг, коммерческих проектов. За год регистрировалось в среднем более 10 тыс. новых предприятий (в 2015 г. — 12 тыс.), темпы роста высокотехнологичных отраслей опережали промышленный рост. В городах и поселках за год создавалось свыше 12–13 млн новых рабочих мест¹.

К концу пятилетки на долю частного сектора приходилось более 60% ВВП, 90% новых рабочих мест в городах и поселках, около 65% инвестиций в основные фонды (без учета крестьянских дворов). Рост доходов населения, в том числе и за счет самозанятости, позволил увеличить вклад потребления в экономический рост до 66,6%. Активное

перемещение предпринимательского интереса в «третью сферу» экономики позволило довести до 50,5% удельный вес индустрии услуг в ВВП². Значительно расширились сферы деятельности частнопредпринимательских структур, масштабы их производства и экономический потенциал.

Таблица 1

Развитие частнопредпринимательских структур КНР в 2010–2015 гг.

Год	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2015/ 2010	при- рост за 5 лет
Частные предприятия								
Число предприятий, млн ед.	8,45	9,68	10,86	12,54	15,46	19,08	в 2,3 раза	10,63
Зарегистрированный капитал, трлн юаней	19,00	25,79	31,10	39,31	59,21	90,55	в 4,8 раза	71,55
Число занятых, млн человек, в том числе:	94,18	103,54	112,96	125,21	143,90	163,95	74,1%	69,77
— инвесторы	17,94	19,86	22,00	24,86	29,63
— наемные работники	76,24	83,68	90,96	100,35	114,27
Среднее число занятых на 1 предприятии	11,1	10,70	10,40	10,00	9,31	8,59	-22,6%	-2,51
Фондовооруженность 1 предприятия, млрд юаней	2,25	2,66	2,86	3,13	3,83	4,75	в 2,1 раза	2,50
Доля в экономически активном населении, %	12,4	13,5	14,7	16,3	18,6	21,2	71%	8,8%
Индивидуальные предприятия								
Число предприятий, млн ед.	34,53	37,56	40,59	44,36	49,84	54,08	56,6%	19,55
Зарегистрированный уставный капитал, трлн юаней	1,34	1,62	1,98	2,43	2,93	3,70	в 2,8 раза	2,36
Число занятых, млн человек	70,07	79,45	86,28	93,35	105,84	116,82	66,7%	46,75
Среднее число занятых на 1 предприятии	2,0	2,12	2,13	2,10	2,12	2,16	8,0%	0,16%
Фондовооруженность 1 предприятия, млн юаней	38,81	43,13	48,78	54,78	58,79	68,42	76,3%	29,61
Доля в экономически активном населении, %	9,2	10,4	11,2	12,1	13,7	15,1	64,1%	5,9%
Итого:								
Число частных и индивидуальных предприятий, млн	42,98	47,24	51,45	56,90	65,30	73,16	70,2%	30,18
Число занятых, млн человек	164,25	182,99	199,24	218,57	249,75	280,77	70,9%	116,52
Доля в экономически активном населении, %	21,6	23,9	25,9	28,4	32,3	36,3	68,0%	14,7%
Зарегистрированный капитал, трлн юаней	20,34	27,41	33,08	41,74	62,14	94,25	в 4,6 раза	73,91

Источники: составлено и рассчитано по данным: Чжуанго тунцзи няньцзянь, 2011. Пекин, 2011. С. 110–111, 120; 2012. С. 126–127, 135; 2013. Табл. 4–8, 4–9; 2014. С. 90, 98, 99; 2015. С. 112, 120–121; URL: http://www.saic.gov.cn/ywdt/gsyw/mtjj/201602/t20160204_166505.html.

В начале 2016 г. в КНР насчитывалось 280,77 млн занятых в индивидуальном и частном секторах — 116,82 и 163,95 млн человек соответственно. Среднегодовой прирост численности занятых в этих секторах составил 23,3 млн человек. Доля в экономиче-

ски активном населении увеличилась с 21,6% в 2010 г. до 36,3%, т.е. почти в 1,5 раза. Количество предприятий достигло 73,16 млн, — рост против 2010 г. в 1,7 раза (54,0 млн из них функционировали в индивидуальном секторе, 19,08 млн — в частном). Среднегодовой прирост этих показателей за 5 лет был примерно одинаковым — 11,2 и 11,3% соответственно (табл. 1).

За истекшее пятилетие объем зарегистрированных основных фондов предприятий этого типа вырос в 4,6 раза — с 20,34 трлн юаней в 2010 г. до 94,25 трлн в 2015 г. Причем 96% этих фондов (90,55 трлн юаней) принадлежали частным предприятиям, а их средняя фондовооруженность удвоилась, достигнув 4,75 млрд юаней. Уставный капитал индивидуальных предприятий вырос в 2,8 раза — с 1,34 трлн юаней до 3,7 трлн, средняя фондовооруженность одного предприятия выросла в 1,8 раза — с 38,81 млн до 68,42 млн юаней. Таким образом, капиталоемкость частных предприятий выше индивидуальных более чем в 122 раза.

Согласно данным ГСУ КНР, частные предприятия продолжали лидировать среди предприятий других форм собственности по приросту добавленной стоимости и реализованной прибыли, хотя среднегодовые темпы прироста этих показателей несколько снизились по сравнению с 11-й пятилеткой. Если в 2006–2010 гг. среднеарифметический прирост добавленной стоимости частных промышленных предприятий составлял 22%, а прирост их прибыли — 39,6%, то в 2011–2015 гг. эти показатели находились на уровне 13,1 и 17,9% соответственно (табл. 2).

Таблица 2

Динамика прироста промышленного производства в 2011–2015 гг. (%)

Прирост добавленной стоимости сверхлимитных промышленных предприятий*					
Год	2011	2012	2013	2014	2015
Всего:	13,9	10,0	9,7	8,3	6,1
государственные и контролируемые государством предприятия	9,9	6,4	6,9	4,9	1,4
коллективные	9,3	7,1	4,3	1,7	1,2
акционерные	15,8	11,8	11,0	9,7	7,3
на иностранном капитале и капитале Гонконга, Макао и Тайваня	10,4	6,3	8,3	6,3	3,7
частные	19,5	14,6	12,4	10,2	8,6
Прирост прибыли сверхлимитных промышленных предприятий					
Год	2011	2012	2013	2014	2015
Всего:	25,4	5,3	12,2	3,3	-2,3
государственные и контролируемые государством предприятия	15,0	-5,1	6,4	5,7	-21,9
коллективные	34,0	7,5	2,1	0,4	-2,7
акционерные	31,2	7,2	11,0	1,6	-1,7
на иностранном капитале и капитале Гонконга, Макао, Тайваня	10,6	-4,1	15,5	9,5	-1,5
частные	46,0	20,0	14,8	4,9	3,7

* Предприятия с годовым доходом от реализации с 2011 г. — не менее 20 млн юаней.

Источник: *Жэньминь жибао*. 2011. 1 марта; 2012 23 февр.; 2013 23 февр.; 2014. 25 февр.; 2015. 26 февр.; 2016. 29 февр.

На фоне общего снижения темпов роста показателей прибыли сверхлимитных промышленных предприятий — а в 2015 г. даже их отрицательной динамики (-2,3%) — лишь частные предприятия получили прирост прибыли на 3,7%. На государственных и контролируемых государством предприятиях снижение наблюдалось дважды за пятиле-

тие — на 5,1% в 2012 г. и на 21,9 в 2015 г.; на коллективных и акционерных предприятиях в 2015 г. снижение прибыльности составило 2,7 и 1,7% соответственно; на предприятиях, основанных на иностранном капитале и капитале Гонконга, Макао и Тайваня, — на 4,1% (2012 г.) и 1,5% (2015 г.).

В секторальной структуре частного и индивидуального секторов преобладала III сфера экономики (табл. 3). На нее приходилось более 86% предприятий этого типа, а их численность увеличилась более чем в 1,5 раза — с 40,64 млн до 62,92 млн (большинство из них — 48,7 млн — были индивидуальными). Среди индивидуальных предприятий удельный вес индустрии услуг выше, чем в частном секторе (90% против 73%). Тем не менее, темпы прироста численности частных предприятий в этой сфере почти вдвое выше, чем в индивидуальном секторе, а абсолютное количество увеличилось с 6,74 млн до 14,1 млн. Рост доли III сферы экономики в частном секторе осуществлялся за счет постепенного снижения удельного веса II сферы экономики.

Таблица 3

Частные и индивидуальные предприятия в секторальной структуре экономики КНР в 2011–2015 гг.

Год	2011	2012	2013	2014	2015
Частные предприятия					
Всего, млн ед.	9,68	10,86	12,54	15,46	19,08
I сфера экономики	0,25	0,31	0,40	0,54	0,84
Удельный вес, %	2,5	2,9	3,2	3,5	4,4
II сфера экономики	2,69	2,91	3,20	3,66	4,18
Удельный вес, %	27,9	26,7	25,5	23,7	21,9
III сфера экономики	6,74	7,64	8,94	11,26	14,06
Удельный вес, %	69,6	70,4	71,3	72,8	73,7
Индивидуальные предприятия					
Всего, млн ед.	37,56	40,59	44,36	49,84	54,08
I сфера экономики	0,62	0,76	0,93	1,18	1,46
Удельный вес, %	1,7	1,9	2,1	2,4	2,7
II сфера экономики	3,04	3,18	3,24	3,51	3,76
Удельный вес, %	8,1	7,8	7,3	7,0	6,9
III сфера экономики	33,90	36,65	40,19	45,15	48,86
Удельный вес, %	90,2	90,3	90,6	90,6	90,4
Итого					
Число предприятий, млн ед.:	47,24	51,45	56,90	65,30	73,16
I сфера экономики	0,87	1,07	1,33	1,72	2,3
Удельный вес, %	1,8	2,1	2,3	2,6	3,1
II сфера экономики	5,73	6,09	6,44	7,17	7,94
Удельный вес, %	12,2	11,8	11,4	11,0	10,9
III сфера экономики	40,64	44,29	49,13	56,41	62,92
Удельный вес, %	86,0	86,1	86,3	86,4	86,0

Примечание. Согласно секторальной классификации отраслей народного хозяйства, принятой в Китае, к I сфере экономики относится земледелие, включая растениеводство, животноводство, рыбоводство, лесоводство и т.д.; ко II сфере — промышленность, включая добывающие и обрабатывающие отрасли, водо-, энерго- и газоснабжение, строительство; к III сфере — все отрасли, не входящие в первые две сферы и обслуживающие общественное производство и повседневную жизнь населения.

Источники: Составлено и рассчитано по данным: URL: http://www.saic.gov.cn/ywdt/gsyw/mjij/201602/t20160204_166505.html.

Что же касается отраслевой структуры, то подавляющее большинство — свыше 152 млн человек — сосредоточено в обрабатывающей промышленности (50,74 млн) и оптово-розничной торговле (101,32 млн человек). Причем доля этих сфер снизилась с 64% в 2010 г. до 61% в 2014 г. (табл. 4). Быстрыми темпами росла занятость в сфере лизинга и предоставлении бизнес услуг, в гостиничном сервисе и общественном питании, в оказании различной помощи домохозяйствам. Темпы прироста в этих сферах составили более 96, 55 и 46% соответственно. Частнопредпринимательские структуры активно осваивали и такие сферы, как программное обеспечение и техническое обслуживание, информационные технологии, массовые коммуникации, современная логистика, почтовые и финансовые услуги, электронная торговля, природоохранные мероприятия и др., которые учтены в табл. 4 в строке «Прочие». Их удельный вес в общей численности предприятий увеличился с 11,5 до 14%.

В годы 12-й пятилетки заметно вырос жизненный уровень. Если в 2010 г. среднегодовой доход на душу населения в городах и поселках составлял 19,11 тыс. юаней, а в деревнях 5,92 тыс. юаней, то в конце 2015 г. эти показатели достигли 31,2 и 11,42 тыс. юаней соответственно, прирост — 63,3 и 92,9% соответственно. Рост доходов три года подряд опережал темпы роста ВВП, чему способствовало активное привлечение населения к предпринимательской деятельности. Сокращался разрыв в доходах горожан и селян (хотя и оставался сравнительно высоким — 2,7:1 против 3,2:1 в 2010 г.)³.

Таблица 4

Динамика отраслевой структуры занятых в индивидуальном и частном секторах в 2011–2014 гг.

	Численность занятых (млн человек)				2014/ 2010 (%)	Удельный вес (%)	
	2010	2012	2013	2014		2010	2014
Всего, млн человек	164,25	199,24	218,57	249,75	52,1	100	100
Обрабатывающая промышленность	41,70	44,68	47,79	50,74	21,7	25,4	20,3
Строительство	7,24	8,40	9,76	11,33	56,5	4,4	4,5
Оптовая и розничная торговля	63,89	77,21	87,49	101,32	58,6	38,9	40,6
Транспорт, хранение, почтовые услуги	4,88	8,38	5,99	6,30	29,1	3,0	2,5
Гостиничный сервис, общепит	9,96	11,62	13,46	15,48	55,4	6,1	6,2
Лизинг и бизнес услуги	8,15	11,20	12,73	15,99	96,2	4,9	6,4
Помощь на дому, ремонт и др. услуги	9,56	11,49	12,17	14,00	46,4	5,8	5,6
Прочие	18,87	26,26	29,18	34,59	83,3	11,5	13,9

Источники: составлено и рассчитано по данным: Чжунго тунци няньцзянь, 2011. Пекин, 2011. С. 118; 2012. С. 133; 2013. Табл. 4–6; 2014. С. 96; 2015. С. 118.

Также быстрыми темпами увеличивалась средняя величина заработной платы горожан, причем более быстрыми темпами — занятых частнопредпринимательской деятельностью. Согласно данным ГСУ, среднегодовая зарплата в городах и поселках на предприятиях, не относящихся к частному сектору, в 2015 г. увеличилась по сравнению с 2010 г. в 1,7 раз — с 37,15 до 62,03 тыс. юаней, на частных предприятиях в 1,9 раза — с 20,76 до 39,59 тыс. юаней (табл. 5 и 6). Если в канун 12-й пятилетки средняя зарплата на частных предприятиях составляла 56,0% от уровня зарплат на предприятиях других форм собственности, то в 2015 г. этот показатель вырос на 8 пунктов, достигнув 64%⁴.

Среднемесячная зарплата крестьян-мигрантов в 2015 г. увеличилась на 7,2%, составив 3,07 тыс. юаней⁵.

Рост зарплат в частном секторе осуществлялся дифференцированно не только по отраслям производства, но и по регионам. Разрыв в заработных платах между разными видами экономической деятельности по-прежнему очень заметен (табл. 5).

Таблица 5

Рост среднегодовой зарплаты персонала частных национальных предприятий в 2010–2015 гг.

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2015/ 2010 (%)
Всего, в тыс. юаней	20,76	24,56	28,75	32,71	36,39	39,59	90,7
Земледелие, лесное хозяйство, животноводство, рыбоводство	16,37	19,22	21,97	24,65	26,86	28,87	76,4
Добывающая промышленность	20,98	25,52	29,68	33,08	35,82	38,19	82,0
Обрабатывающая промышленность	20,09	24,14	28,22	32,04	35,65	38,95	93,9
Производство и распределение электро- и тепловой энергии, газа, воды	18,83	22,09	25,48	29,60	33,18	34,63	83,9
Строительство	22,23	26,11	30,91	34,88	38,84	41,71	87,6
Транспорт, хранение, почтовые услуги	21,99	25,95	28,16	33,14	38,89	40,50	84,2
Информационные услуги, программное обеспечение, технологический сервис	31,23	35,56	39,52	44,06	51,04	57,72	84,8
Оптовая и розничная торговля	19,93	22,79	27,23	30,60	33,89	36,64	83,8
Гостиничный сервис, общепит	17,53	20,88	23,93	27,35	29,48	31,89	81,9
Финансовые услуги	30,51	28,66	32,70	37,25	41,55	44,90	47,2
Недвижимость	23,23	27,02	30,78	35,04	37,83	41,77	79,8
Лизинг и бизнес услуги	23,88	27,12	31,80	36,24	39,41	43,77	83,3
Научный и технический сервис	28,89	31,32	36,60	42,85	47,46	50,44	74,6
Охрана окружающей среды, коммунальные услуги	19,61	22,96	26,40	31,24	33,85	37,22	89,8
Помощь на дому, ремонт	18,35	20,54	24,07	27,48	30,58	34,78	89,5
Образование	21,86	23,64	26,63	31,52	33,68	34,64	58,5
Здравоохранение, социальное обеспечение и защита	21,57	25,59	29,17	33,86	37,21	40,56	88,0
Культура, спорт, развлечения	20,01	22,67	26,18	30,40	32,02	34,97	74,8
Государственное управление и общественные организации	8,90	11,74	10,86	33,95	26,74

Источники: составлено и рассчитано по данным: URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201505/t20150527_1110632.html; URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/jdx/t20110503402722862.html>; URL: http://www.stats.gov.cn/was40/gjtjj_detail.jsp?channelid=19761&record=30; Чжунго тунци няньцзянь, 2013. Пекин, 2013. Табл. 4–16; 2012. С. 148–150; 2014. С. 111–113; 2015. С. 133–135; RL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201605/t20160513_1356093.html.

Самые высокие зарплаты в 2015 г. отмечались в следующих трех отраслях: информационные технологии и программное обеспечение — 57,72 тыс. юаней, научные исследования, техническое обслуживание и геологоразведка — 50,44 тыс. юаней, финансовые услуги — 44,90 тыс. юаней, что соответственно в 1,5, 1,3 и 1,1 раза выше среднего показателя по частному сектору. Отраслями с самой низкой средней оплатой труда оставались: сельское и лесное хозяйство, животноводство и рыбоводство — 28,87 тыс. юаней, гостиничный сервис и общественное питание — 31,89 тыс. юаней, предоставление помощи домохозяйствам, ремонтные и другие виды общественных услуг — 34,78 тыс. юаней (соответственно на 27,1; 19,4 и 12,1% ниже среднего уровня).

Рост зарплаты в 1,5–2 раза имел место фактически во всех сферах деятельности частных предприятий, в том числе в обрабатывающей промышленности, производстве и распределении электро- и тепловой энергии, газа и воды; в сфере транспортировки, складского хранения и почтовых услуг; строительстве; оптовой и розничной торговле; охране водных ресурсов и окружающей среды; здравоохранении, социальном обеспечении, то есть в тех отраслях, где традиционно действовали частные предприятия, и доступ к которым был открыт дополнительно. Особый акцент делался на современные и инновационные отрасли и науку.

Согласно табл. 6, среднегодовая региональная зарплата, превышающая средний показатель в частном секторе в 1,1 раза, фиксировалась только в Восточных районах Китая — 43,4 тыс. юаней, самая низкая в Центральных районах — 32,77 тыс. и на Северо-Востоке — 32,18 тыс. юаней. В Западных районах она достигла 36,48 тыс. юаней. Прирост по сравнению с 2010 г. — 91, 90, 74 и 96% соответственно.

Таблица 6

**Среднегодовой рост зарплаты занятых в городах и поселках
по регионам в 2010–2015 гг.**

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2015/ 2010 (%)
Частные национальные предприятия							
Всего, тыс. юаней	20,76	24,56	28,75	32,71	36,39	39,59	90,7
Восточные районы	22,71	26,80	...	35,85	39,85	43,44	91,3
Центральные районы	17,25	20,68	...	27,15	30,28	32,77	90,0
Западные районы	18,64	22,31	...	30,45	33,75	36,48	95,7
Северо-Восток	18,53	22,02	...	28,74	30,55	32,18	73,7
Предприятия других форм собственности							
Всего, тыс. юаней	37,15	42,45	46,77	51,48	56,34	62,03	67,0
Восточные районы	42,81	48,49	53,44	58,56	64,24	70,61	64,9
Центральные районы	31,59	36,56	40,11	42,82	46,83	50,84	60,9
Западные районы	33,13	37,92	41,96	47,00	51,20	57,32	73,0
Северо-Восток	31,88	36,00	39,25	43,44	46,51	51,06	60,2

Источники: составлено и рассчитано по данным: URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201505/t20150527_1110632.html; URL: http://www.stats.gov.cn/tjfx/jdxf/t20110503_402722862.html; URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201305/t20130517_12975.html; URL: http://www.stats.gov.cn/tjfx/jdxf/t20110503_4027228855.html; URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201505/t20150527_1110630.html; URL: http://www.stats.gov.cn/was40/gjtj_detail.jsp?channelid=19761&record=30; URL: http://www.stats.gov.cn/was40/gjtj_detail.jsp?channelid=19761&record=31; URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201605/t20160513_1356093.html; URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201605/t20160513_1356091.html.

Итак, динамика основных показателей частнопредпринимательской деятельности в период 12-й пятилетки свидетельствует, что частная и индивидуальная формы хозяйствования играли ключевую роль в обеспечении сбалансированного и устойчивого развития на фоне неблагоприятной экономической ситуации в мире, а также внутренних трудностей и проблем в Китае (замедление экономического роста, обострение ситуации с трудоустройством и усиливающаяся дифференциация общества).

Создание китайским руководством благоприятной среды для малого и среднего бизнеса, индивидуального предпринимательства позволило простимулировать экономическое развитие страны, обеспечить миллионы рабочих мест, повысить жизненный уровень значительной части населения.

Касаясь дальнейших перспектив развития Китая, председатель КНР Си Цзиньпин 4 марта 2016 г. на встрече с членами Всекитайской ассоциации промышленников и торговцев и Ассоциации демократического национального строительства Китая, участвовавших в работе сессии ВСНП 12-го созыва, в очередной раз заявил, что политический курс на поощрение и поддержку необщественного сектора экономики останется неизменным, что неизменны положение и роль этого сектора в Китае, как и меры по созданию благоприятной среды для развития необщественных форм собственности⁶.

При рассмотрении задач на следующую пятилетку сессия сделала акцент на необходимость полного раскрытия предпринимательского и инновационного потенциала китайского общества как важнейшей движущей силы экономического роста.

В решениях сессии была представлена программа действий по стимулированию массовой предпринимательской и инновационной деятельности, основные направления которой приводятся ниже:

- защищать права собственности и законные интересы предприятий всех форм собственности, ввести систему контроля за выполнением правил справедливой конкуренции, ликвидировать рыночные барьеры и местный протекционизм, устранять ограничения свободному перемещению товаров и компонентов производства;
- путем дальнейшей либерализации допуска на рынок расширить каналы инвестирования для национального частного капитала в сферах электроэнергетики, телекоммуникаций, транспорта, нефтяной и газовой промышленности, коммунального хозяйства, услуг производственного и бытового назначения;
- наращивать поддержку реального сектора экономики, малого и среднего бизнеса, создать предприятиям всех форм собственности, занимающимся инновационным развитием, простор для инвестирования и ведения рыночного хозяйствования, активизировать ускоренный рост новых технологий, новых производств и новых видов бизнеса за счет структурно-институциональных реформ;
- поддерживать создание показательных баз для осуществления массовой предпринимательской деятельности, площадок-инкубаторов предпринимательских проектов, а также площадок, предоставляющих консультационные, общественные и другие услуги предпринимательским структурам;
- сформировать новый механизм предпринимательства и инноваций, обеспечивающий многостороннее взаимодействие малых, средних и крупных предприятий, вузов, НИИ на основе создания площадок массовых инноваций, краудсорсинга, массовой поддержки стартапов и краудфандинга⁷;
- совершенствовать механизм предоставления общедоступных телекоммуникационных услуг в ходе реализации программы «Интернет плюс»;
- стимулировать разработку нормативных актов, касающихся научных работников вузов и НИИ, занимающихся предпринимательской деятельностью по совместительству или после ухода с занимаемой научной должности;
- сформировать механизм распределения доходов, поощряющий предпринимательские и инновационные инициативы;

– поддерживать техническое и технологическое перевооружение частных предприятий за счет средств венчурного фонда развития передовой обрабатывающей промышленности, а также путем акционерного инвестирования, инвестиционного субсидирования и других форм финансирования;

– углублять реформу финансово-налоговой системы, повсеместно внедрить практику НДС взамен налога на предпринимательскую деятельность, распространив ее и на строительную индустрию, недвижимость, финансовую сферу и бытовое обслуживание, ускорить реформу налогообложения природных ресурсов и в сфере охраны окружающей среды;

– расширить рамки льготной политики в отношении подоходного налога с малых и малорентабельных предприятий;

– совершенствовать льготную налоговую политику в отношении субъектов инноваций — высокотехнологичных предприятий, инкубаторов научно-технических предприятий и др., в том числе путем налогового вычета расходов предприятий на НИОКР;

– обеспечить единый сбор информации о кредитной истории предприятий всех секторов с публичным информированием в установленном законом порядке, что должно обеспечить максимальные удобства при получении кредитов и государственных услуг;

– расширять льготы для мелких и микропредприятий по освобождению от местных дополнительных сборов, таких как страхование по безработице, производственному травматизму, на нужды образования, в фонд гидротехнического строительства и др., разработать перечень административных сборов, устанавливаемых центральным правительством;

– усиливать поддержку трудоустройства через предпринимательство и освоивание новых форм и сфер хозяйственной деятельности таких категорий населения, как выпускники вузов, рабочие — выходцы из крестьян, малообеспеченные лица, испытывающие трудности с трудоустройством, а также персонал предприятий, сокращенный в результате ликвидации избыточных производственных мощностей;

– поощрять выпускников вузов трудоустроиваться на средних и малых предприятиях научно-технического и инновационного типа, в городских и сельских низовых организациях, заниматься предпринимательской деятельностью⁸.

1. Жэньминь жибао. 2016. 29 февр.; URL: <http://russion.people.com.cn/n3/2016/0310/c31521-9028200.html>.
2. Жэньминь жибао. 2016. 29 февр.
3. Там же.
4. Показатели среднедушевых доходов на душу населения в городах и сельской местности Китая при пересчете на российские рубли (по курсу 1:10,5) составили, примерно, 27 тыс. и 10 тыс. рублей в месяц соответственно, среднемесячная зарплата рабочих и служащих в городах и поселках — 59,1 тыс. рублей, на частных предприятиях — 37,7 тыс. рублей.
5. URL: <http://russion.people.com.cn/n3/2016/0429/c31518-9051397.html>.
6. Жэньминь жибао. 2016. 5 марта.
7. Краудсорсинг — процесс передачи определенных производственных функций широкому кругу лиц на основании публичной оферты, не подразумевающей заключение трудового договора. Краудфандинг — финансовый инструмент по привлечению финансовых ресурсов путем добровольного коллективного сотрудничества людей с помощью особых интернет-платформ. Стартапы — это только что созданные компании, находящиеся на стадии развития и строящие свой бизнес либо на основе новых инновационных идей, либо на основе недавно появившихся технологий, с расчетом на их быстрое внедрение и вследствие этого — высокую капитализацию.
8. Жэньминь жибао. 2016. 18–19 марта.

Государственные предприятия КНР в 2011–2020 гг.: особенности и перспективы реформирования

© 2016

З.А. Муромцева

Дана характеристика очередного этапа реформы госпредприятий Китая, длящейся свыше двух десятилетий. Анализируются развитие и совместное функционирование разнообразных форм собственности, государственно-частное партнерство. Уделено внимание многоканальному и многоярусному инвестированию с акцентом на долевую собственность. Рассмотрены факторы неопределенности и риска, сопутствующие углублению рыночных начал в китайской экономике.

Ключевые слова: реформа госпредприятий, смешанные формы собственности, госактивы, бюджетная система хозяйствования, диверсификация инвестирования.

В 2003 г. государственные предприятия КНР вступили в этап перестройки управления госактивами и совершенствования «современной системы предприятий», характеризуемой как четкое разграничение прав на имущество, инвестиции и получение дохода от хозяйственной деятельности пропорционально вложенным средствам. За хозяйствующими субъектами закрепляются права на самостоятельное ведение производства (при их ответственности как юридических лиц за полученные результаты).

Формирование институциональной среды в XXI в. предусматривает культивирование (на началах, для общественных и необщественных секторов равных) права пользования компонентами производства.

Соответственно, углубление реформы госпредприятий и наиболее важных отраслей поставило перед китайским руководством три сложные задачи:

1) ускорение финансово-налоговой реформы, где отлаживаются отношения между финансовыми ресурсами центра и регионов, их полномочия, трансфертные платежи, система налогов для оптимизации структуры и социальных платежей;

2) углубление и оздоровление реформы финансово-банковской системы, где дальнейшее развитие реальной экономики и совершенствование современной системы предприятий требуют повышения конкурентоспособности банков, расширения сделок на фондовых биржах и в страховании;

3) формирование многоярусного рынка капитала, развитие рынка облигаций, продвижение маркетизации процентных ставок с постепенным осуществлением конвертируемости юаня по капитальным операциям.

В докладе о работе правительства на 1-й сессии ВСНП 12-го созыва, т.е. перед началом осуществления проекта 12-го пятилетнего плана (2011–2015 гг.), было отмечено, что благодаря углублению реформ «сложилась в основном структура бюджетной системы, состоящая из общественного бюджета, бюджета правительственных фондов, бюджета хозяйствования с госактивами и бюджета фонда социального страхования, при которой все внебюджетные средства вошли в бюджетное управление»¹.

В период после 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва была проведена работа по подготовке и практическим мерам реформирования по пяти направлениям: расширение рыночных механизмов и функций маркетинга, упрощение административных функций при формировании смешанных форм собственности, распределение полномочий между госпредприятиями центрального подчинения и местными госпредприятиями, формирование бюджета хозяйствования госкапиталом, переходя на более высокую ступень от управления госактивами к статьям полноценного функционирования госкапитала, продвижение смешанной формы собственности в хозяйственную деятельность корпораций и компаний для привлечения инвесторов с помощью диверсификации акционерных прав собственности². Актуальность этих задач подтвердили «Руководящие положения ЦК КПК и Госсовета КНР по углублению реформы госпредприятий», оглашенные в сентябре 2015 г.

По мере углубления административной реформы для госпредприятий обрисовались контуры укрупненных ведомств с едиными функциями. В реформе административного визирования за пять лет (2011–2015 гг.) было отменено или пересмотрено около пятисот статей из списка административного визирования. Одновременно возросла динамика аудиторско-ревизионного контроля. В 12-й пятилетке ежегодно сокращались сферы административного визирования (например, в 2012 г. оно было отменено или ограничено по 314 статьям). Девять компаний, контролируемых госпредприятиями центрального подчинения, вышли на внутренний и зарубежный фондовые рынки. Продолжалась перестройка налогообложения через замену налога с оборота налогом на добавленную стоимость. При удерживании основных позиций для недопущения системных региональных рисков стимулировалось стабильное и здоровое развитие рынка капиталов при облегчении доступа к нему и оживлении негосударственной инвестиционной деятельности.

Реформированию госпредприятий в 12-й пятилетке и в плане на 13-ю пятилетку (2016–2020 гг.) свойственна комплексность подхода к решаемым проблемам. Этапу «перестройки управления госактивами и совершенствования современной системы предприятий» сопутствуют реформирование системы бюджетного управления с внедрением порядка общественных финансовых платежей, разработка мер по полной трансформации налога на добавленную стоимость, введение нормативной системы неналоговых правилительственных поступлений³.

Поощрение инновационного развития, продвижение трансферта передовых технологий должны упорядочить оборот государственной доли акций предприятий, котирующихся на фондовых биржах, и осуществление сделок по реорганизации компаний в установленном порядке. Несмотря на нестабильность фондовых котировок в течение 2015 г., Госсовет КНР принял проект о реформе госпредприятий, рассчитанный до 2020 г., в котором государство оставляет за собой полномочия регулятора фондового рынка. Оно намерено отказаться от контрольного пакета акций в ряде госкорпораций⁴. В ноябре 2015 г. были объединены фондовые биржи Шанхая и Сянгана. Это позволяет инвесторам осуществлять сделки на фондовой бирже Сянгана, акции которой станут котироваться и в Шанхае, что позволит Сянганской бирже развиваться как оффшорному центру по операциям в юанях.

В Докладе о выполнении плана экономического и социального развития за 2015 г. и проекте плана на 2016 г. подчеркнуто: «Решительно штурмовать препятствия на пути реформ госпредприятий. Форсировать реорганизацию и создание инвестиционно-управляющих компаний, работающих с государственными активами. В целях стимулирования реформы по внедрению на госпредприятиях смешанной формы собственности предстает осуществлять показательные пилотные проекты на госпредприятиях в сферах железных дорог, гражданской авиации, телекоммуникаций, военной промышленности и в других важнейших областях. Стимулировать системную реформу электроэнергетики, нефтегазовой и соляной промышленности. Опубликовать предложения по дальнейшему совершенствованию системы охраны имущественных прав⁵».

Квоты на выпуск корпоративных облигаций госпредприятиями центрального и местного подчинения с 2007 г. отменены. Эмиссию могут осуществлять компании, обладающие соответственно своему статусу определенной суммой чистых активов. Эти компании также должны иметь определенный кредитный рейтинг, среднегодовой размер распределяемой прибыли, объем эмиссии и т.д. Получение листинга — регистрации на фондовой бирже — предусматривает наличие поручителя.

Для развития многоярусного рынка капитала, расширения рынка ценных бумаг в КНР реформируется действующая система IPO (первой публичной продажи акций акционерной компании неограниченному кругу лиц), поощряющая участие отечественного капитала в росте предприятий новых и новейших технологий. В 2015 г. было представлено 86 IPO⁶. Для стимулирования венчурных инвестиций в новые отрасли создан государственный фонд с первоначальной суммой в 40 млрд юаней.

В период 12-й пятилетки для укрепления инвестиционной базы и диверсификации госсобственности «современная система предприятий» претерпела ранжировку по четырем направлениям — в зависимости от прибыльности госпредприятий и их роли в общественном благосостоянии:

- 1) 100%-ная госсобственность была определена для предприятий в сфере инвестиций и обеспечения безопасности;
- 2) полный контроль государства был распространен на ряд предприятий реального сектора;
- 3) государственные пакеты акций оставлены в компаниях, обладающих всемирно известными брендами, на некоторых иных госпредприятиях;
- 4) открыта возможность отказа от использования госкапитала в конкурентных отраслях.

Госпредприятия центрального подчинения, каковых на начало 2016 г. насчитывалось свыше 100, к 2020 г. должны удвоить уровень дивидендов, отдаваемых в государственную казну. Предусматривается, что активы госкорпораций, находящихся в системе Комитета Госсовета по контролю и управлению госимуществом, должны пополняться и осуществлять модернизацию за счет хозяйствования на государственном капитале. В 2014 г. доходы от госактивов в целом составили 202,3 млрд юаней, в том числе на госпредприятиях центрального подчинения — более 141 млрд юаней⁷. В 2015 г. по предварительному сводному плану доходов центральных и местных госактивов с учетом неизрасходованных остатков они должны были превысить соответственно 240,7 млрд юаней. Фактически этот показатель составил 256,016 млрд юаней, в том числе доходы от хозяйствования центральными госактивами планировались в сумме 155 млрд юаней, а реально составили 161,292 млрд (т.е. 104,1% от предусмотренного бюджетом показателя с приростом на 14,3%⁸).

С учетом оставшейся с 2014 г. суммы в 14,398 млрд юаней общий объем доходов от хозяйствования госактивами предприятий центрального подчинения приблизился в 2015 г. к 175,6 млрд юаней. Но доходы госкапитала этих предприятий были выплачены не полностью. Выплаты из бюджета хозяйствования центральными госактивами составили менее 136 млрд юаней, т.е. 80,3% от показателя, предусмотренного бюджетом. Это означает снижение выплат в 2015 г. на 4,2%⁹, т.е. фактически выплаты в бюджет доходов от хозяйствования на госактивах предприятий центрального подчинения не возросли и даже несколько уменьшились.

Это объясняется замедлением работы по реформированию предприятий коллективной собственности, созданных при предприятиях госсобственности, и отставанием реформы от графика на тех госпредприятиях, что освобождаются от функций электро- и водоснабжения, теплового обеспечения и управления коммунальным хозяйством, передаваемых специализированным организациям общественной собственности.

Собственные поступления в бюджеты хозяйствования госактивами местных предприятий в 2015 г. превысили 94,7 млрд юаней (в 2014 г. — 61,25 млрд). С учетом трансфертных платежей из бюджета хозяйствования госактивами предприятий централь-

ного подчинения (свыше 12,4 млрд юаней) общий объем доходов бюджетов хозяйствования госактивами местных предприятий превысил 107,1 млрд юаней (в 2014 г. — почти 100,2 млрд). Расходы бюджета хозяйствования госактивами местных предприятий в 2015 г. превысили 84,3 млрд юаней (в 2014 г. — почти 58,1 млрд)¹⁰.

Таким образом, сводные доходы центральных и местных госактивов в 2015 г. продемонстрировали некоторую динамику развития. Однако в докладе «Об исполнении центрального и местных бюджетов за 2015 г. и проекте центрального и местных бюджетов на 2016 г.» нет конкретных указаний на выплаты из бюджета хозяйствования госактивами центральных предприятий на пополнение уставного капитала госпредприятий, нужды самих госпредприятий, покрытие их убытков и т.д. В доходы обычного общественного бюджета в 2016 г. намечено передать 31,5 млрд юаней из бюджета центральных правительственных фондов и бюджета хозяйствования госкапиталом центральных предприятий, в том числе из последнего — 24,6 млрд юаней. По-видимому, в 2015 г. показатели поступлений от НДС выполнены не полностью.

Вместе с тем в бюджете КНР в 2015 г. почти на 64% выше предусмотренного показателя возросли неналоговые платежи. Такой рост, как было отмечено в марте 2016 г. на сессии ВСНП, обусловлен главным образом увеличением суммы прибыли, отчисленной в бюджет некоторыми финансовыми учреждениями и предприятиями центрального подчинения¹¹.

В 2016 г. эксперименты по взиманию НДС взамен налога на предпринимательскую деятельность предполагается распространить на сферы строительства, недвижимости, финансов и бытовых услуг. Предстоит увеличить удельный вес перечисления средств из бюджета хозяйствования государственным капиталом в обычный общественный бюджет. Наряду с этим ставится задача повысить эффективность использования этих средств посредством обновления форм финансовых расходов.

Создание открытой единой платформы научно-технического управления. финансируемой центральным бюджетом, должно помочь форсированию запуска госфонда по ориентированию внедрения научно-технических достижений в производство и положить начало компенсации рисков банковских кредитов.

Чтобы ускорить ликвидацию избыточных мощностей в металлургии и угольной промышленности, поддержать принцип «адаптации к рыночному давлению», признать за предприятиями статус субъектов, возлагая на местные правительства ответственность за организацию этого процесса при опоре на центральные власти¹², местные правительства и предприятия центрального подчинения будут поощряться за слияние и реорганизацию предприятий, реструктуризацию их долговых обязательств, ликвидацию среди них банкротств и трудоустройство сокращенного персонала.

В 2016 г. и в дальнейшем предполагается уменьшить расходы на нужды предприятий в конкурентных отраслях, сократить неэффективные траты и расходы, не совпадающие с политикой регулирования.

Совершенствование бюджета хозяйствования государственным капиталом предполагает увеличение удельного веса его перечислений в обычный общественный бюджет с 16% в 2015 г. до 19% в 2016 г. В бюджет хозяйствования госкапиталом центральных предприятий предстоит включить Китайскую железнодорожную корпорацию и еще 67 предприятий¹³. Приоритетные направления: выделение средств на решение проблем госпредприятий, накопившихся за время реформ, ликвидацию избыточных мощностей и трудоустройство сокращенного персонала.

Поступления в бюджет хозяйствования госкапиталом центральных предприятий в 2016 г. уменьшатся на 13,2% (до 140 млрд юаней). Сокращение обусловлено падением прибыли в нефтехимии, металлургии, нефтяной, угольной отраслях и др. С учетом доходов, перечисленных в 2015 г. на сумму более 39,7 млрд юаней, общий объем поступлений бюджета госкапитала центральных предприятий превысит 179,7 млрд юаней. В 2016 г. выплаты из этого бюджета предполагается увеличить на 37,3%, или на 155,123 млрд юаней.

Собственные поступления в бюджеты хозяйствования госкапиталом местных предприятий сократятся на 5,5% (до 89,47 млрд юаней). Учитывая трансферт из бюджета хозяйствования госкапиталом центральных предприятий в сумме 36 млрд юаней, доходы бюджета хозяйствования госкапиталом местных предприятий составят 125,47 млрд юаней, а расходы — 106,782 млрд. Рост расходов на 29,2% обусловлен увеличением трансфертов из бюджета хозяйствования центральным госкапиталом в местные бюджеты, где осуществляется освобождение госпредприятий от коммунальщиков (управление и снабжение водой, электроэнергией, теплом), чтобы в дальнейшем эти функции исполняли специализированные организации, основанные на общественной собственности с долевым участием. Вышеупомянутые средства намечено также потратить на поддержку реформы предприятий коллективной собственности, созданных при госпредприятиях на местах.

В целом в 2016 г. доходы бюджета хозяйствования на госкапитале центральных и местных госпредприятий составят 229,47 млрд юаней, т.е. снизятся на 10,4%. Учитывая остатки средств, поступивших и неизрасходованных в 2015 г., общий объем поступлений достигнет почти 269,2 млрд юаней. Расходы средств, полученных от хозяйствования госкапиталом, увеличатся в целом на 23,3% и составят в 2016 г. более 225,9 млрд юаней.

Ускорение реформы финансово-налоговой системы направлено на увеличение вложений в НИОКР предприятиями как субъектами инновационной деятельности. При полном завершении реформы по взиманию НДС взамен налога на предпринимательскую деятельность предполагается огласить переходный проект распределения дохода от НДС между центральными и местными органами власти¹⁴.

Подчеркнута необходимость инноваций в методах бюджетных ассигнований, где перечислены такие меры использования рыночных форм хозяйствования, как распространение модели государственно-частного партнерства, выявление роли различных финансовых инвестиционных фондов, привлечения финансовых средств общественного капитала, продвижение правительственных закупок услуг, развертывание пилотной работы по поддержке инновационной продукции посредством правительственных закупок.

Управление задолженностью местных правительств предусматривает установление лимита долговой нагрузки, создание механизма оценки и предупреждения рисков, выпуск займов, облигаций и т.д.

В 2015 г. в КНР насчитывалось 50 тыс. госпредприятий, чьи активы оценивались в 100 трлн юаней (15,7 трлн долл.), число занятых составляло примерно 30 млн человек¹⁵. Согласно данным 3-й Всекитайской экономической переписи, на 31 декабря 2013 г. число госпредприятий и занятых во II и III сферах экономики представляло следующую картину:

- промышленность — 20 тыс. предприятий (0,8% от общего числа), занятых — 4,785 млн человек;
- строительство — 5 533 предприятия (1,6% от общего числа), занятых — 2,474 млн человек;
- оптовая и розничная торговля — 27 тыс. предприятий, занятых — 1,034 млн человек;
- транспорт, складское хозяйство, почтовые и иные услуги — 9 тыс. предприятий, занятых — 3,43 млн человек;
- гостиницы, общепит — 7 тыс. предприятий, занятых — 374 тыс. человек;
- телекоммуникации, программное обеспечение, информационные услуги, интернет — 2 177 предприятий, занятых — 231 тыс. человек;
- лизинговое обслуживание и бизнес — 14 тыс. предприятий, занятых — 1,108 млн человек;
- научные исследования и техническое обслуживание — 10 тыс. предприятий, занятых — 557 тыс. человек¹⁶.

Особенность реформирования госпредприятий в 2011–2020 гг. состоит в стремлении ослабить под руководством КПК коррупцию и сложившиеся бюрократические

связи в проведении реформ, усилить «сверху» использование рыночного инструментария (слияние, поглощение, акции, облигации, маркетинг, страховые фонды, оживление негосударственных инвестиций с помощью сделок на фондовых биржах).

При ускорении налогово-финансовой реформы поставлена задача введения индикативных предложений по разграничению основных полномочий и обязательств по расходам между центральными и местными органами власти, а также увеличение удельного веса в общественном бюджете доли средств из бюджета хозяйствования госкапиталом предприятий центрального подчинения.

Реформа и совершенствование современной системы предприятий, основу которой составили госпредприятия, теснейшим образом связана с реформированием финансовой системы, включающей банки, налоги, валютные операции. В 2016 г. и в последующие годы предполагается при расширении замены налога на предпринимательскую деятельность налогом на добавленную стоимость распространить этот процесс на строительную, на сферу недвижимости, финансов и бытового обслуживания.

Реформа финансовой системы предполагает углубление реформ государственных коммерческих банков, директивных финансовых учреждений, финансовых учреждений развития и т.д., что должно способствовать активизации многоканального и многоуровневого рынка капитала и продвижения стратегии инновационной деятельности для совершенствования современной системы предприятий.

Присоединившись в 2001 г. к ВТО, Китай в настоящее время добивается признания статуса рыночной экономики своей страны, так как партнеры по торговле, не признавая рыночности Китая, ставят китайские компании в неравноправное положение при международной конкуренции. Из-за этого, по мнению властей КНР, китайским торговым и производственным предприятиям отказывают в справедливости и распределении выгод при возникающих спорах.

Налаживая работу правовых и рыночных механизмов «сверху», китайские власти пытаются овладеть ими как источниками прямого финансирования предприятий и усовершенствовать распределение денежных и материальных ресурсов.

Реформа госпредприятий, согласованная с реформой финансовой системы (банки, налоги, валюта), управление фондовыми рисками — одна из сложнейших задач социалистической рыночной экономики, в зависимости от решения которой предстоит вынести суждение: есть ли свет в конце тоннеля, именуемого «социализмом с китайской спецификой».

1. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8172435.html>.
2. Чжунго цзинцзи чжоукань. 15.03.2016.
3. URL: http://russian.10thnpc.org.cn/china/archive/ianghui-5/2007-03/06/content_7910435.htm.
4. «Дыхание Китая». Октябрь 2015. № 6. С. 21.
5. URL: <http://russian.news.cn/2016-03/18/c135202300.html>.
6. URL: <http://www.stats.gov.cn>.
7. Жэньминь жибао. 18.03.2015.
8. Жэньминь жибао. 19.03.2016.
9. Там же.
10. Жэньминь жибао. 18.03.2015.
11. Жэньминь жибао. 19.03.2016.
12. Там же.
13. Там же.
14. Там же.
15. «Дыхание Китая». Октябрь 2015. № 6. С. 20.
16. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201412/t20141216_653709.html.

Китай укрепляет позиции в нефтегазоносном бассейне Персидского залива

© 2016

Ж.В. Петрунина

Рост китайской экономики в последние три десятилетия сочетался с бурным ростом потребления углеводородов. Естественно, что Китай заинтересован в закреплении своих позиций в странах Ближнего и Среднего Востока с акцентом на энергетический сектор, что проявляется в его масштабных инвестициях. В долгосрочном энергетическом сотрудничестве заинтересованы как Китай, так и государства-производители нефти и газа, активно стремящиеся закрепиться на рынках КНР и других стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Ключевые слова: Китай, Персидский залив, энергетическая безопасность, нефтегазовый фактор.

Внешняя политика Китая ориентирована на всестороннее развитие сотрудничества со всеми странами мира на основе принципов мирного сосуществования, что обусловлено долговременными задачами его внутривластного курса, направленного на построение к 2021 г. «общества среднего достатка», а к 2049 г. — «богатой и могущественной, демократической, цивилизованной и гармоничной современной социалистической державы»¹, т.е. на «великое возрождение китайской нации» и становление Китая как одного из полюсов многополярного мира.

Весьма важное место в программах внешнего сотрудничества КНР занимают страны нефтегазоносного бассейна Персидского залива. По данным Heritage Foundation, с 2005 по 2013 гг. китайские компании инвестировали сюда в различные сектора экономики около 48,8 млрд долл.²

Стратегически значимые инвестиционные проекты китайских фирм в этом обширном регионе весьма многообразны. К примеру, они вложили средства в строительство тегеранского метро, двух египетских портов, в прокладку скоростной железной дороги между священными городами Меккой и Мединой и пр.³ Помимо экономической выгоды, эти проекты сулят Пекину возможность продемонстрировать качество своих технологий. В частности, при формировании систем скоростного транспорта.

Множатся контакты китайских строительных компаний, задействованных в модернизации инфраструктуры. В 2009 г. китайскими рабочими в Дубае был построен торговый центр Dragon Mart площадью 150 тыс. м², считавшийся крупнейшим объектом подобного рода за пределами КНР⁴. Этим же целям служит и проект создания к 2020 г. в Иньчуане (главном городе Нинся-Хуэйского автономного района КНР) Центра торгово-экономи-

Петрунина Жанна Валерьяновна, доктор исторических наук, профессор Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. E-mail: petrunina71@bk.ru.

ческого взаимодействия с арабским миром. По имеющимся данным, архитекторы предполагают возвести там мечеть в форме парусника высотой в 219 м, две башни высотой по 300 м («Врата Китая в арабские страны») и огромный торговый комплекс. По оценкам специалистов, эта площадка сможет привлечь более 2000 предприятий с обеих сторон.

Участвуя в развитии и строительстве инфраструктуры за рубежом, Пекин решает и одну из актуальнейших проблем: трудоустройство своих граждан. Он стремится поставлять не только товары, но и дешевую рабочую силу, отличающуюся трудолюбием, дисциплинированностью, неприхотливостью в быту.

Дополнительный импульс получило сотрудничество в науке и технике, ядерной энергетике и исследованиях возобновляемых источников энергии, в области обмена информацией в сферах противостояния террористическим угрозам, борьбы с наркоторговлей и с трансграничной преступностью, а также в космических разработках. Немаловажным представляется и активизация межкультурного диалога, способствующего расширению международных границ и сотрудничеству в сфере образования, здравоохранения, науки, техники, туристической отрасли. В вузах стран Ближнего и Среднего Востока становится популярным изучение китайского языка. Все больше арабских студентов привлекается в вузы Китая. Так, в двадцати ведущих университетах КНР ведется преподавание арабского языка, а в восьми арабских странах действуют 11 Институтов Конфуция⁵. Ежегодно множится число китайских мусульман, выезжающих в Саудовскую Аравию для участия в хадже. В 2015 г. таковых было 14,5 тыс.⁶

Приоритетом в масштабных и многогранных действиях Китая на Ближнем и Среднем Востоке было и остается сотрудничество в энергетическом секторе.

Если в первые четыре десятилетия своего существования КНР относилась, наряду со странами Персидского залива, к числу экспортеров «черного золота», то с середины 1990-х годов ее нефтедобыча начала отставать от потребностей быстрорастущей экономики, и Китай превратился в нетто-импортера углеводородов. Он ныне — крупнейший в мире потребитель нефти после США (на его долю приходится примерно 14% ее общемирового потребления). Будучи зависим в сфере энергоносителей от внешних ресурсов, Китай осуществляет активную экспансию на зарубежных энергетических рынках. Нефтегазоносный бассейн Персидского залива, где сосредоточено 64% разведанных мировых запасов нефти, стал для КНР одним из основных источников энергетического сырья. В первом десятилетии XXI в. ее сотрудничество со странами данного региона в сфере энергоносителей активизировалось. В 2000–2013 гг. китайская экономика демонстрировала устойчивый рост, что приводило к росту потребления углеводородов. По оценкам Middle East Economic Digest, потребление жидкого топлива в КНР в 2012 г. составляло в абсолютных цифрах 9,1 млн баррелей в сутки (455 млн т в год), причем собственное производство удовлетворяло лишь 45% потребностей⁷. Крупнейшими поставщиками были Саудовская Аравия, Иран, Ирак, Оман, Кувейт, Катар, Йемен.

По оценкам директора научно-исследовательского центра при Госсовете КНР Ли Взя, потребление нефти в Китае к 2030 г. достигнет 800 млн т. в год, из которых 75% будут обеспечиваться за счет импорта⁸. По поставкам в Китай сжиженного газа лидирующие позиции занимает Катар. На его долю в конце 2015 г. приходилась треть поставок.

Стремясь закрепиться в регионе, китайские фирмы увеличили свое инвестиционное присутствие в нефтехимическом, нефтегазовом и строительном секторах экономики Ближнего и Среднего Востока. Китай активно участвует в крупных мировых проектах по добыче, переработке и транспортировке углеводородов.

Обладающий значительными запасами нефти Ирак остро нуждается в инвестициях, предоставляя возможность участия в нефтяных разработках иностранным фирмам. Сдерживающим фактором для западноевропейских нефтяных концернов является нестабильность обстановки в этой стране и отсутствие режима наибольшего благоприятствования иностранным инвесторам. Китайские нефтяные компании рассматривают сложившуюся ситуацию как свой шанс для закрепления на нефтяных рынках Ирака. С 2009 г. компания China National Petroleum Corporation (CNPC) совместно с британской British Petroleum ведут разработку иракского нефтяного месторождения Румейла. CNPC владеет 37% акций, доля BP — 38%, а доля иракской государственной организации по нефтяному маркетингу — 25% акций. В январе 2010 г. CNPC получила право на разработку месторождения Хальфая (Khalfaya field) на юго-западе Ирака (50% акций) совместно с французской Total и малазийской Petronas (по 25% акций). Оба контракта заключены сроком на 20 лет с возможностью продления еще на 5 лет. В Ираке работают также China National offshore Oil Corp. (CNOOC — Китайская национальная офшорная нефтяная корпорация) и Zhenhuan Oil, которые участвует в разработке нефтяных месторождений южной провинции Майсан, в частности в Эль-Факке, Базаргане и Абу-Гаребе. В целом в 2014 г. на нефтяных месторождениях Ирака (преимущественно в шиитских областях на юге страны) работало более 10 тыс. китайского персонала⁹.

Особый интерес представляет сотрудничество китайских фирм с нефтяными компаниями Саудовской Аравии. В январе 2012 г. была создана нефтеперерабатывающая компания Yanbu Aramco Sinopec Refining Company (YASREF), являющаяся совместным предприятием национальной нефтяной компании Саудовской Аравии Saudi Aramco, владеющей 62,5% акций, и китайской нефтехимической корпорации China Petroleum & Chemical Corporation (Sinopec), которой принадлежит 37,5% акций. YASREF ведет строительство нефтеперерабатывающего завода Yanbu Export Refinery стоимостью 10 млрд долл. в порту Янбу, расположенном на западном берегу Красного моря¹⁰. Во время визита Си Цзиньпина в Саудовскую Аравию (январь 2016 г.) был торжественно открыт нефтеперерабатывающий завод в Янбу, который стал первым НПЗ, построенным компанией Sinopec за рубежом¹¹.

С 2004 г. CNPC присутствует в Иране, обеспечивающем 14% потребляемой Китаем нефти. В 2007 г. Ираном было подписано соглашение с корпорацией Sinopec о разработке одного из его крупнейших нефтяных месторождений — Ядавара. Китайская сторона заявила о своей готовности инвестировать в проект около 2 млрд долл.¹² В 2009 г. CNPC выиграла контракт стоимостью 4,7 млрд долл. на разработку второй очереди газового проекта Южный Парс при ежегодном инвестировании в его разработку по 3,6 млрд долл.¹³ Впрочем, данный контракт был в 2013 г. расторгнут из-за того, что китайская сторона затянула его реализацию. Ранее CNPC подписала «Меморандум о взаимопонимании» по инвестициям и сотрудничеству в добыче и переработке нефти и газа совместно с оманской компанией.

Прочное положение занимают китайские корпорации и на нефтяном рынке Сирии. В 2005 г. CNPC получила право на разработку месторождений в долине Евфрата, приобретя 38% акций компании Аль-Фурад (AFPC). В 2007 г. корпорация Sinopec приобрела действовавшую в Сирии канадскую нефтяную компанию Tanganyika Oil Company, которая разрабатывала два нефтяных месторождения, дававших 16,6 баррелей нефти в сутки¹⁴. Крупные контракты в Сирии реализуют китайские телекоммуникационные компании ZTE и Huawei, предоставляя улучшенные сетевые возможности для повышения

эффективности ведения бизнеса в нефтегазовой отрасли¹⁵. Примечательно, что сотрудничество не прекратилось даже в условиях сирийского кризиса.

В последние годы параллельно увеличивался объем арабских инвестиций в нефтяном и нефтехимическом секторах китайского рынка. Отметим участие одного из ведущих производителей полимеров в мире, компании Boreouge, (базируется в Абу-Даби) в строительстве логистического и сбытового центров в Гуанчжоу и Шанхае, завода по производству сложных пластмасс в провинции Гуандун, продукция которого востребована в активно развивающемся автомобилестроении КНР. Лидирующие позиции среди ближневосточных инвесторов занимает саудовский нефтяной гигант Saudi Aramco, который совместно с китайской Petrochina участвовал в строительстве нефтеперерабатывающего завода в провинции Юньнань. Еще один крупный инвестор в китайский энергетический сектор: кувейтская компания Kuwait Petroleum International, заключившая в 2011 г. с китайской Sinopet соглашение о создании нефтеперерабатывающего завода в г. Чжаньцзяне (провинция Гуандун). Предполагается, что это предприятие сможет перерабатывать 300 тыс. баррелей сырой нефти в сутки (15 млн т нефти в год), что сулит Кувейту возможности увеличить экспорт нефти в Китай¹⁶.

Хотя лидирующие позиции стран Персидского залива в энергетическом секторе КНР сохраняются, их роль в АТР ныне ослабевает из-за конкуренции со стороны России. Так, к началу 2015 г. доля Саудовской Аравии на китайском рынке углеводородов сократилась по сравнению с 2014 г. с 19% до 16%, тогда как доля России увеличилась с 9% до 11%¹⁷.

Итак, Китай развернул в зоне Персидского залива масштабную экономическую деятельность. Используемые механизмы взаимодействия способствуют развитию диалога государств, установлению и развитию стратегического партнерства, а в перспективе — укреплению влияния КНР на Ближнем и Среднем Востоке. Несмотря на обоюдный интерес сторон в многостороннем сотрудничестве (особенно в энергетической отрасли), оно переживает непростые времена. При этом продвижение Китая в страны этого обширного нефтегазоносного бассейна залива некоторые лидеры воспринимают с определенной долей тревоги (в частности, в Саудовской Аравии, в Турции), опасаясь, что долгосрочные намерения Китая могут значительно поменять расстановку сил в регионе. Его активное проникновение в энергетический сектор этих стран вызывает неудовольствие и со стороны Вашингтона. Стремящиеся к доминированию в этом стратегически важном регионе США встревожены расширением контактов Китая с государствами, являющимися традиционными американскими партнерами в этой части мира. Но наибольшую обеспокоенность вызывает у Вашингтона установление деловых контактов между Китаем и теми странами Ближнего Востока, с которыми у него сложились непростые отношения (Иран, Сирия). Интересы сторон сталкиваются и в вопросе проникновения в иракскую энергетическую отрасль, где американские специалисты ведут работу по восстановлению и строительству нефтегазовых объектов (например, на севере и в районе Басры).

Американцы остро реагируют на появление конкурентов. Следовательно, на энергетическую безопасность Китая влияют многие факторы, перспективы его взаимодействия с арабо-мусульманским миром зависят в определенной мере и от уровня взаимопонимания с США.

1. Доклад Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК // «Жэньминь жибао» онлайн. 19.11.2012.
URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8023959.html>.
2. China's global reach. URL: <http://www.heritage.org/research/projects/china-global-investment-tracker-interactive-map>.
3. The great well of China // The Economist. 2015. 20 июня.
URL: <http://www.economist.com/news/middle-east-and-africa/21654655-oil-bringing-china-and-arab-world-closer-economically-politics-will>.
4. *Seirakian L., Ghazarian M.* New Silk Road Runs Through Dubai's Dragonmart // ABCnews. 30.07.2009. URL: <http://abcnews.go.com/Travel/story?id=8200782&page=1>.
5. *Wang Yi.* Strengthen the Forum and Upgrade China-Arab Relations. Written on the Occasion of the Sixth Ministerial Conference of the CASCF. URL: <http://qa.china-embassy.org/eng/zxxx/t1161667.htm>.
6. Активизация китайско-саудовских контактов на высоком уровне, торгово-экономического сотрудничества и культурных обменов // «Жэньминь жибао» онлайн. 18.01.2016.
URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/0118/c31520-9005243.html>.
7. *Трухин А.* Сотрудничество Китая с арабскими странами // Свободная мысль. 2014. С. 15.
8. Китай готов заполнить пустоту на Ближнем Востоке // Вести. Экономика. 2014. 27 июня.
URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/44383/print>.
9. Иностраные нефтяные компании в Ираке. Досье // Сайт ИТАР ТАСС.
URL: <http://tass.ru/info/1274000>.
10. King Salman and Chinese President Xi Jinping inaugurate YASREF Refinery // Riyadh. Saudi Arabia, 2016. 20 January. URL: <http://www.saudiaramco.com/en/home/news-media/news/CooperationAgreement.html>.
11. China's Xi opens refinery with Saudi King Salman // Channel NewsAsia. 21.01.2016.
URL: <http://www.channelnewsasia.com/news/world/china-s-xi-opens-refinery/2442810.html>.
12. Иран подписал с китайской Sinopec контракт на разработку нефтяного месторождения Ядаваран // РБК. 2007. 10 дек. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20071210022944.shtml>.
13. Иран и Китай расторгают договор относительно разработки месторождения Южный Парс // Информ. агентство Regnum. 2013. 23 апр. URL: <http://regnum.ru/news/polit/1652096.html>.
14. China's Sinopec in Bid for Canadian Oil Company // Bloomberg Business. 2008. 26. Sept. URL: <http://www.bloomberg.com/bw/stories/2008-09-26/chinas-sinopec-in-bid-for-canadian-oil-companybusinessweek-business-news-stock-market-and-financial-advice>.
15. Huawei urges Oil Industry to lay solid ICT foundation for greater security // AlBawaba Business. 2012. 29 Febr. URL: <http://www.albawaba.com/business/pr/huawei-urges-oil-industry-lay-solid-ict-foundation-greater-security-414981>.
16. *Song Yen Ling.* China's SINOPEC, Kuwait PETROLEUM INK COOPERATION pack on oil and refining. URL: <http://www.platts.com/latest-news/petrochemicals/singapore/chinas-sinopec-kuwait-petroleum-ink-cooperation-26804366>.
17. Китай отказывается от нефти Саудовской Аравии // Вести. Экономика. 2015. 23 янв.
URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/52293>.

Развитие дельты реки Чжуцзян: тенденции, проблемы, перспективы

© 2016

Ю.М. Шиганова

Экономический район в дельте р. Чжуцзян («Жемчужная»), созданный на начальном этапе китайских реформ как одна из первых открытых для внешнего мира территорий, превратился за три десятилетия в зону высокотехнологичного производства с развитым сектором услуг, высокими показателями подушевого ВРП. Он реально способствовал интеграции КНР в мировую экономику. В статье анализируются основные тенденции и перспективы развития этого района, препятствия его стабильному росту.

Ключевые слова: Китай, провинция Гуандун, дельта реки Чжуцзян, оптимизация экономической структуры, экспортно ориентированная экономика.

Расположенная в южной части тихоокеанского побережья Китая провинция Гуандун традиционно является одним из эпицентров экономического развития Китая. А эпицентр этой провинции — дельта реки Чжуцзян (далее в тексте — Дельта). На ее долю, а это 31% всей территории Гуандуна, приходится около 1,32% мирового ВВП¹, или более половины ВВП Италии (2,47% мирового), и сопоставимо с показателем России (1,68% мирового ВВП)².

В Дельту входят девять городов пров. Гуандун с пригородами, включая малые города и селения с их земельными угодьями: Гуанчжоу, Шэньчжэнь, Фошань, Чжухай, Цзянмэнь, Чжуншань, Дунгуань, Хуэйчжоу, Чжаоцин. Используются еще понятия: «*Расширенный район бассейна р. Чжуцзян*» (пров. Гуандун, Гонконг и Макао) и даже «*Пандельта р. Чжуцзян*», охватывающая девять провинций Южного Китая — Гуандун, Фуцзянь, Цзянси, Гуанси, Хайнань, Хунань, Сычуань, Юньнань, Гуйчжоу, а также Гонконг и Макао. Но географическим субъектом, фигурирующим в статистическом учете, остается Дельта в границах вышеозначенных девяти городов Гуандуна.

Развитие в русле реформы

Начало рассматриваемому в статье проекту было положено в 1985 г., когда в дельте р. Чжуцзян возникла приморская открытая экономическая зона, включившая первые специальные экономические зоны пров. Гуандун — Шэньчжэньскую и Чжухайскую, а также открытый приморский город Гуанчжоу. Основой развития региона послужил масштабный, с приростом до 24% в год³ приток иностранных инвестиций в основном из Гонконга, доля которого достигала 60%⁴. Здесь множились экспортно ориентированные промышленные предприятия, внедрялись передовые иностранные технологии, в том числе оборудование и производственные линии по обработке давальческого сырья и по сборке изделий из давальческих узлов. Данную схему регионального развития стали на-

зывать «чжуцзянской моделью». Она обеспечила рост внешней торговли, валютные поступления, занятость, удовлетворение внутреннего спроса, рост доходов и уровня жизни населения, создание необходимой инфраструктуры, урбанизацию.

Рис. 1. Провинция Гуандун на карте Китая

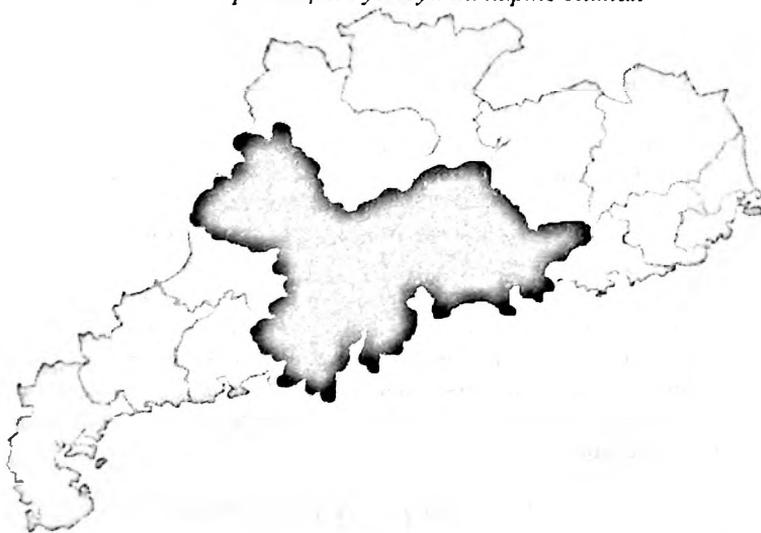

Рис. 2. Дельта реки Чжуцзян на карте провинции Гуандун

Пров. Гуандун стала лидером КНР по социально-экономическим показателям. Среднегодовые темпы экономического роста на протяжении 1979–2015 гг. составили 12,9%⁵ (9,6% по стране в целом⁶). Для Дельты характерны высокие темпы развития промышленности и сферы услуг: 52,15% ее ВРП производится в третьем и 45% — во втором секторах экономики⁷. Ключевые отрасли — производство промышленного оборудования, компьютеров, средств связи, электротехнической продукции, автомобилестроение, нефтехимия. На долю высоких технологий приходится 30,3% добавленной стоимости в промышленном производстве⁸. В настоящее время традиционные трудоемкие отрасли (производство одежды, обуви, текстиля, бытовой техники, часов, мебели, стройма-

териалов и пр.), доминировавшие здесь в 1980-х годах⁹, выводятся с территории Дельты. Это благоприятствует модернизации ее производственного сектора, росту занятости и уровня доходов населения, снижению миграции, а также способствует вовлечению в сферу внешней открытости других регионов.

Поскольку в Гуандуне прогрессирует второй сектор экономики, бурно развивается урбанизация (в Шэньчжэне — 100%, в Шуньдэ — 98,53%, в Фошане — 94,89%¹⁰), а на селе распространяются неаграрные виды деятельности, сельское хозяйство провинции, вопреки благоприятным климатическим условиям и аграрному характеру экономики большинства ее районов, практически потеряло свое значение в региональной экономике. Низкая стоимость конечной продукции и существенное отставание производительности труда в сравнении с производственной сферой повлекли сокращение стоимостной доли производства в аграрном секторе с 29,76% в 1978 г. до 4,7% в 2014 г.¹¹ Ныне пров. Гуандун вынуждена ввозить продукцию земледелия.

С 1978 г. в регионе наблюдалось более чем двукратное увеличение доли производства в сфере услуг¹². Основные отрасли третьей сферы — транспорт, складской сервис, связь, оптовая и розничная торговля, недвижимость, производство продуктов питания и напитков. Роль финансов, страхования, медицинского обслуживания, спорта, культуры, образования, телерадиовещания пока невелика.

По динамике роста объемов производства и по доле в ВРП региона третий сектор опережает второй на 0,5 проц. пункта и более чем на 7 проц. пунктов соответственно¹³, что характерно для экономически развитых стран, находящихся на постиндустриальном этапе развития, но в обоих секторах по-прежнему высока доля традиционных отраслей. Наблюдается тенденция увеличения числа занятых в сфере услуг, сокращения в сельском хозяйстве и незначительного прироста во втором секторе, однако большинство населения занято в промышленности и строительстве (41,41%), на третий сектор приходится 36,23%¹⁴.

Освоение ориентированных на экспорт производств обеспечило Дельте наибольшую по сравнению с прочими регионами КНР степень взаимодействия с мировым рынком. На сегодняшний день 69% произведенной здесь продукции направляется на экспорт, показатель зависимости экономики Дельты от внешней торговли превышает 115% (в пров. Гуандун — 102,91%, средний показатель по стране — 43,82%). На мировой рынок, особенно в страны Азии, на которые приходится более 60% экспорта и 75% импорта Дельты, поставляются электротехнические изделия, продукция отраслей высоких и новых технологий. В регион ввозятся аналогичные товары, но в меньших (от полутора до пяти раз) объемах¹⁵. Импортируются контрольно-измерительные приборы, технологии автоматизированных систем управления производственными процессами, авиакосмические и оптико-электронные технологии.

Города Дельты превратились в процессе реформ в крупные современные агломерации с высоким уровнем материальных условий жизни населения. Подушевой показатель ВРП Дельты в 1,58 раза выше, чем в пров. Гуандун, и более чем вдвое — среднекитайского показателя¹⁶. Если КНР относится к категории стран с подушевым ВВП выше среднего (по классификации ООН и Всемирного банка)¹⁷, то уровень данного показателя Дельты — 100 448,1 юаней (15 400 долл. США)¹⁸ — соответствует уровню стран с самым высоким уровнем доходов. На Дельту приходится 72,5% объема розничных продаж потребительских товаров пров. Гуандун, жителям Дельты принадлежат 78,7% открытых в регионе банковских депозитов¹⁹.

Широкие возможности трудоустройства и более высокий уровень оплаты труда в Гуандуне стимулировал миграцию населения из других регионов Китая. На сегодняшний день более 70% всех приезжих в провинцию сосредоточено в городах Дельты, что увеличивает социальную, экологическую, финансовую нагрузку²⁰.

Проблемы и препятствия

Дальнейшему стабильному экономическому развитию Дельты препятствуют невысокий уровень производительности, трудности с внедрением новых видов оборудования и технологий, проведением НИОКР, ограниченность ресурсов, высокие производственные издержки, что обуславливается большой долей мелких (72,71%) и средних (23,06%) предприятий в регионе²¹. Показатель прироста добавленной стоимости в производственной сфере у Китая ниже в сравнении с США на 22,99 проц. пункта, с Германией — на 22,12, с Японией — на 11,69²². Наиболее эффективными выпускающими качественную продукцию с высоким уровнем добавленной стоимости являются предприятия, возникшие при участии иностранного капитала (в регионе их 13%), либо созданные инвесторами из Гонконга и Макао (таковых здесь 26%). На них приходится более половины всего производства зоны (28% и 23% соответственно)²³.

Чтобы увеличить добавленную стоимость изделий, поднять роль технической составляющей, вывести на более высокую ступень производственные цепочки, в ВРП пров. Гуандун растет доля расходов на исследования и разработки (с 1% в 2000 г. до 1,3% в 2007, 2% в 2009 и 2,5% в 2015 г.). На Дельту приходится 94% «прибавки»²⁴. К 2020 г. численность научно-исследовательского персонала в Дельте возрастет до 500 тыс. человек, доля расходов на НИОКР — до 3% ВРП²⁵, что сопоставимо с показателями развитых стран (2,74% — США, 2,842% — ФРГ, 3,174% — Финляндия, 3,051% — Дания, 3,583% — Япония)²⁶. Но пока в Китае (включая и Дельту) превалирует имитирование иностранных технологий при дефиците самостоятельных разработок. Это тормозит инновационное развитие региона и страны в целом.

Расход электроэнергии на единицу ВВП в Китае вдвое превышает среднемировой уровень (в 2,4 раза выше, чем в США, в 3,7 — ЕС, в 4,4 — Японии)²⁷. Провинция Гуандун лидирует в Китае по энергопотреблению, что в условиях роста цен на ресурсы, а также ужесточения экологических нормативов влияет на конкурентоспособность ее продукции.

Рост стоимости трудовых ресурсов (среднегодовой показатель в 2010–2015 гг. — 11,1%²⁸), ревальвация национальной валюты (совокупный рост обменного курса юаня к доллару в 2005–2015 гг. — 35,38%²⁹) повлекли повышение экспортных цен на товары китайских производителей и сокращение их чистой прибыли. Снижение внешнего спроса на китайскую продукцию, связанное с замедлением темпов развития мировой экономики, изменениями в структуре спроса и модели потребления, протекционистской политикой других стран, пока что не компенсируется внутренним спросом. Налицо снижение темпов роста производства. Индекс новых экспортных заказов у предприятий провинции снизился с 50,1 в январе 2015 г. до 48,8 в январе 2016 г.³⁰ Уровень ниже показателя «50» означает сокращение объемов производства, высвобождение рабочей силы, обострение проблемы безработицы в ведущих производственных и экспортных центрах, в первую очередь в дельте р. Чжуцзян. Высокая степень зависимости Дельты от глобального рынка обуславливает подверженность ее экономики влиянию кризисов, скачкам цен, политическим факторам. При этом пров. Гуандун с 2003 г. испытывает нехватку квалифицированной рабочей силы. Сокращение объема трудовых ресурсов, спад в производительности труда в немалой степени обусловлены процессами старения населения.

Последствия негативных экономических, социальных и экологических факторов имеют долгосрочный характер, дельта р. Чжуцзян нуждается в их скорейшем разрешении.

Перспективы развития

Ныне в КНР на правительственном уровне поддерживается «опережающая трансформация и модернизация экономики восточного региона»³¹, в том числе пров. Гу-

андун и дельты р. Чжуцзян, необходимые для подъема внутренних регионов страны и сокращения межрегиональной дифференциации внутри провинции.

Основным направлением развития Дельты считается повышение прежде всего социальных показателей — уровня ВРП на душу населения, доходов жителей городов и деревень, средней продолжительности жизни, уровней социального обеспечения и урбанизации. В повестке дня — отработка новой модели экономического роста, перестройка производственной и экспортной структуры.

Повышение качественных показателей призвано стимулировать экономическое развитие и расширение внутреннего спроса, который, несмотря на рост населения, пока что сдерживается традиционным потребительским аскетизмом, экономностью, высоким уровнем сбережений населения (соответствующим половине ВВП Китая³²). Вследствие возникновения явлений перепроизводства в экономике Китая снижается значение инвестиционного фактора при высоких показателях прироста внутренних инвестиций в основную капитал (16,7% в 2015 г. против 13,6% в 2014 г.)³³.

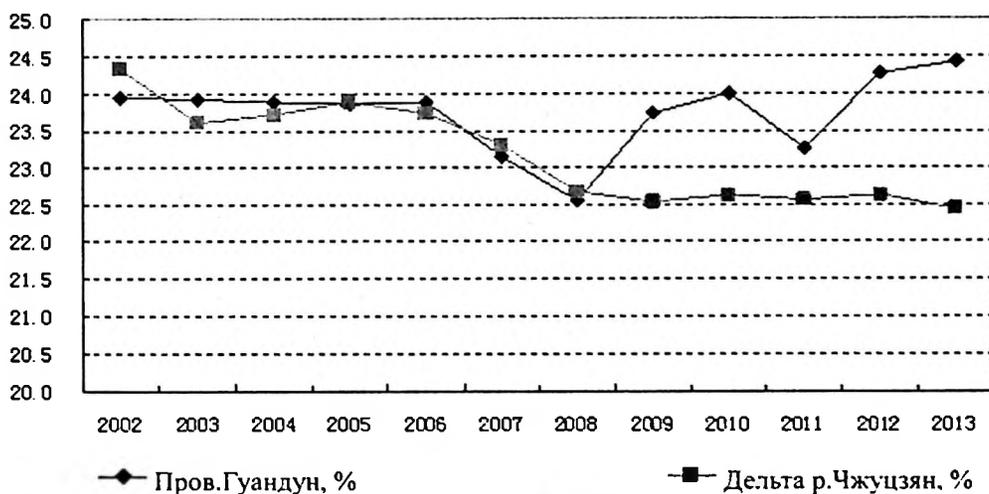

Рис. 3. Динамика коэффициента добавленной стоимости в промышленности провинции Гуандун и дельты р. Чжуцзян в 2000–2014 гг.³⁴

Сохранению за регионом ведущих позиций в экономическом развитии КНР будет способствовать увеличение объемов экспорта, что нелегко осуществить на фоне отрицательного прироста объемов внешней торговли в 2014 г. (-2,5%) и в 2015 г. (-3,9%) после 16-процентных среднегодовых темпов роста внешнеторгового оборота провинции Гуандун в 1987–2014 гг.³⁵. Перед регионом стоят задачи оптимизации структуры внешней торговли, развития высокотехнологичных производств, наращивания инновационного потенциала, развития конкурентоспособных предприятий, обладающих интеллектуальной собственностью и торговыми марками мирового уровня, современных отраслей сектора услуг³⁶. В рамках расширения регионального сотрудничества, интеграционных процессов, создания в провинции Гуандун пилотной зоны свободной торговли в Дельте активно ведется строительство транспортных сетей и инфраструктурных объектов.

Становление и развитие дельты р. Чжуцзян — одна из особенностей развития Китая на этапе проведения реформ и открытия страны внешнему миру. Дельта первой среди всех регионов пошла по пути реформ, став колыбелью китайского «экономического чуда», давшего толчок развитию всей страны, ее вовлечению в мировую экономику. За неполные 30 лет, минувших с момента образования этой экономической зоны, на месте захолустных городов и деревень отдаленной провинции выросла крупнейшая мировая

агломерация, на месте сотен предприятий, начинавших с производства трудоемких и дешевых товаров, сформировался мировой технологичный производственный центр. Уступая по основным социально-экономическим показателям двум другим полюсам экономики Китая — Бохайскому экономическому кольцу и зоне дельты Янцзы, дельта р. Чжунцзян продолжает играть ключевую роль в экономических успехах Китая, повышении уровня его социально-экономического развития и инновационного потенциала.

1. Рассчитано по: Sina. 19.01.2016. URL: <http://finance.sina.com.cn/review/jcgc/2016-01-19/doc-afxnrahr8514024.shtml>; Хуаньцюан. 25.01.2016. URL: <http://finance.huanqiu.com/roll/2016-01/8441954.html>; 163.com. 29.02.2016. URL: <http://news.163.com/16/0229/06/BGVLL4VG00014AED.html>.
2. По данным International Monetary Fund World Economic Outlook. 2015. URL: <http://statisticstimes.com/economy/projected-world-gdp-ranking.php>.
3. Сайт Статистического бюро пров. Гуандун. URL: http://www.gdstats.gov.cn/tjfx/t20100722_80059.htm.
4. Сайт Академии общественных наук КНР. URL: http://www.cssn.cn/zxz/201409/t20140922_1336091.shtml.
5. Рассчитано по: Гуандун тунзи няньцзянь 2015: [Ежегодный статистический сборник пров. Гуандун 2015 г.]. URL: <http://www.gdstats.gov.cn/tjnj/2015/directory/content.html?02-02>; Сайт Статистического бюро пров. Гуандун. URL: http://www.gdstats.gov.cn/ydzt/jjxswfbh/201601/t20160122_323140.html.
6. Чжунго тунзи чжайяо 2013: [Китайский статистический сборник за 2013 г.]. Пекин, 2013. С. 22; Сайт Центрального народного правительства КНР. URL: http://www.gov.cn/jrzg/2014-01/20/content_2570827.htm; Агентство Синьхуа. 20.01.2015. URL: http://news.xinhuanet.com/house/gz/2015-01-20/e_1114059319.htm; Сайт пресс-канцелярии Госсовета КНР. URL: <http://www.scio.gov.cn/xwfbh/xwfbh/wqfbh/33978/34058/zy34062/Document/1463394/1463394.htm>.
7. [Ежегодный статистический сборник пров. Гуандун 2015 г.]. URL: <http://www.gdstats.gov.cn/tjnj/2015/directory/content.html?20-03-1>.
8. Sina. URL: <http://finance.sina.com.cn/china/dfjj/20150518/131822204945.shtml>.
9. Гуандун гайгэ кайфан цзиши 1978–2008: [История пров. Гуандун с начала проведения политики реформ и открытости, 1978–2008]. Гуанчжоу, 2008. С. 592.
10. [Ежегодный статистический сборник пров. Гуандун 2015 г.]. URL: <http://www.gdstats.gov.cn/tjnj/2015/directory/content.html?03-06>.
11. Там же. URL: <http://www.gdstats.gov.cn/tjnj/2015/directory/content.html?02-04>.
12. Там же. URL: <http://www.gdstats.gov.cn/tjnj/2015/directory/content.html?02-01>.
13. Там же. URL: <http://www.gdstats.gov.cn/tjnj/2015/directory/content.html?20-01-1>; URL: <http://www.gdstats.gov.cn/tjnj/2015/directory/content.html?20-03-1>.
14. Там же. URL: <http://www.gdstats.gov.cn/tjnj/2015/directory/content.html?04-01>.
15. Там же. URL: <http://www.gdstats.gov.cn/tjnj/2015/directory/content.html?20-01-1>; URL: <http://www.gdstats.gov.cn/tjnj/2015/directory/content.html?01-04-0>; URL: <http://www.gdstats.gov.cn/tjnj/2015/directory/content.html?01-04-1>; URL: <http://www.gdstats.gov.cn/tjnj/2015/directory/content.html?06-07-1>; URL: <http://www.gdstats.gov.cn/tjnj/2015/directory/content.html?06-05>.
16. Там же. URL: <http://www.gdstats.gov.cn/tjnj/2015/directory/content.html?01-04-0>; URL: <http://www.gdstats.gov.cn/tjnj/2015/directory/content.html?20-03-2>.
17. Сайт Всемирного Банка. URL: <http://data.worldbank.org/country/china>.
18. [Ежегодный статистический сборник пров. Гуандун 2015 г.]. URL: <http://www.gdstats.gov.cn/tjnj/2015/directory/content.html?20-03-2>.
19. Там же. URL: <http://www.gdstats.gov.cn/tjnj/2015/directory/content.html?20-02-1>.
20. Ifeng. URL: http://finance.ifeng.com/a/20150411/13624961_0.shtml.
21. [Ежегодный статистический сборник пров. Гуандун 2015 г.]. URL: <http://www.gdstats.gov.cn/tjnj/2015/directory/content.html?20-04-0>.

22. Агентство Синьхуа. URL: http://news.xinhuanet.com/fortune/2012-05/28/c_123198809.htm.
23. [Ежегодный статистический сборник пров. Гуандун 2015 г.]. URL: <http://www.gdstats.gov.cn/tjnj/2015/directory/content.html?20-04-0>.
24. Наньфанван (Southcn.com). URL: http://news.southcn.com/china/content/2015-10/28/content_135728789.htm; Sina. URL: <http://gd.sina.com.cn/news/b/2015-05-11/detail-iaivxeafs7279017.shtml>; Агентство Синьхуа. URL: http://www.gd.xinhuanet.com/2016-02/25/c_1118158006.htm; Наньфан жибао. URL: http://epaper.southcn.com/nfdaily/html/2015-07/17/content_7449894.htm.
25. Гуанчжоу жибао. 2014. 18 нояб. URL: http://gzdaily.dayoo.com/html/2014-11/18/content_2799711.htm.
26. OECD Data. Gross domestic spending on R&D. URL: <https://data.oecd.org/rd/gross-domestic-spending-on-r-d.htm>.
27. *Dan Shi*. Understanding China's energy strategy and its sustained economic growth: present and future // China Finance and Economic Review. 2015. 11 Dec. URL: <http://chinafinanceandeconomicreview.springeropen.com/articles/10.1186/s40589-015-0023-6>.
28. Cnrencai.com. 20.10.2015. URL: <http://www.cnrencai.com/salarinfo/259104.html>.
29. Sohu.com. URL: <http://business.sohu.com/20150811/n418621107.shtml>.
30. URL: <http://china-trade-research.hktdc.com/business-news/article/Fast-Facts/Guangdong-Manufacturing-PMI-2016-01/pmi/en/1/1X000000/1X0A55BA.htm>.
31. Жэньминь жибао. 2014. 5 марта. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8555101.html>.
32. Там же. 2015. 8 марта. URL: <http://finance.people.com.cn/n/2015/0308/c1004-26657328.html>.
33. Сайт Статистического бюро пров. Гуандун. URL: http://www.gdstats.gov.cn/ydzt/jjxsxwfbh/201601/t20160122_323140.html.
34. Составлено по: Сайт Статистического бюро пров. Гуандун. URL: http://www.gdstats.gov.cn/tjzl/tjfx/201507/t20150702_308964.html.
35. Жэньминь жибао. 2015. 20 янв. URL: <http://gd.people.com.cn/n/2015/0120/c123932-23626773.html>; Сайт Статистического бюро пров. Гуандун. URL: http://www.gdstats.gov.cn/ydzt/jjxsxwfbh/201601/t20160122_323140.htm; [Ежегодный статистический сборник пров. Гуандун 2015 г.]. URL: <http://www.gdstats.gov.cn/tjnj/2015/directory/content.html?06-03>.
36. Чжусаньцзячжоу дицуй гайгэ фачжань гуйхуа ганьяо (2008-2020 нянь): [Программа реформирования и развития дельты р. Чжуцзян (2008-2020)]. URL: <http://www.gdcp.gov.cn/hbgh/ghjh/ghjh/201008/P020100804604719020540.pdf>.

Природопользование

Китай: ускорение строительства «экологической цивилизации»

© 2016

Е.И. Кранина

13-я пятилетка КНР (2016–2020) нацелена на стимулирование инновационного развития при сопутствующем снижении темпов экономического роста. К 2020 г. намечено вступить в эру «сяокан» — построения среднезажиточного общества. Предстоит гармонизировать экономику в региональном и отраслевом планах. Экологичность производства становится важным фактором конкурентоспособности страны. В статье рассматриваются намеченные руководством КНР меры по решению этих задач.

Ключевые слова: экологические факторы, устойчивое развитие, проект переброски рек, «зеленая революция», Один пояс, один путь.

Согласно «Докладу о состоянии окружающей среды Китая», оглашенному в июне 2015 г. Министерством охраны окружающей среды и Министерством земельных и природных ресурсов КНР, за годы 12-й пятилетки (2011–2015) удельная энергоемкость ВВП снизилась на 18,2%, выбросы основных видов загрязняющих веществ — более чем на 12%. Безопасной питьевой водой обеспечено свыше 300 млн сельских жителей. В 2015 г. в 74 городах, что первыми перешли на новые стандарты качества воздуха, средний уровень концентрации взвешенных частиц $PM_{2,5}$ снизился против 2014 г. на 14,1%, показатель ХПК (химическое потребление кислорода), объемы выбросов аминокислот, двуокиси серы и оксидов азота снизились по стране соответственно на 3,1; 3,6; 5,8 и 10,9%¹. В 2016 г. предполагается снизить химическое потребление кислорода и содержание аммонийного азота на 2%, выбросы двуокиси серы и оксида азота — на 3%. Предусмотрено продолжительное снижение в приоритетных районах показателя концентрации мелких твердых частиц ($PM_{2,5}$)².

Но ситуация в сфере экологии по-прежнему тяжела. В 265 из 338 наиболее крупных городов КНР загрязненность воздуха превышает безопасную для здоровья норму (25 мкг грязных частиц на 1 м³ воздуха)³, установленную Всемирной организацией здравоохранения. Уровень естественного воспроизводства кислорода очень низок ввиду ограниченности лесных ресурсов (коэффициент лесного покрова в КНР — лишь 21,6%). Ядовитым смогом охвачено 20% территории⁴. На эти показатели не могла не повлиять и

крупнейшая в истории КНР техногенная катастрофа, случившаяся 12 августа 2015 г. в г. Тяньцзинь. На складе, где произошло ЧП, хранилось около 700 т цианида, нитрит калия и другие опасные химикаты; прямой экономический ущерб составил 6,87 млрд юаней (1,5 млрд долл.)⁵.

В традиционно принимаемом ЦК КПК и Госсоветом КНР первом политическом документе года («Документ № 1»), который был обнародован 27 января 2016 г., указано на необходимость улучшения экологической ситуации и повышения эффективности обеспечения экологической безопасности страны. Самое важное, говорится в документе — поддерживать инновации и «зеленые» технологии, «устойчивое развитие»⁶.

В марте 2016 г. в Пекине прошла 4-я сессия ВСНП 12-го созыва, представившая социально ориентированную программу развития КНР на 2016 г. и на 13-ю пятилетку (2016–2020). Эта пятилетка означена как период более сбалансированного и устойчивого развития страны с сопутствующим снижением темпов экономического роста, в который предстоит создать более гармоничную экономику при серьезном урегулировании ее структуры. Экологичность производства, ресурсобеспечение признаны важными факторами конкурентоспособности Китая в мире.

Сессия совпала с «пиком» загрязнения воздуха в регионе Пекин — Тяньцзинь — Хэбэй, когда индекс качества атмосферы оказался на уровне пятого класса⁷. Выступая 5 марта на сессии с отчетным докладом, премьер Госсовета КНР Ли Кэцян назвал состояние экологии в стране «народной болью». «*Экономика Китая ныне вошла в фазу нового «нормального состояния», и это должно способствовать переходу от погони за «качеством» к погоне за «качеством»*, — сказал он. — *Китаю следует «культивировать энергосбережение и экозащиту, как одни из опорных секторов экономики»*⁸.

Тремя месяцами ранее, когда в Париже шла Международная конференция ООН по противодействию изменениям климата, доля вредных частиц в воздухе Пекина двадцатикратно превысила нормы ВОЗ — с 8 по 10 и с 19 по 22 декабря там объявлялся «красный уровень» загрязнения воздуха. Природоохранные меры последовали незамедлительно: частично или полностью останавливали производство на промышленных предприятиях и строительные работы, было ограничено движение личного автотранспорта, прекратились занятия в детсадах и школах. Была поставлена задача увеличить площадь зеленых насаждений на 400 га, разбить еще 10 парков отдыха, проложить зеленые аллеи протяженностью 200 км⁹.

На Парижской конференции были оговорены системные меры по глобальному противодействию климатическим изменениям после 2020 г. Каждая страна определила свой вклад на национальном уровне. КНР и США впервые подключились к конкретным, в цифрах выраженным, намерениям снижения выбросов парниковых газов¹⁰. Китай определил три основные цели своей программы: «*Приблизительно к 2030 г. суммарный объем выбросов углекислого газа достигнет предельного уровня, доля альтернативной энергетики в потреблении увеличится примерно до 20%. По сравнению с показателем 2005 г. объем выбросов CO₂ на единицу ВВП снизится на 60–65%, а лесной фонд увеличится на 4,5 млрд м³*»¹¹.

Конференция разработала новое международное соглашение, предусматривающее повышение температуры на планете не более чем на 2°C. Принятые на ней договоренности должны прийти на смену Киотскому протоколу¹² в период после 2020 г. Первые итоги будут подведены в 2023 г.

В июле 2013 г. Госкомитет по делам развития и реформ выработал совместно с министерствами Охраны окружающей среды, Науки и техники, Земельных и природных ресурсов, Финансов проект «Государственной программы по противодействию климатическим изменениям (2013–2020)». А в конце 2013 г. обнародовал «Национальную стратегию адаптации к изменениям климата». В докладе «О политике и действиях Китая по противодействию климатическим изменениям» (декабрь 2015 г.) зафиксиро-

рована решимость КНР в соответствии с принципом *«общая, но дифференцированная ответственность»* сообща со всеми сторонами прилагать усилия *«по установлению справедливого и рационального международного механизма управления климатом»*¹³.

Руководство страны внесло в стратегию национального развития понятие «экокультуры», взяв курс на фундаментальное решение экологических проблем: соблюдение баланса между экономическим развитием и защитой окружающей среды (при умеренных материальных затратах); проведение реформы правовой экологической системы; внедрение «зеленых», стратегических отраслей и разработку новых, более совершенных инновационных технологий; массированный перевод промышленности с Востока на Запад, с обеспечением экологической защиты принимающих территорий. В 12-й пятилетке инвестиции в охрану окружающей среды составили 5 трлн юаней (814,5 млрд долл.).

Сформулированы установки 13-й пятилетки по охране окружающей среды:

– сдерживать объем энергопотребления в стране в пределах 5 млрд т угольного эквивалента в год;

– внедрить самую строгую в истории страны природоохранную систему, создаваемую на основе общих усилий правительства, предприятий и общества;

– вести строгий контроль над выбросами углерода, блюсти обязательства по сокращению вредных выбросов, активно участвовать в глобальном управлении климатом;

– создать единую национальную систему мониторинга окружающей среды в режиме реального времени.

Основные экологические принципы «устойчивого развития» высшее руководство КНР обозначило как *«ускорение продвижения построения справедливой экологической цивилизации»*. Впервые эта формула прозвучала на XVII съезде КПК (октябрь 2008 г.). На XVIII съезде (ноябрь 2012 г.) пункт о построении «экологической цивилизации» вошел в устав партии. Была сформулирована задача смены акцента в сфере экологии — от «количества законов» к «качеству их исполнения».

Съезд назвал пять взаимосвязанных компонентов строительства «прекрасного Китая»: экономический, политический, культурный, социальный и экологический. Последний расшифровывался как «строительство экологической цивилизации». 3-й пленум ЦК КПК 18-го созыва (ноябрь 2013 г.) предложил ускорить создание комплексной системы «экологической цивилизации». Год спустя следующий пленум ЦК решил обеспечить защиту экологии строгой правовой системой. На 5-м пленуме ЦК 18-го созыва (октябрь 2015 г.) генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин выдвинул пять концепций развития — инновация, координация, экологичность, открытость и совместное использование.

Перед правительством КНР встал вопрос о реформе экологического законодательства, включая изменение статуса природоохранного аппарата экологической защиты на разных уровнях властной иерархии, уравнивание ее задач с задачами экономического развития, изменение системы финансирования. Реформа проходит в три этапа: первый — устранение пробелов и противоречий в законодательстве, второй — перестройка существующей правовой системы и третий — внедрение новой системы экологических правоотношений (переход от «количества» к «качеству»).

В 2015 г. начался второй этап реформы: с 1 января вступил в силу исправленный и самый строгий за всю историю Закон КНР об охране окружающей среды. Он дал возможность создавать особые зоны, закрытые для загрязняющего производства. За год китайские суды рассмотрели 19 тыс. дел о загрязнении окружающей среды и нанесении вреда природным ресурсам — на 18,8% больше, чем в 2014 г. Общая сумма штрафов составила 4,25 млрд юаней (654 млн долл.), или на 34% больше, чем в 2014 г. Власти разослали более 97 тыс. извещений о наказании виновников, которые стали привлекаться не только к административной, но и к уголовной ответственности. Причастные к 2079 случаям нанесения вреда окружающей среде были задержаны полицией, в 1685 случаях воз-

буждены уголовные дела. В 2015 г. проверено около 1,77 млн предприятий, 191 тыс. из них наказаны, 20 тыс. закрыты, на 34 тыс. приостановлено производство¹⁴.

Серьезные поправки внесены в ряд других законов: в Закон о предотвращении и устранении загрязнения атмосферы, Закон о предотвращении и борьбе с загрязнением вод, Закон о противодействии загрязнению почвы.

В мае 2015 г. ЦК КПК и Госсовет КНР огласили «Соображения об ускорении строительства экологической цивилизации»¹⁵ — первый подробный государственный документ, обосновавший идею «экологической цивилизации» и принципы «устойчивого развития» китайской нации¹⁶, носящий характер генеральной директивы. Он содержит 30 задач и расценивается как «дорожная карта» для государственного планирования.

В сентябре 2015 г. Госсоветом и Политбюро ЦК КПК обнародован «Комплексный план реформ по содействию экологическому прогрессу» из 56 статей. В нем определены верхний уровень проектирования «экологической цивилизации»,стройка ее основ в экономику и управление. Первый этап перехода к ее реализации должен завершиться к 2020 г.

В течение долгого времени непрерывное увеличение выбросов CO₂ было обусловлено структурой энергетики КНР, в которой первые позиции занимал уголь. В интересах «устойчивого развития» и строительства «экологической цивилизации» правительством провозглашена «угольная революция». Чтобы ограничить потребление этого ресурса, выделено четыре направления:

– диверсификация развития отрасли, оптимизация системы чистого и высокоэффективного использования угля, интеграция угольной промышленности;

– открытие новых направлений, соответствующих мировым тенденциям и стандартам и основанных на принципе экологичности; обновление технологий, схемы производства, бизнес-модели; продвижение технологической революции;

– усиление рыночной ориентации отрасли, усовершенствование механизма ценообразования;

– продвижение международного сотрудничества и обмена в данной сфере, укрепление связи с крупными странами-производителями и потребителями угля.

В 2014 г. совокупный объем потребления энергоресурсов в стране составил 4,26 млрд т топлива в угольном эквиваленте (примерно 1/4 общемирового). Хотя в 2014 г. производство угля впервые за многие годы снизилось, спрос на него продолжает расти, чему способствует распространение высокоэффективных технологий очистки и производства. Альтернатива децентрализованному использованию угля — тепловая электроэнергия, способная снизить долю угля среди потребляемых энергоресурсов.

Крупнейший сектор экологического рынка в Китае (как и во всем мире) — низкоуглеродные и энергоэффективные технологии. Энергетика, будучи главным по значимости звеном экономики, наносит наибольший вред окружающей среде и потому является приоритетом экологического инвестирования. Положительные сдвиги есть: выбросы диоксида серы и оксидов азота в индустрии тепловой энергетики за 2011–2015 гг. сократились на 47 и 50% соответственно. В 2016 г. удельная энергоемкость ВВП снизится примерно на 3,4%, при этом продолжат сокращаться выбросы основных видов загрязняющих веществ¹⁷. В 2015 г. в Пекине, Тяньцзине, в дельте рек Янцзы и Чжуцзян большинство угольных электростанций заменено газовыми. В 2016 г. в Пекине закрылась последняя угольная электростанция¹⁸.

Запланировано широкое внедрение других видов энергетики — ветро-, гелио-, атомной. Благодаря инновациям доля КНР в мировом производстве солнечных батарей достигла 60%. К 2020 г. доля потребления угля в суммарных энергозатратах снизится с 66% (2014 г.) до 57%, выбросы вредных веществ в результате потребления воды и энергии, а также выбросы углекислого газа на единицу ВВП уменьшатся на 23, 15 и 18% соответ-

венно¹⁹. С развитием экологических отраслей растут и занятость в них. В Китае новая энергетика и ВИЭ-генерации уже обеспечили более 2 млн «зеленых» рабочих мест²⁰.

Актуальной тенденцией становится интеграция экологической составляющей во всех отраслях экономики. Использование современных экологических (притом экономически выгодных) технологий позволяет модернизировать производство, сократить издержки и увеличить прибыль. Китай ныне — один из крупнейших в мире рынков экономики, восходящей отрасли, способствующей развитию «зеленой экономики». Среднегодовые темпы ее роста 15–20% (2-е место после Японии). В ближайшие 10 лет доля этой отрасли в ВВП повысится²¹.

Китай сталкивается с серьезным избытком производственных мощностей. Явное тому доказательство: отрицательный рост индекса цен производителей (Producer price index — PPI)²², наблюдаемый в течение двух лет подряд. В отраслях с избыточными мощностями (сталелитейной, угольной, цементной и стекольной) налицо постоянный отрицательный рост валовой прибыли предприятий из-за того, что в них до 2017 г. не должны увеличиваться производственные мощности.

Период 13-й пятилетки станет ключевым для внедрения наиболее эффективной модели сокращения выбросов CO₂. Формируется система квот на выбросы и механизм компенсации. Наблюдается «взрыв патентной активности» в области борьбы с климатическими изменениями. Разрабатывается система рыночных экологических платежей за выбросы, включая диоксид серы и азота, другие загрязнители, а также внутреннюю схему торговли квотами.

В сентябре 2014 г. на переговорах в ООН по климату Китай и 72 государства поддержали введение платы за углеродные выбросы. Запущена первая очередь эксперимента по созданию «низкоуглеродных» городов (поселков), развернуты пилотные проекты по торговле квотами на выбросы углерода в семи провинциях и городах, включая Пекин и Шанхай (в 2015 г. совокупные квоты на выбросы парниковых газов в упомянутых городах и провинциях составили 1,2 млрд т). Более 2 тыс. предприятий присоединились к этому проекту. По объему таких квот Китай занимает 2-е место в мире, уступая лишь Евросоюзу. Одновременно идет подготовительная работа к созданию единого всекитайского рынка квот на выбросы парниковых газов. Согласно плану, в 2017 г. он начнет работать в пробном режиме.

Для стимулирования природоохранных мероприятий предусмотрены:

- постепенный переход к системе рентных платежей;
- включение в экономические показатели полной стоимости природных объектов (с учетом их средообразующей функции) а также природоохранных работ и услуг;
- создание механизма взимания с хозяйствующих субъектов, эксплуатирующих природные ресурсы, платежей и их использование на сохранение и восстановление природной среды, в том числе биоразнообразия;
- введение ответственности за произведенный продукт на всех стадиях.

Предоставляются льготы предприятиям, занимающимся сбором и комплексным использованием возобновляемых ресурсов, выпуском природоохранного промышленного оборудования и продукции с использованием жидких, газообразных и твердых отходов.

В сентябре 2015 г. опубликован «План реформирования экокультуры». В нем предложено создать «Фонд зеленого развития», «зеленую финансовую систему», которая включает: отдельную систему кредитования, свой рынок ценных бумаг, особый фондовый индекс «зеленых акций» и соответствующей продукции, «зеленый фонд», а также механизм «зеленого страхования». Развитие «зеленых финансов» станет приоритетом в 13-й пятилетке. В 2018 г. планируется установить систему «экологического аудита». Банковские учреждения призваны оказывать большую поддержку «дружелюбным по отношению к экологии» предприятиям, а политика «зеленого кредита» должна служить стимулом экологически чистого производства.

ВСНП разрабатывает проект закона **О налогах на охрану окружающей среды**. Его основная цель заключается не в увеличении налогов, а в создании механизма поощрения предприятий к уменьшению объемов выброса загрязняющих веществ. Чем больше отходов вырабатывает производство, тем выше будет налог, и наоборот. Работу над проектом закона возглавляет Министерство финансов КНР.

Продолжается реформа ценообразования на ресурсную продукцию, совершенствуется система ступенчатых тарифов на газ бытового назначения. Вводится порядок платной утилизации бытового мусора и опасных веществ, что должно привлечь общественные средства в инвестирование природоохранных объектов, вывести их в русло рыночной экономики и индустриализации; стимулируется маркетизация экологоконсультационных услуг. Государственная поддержка «зеленых инноваций» осуществляется в форме грантов малым и средним предприятиям, учреждениям и специализированным институтам.

В 2011 г. была запущена «Программа по созданию функциональных регионов», исходя из их экологической адаптируемости. Определены зоны четырех категорий: оптимального, усиленного, ограниченного и запрещенного освоения. В рамках плана 13-й пятилетки опубликованы схема и список «**Основных функциональных регионов**». Цель проекта — формирование высокоэффективной, скоординированной и устойчивой структуры освоения государственных земель. К 2020 г. должен быть достигнут значительный прогресс в построении общества ресурсосберегающего и экологически чистого типа, в котором будет сформировано расположение «основных функциональных зон» в качестве базового механизма освоения и защиты экологии государственных земель.

Завершается строительство крупнейшей в мире ГЭС «Три ущелья» («Санься»). Ее полный ввод в эксплуатацию сокращает потребление угля на 31 млн т в год, благодаря чему в атмосферу не будет выброшено 100 млн т парниковых газов, миллионы тонн пыли, 1 млн т диоксида серы, 370 тыс. т оксида азота, угарного газа, ртути и т. д. Повышение уровня Янцзы вследствие создания водохранилища позволяет проходить по реке более вместимым судам, что также снижает выброс в атмосферу продуктов сгорания органического топлива. В 2015 г. водохранилище «Санься» сыграло важную роль в борьбе с засухой и водоснабжении, подав 29,1 млрд куб. м воды в районы вниз по течению²³.

На Китай, располагающий пятой частью мирового населения, приходится лишь 7% глобальных запасов пресной воды. Уже сейчас из-за дефицита этого жизненно важного ресурса он ежегодно теряет до 2,3% ВВП. Общий объем потребления воды в 2015 г. достиг 618,0 млрд куб. м, на душу населения — 450 куб. м²⁴.

Выкачивание воды из недр повлекло множество экологических проблем, прежде всего — значительное проседание почв, что создало непосредственную угрозу безопасности движения на автобанах и скоростных железных дорогах. «Поплыли» фундаменты зданий в городах, началось значительное обмеление озер и рек, что нанесло серьезный удар по экосистеме. По оценкам экологов, общий объем сверхнормативной эксплуатации подземных вод на севере Китая достиг 120 млрд куб. м²⁵.

По прогнозам, к 2030 г. КНР будет нуждаться в 818 млрд куб. м воды ежегодно. Катастрофическая нехватка водных ресурсов в засушливых северо-восточных районах стала тормозить их экономическое развитие, вынудив власти начать реализацию масштабного инженерного проекта — «перевоску рек». До 2050 г. бассейны четырех крупнейших китайских рек (Янцзы, Хуанхэ, Хуайхэ и Хайхэ) будут объединены тремя грандиозными каналами — Восточным, Центральным и Западным, с помощью системы гидротехнических сооружений вода пойдет на север. Это позволит существенно увеличить полноводность северокитайских рек, ликвидировать риск их пересыхания и обеспечить ресурсами водохранилища вблизи крупнейших городов севера страны — Пекина и Тяньцзиня. Но даже при успешном завершении проекта дефицит пресной воды сохранится. Выход один: режим жесткой экономии водных ресурсов, рынок их повторного ис-

пользования. В апреле 2015 г. был обнародован «План действий по борьбе с загрязнением водных ресурсов и правила экономии воды». Согласно этому документу, в стране будет осуществляться строжайший контроль за водными ресурсами. К 2020 г. объем их годового потребления не должен превысить 670 млрд куб. м.

Осуществление строжайшего управления ресурсами — важнейшая задача Министерства водного хозяйства КНР. Его ведомствами разработаны лимиты, ограничивающие освоение и потребление ресурсов. Для достижения цели усовершенствована система показателей совокупного потребления воды; пересмотрены стандарты, определяющие эффективность потребления, а также допуски по вредным выбросам. Весь реестр показателей подробно расписан для водосборных бассейнов, провинций, городов, уездов и даже поселков. В единую систему распределения водных ресурсов включается возрожденная, дождевая, слабоминерализованная вода и другие источники.

В разработке планов развития народного хозяйства и общества, а также городов, при реализации крупных строительных проектов планируется в полной мере учитывать местные условия, связанные с наличием водных ресурсов и степенью стихийных угроз, в частности, наводнений. Не будут предоставляться разрешения на получение ресурсов при строительстве проектов тем районам, где объемы потребления превышают лимит. Введено плановое потребление воды для учреждений, включенных в контрольную систему, и тех, которые ее потребляют в огромных количествах. Реализация новых проектов, перестройка и реконструкция проводятся на современном уровне с учетом потребления воды. Планируется проектировать и вводить в строй специальные сооружения для ее экономии, они должны устанавливаться и вводиться в эксплуатацию одновременно с основными объектами.

Кроме строгого управления водными ресурсами, повышается эффективность их использования. Рыночный подход в реализации жесткого управления — хороший способ стимулировать их экономию и охрану. Министерство водного хозяйства постепенно расширяет в экспериментальном порядке платное пользование водой. Для этого создается система оценки эффективности ее использования — объемы потребления в расчете на единицу ВВП. Выполнение задач по экономии воды включается в оценку работы местной администрации.

Возрожденная, дождевая, слабоминерализованная вода и другие источники включены в систему единого распределения водных ресурсов. К 2020 г. объем потребления воды на 10 тыс. юаней ВВП и на 10 тыс. юаней добавленной стоимости в промышленности соответственно снизится на 35 и 30%²⁶. По данным Министерства водного хозяйства, в 12-й пятилетке было потрачено более 1,9 трлн юаней на сохранение водных ресурсов, включая борьбу с засухой, развитие гидроэнергетики, орошение сельхозугодий, решение проблемы питьевой воды в ряде регионов и очистку водоемов от загрязнения. Постоянный комитет ВСНП проведет специальное обследование по исполнению **Закона о предотвращении и борьбе с загрязнением вод.**

Особое внимание в 13-й пятилетке уделяется лесоразведению, реабилитации почв, созданию широких защищенных морских зон для восстановления рыболовных запасов. К 2020 г. площадь пашни не должна опуститься ниже «красной линии» (120 млн га). Усилится работа по созданию сельхозугодий высокого стандарта: земли качественные, продуктивные, гарантирующие стабильные урожаи составят 53 млн га, площадь земель глубокого рыхления увеличится на 10 млн га, а площадь применения высокоэффективных водосберегающих технологий орошения — на 1,33 млн га²⁷.

Судя по мониторингу загрязнения почв, ситуация с их состоянием в Китае сложная, а в некоторых районах катастрофическая, около 1% пахотных земель подверглось загрязнению высокой степени. Министерство охраны окружающей среды разработало проект **Закона о борьбе с загрязнением почв**, в марте 2016 г. на сессии ВСНП прошло первичное его рассмотрение, в 2017 г. закон будет представлен на рассмотре-

ние ПК ВСНП. Его принятие позволит усовершенствовать систему предотвращения и борьбы с загрязнением почв, разделить функции правительственных ведомств, создать стандартизированную систему обследования и мониторинга почв, а также увеличить капиталовложения в эту сферу²⁸.

В «Средне-долгосрочной программе научно-технического развития в области лесного хозяйства КНР до 2020 года» определены основные направления научных исследований и технических инноваций: биотехника и селекция, взаимосвязь лесов и окружающей среды, экосистема и восстановление регрессивного экобаланса, борьба с опустыниванием, предотвращение лесных бедствий и др. Планируется сократить квоты вырубki лесов, активизировать лесопосадки вдоль автодорог и на окраинах лесных участков. Запрещена пересадка деревьев из природных массивов в города. Все это будет интенсивно внедряться в ходе 13-й пятилетки параллельно с мерами по предотвращению перемещения песков.

Управление лесного хозяйства КНР принимает активные меры по борьбе с опустыниванием. Прежде всего, это проект создания защитных лесонасаждений на Северо-Западе, Севере и Северо-Востоке Китая. Далее, это запуск проекта по борьбе с источниками песчаных бурь в районе городов Пекина и Тяньцзиня. Кроме того, заостряется внимание на проблемах чрезмерного выпаса скота и интенсификации земледелия в тех регионах, где нет возможности противостоять опустыниванию. При помощи пилотных проектов предстоит расширение охраняемых территорий и земель, запрещенных для сельскохозяйственного использования. По статистике КНР, территории, где продолжается опустынивание, достигли 1,73 млн км² (173 млн га). За время 11-й пятилетки (2006–2010 гг.) удалось решить проблему опустынивания на более чем 14 млн га. В 12-й пятилетке — на 10 млн га. В нынешней, 13-й, предстоит улучшить ситуацию еще на 10 млн га²⁹.

К концу 2020 г. общая площадь лесов увеличится до 223 млн га, коэффициент лесного покрытия повысится до 23,04%, общего степного покрытия — до 56%, площадь водно-болотных угодий достигнет 50 млн га. Лидирует по залесенности Тибетский автономный район — почти 15 млн га³⁰.

В 2015 г. в рамках проекта охраны естественных лесов деревьями было засажено 499 тыс. га земли. Расширены рамки новой очереди программы восстановления лесных и травянистых покровов на распаханных землях на территории в 6,32 млн га, произведено комплексное упорядочение влаго- и почвopотерь на площади в 5,4 млн га. Помимо этого, в стране осуществлялось 48 проектов по охране заболоченных земель, в результате чего их площадь увеличилась на 345 тыс. га³¹.

Общая площадь зеленых насаждений в городах в 2015 г.: 1 млн 888 тыс. га, коэффициент озеленения достиг 36,34%, в среднем площадь зеленых посадок в расчете на душу городского населения увеличилась до 13,16 м², количество городских парков возросло до 13 662. Площадь заповедников составила 1,47 млн км² (14,8% территории страны, что выше среднемирового уровня), их в КНР 2740, в том числе 428 национальных³².

Согласно «Глобальной оценке лесных ресурсов — 2015», оглашенной ФАО (Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН), в период 2010–2015 гг. Китай лидировал в мире по приросту площади лесов, которые приумножались в среднем на 1,542 млн га ежегодно³³.

Специфический аспект экологической стратегии КНР в текущей пятилетке — **перемещение загрязняющих отраслей промышленности на Запад**. Решению этой задачи, как и более рациональному распределению производства, снижению нагрузок на среду обитания в Восточном и Центральном Китае, призван способствовать беспрецедентный мегапроект, инициированный в сентябре 2013 г.: **Экономический пояс Шелкового пути и Морской Шелковый путь XXI века («Один пояс, один путь»)**. Он предусматривает поощрение китайских предприятий к развитию бизнеса за рубежом, поддержку выхода за рубеж ряда основных отраслей, содействие внешнеторговым предпри-

тиям КНР в создании сетей маркетинга и услуг в странах, расположенных вдоль Шелкового пути. В рамках мегапроекта предложена программа выноса предприятий по производству стали, цемента, стекла, электроэнергии, а также переработки некоторых видов сырья и топлива в страны-партнеры. В 2013 г. министерства Торговли и Охраны окружающей среды КНР опубликовали «Руководство по охране окружающей среды при осуществлении иностранных инвестиционных проектов и сотрудничества», предписывающее китайским компаниям «своевременно выявлять и упреждать экологические риски, поддерживать устойчивое развитие в принимающих странах».

Россия, как ближайший сосед, заинтересована в углублении экономического сотрудничества с Китаем, особенно в сфере энергоэффективности и возобновляемых источников энергии. В ее интересах — ускорить выполнение ранее принятой «Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока, Восточной Сибири и Северо-Востока КНР (2009–2018 гг.)», «Программы открытия пограничных зон России и Китая» и пр. На основе этих программ в стратегии «Один пояс, один путь» складывается общий план сотрудничества РФ и КНР на государственном уровне. При этом не исключены экологические последствия в виде разрушений и загрязнения осваиваемых территорий — значит, нужна стратегическая экологическая оценка, позволяющая отменить опасные проекты, сохраняя ценные и уязвимые объекты региона. Для решения подобных проблем в Европе, например, существует «Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте» (инициированная Европейской экономической комиссией и подписанная в 1991 г. в финском городе Эспоо). Согласно конвенции, процедура оценки воздействия на окружающую среду потенциально опасных проектов должна проводиться не только внутри государства, но и в сопредельных странах, которые могут быть затронуты воздействием этих объектов.

В интересах сохранения биологического разнообразия и обеспечения экологической безопасности российских территорий в РФ действуют «Основы государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 г.» (утверждены в апреле 2012 г.). Функционируют три государственных и две федеральные целевые программы, «План мероприятий Правительства во исполнение Указа Президента о снижении выбросов парниковых газов к 2020 г. на 25%», «Закон о регулировании выбросов и сбросов по НДТ» (наилучшие доступные технологии), нормы Закона об отходах и т.д. Президентом В. Путиным подписан указ о проведении в 2017 г. Года экологии в России.

Мегапроект «Один пояс, один путь» должен быть основан на принципах взаимной выгоды и гармоничного развития, экологически равноценного обмена с учетом возможных альтернативных и пригодных вариантов для всех государств-участников, а также социально-экологических стандартов сотрудничества, не менее жестких и прогрессивных, чем те, что КНР уже внедряет на своей территории. Необходима стратегическая экологическая оценка природно-ресурсных проектов.

Соблюдение требований экологической безопасности должно стать важнейшим компонентом взаимодействия стран-партнеров по мегапроекту «Один пояс, один путь». Важнейшим инструментом уменьшения экологических рисков могла бы стать совместная с Китаем инициатива заключения конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте под эгидой ЭСКАТО³⁴ или официальное расширение сферы действия «Конвенции Эспоо» с присоединением к ней Китая и стран — участниц мегапроекта.

1. URL: <http://www.zhb.gov.cn/english/SOE/soechina2015/english/2-preface.htm>.

2. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2016-03/07/content_37956308.htm.

3. По данным ВОЗ, пребывание больше суток в среде, где уровень загрязнения превышает 25 мкг, вредно для здоровья. Большинство загрязнителей — мелкие твердые частицы $PM_{2.5}$ и PM_{10} , образующиеся от сжигания угля без предварительной очистки, от выхлопных газов и т. д. Эмиссия этих частиц (пылевидных аэрозолей), способных проникать в организм при дыхании и через кожу, вызывает тяжелейшие заболевания, в первую очередь рак. Загрязнение воздуха наносит вред сельскому хозяйству, препятствуя фотосинтезу растений.
4. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2016-03/07/content_37956308.htm.
5. Там же.
6. URL: http://www.gov.cn.zhengce-2016-01-27-content_5036698.html.
7. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2016-03/07/content_37956308.htm.
8. Там же.
9. Там же.
10. Greenovaition HUB responds to CHINA's INDC. Greenovaition HUB/ JUNE 30.2015.
URL: <http://www.ghub.org>.
11. URL: http://ria.ru/trend/paris_climat_conference_un_28112015.
12. Киотский протокол — международное соглашение, принятое в Киото (Япония) в декабре 1997 г. в дополнение к Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК). Оно обязывает развитые страны и страны с переходной экономикой сократить или стабилизировать выбросы парниковых газов.
13. Climate Action Programme. 19 June 2015. URL: <http://www.climateactionprogramme.org>.
14. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-01/22/content_9424.htm.
15. URL: http://ru.theorychina.org/xsxy_2477/201511/t20151112_331129.shtml.
16. Конференция ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро (июнь 1992 г.) приняла Декларацию «Устойчивого развития и защиты окружающей среды». По итогам этой конференции была учреждена Комиссия ООН по устойчивому развитию.
17. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2016-03/07/content_37956308.htm.
18. Министерство охраны окружающей среды. «План действий для борьбы с загрязнением воздуха» и «План действий для борьбы с загрязнением воздуха в Пекине, Тяньцзине и прилегающих к ним территориях». Постановление № 104(2016) (кит.). 17.02.2016.
19. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/0307/c31518-9026333.html>.
20. URL: <http://energyfuture.ru/13-energeticheskaya-pyatiletka-kitaya-xxx>.
21. Grantham Research Institute on Climate Change and the Environment. Global Green Growth Institute. 2015. URL: http://ria.ru/trend/paris_climat_conference_un_28112015/
22. Показатель фундаментального анализа, основанный на данных цен всех сегментов производителей страны, с помощью которого прогнозируют уровень инфляции.
23. URL: <http://imworld.ru/zdaniya-i-sooruzheniya/damba-tri-ushhelya-v-kitae.html>.
24. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2016-03/07/content_37956308.htm.
25. URL: <http://zmdosie.ru/proekty/podrobnosti/4368-kitaj-v-poiskakh-presnoj-vody>.
26. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201602/t20160229_1324019.
27. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2016-03/10/content_37956308.htm.
28. Там же.
29. Там же.
30. URL: http://russian.news.cn/nature/2013-10/16/c_132803257.htm.
31. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201602/t20160229_1324019.
32. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2016-03/11/content_37956308.htm.
33. URL: http://russian.news.cn/2015-10/31/c_134769407.htm.
34. Экономическая и социальная комиссия ООН для стран Азии и Тихого океана.

Вопросы формирования водного рынка в Китае

© 2016

Н.В. Прохорова

Рассматриваются особенности формирования водного рынка в Китае в контексте экологического регулирования. Анализируется стратегия по контролю объемов и качества воды в водных объектах с помощью рыночных механизмов. Рассматривается водохозяйственное и экологическое строительство в КНР как стимул к развитию водного рынка.

Ключевые слова: водный рынок, права на сбросы, гидрографическая сеть, экосистемы.

Водное хозяйство КНР: пути реформирования

В отрасли водного хозяйства КНР все серьезнее проявляется влияние рыночных отношений: о воде уже принято говорить как о товаре, который можно продать и купить. Куда сложнее вынудить рынок участвовать в решении конкретных экологических проблем, контролировать состояние экосистем.

Водный рынок Китая начал формироваться в «нулевые» годы, когда во многих регионах стали устанавливаться режимы прав на воду. Период 1978–1987 гг. был временем зарождения административной системы управления водными ресурсами. Планы их распределения тогда утверждались Госсоветом. В 1987 г. был принят План вододеления на р. Хуанхэ (в 1999 г. его сменила Комплексная программа распределение вод Хуанхэ). За базовую индикативную величину стока реки были взяты данные серии измерений 1919–1975 гг. — 58 млрд куб.м¹. Из них 37 млрд куб. м планировалось распределять для водоснабжения провинций и 21 млрд куб. м — на нужды экосистем². Для каждой территории полагалось составлять годовые планы распределения воды. Конкуренция в водопользовании особенно обострялась в маловодные годы, когда реальный объем воды не достигал средней величины, и для административных единиц провинциального уровня водораспределение пропорционально уменьшалось.

Данный проект можно оценивать как прообраз «региональных прав на воду», хотя, по мнению многих исследователей, он не стал таковым в полной мере: во-первых, распределение водных объемов определялось только в главном течении реки, во-вторых, не учитывалось распределение подземных вод.

В 2000-е годы в разных провинциях появилось множество проектов по распределению первичных прав на воду, начались эксперименты по их рыночному обращению. Согласно одному из существующих определений, первичные права на воду суть права на объем воды, возможный для освоения и использования в бассейне реки, распределенный для конкретной административной единицы. Или, если речь идет о водопользователе, — его право использовать определенный объем воды. По ходу реализации многих пилотных проектов по распределению прав на воду в 2000-е годы выявилось следующее: на тер-

риториях, где они проводились, наблюдалась тенденция к формированию набора индикаторов, обосновывающих претензии водопользователей на максимально возможную квоту.

В январе 2012 г. был опубликован документ Госсовета КНР, отразивший усилия по выработке стратегии контроля за освоением и использованием водных ресурсов, — «Об осуществлении системы самого строгого управления водными ресурсами», в котором устанавливались «три красные линии контроля»: за объемами и эффективностью водопользования, а также за качеством воды в функциональных зонах³.

К настоящему времени, по мнению специалистов, общий объем водопользования в КНР приближается к намеченному на 2020 г. уровню. В районах, где водопользование достигло установленной контрольной линии или превысило ее, увеличить объемы воды, забираемой на новые проекты, возможно лишь на коммерческих началах — через механизм торговли правами пользования водными объемами. По мнению российских ученых, «в КНР уже сформирована в целом законодательная база, регламентирующая вопросы правового регулирования водных ресурсов», и работа в этом направлении продолжается⁴.

При распределении квот на водопользование на местных уровнях большую проблему представляло покрытие системой контроля обширных сельских поселений и их сельскохозяйственных угодий. В июле 2014 г. семь провинций начали осуществлять эксперимент по полному охвату их территорий режимом распределения прав на воду. В сферу проводимых мер входит регистрация прав на воду, совершение сделок с правами на воду и создание эффективно функционирующих режимов прав на воду с учетом местных особенностей водопользования⁵. В Нинся-Хуэйском автономном районе, в пров. Цзянсу и Хэбэй акцент в ходе эксперимента сделан на детальное разграничение, пересмотр, уточнение и регистрацию прав на воду. Одновременно определяются права собственности на сооружения малой ирригации, повсеместно, вплоть до труднодоступных сельских территорий, распространяется система распределения прав на воду.

В Автономном районе Внутренняя Монголия, пров. Хэнань, Ганьсу, Гуандун основное внимание уделено развитию рыночного механизма сделок с правами на воду между различными субъектами — городами, бассейнами рек, отраслями промышленности, отдельными водопользователями, верхним и нижним течениями рек⁶.

Эксперимент рассчитан на два—три года. После его завершения данная система должна охватить территорию всей страны⁷. Показательно, что многие провинции, не дожидаясь завершения эксперимента, самостоятельно начали внедрять аналогичную практику. Так, в пров. Хубэй принят документ со сходными установками — «Три года углубленной реформы водного хозяйства 2014–2016, ключевые моменты ее реализации»⁸. До конца 2015 г. намечалось разработать ряд законодательных актов: «Проект регистрации прав на водные ресурсы», «Положение о контроле за назначением и использованием прав на воду», «Положение о регулировании передачи прав на водозабор», а также документов, касающихся регулирования прав на воду в аграрном секторе.

В стране планируется создать крупную водную биржу, сфера деятельности которой призвана охватить оценку прав собственности на воду, рыночное обращение прав на воду, торговлю реальным товаром (водой), проведение тендеров на технические проекты по правам на воду и оборудование, сделки с правами на воду предприятий⁹. Уже учреждены четыре биржевых центра: во Внутренней Монголии — по сделкам с водой между промышленными предприятиями и аграрным сектором, в пров. Хэнань — по трансбассейновым сделкам, в пров. Ганьсу — по сделкам между водопользователями, в пров. Гуандун — по сделкам между верхним и нижним течениями рек¹⁰.

В 2014 г., в ходе Всемирной недели воды (International Water Week) в Сингапуре, представители министерства водного хозяйства КНР заявили об успехе в построении рыночного механизма сделок с правами на воду, отметив, что такой механизм уже вошел в международную практику в Азии. Действительно, с 1961 г. Малайзия на коммерческой основе поставляет воду Сингапuru¹¹. Упомянутая китайской стороной «преемствен-

ность» между водной торговлей двух азиатских государств и экспериментами в КНР по купле-продаже прав на воду вызвала неоднозначную реакцию: как угроза зарождения спекулятивных начал, попирающих права человека на окружающую среду¹². Обеспокоенность потенциальным негативным воздействием рыночных механизмов на экологическое состояние водных экосистем, жизненно важных для всех жителей Земли, не осталась без внимания в Китае. Обнародованный в апреле 2015 г. «План действий по предотвращению загрязнения вод» предписывает, опираясь на научную основу, разработать стандарты определения прав на воду для экосистем.

Существует проблема «честности» исполнения своих функций структурами, на которые предполагается возложить ответственность за обеспечение прав экосистем. Как полагают ученые, неограниченная торговля объемами воды среди частных лиц и организаций чревата сокращением водного объема в экосистеме, ослаблением способности водных объектов к самоочищению. По некоторым предложениям, права на воду, определенные для экосистем, допустимо делегировать управляющей организации, допуская ее участие в сделках. Этими функциями могут быть наделены правительство, природоохранная организация, или даже частное лицо. Ответственность за обеспечение нормативного минимума объема воды в экосистеме может быть возложена и на водный банк. Основной помехой к надлежащему выполнению такой структурой своих обязанностей может стать погоня за выгодой.

Другая проблема устойчивого функционирования водного рынка — загрязнение водной среды. Сейчас накапливается опыт внедрения рыночных механизмов в борьбу с загрязнением через взаимодействие территорий, лежащих в верхнем и в нижнем течении рек. Кое-где практикуется порядок выплаты ими компенсаций за нанесение экологического ущерба: при поддержке центрального правительства две территории создают денежный фонд, средства которого используются на выплату премий за сохранение или улучшение качества воды в реке субъекту, расположенному в верхнем течении. В случаях ее ухудшения виновник выплачивает компенсацию субъекту в нижнем течении. При реализации этой схемы субъекту, расположенному в верхнем течении, зачастую приходится притормаживать собственное развитие, сдерживая загрязняющее воду производство. Данную схему используют пров. Аньхой и Чжэцзян, а также пров. Хэбэй и г. Тяньцзинь. Проблема в том, что премии из компенсационного фонда часто не покрывают издержек региона, расположенного в верхнем течении. Нелегко определять и точные лимиты сбросов применительно к реальному времени. Эксперты полагают, что внедрение биржевого механизма по сделкам между территориальными единицами с правами на воду и правами на сбросы поможет избежать таких противоречий. Основная трудность заключается в том, чтобы разработать систему принятия решений, которая, с одной стороны, не позволила бы рынку стать инструментом наживы на экологических проблемах, а с другой — подвигла бы территориальные единицы активно участвовать в разрешении этих проблем.

Чтобы проблему загрязнений стало возможно регулировать с помощью рынка, распределение прав на сброс загрязняющих веществ и их рыночное обращение должны обрести на территории КНР столь же широкое распространение, как распределение прав на воду. Эксперименты с торговыми сделками по правам на сброс загрязняющих веществ в воду прошли в ходе 11 и 12-й пятилеток в пров. Цзянсу, Чжэцзян, Хубэй, Хунань, Шаньси, Шэньси, Хэбэй, в Автономном районе Внутренняя Монголия, в г. Чунцине и Тяньцзине. К основным контролируемым загрязнителям водной среды отнесены аммиачный азот ($\text{NH}_3\text{-N}$), степень загрязнения COD (chemical oxygen demand) и т.д.

В настоящее время, согласно положениям «Плана действий по борьбе с загрязнением водных ресурсов», в КНР проводится планомерная работа по включению аграрного сектора в сферу контроля за загрязнением воды. Раньше считалось, что страна достигла значительных успехов в ликвидации точечных загрязнений водной среды.

При этом недостаточно внимания уделялось мерам по борьбе с неконтролируемыми загрязнениями значительных площадей водных объектов по вине этого сектора. Ныне рассматривается возможность контролировать такие загрязнения, используя рыночный механизм обращения сделок с правами на сбросы и сделок с правами на воду. Существуют два типа таких сделок. Первый — когда одна из сторон путем коррекции собственных прав на воду (на сбросы) регулирует их объем. Второй — когда несколько сторон корректируют свои права на воду и права на сбросы путем удовлетворения взаимного спроса¹³. При совершении сделок обмена учитывается соотношение качества и объема воды. Права на воду и права на сбросы загрязняющих веществ в воду со стороны водопользователей обуславливаются ограничением емкости экосистемы — максимальной способностью к принятию загрязнений в условиях целевого поддержания определенного качества воды. Таким образом, рынок берет на себя роль экологического регулятора. Суть обменных сделок состоит в том, что концентрация загрязнений в водной среде должна быть ниже после совершения сделки, то есть соответствовать верхнему установленному пределу.

Если сделки с правами на воду и на сбросы совершаются без их взаимной увязки, отмечают специалисты, ограничиваются возможности регулирования качества воды, затрудняется полное использование емкости экосистемы. При классических рыночных схемах сделки совершаются в порядке очередности, что вынуждает в каждой сделке учитывать изменения, произошедшие после реализации предыдущей. В подобной ситуации невозможно гарантировать, чтобы итог всей совокупности сделок оказался оптимальным для регулирования состояния водной экосистемы. При другой рыночной схеме стратегия управления обоими видами прав вырабатывается одновременно. Оптимальный проект сделок вырабатывается с учетом начальных условий всех участвующих в сделках правообладателей.

Достижение верхнего предела загрязнений равносильно уменьшению прав на воду и прав на сбросы. В этом случае надзорные структуры вынуждены выкупать у рынка определенное количество прав. Если концентрация загрязнений после совершения сделки понизилась, значит, при воздействии на состояние водной экосистемы проявился эффект «третьей стороны», т.е. рынка. Тем самым, емкость экосистемы повышается.

В условиях развитого водного рынка предполагается оценивать влияние каждой из сторон сделки на концентрацию загрязнений и на основании этого определять расходы каждой. Проблема в том, как определять разумное соответствие цены приобретения прав на сбросы или прав на воду с изменением концентрации загрязняющих веществ в воде. Решение зависит не только от рынка, но и от науки — совершенный метод вычислений для данной взаимозависимости пока еще не разработан.

Ввиду того, что в действующих стандартах качества воды уже определен верхний предел концентрации для многих загрязняющих веществ, предполагается выбрать какие-то определенные показатели для основы при ценообразовании. Есть два варианта. Первый — опираться на тот вид загрязняющих веществ, который при совершении сделки достигает верхнего предела. То есть, если один из случайно выбранных индикаторов превышен, следует считать качество воды не соответствующим норме.

Второй способ — выбирать наиболее «представительный» или причиняющий водной среде наибольший вред вид загрязняющих веществ. И на нем основывать ценообразование. Учитывая, что виды загрязняющих веществ, которые влияют на ценообразование, не определены, китайские специалисты пытаются установить ценовое соответствие для изменений единицы концентрации каждого из них¹⁴. Встречное движение к эффективному функционированию рынка обмена права на воду с правом на сбросы — создание механизма оповещения рынка об изменении пропускной способности водных ресурсов по функциональным районам (на чем рынок сможет основывать свои решения).

На XVIII съезде КПК (2012 г.) была впервые отмечена необходимость создания механизма мониторингового оповещения и раннего предупреждения об изменении про-

пускной способности окружающей среды¹⁵. Применительно к водным ресурсам в сферу определения ресурсной пропускной способности входит контроль за свободной емкостью экосистемы (способностью принимать загрязнения). Ныне осуществляются меры по созданию системы оповещения и контроля за изменением параметров объема и качества воды по функциональным зонам.

Следует отметить, что в районах КНР с ограниченными водными ресурсами в процессе распределения прав собственности на воду между промышленными, аграрными и бытовыми потребителями допускается возможность не оставлять ее резервных объемов. Несмотря на то, что создание такого резерва есть один из базовых принципов реформы по распределению прав на воду¹⁶. Примерная формула расчета резерва — общий объем водных ресурсов минус текущий объем потребностей народного хозяйства и объем потребностей водных экосистем. Универсальная концепция определения объема воды, который необходимо оставлять на нужды экосистем, в КНР еще не сформирована¹⁷.

Наличие резервного объема воды необходимо для преодоления чрезвычайных ситуаций и непредвиденных обстоятельств, возникающих в разных сферах водопользования. Существует несколько видов чрезвычайных ситуаций, вызываемых природными, техногенными, социальными факторами, причем на ликвидацию их последствий требуются разные водные объемы. Один из основных методов оценки рисков аварийных ситуаций при определении резервного водного объема — метод анализа «дерева отказов»¹⁸. Метод используется в китайской водной стратегии с 1980-х годов. Современные специалисты сочетают его в своих исследованиях с программами по разработке проектов сохранения чрезвычайных ситуаций на основе моделей и исторических прецедентов. Далее, на основе данных о количестве населения и объектах промышленности конкретного района в сочетании с материалами по нормированию водопользования в быту и отраслях промышленности, рассчитывается резервный объем воды для чрезвычайных нужд в конкретной ситуации. Отмечается излишняя ориентация описанного метода на исторические прецеденты при создании возможных сценариев аварийных ситуаций. Таким образом, методика научного определения прав на воду для чрезвычайных нужд переживает процесс формирования.

Современные исследования нацелены на то, чтобы выработать методы быстрого и точного реагирования в зависимости от характера того или иного ЧП. Основной упреждающий фактор против разного рода нештатных ситуаций — создание объединенной системы управления водными источниками и обеспечение населенных пунктов резервными водоснабжения.

С вступлением в эпоху распределения первичных прав на воду китайские исследователи сосредотачиваются на проблематике рисков, связанных с распределением прав¹⁹. Возникла необходимость резервировать часть прав на воду для обеспечения дальнейшего развития региона. Оба вида зарезервированных прав (на чрезвычайные нужды и на непредвиденные потребности в развитии региона) контролируются правительством с дальнейшей возможностью распределения.

Предполагается, что в условиях развитого водного рынка принцип сохранения резервного объема воды будет соблюдаться. Разрабатывается стратегия контроля объема и качества воды в экосистемах путем изыскания оптимальных способов совершения рыночных сделок, сопровождающихся виртуальным регулированием с помощью цифровых технологий. Станет возможным мгновенно получать информацию о водной среде и измерять объемы воды при переброске по разветвленной сети каналов и трубопроводов на любую территорию, выступающую в роли покупателя водных объемов, если речь идет о сделках с реальным товаром. При этом китайские специалисты не отрицают возможности того, что часть сделок будет проводиться вне рынка. Связанные с этим проблемы сейчас активно прорабатываются.

Водохозяйственное и экологическое строительство в КНР как стимул к развитию водного рынка

Многие водные объекты Китая претерпевают значительную трансформацию благодаря инфраструктурному строительству и использованию в качестве туристических объектов, что повышает их ценность. Для коммерческой деятельности в сфере водных объектов в настоящее время наиболее благоприятны следующие направления:

- повышение ресурсной стоимости природного объекта;
- разработка проектов преобразования природы;
- природоохранные услуги (между провинциями, между государствами).

В КНР защите природы уделяется большое внимание, но при активной работе на вышеперечисленных направлениях она уже не рассматривается как изначальная данность, обладающая приоритетом сохранения ее естественного состояния. Чтобы стоимость природного ресурса возросла, его трансформируют, придавая некоторую искусственность. Второй аспект — вложенный человеческий труд, сам по себе также обладающий определенной стоимостью. Создается система, позволяющая учесть значения максимального количества факторов, входящих в потенциальную ресурсную стоимость объекта. Разрабатываются механизмы управления, способные понизить или повысить ресурсную стоимость, создавая возможности прямого и косвенного вторжения экономических (и иных) стратегий в природную среду. Возможно, такая деятельность позволит китайцам внести коррективы в свою цивилизацию. В этом контексте уместно рассмотреть основные проблемы водных ресурсов Китая в увязке с потенциальными рыночными звеньями стратегии упорядочивания водных объектов.

В Китае огромное внимание уделяется строительству объектов базовой водохозяйственной инфраструктуры. Ожидается, что после введения в строй 172 новых строящихся крупных водохозяйственных объектов²⁰ водоснабжение регионов увеличится на 80 млрд куб. м, а площади орошения — более чем на 78 млрд му²¹. Среди этих объектов особое место занимают проекты по переброске вод, строительству крупных водохранилищ и сети оросительных каналов. Параллельно продолжается прокладка мелких сетей каналов, охватывающих самые отдаленные сельские местности. Эти каналы объединяют между собой различные водные объекты и подземные воды, создавая базу единого управления водными источниками, зачастую разными по происхождению. Создаваемые гидрографические сети, объединяющие города и сельские местности, развиваются на транспровинциальном и даже — трансгосударственном уровне, включая управление наземными, подземными, опресненными потоками и прошедшими очистку сточными водами.

В 2015–2017 гг. государство инвестирует 2 млрд юаней для построения пятиуровневой системы управления водными ресурсами — «провинции — города — уезды — поселки — деревни». Создаются контрольно-измерительные станции, устанавливаются электромагнитные расходомеры, закупается программное обеспечение. Создаются системы электронного контроля объема воды в водных экосистемах²².

В аграрных районах осуществляются меры по заключению в каналы и трубы открытых водных источников с целью измерения пропускаемого через них объема воды, что необходимо при торговле водой между мелкими правообладателями, включая крестьянские семьи. Во многих аграрных районах вводится режим собственности на объекты водохозяйственной инфраструктуры. Даже для самых незначительных водных объектов устанавливается физическое или юридическое лицо, получающее выгоду от хозяйственного использования данного имущества. Ранее жители сельской местности считали все пруды, каналы и канавы общей собственностью. После того как многие объекты малой водохозяйственной инфраструктуры приобрели своих хозяев — «выгодополучателей», вода в водохранилищах, согласно действующему законодательству, по-прежнему может считаться коллективной собственностью общины. Однако проводимые

ныне преобразования готовят людей к вступлению в эпоху полномасштабного рыночного управления объемами воды для нужд земледелия. Организуются специальные группы для исследования и измерения всех прудов и каждой запруды в деревнях, определяется географическое положение каждого водного объекта, условия формирования водных источников, объем водонакопления.

Министерство водного хозяйства трактует механизм действия прав на воду для нужд земледелия следующим образом: надо дать крестьянам право на воду, после чего они получат возможность продавать воду тому водопользователю, которому ввиду расширения посевной площади не хватает ранее распределенной воды. Оба водопользователя договариваются о цене. Если сэкономить воду некому купить, правительство устанавливает механизм возвратного выкупа, с которого крестьянину выплачивается премия. Так крестьянство стимулируют к использованию водосберегающих методов орошения, к выращиванию культур с меньшим расходом воды, к получению доходов от экономии воды²³.

Объем воды в уезде, который можно распределить в среднем на одно му, рассчитывается, исходя из возможностей каждой конкретной местности, ее обеспеченности водными источниками. Подсчитано, что без использования водосберегающих технологий китайский крестьянин расходует в среднем 400 куб. м на одно му в год. Если при орошении использовать разбрызгиватели, то расходуется вдвое меньше. А при капельном орошении — лишь 100 куб. м воды на одно му²⁴.

При этом площади орошения запланировано увеличивать, осуществляя прокладку в сельской местности новых каналов, соединенных с более крупными гидроузлами. Строительство трасс по переброске воды и освоение рек сочетается с развитием районов орошения и созданием «зеленых экологических коридоров», что помимо пользы для населения повышает ценность экосистем²⁵.

Согласно «Программе по водосбережению 2012–2020 гг.», орошаемая площадь с применением водосберегающих технологий должна превысить к 2020 г. 150 млн му (при площади неорошаемого земледелия — 500 млн му).

В рамках разветвленных гидрографических сетей будет осуществляться постоянное регулирование водных объемов на разных участках, что будет способствовать не только торговле водой, но и экологическому равновесию в искусственно созданных экосистемах.

Объединение водных объектов повысит, по мнению китайских ученых, эффективность инфраструктуры водоснабжения. В рамках курса на ускоренное осуществление концепции «объединения рек, озер, каналов и водохранилищ» в городах, провинциях и в трансграничных районах КНР предприняты масштабные меры по изменению структуры водораспределения. Существует ряд широко освещаемых в СМИ проектов переброски вод и объединения водных систем, реализующихся на северо-востоке, северо-западе, юго-западе и юго-востоке страны. Выступая перед общественностью, китайские эксперты делают акцент на необходимости решения локальных задач переброски воды из относительно полноводных регионов в промышленно-развитые и на задачах восстановления ослабевших природных связей между водными объектами страны. Ближайшие горизонты выполнения текущих задач оцениваются в пределах двадцати лет. В действительности же данная деятельность не имеет временных ограничений.

Проекты по переброске вод нацелены на радикальное обновление структуры гидрографических сетей. Помимо перераспределения воды это повлечет формирование уникальной системы ландшафтов. Особое внимание уделяется созданию обширных зон, в которых водные объекты соединятся через местные сети, способствуя решению эколого-экономических проблем конкретных регионов²⁶. Следует отметить, что помимо водоснабженческой роли данные сооружения будут обладать транспортной функцией, поскольку при прокладке гидрографических сетей предполагается смешанное использование трубопроводов и открытых каналов, часть которых станет судоходными.

Сточные воды также расцениваются как новый водный ресурс, продукт переработки которого выйдет на рынок воды. Причем правообладателем этого ресурса является не государство, а само предприятие. Кстати, владельцами многих заводов по переработке сточных вод являются зарубежные предприниматели. Доля предприятий, чьи сбросы отвечают высокому стандарту качества, не достигает и 30%, но в Пекине ситуация иная. Там появились заводы, способные очищать воду до 2-й категории качества.

К 1-й категории качества относится вода в истоках водных объектов и в госзаповедниках. Ко 2-й — та, что используется как хозяйственно-питьевая в быту и в охраняемых зонах культивирования редких видов водных организмов. К 3-й категории — вода, используемая как хозяйственно-питьевая в быту и в зонах охраны обычных видов рыб. Вода 4-й категории используется в промышленных районах и в зонах водных развлечений (но без непосредственного контакта с человеком). Вода 5-й категории предназначена для аграрного водопользования²⁷. В КНР уже предпринимались попытки обязать заводы по переработке сточных вод производить их очистку как минимум до 4-й категории качества²⁸.

К вводимым в строй промышленным объектам предъявляются повышенные экологические требования, в том числе к водоочистному оборудованию. Очищенная вода пополняет реки и озера. Так, в строящейся в Пекине трехкольцевой гидрографической сети, охватывающей территорию города и пригородов, планируется создать три водных пояса на расстоянии 20, 60 и 230 км от городского центра²⁹. Ставится задача комплексного использования водных ресурсов различного происхождения в рамках строящейся городской гидрографической сети, что сулит дополнительные возможности для развития водного рынка.

В функциональных зонах при строительстве компактных городских водных сетей предпринимаются меры по предотвращению загрязнения рек и их притоков с целью достигнуть высокого качества воды. Для многих регионов поставлена задача до 2020 г. довести качество воды до 4-ой категории. Планируется также повысить до 3-й категории 70% воды в семи главных реках страны³⁰.

В настоящее время в КНР стимулируется переход от пассивной защиты водных объектов к концепции активной защиты озер и рек, которая основана на приоритете экологического строительства, предусматривающего управление всей совокупностью природного ландшафта — очищение, озеленение, формирование его структуры в совокупности с планировкой расположения трасс переброски воды. Особое внимание обращается на то, чтобы тиражируемое в СМИ понятие активной защиты водного объекта предполагало в большинстве случаев его встраивание в формируемую систему водохозяйственной инфраструктуры. Одновременно устанавливается механизм защиты водных объектов длительного действия, наблюдается переход от защиты сильно загрязненных озер к защите озер с хорошим качеством воды.

Появились концепции, более наглядно воплотившие принцип «принимать решения в зависимости от местных условий». В 2015 г. в одном из своих выступлений член китайской инженерной академии Ван Хао отметил необходимость продолжать приводить в порядок водные объекты, исходя из принципа, что каждому озеру, каждой реке требуется своя стратегия. Согласно этому принципу разрабатываются локальные модели решения не только экологических проблем, но и планирования пространственного размещения экономической инфраструктуры. Часто это сочетается с работой по упорядочиванию водных, лесных, сельскохозяйственных ресурсов и корректировкой структуры расположения производственных объектов.

Указанные стратегии упорядочивания рек и озер разработаны на основе анализа негативных экологических и производственных факторов, проявившихся в зоне конкретных водных объектов, в сочетании с выработкой соответствующих контрмер³¹. Проблемы, возникающие в ходе реализации данных стратегий, удастся, как ожидается, частично

решить после того, как будет создана главная общегосударственная станция контроля качества воды с филиалами в провинциях³².

Работа в рамках указанных стратегий сочетается с принятием комплексных мер по проблеме водных бедствий. Так, в пров. Чжэцзян разработана концепция «обуздания пяти вод», предполагающая в рамках водной карты провинции положить конец загрязнению водной среды, разработать противопаводковые меры, обеспечить гарантированное водоснабжение и водосбережение³³.

Обнародованный в апреле 2015 г. «План действий по борьбе с загрязнением водных ресурсов» впервые поднял на государственный уровень вопросы форсированного создания практически значимой для КНР научной основы сохранения гарантированного объема воды в экосистемах. В предшествующие годы типичной была ситуация, когда та или иная река уже не имела природного стока, т.е. наполнялась водой, поступающей в основном с очистных заводов, и превращалась в резервуар по сбору загрязненных вод.

* * *

В заключение отметим, что в Китае, судя по всему, возобладал следующий подход: прежде чем определять необходимый для экосистемы объем воды, надлежит определить экологические цели³⁴. В каждом случае нужно исходить из конкретной ситуации: на одной реке, к примеру, надо сохранять особый вид рыбы, на другой — достоинства пейзажа и т.д. Поэтому ученые стремятся на основе решения различных задач выдвигать стандарты для определения прав на воду для экосистем. Следует ли урезать квоты для промышленности или земледелия — тоже надо решать, исходя из конкретной ситуации. Выработка научного определения норм минимально необходимого для экосистемы объема воды станет отправной точкой для более детального определения прав на воду.

Для определения «экологических целей» требуются объединенное планирование пространственного расположения жилой и промышленной инфраструктуры, разработка методов оценки запасов природных ресурсов, включая леса, луга и пастбища, почву, атмосферу, реки, озера, водно-болотные угодья, как и наличия загрязняющих веществ³⁵.

Таким образом, формируется база для определения ценности (потенциальной стоимости) самих природных объектов, включая водные ресурсы, находящиеся в государственной собственности, что позволит Китаю в дальнейшем еще увереннее воплощать в жизнь концепцию регионального освоения природных ресурсов по принципу «у каждого района — своя стратегия»³⁶.

Детальная работа, которая ведется на этих направлениях в Китае, расширит возможности развития в рамках концепции «осваивая — защищать, защищая — осваивать»³⁷. Это, разумеется, затронет и ситуацию на трансграничных водных объектах и на объектах формируемого в настоящее время Экономического пояса Шелкового пути.

-
1. Шиши пуй яньгэдэ шуй цзыюань гуаньли чжиду со мяньлиньдэ сяньши юй зьнэти: [Действительность и проблемы, стоящие перед проведением в жизнь системы самого строгого управления водными ресурсами].
URL: http://www.yellowriver.gov.cn/zlcp/xspt/201002/t20100211_102641.html.
 2. Чжунго кэ чисюй фачжань цзун даган. Ди сы цзыюань: [Основные положения по устойчивому развитию в Китае]. Т. 4. 2007. С. 423.
 3. Гоюань гуаньлюй шицин пуй яньгэдэ шуй цзыюань гуаньли чжидудэ ицзянь: [Мнение Госсовета об осуществлении системы самого строгого контроля в управлении водными ресурсами].
URL: <http://baike.baidu.com/subview/7849485/7749048.htm>.
 4. Сеяльцев В.В. Правовой режим охраны вод по законодательству КНР // Водное законодательство и экологические вызовы. Сб. материалов научно-практической конф. М.: Анкид, 2012. С. 214–215.

5. Шисин цуй яньгэдэ шуй цзыюань гуаньли чжиду каохо баньфа: [Закон об аттестации систем осуществления самого строгого контроля в управлении водными ресурсами]. URL: <http://www.xianhuo.cn.com/article/20140929/16598.html>.
6. 2015–2017 нянь чжунго шуй шичан цюань фэй будуан шаншэнь: [С 2015–2017 гг. плата за права на водном рынке Китая будет непрерывно повышаться]. URL: <http://www.gepresearch.com/77/view-2480-1.html>.
7. Шуй цюань цзяои чженце юван миньянь чулу: [Ожидается, что политический курс по совершенению сделок с правами на воду будет опубликован до конца следующего года]. URL: <http://www.xianhuo.cn.com/article/20140929/16598.html>.
8. Хубэй цзян цзяньли шуй шэнтай бучан чжиду, цидун шуйц юань цзяои шидянь: [Хубэй создаст режим водных экологических компенсаций, запустит пилотные проекты по осуществлению сделок с правами на воду]. URL: <http://stock.jrj.com.cn/2014/01/14142616504039.shtml>.
9. Шуй цюань гайгэ цзян чэнли “Гоцзы тоу” цзяоисо шуй цзыюань хуньгай поцзю цзай ванн: [В ходе реформы прав на воду будет создана биржа “Го цзы тоу”]. URL: http://news.cnstock.com/news/sns_bwkx/201410/3198878.htm.
10. Шуй цюань гайгэ: юхуа цюаньго юн шуй гэцзю: [Реформа прав на воду: оптимизируем структуру и формы водопользования по всему государству]. URL: <http://v.163.com/zixun/V8KGPUVN8/VAKDDTJDC.html>.
11. Синьцзяподэ даньшуй цзыюань: [Пресноводные ресурсы Сингапура]. URL: <http://www.ubroad.cn/archives/32402>.
12. Чжунго ни цзинсин шуйцюань цзяои...: [Китай намерен проводить сделки по правам на воду...]. URL: <http://chinaexaminer.bayvoice.net/gb/trend/2014/06/11/%E4%B8%AD%E5%9B%BD%E6%8B%9F%E8%BF%9B%E8%A1%8C%E6%B0%B4%E6%9D%83%E4%BA%A4%E6%98%93-%E6%83%B3%E9%92%B1%E6%83%B3%E7%96%AF%E4%BA%86%EF%BC%9F%E5%9B%BE-6903.html>.
13. Нунье шуйцюань хэ пайу цюань сяньху чжихуаньдэ таньтао: [Обсуждение и исследование взаимобмена прав на сбросы и прав на воду в сельском хозяйстве]. URL: http://jhe.ches.org.cn/jhe/ch/reader/create_pdf.aspx?file_no=201412010&year_id=2014&quarter_id=12&falg=1.
14. Там же.
15. Аньхуэй шэн готу цзыюань тин готу цзыюань хуаньцзин чэнцзай нэнли цзяньцэ юйцзин цичжи яньцзю сяньму: [Список изучаемых объектов системы мониторингового оповещения о пропускной способности государственных земельных ресурсов Управления земельных ресурсов провинции Аньхуэй]. URL: <http://www.ccgpa-anhui.gov.cn/news/2015-03/2ce3830d-d1de-4e73-8a29-31a5c61752d7.html>.
16. Шуйцюань гуаньли: [Управление правами на воду]. URL: <http://wiki.mbalib.com/wiki/%E6%B0%B4%E6%9D%83%E7%AE%A1%E7%90%86>.
17. Шуй цзыюань пэйчжи чжундэ шэнтай хуаньцзин юн шуй вэньти цянъси: [Краткий анализ проблем водопользования в экологии в системе распределения водных ресурсов]. URL: <http://www.ecmaya.com/article/sort03/sort0383/info-28748.html>.
18. Анализ дерева отказов (Fault Tree Analysis — FTA) — один из распространенных методов моделирования надежности технических систем и технологических процессов на стадии проектирования. Был первоначально разработан в 1962 г. в «Bell Laboratories» по контракту с подразделением баллистических систем ВВС США. Источник: <http://statistica.ru/knowledge-clusters/technical-sciences/analiz-dereva-otkazov>.
19. Шуй цзыюань туфа шуй ужань гунгун аниюань шицзянь инцзи шуйлян гуцэ: [Приблизительная оценка резервного водного объема для внезапно произошедших инцидентов общественной безопасности по загрязнению водных ресурсов]. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2015-03/23/c_127607097.htm; URL: <http://www.jnr.ac.cn/fileup/PDF/2013-8-1426.pdf>.
20. Вого шуй цзыюань кайфа люон бицзинь хун сянь: [Освоение и использование водных ресурсов по стране неуклонно приближается к красной линии]. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2015-03/23/c_127607097.htm.
21. Гоуюань: 2020 нянь цянъ фэнь бу цзяньли 172 сян чжунда шуйли гунчэн: [Госсовет: до 2020 г. в несколько этапов построит 172 крупных водохозяйственных объекта]. URL: http://www.gzb3.cn/News_show.asp?id=264.

22. Шуй цзыюань цзянькун тоуцзы лиду цзисю шэнци: [Интенсивность инвестирования в сферу мониторинга водных ресурсов продолжает повышаться]. URL: <http://hp.gd.gtja.com/bbs/forum.php?mod=viewthread&tid=6063>.
23. Шуйлибу: таньсо цзяньли цзюэцэ шуйлян шуйцюань цзяон хэ чжэнфу хуйгоу цзичжи: [Министерство водного хозяйства: исследовать создание механизмов водосберегающих сделок с правами на воду и режимов правительственной обратной закупки]. URL: <http://kuaixun.stcn.com/2014/0929/11750989.shtml>.
24. Там же.
25. Юндигхэ люэсэ шэнтай цзоулан гуйхуа шэци: [Проектирование зеленого экологического коридора на реке Юндин]. URL: <http://www.ydwh.com/culture/move.asp?id=182>.
26. Хуайхэ ю жу хайкоу ма?: [У Хуайхэ есть место впадения в море?]. URL: <http://zhidao.baidu.com/question/2481898.html>.
27. См: Шуйчжи бяочжун: [Стандарты качества воды]. URL: <http://baike.baidu.com/view/464889.htm>.
28. Ушуй чули чан чаобяо пайфан цзи дай тибяо гайцзао: [Осуществление сбросов с превышением норм загрязняющих веществ у заводов по переработке сточных вод настоятельно требует переоборудования с целью повышения стандартов]. URL: <http://www.originwater.com/news.php?id=20223>.
29. Бэйцзин цзян цзянь дунси лян тяо дия пайсю ландао бимянь юйхун ней лао: [В Пекине строят два подземных туннеля по накоплению и сбору воды, что позволит избежать внутреннего затопления дождевыми паводками]. URL: <http://news.21cn.com/caiji/roll1/a/2015/0410/02/29366993.shtml>.
30. Гоюань гуаньюй иньфа шуй ужань фанчжи синдун цзихуадэ тунчжи: [Уведомление Госсовета об издании плана действий по предотвращению загрязнений вод]. URL: http://www.most.gov.cn/yw/201504/t20150416_119031.htm.
31. Цзиньдун дацзао “и хэ — и цэ” шэнци бань: [Цзиндун создал обновленную версию концепции “одна река — одна стратегия”]. URL: <http://zgsc.china.com.cn/wc/jd/2015-04-03/327643.html>.
32. Ванхао юаньши шоуяо цаньцзя 2015 нянь Боао фэнь луньтань: [Академик Ванхао принял приглашение участвовать в форуме 2015 в Боао]. URL: <http://www.gwp.org/zh-CN/CHN/2/1/2015/>.
33. У шуй гунчжи: [Совокупное обуздание пяти вод]. URL: <http://baike.baidu.com/view/12048692.htm>.
34. Лююй шэнтай сюшуйдэ лилунь цзи цзисуань яньцзю цзинчжань: [Теории потребности экосистем бассейна в воде и прогресс в исследовании расчетов]. URL: http://sourcedb.cas.cn/sourcedb_igsnrr_cas/zw/lw/200906/P020090625752603264511.pdf.
35. “Цзыжань цзыюань цзычань цзибэнь хэсуань, фанфа цзи пэйтао чжэньцэ яньцзю” сяму цидун: [Запуск проекта “Изучение систем базовой калькуляции активов природных ресурсов, а также методов и соответствующей политики”]. URL: http://www.craes.cn/c/cn/news/2014-04/22/news_4124.htm.
36. Там же.
37. Цзяньшэ люэсэ шэнтайдэ чанцзян цзинци дай: [Строительство зеленого экономического пояса Янцзы]. URL: http://news.gmw.cn/2015-03/06/content_15012638.htm.

История

Россия и начальный период «Движения за новую культуру» в Китае

© 2016

Н.Л. Мамаева

В статье рассматривается малоизученная в российской и зарубежной историографии тема идейно-культурного влияния России на «Движение за новую культуру». На фоне исторических событий в Китае и России выявляются каналы взаимодействия двух стран и первые признаки влияния России на Китай в идейно-культурной сфере.

Ключевые слова: Чэнь Дусю, Ли Дачжао, Синьхайская революция, Февральская революция 1917 г., «Движение за новую культуру», «Новая молодежь».

Начало XX века ознаменовано бурными социальными сдвигами, сменами режимов, войнами и революциями, разворачивавшимися в мировом масштабе. И Россия, и Китай были среди стран, переживавших в те времена сильные потрясения. В Китае вскоре после краха монархии сложилась специфическая ситуация, известная как система регионального милитаризма (1916–1928), выросшая из абсолютной монархии и конфуцианских догм и тесно переплетенная с воздействием на региональные милитаристские структуры тех или иных держав, борющихся между собою за влияние на центральное пекинское правительство. Ситуацию усложняли отдельные выступления за восстановление свергнутой Синьхайской революцией монархии, в идейно-нравственной сфере характеризовавшиеся приверженностью значительных слоев населения к конфуцианским догмам как в управлении государством, так и на уровне семейного уклада.

Важным фактором непростой ситуации, сложившейся в постсиньхайское время, стала Первая мировая война, в которую Китай был втянут Японией. Обстановку в стране накануне «Движения за новую культуру» можно охарактеризовать как переплетение всевозможных кризисных тенденций в различных сферах: государственного управления, политической системы, общественной жизни, внешней политики и т.д. Этот период имеет исключительно важное значение для понимания сути Движения, внутренних и внешних факторов, повлиявших на его развитие. Следует учитывать неоднозначность результатов Синьхайской революции (1911 г.), свергнувшей маньчжурское правление и абсолю-

Мамаева Наталья Леонидовна, доктор исторических наук, руководитель Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией ИДВ РАН. E-mail: mamaeva_nl@mail.ru.

Статья подготовлена при поддержке РФНФ, грант № 16–21–10001 «Идейно-культурное влияние России на «Движение за новую культуру» в Китае (1915–1925)».

тизм¹. До конца была выполнена лишь задача свержения иноземной династии, между тем как республиканский строй внедрялся с большим трудом и с изъятиями.

Империалистические державы постепенно теряли свой авторитет у китайцев, особенно Япония, проявившая алчность и агрессию по мере вторжения на китайские территории, захваченные немцами. Версальский договор 1919 г. не оставил равнодушными китайцев, впервые в массовом порядке продемонстрировавших свое стремление к свободе и демократии и надеявшихся на поддержку своих амбиций со стороны держав-победительниц. На политическую арену все увереннее стал выходить рабочий класс, еще не вполне оформившийся, однако уже заявивший о себе. В течение 1912–1919 гг. рабочие участвовали более чем в 130 забастовках. Наиболее значительные — забастовка 1915 г. в знак протеста против «21-го требования» Японии и забастовка 1916 г., направленная против захвата Францией Собора Святого Иосифа в Тяньцзине в целях расширения территории своей концессии². Хотя забастовочная борьба не определяла основную суть «Движения за новую культуру», она стала предвестником подъема китайского рабочего движения уже в ходе «Движения 4 мая» 1919 г., тесно связанного с проблемой распространения марксизма в Китае. Интеллигенция, молодежь, студенчество, в меньшей степени рабочие — основные участники «Движения за новую культуру», придавшие ему массовый характер и формировавшие тенденцию к объединению общества.

Между тем отношение к великим державам оставалось важным фактором в борьбе идей и направлений, касающихся дальнейшего развития страны. Периодически возникавшие конфликты с державами — участниками системы неравноправных договоров, к которым относилась и царская Россия, порою перерастали в ожесточенные военные схватки, как это было, к примеру, в период восстания ихэтуаней. Периодическое проявление «конфликта интересов», однако, не доходило до уровня несовместимости Китая и держав. С одной стороны, это объяснялось силой привычки, имевшей постоянную подпитку в долговременной миссионерской деятельности держав в Китае, наличием стабильного фактора капиталовложений в экономику и поддержкой современной системы образования, с другой — изворотливостью и хитростью иностранных держав в урегулировании конфликтов. Приведем пример с США, которые в стремлении расширить возможности своего влияния на Китай объявили об отказе от контрибуции в пользу развития в стране здравоохранения, строительства школ, университетов и т.д.

Новая расстановка сил в системе международных отношений на Дальнем Востоке после Первой мировой войны вовлекла в свою орбиту и Россию. Ее дальневосточные территории подвергались в течение 1918–1922 гг. иностранной, прежде всего японской интервенции, в той или иной степени связанной с местными китайскими властями, с территории которых осуществлялись попытки вторжения японских войск. Не вдаваясь в подробности состояния и развития дипломатических отношений между Россией и Китаем, отметим лишь, что произошедшие в России революция 1905 г. и Февральская революция 1917 г. не повлияли на дипотношения между двумя странами. Временное правительство, пришедшее к власти в результате Февральской революции, соблюдало заключенные ранее договоры и соглашения с Китаем. Дипломатическая и консульская служба России в Китае признавалась центральным правительством КР и после Октябрьской революции. Лишь после того как российские дипломаты отказались сотрудничать с советской властью, президентом КР был опубликован декрет от 23 сентября 1920 г., где сообщалось о прекращении признания российского посланника и консулов досоветской России в качестве официальных представителей России в КР³. Таким образом, старая российская дипломатическая и консульская служба в Китае, официально закрытая 1 января 1921 г., не оказывала сколько-нибудь заметного влияния на внутреннюю жизнь КР, в том числе и на экономику, ее роль в Китае была менее значительной, чем у Японии и Великобритании. Между тем сам факт наличия неравноправных договоров и периодическое вмешательство держав в жизнь Китая косвенно способствовали развитию антииностранных

ных настроений, постепенно усиливали в различных социальных слоях, преимущественно у интеллигенции и молодежи, чувство патриотизма и стремление к достижению свободы личности — одни из постулатов «Движения за новую культуру».

Попытки создания прозападного государственного устройства, несмотря на сложности ситуации, шли рука об руку с ростом патриотизма и национального самосознания. Особое место занимает деятельность, хотя и кратковременная, лидера китайских революционеров Сунь Ятсена в качестве временного президента Китайской Республики и сформированного им Временного революционного правительства КР⁴. Деятельность революционного Нанкинского правительства (1912) определила начальные направления процесса модернизации в политической сфере. Были отменены многие средневековые установления и обычаи. Важно отметить, что политика правительства включала и социальные аспекты. Среди них — проблемы развития просвещения и народного образования. Подготовительная работа к проведению реформы образования велась под руководством сподвижника Сунь Ятсена — Цай Юаньпэя, министра образования Временного правительства, позднее — одного из самых активных деятелей «Движения за новую культуру»⁵. Временная конституция Китайской Республики 1912 г. основывалась на западной конституционной идее и провозглашала ряд демократических свобод⁶. И хотя некоторые статьи не были вполне адаптированы к китайским реалиям, для многих политических партий Китая 1910–1920-х гг. временная конституция стала политическим образцом и критерием революционности в борьбе политических сил за создание единого сильного Китая. Вплоть до 1919 г. лозунг восстановления временной конституции 1912 г. (была отменена Юань Шикаем в 1914 г.) использовался партией Сунь Ятсена в борьбе с милитаристскими группировками Севера⁷.

Важно отметить, что, несмотря на отдельные успехи в экономическом развитии, в приобретении некоторого опыта парламентской деятельности, в Китае усиливались признаки политической и социально-экономической стагнации, в экономике росла зависимость от иностранных держав.

Результатом вышеуказанных тенденций стало масштабное событие, получившее в научной литературе название «Движение за новую культуру». Основные идеи Движения были обозначены в статьях журналов «Новая молодежь» («Синь циннянь») — штаба «движения за новую культуру», а также «Мэй чжоу пинлунь» («Еженедельное обозрение»), «Чэнь бао фукань» («Приложение утренней газеты»), «Лаодун» («Труд»), «Го-минь» («Гражданин»), «Синьчао» («Новый прилив») и др.⁸

Основной толчок активной общественной деятельности, без сомнения, дала Синьхайская революция. Внешние влияния в тех или иных формах также имели место, однако их роль и эффективность в различные периоды истории Движения менялись. Влияние Запада и прозападного реформистского течения под руководством Кан Ювэя и Лян Цичао явились значительным фактором, приблизившим это событие. В предысторию «Движения за новую культуру» вписывается, как отмечалось ранее, и деятельность Сунь Ятсена, его партия «Китайский объединенный революционный союз» («Чжунго гэмин тунмэнхуэй») и основанная Объединенным союзом в 1906 г. газета «Минь бао» («Народ»), ряд других менее значительных партий и объединений.

Значимость движения была настолько велика, что в китайской историографии ему нередко придавали статус идеологической революции, следом за которой ожидалась политическая и социальная революции⁹. Во всяком случае, вопрос этот остается дискуссионным, хотя революционный характер «Движения за новую культуру» не подвергается сомнению. Движение продемонстрировало также специфику исторического развития Китая с его сильной окрашенностью политических процессов риторикой по поводу этических норм. Положение усугубляла приверженность населения культу Конфуция. Официальный государственный культ Конфуция, закреплявший устои деспотической монархии и патриархальные семейные отношения, настолько укоренился в об-

шестве, в его различных социальных слоях, что конфуцианство и после его отмены Синьхайской революцией как государственной идеологии сохраняло свое влияние в обществе, препятствуя его развитию. Углубление кризисных явлений в послесиньхайском Китае и рост критических настроений по отношению к Западу, вызванный событиями Первой мировой войны, также тормозили общественные процессы. Характерен пример эволюции взглядов просветителя и философа Янь Фу, стоявшего в первых рядах западников. Высоко оценивая западную научно-техническую мысль и своей переводческой деятельностью способствуя знакомству китайской интеллигенции с достижениями Европы, Янь Фу перешел на позицию критики западных ценностей и обратился к пропаганде конфуцианства. Однако консервативное течение так и не смогло занять прочных позиций в идейно-политической борьбе¹⁰.

В такой сложной обстановке выдвинутый Движением лозунг «за науку и демократию» как основной для осуществления процесса модернизации страны попал, что называется, в болевую точку. Раскрепощение сознания, тесно связанное с развитием науки и демократии, продемонстрировало свои огромные возможности для развития китайского общества во многих сферах: науке, литературе, языкознании, театре, образовании, культуре, СМИ и т.д.

Взрывной подъем науки, образования, культуры стимулировал развитие общественного и политического движения, образование политических партий и учений. Появились новые для Китая демократические идеи, в частности, идея «свободы личности как гарантии освобождения общества». К числу новых политических понятий и идей по праву относится получивший всеобщее признание тезис — «через обновление культуры к обновлению общества».

Так или иначе, в области культуры основной посыл в начальный период «Движения за новую культуру», то есть вплоть до Октябрьской революции в России, отражал в целом влияние западных идей и ценностей, хотя, как уже было отмечено, отдельная критика Запада наблюдалась уже с начала века. И хотя Движение было направлено в первую очередь на устранение идеологических преград на пути развития капитализма в Китае, сфера его влияния оказалась гораздо шире. Очевидно, что оно нанесло сильный удар по феодальной идеологии и вдохнуло в молодое поколение дух обновления, который начиная с «Движения 4 мая» 1919 г. четко обозначился и в политическом развитии, в том числе в формировании антиимпериалистической позиции в революционном движении; вызвал создание ряда политических партий со своими программами; в конце концов, выдвинул идею китайской специфики в развитии общества, экономики и политики.

У истоков Движения стояла передовая китайская интеллигенция, в основном студенты и преподаватели Пекинского университета, многие из которых участвовали в Синьхайской революции. Среди наиболее активных участников Движения — Чэнь Дую, Ли Дачжао, Ху Ши, Лу Синь, Юнь Дайин, Гао Ихань, Лю Баньнун, У Юй, Фу Сынянь, Цянь Сюаньтун, Чжу Цзиннун. Лейтмотивом их деятельности было стремление вывести страну из кризиса благодаря развитию науки, а не путем возвращения к традиционным конфуцианским ценностям, определить дальнейший путь развития страны, создать новую идеологию и поднять на новый уровень культуру. Немалое внимание уделялось и России, ее революциям и вопросу применимости для Китая российского революционного опыта.

Китайские революционеры различных направлений внимательно относились к революционным событиям в России. Так, они, как следует из китайских СМИ, прежде всего из материалов газеты «Минь бао», скрупулезно изучали опыт революции 1905 г., хотя разобраться в русской истории было нелегко. Внимание авторов статей больше привлекала деятельность народников и анархистов¹¹. Напомним, что в бытность Сунь Ятсена в Японии, он вел переписку с русским революционером-народником И.К. Судзиловским (Русселем)¹².

Еще до Октябрьской революции китайская общественная мысль представила свои специфические примеры утопического социализма. Речь идет об учении Кан Ювэя об идеальном обществе Датун, концепции Лян Цичао и Сунь Ятсена, которые в своеобразной форме и в рамках дискуссий вводили новые теории и понятия¹³. Весьма интересно, что небольшая группа интеллигенции была знакома и с некоторыми положениями научного социализма. Они имели сведения о его основоположниках, изучали отдельные произведения К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина и в своих работах знакомили с ними своих соотечественников¹⁴. Больше всего информации о российском революционном движении, о социализме содержалось в дискуссионных статьях активных участников «Движения за новую культуру» Чэнь Дусю, Ли Дачжао, У Юя, Гао Иханя, Юнь Дайина и др. Так, Ли Дачжао сразу уловил суть Февральской революции в России как крушение монархизма и рост демократизма, высоко оценивал эту революцию, последовательность и мужество российских революционеров; не стала для него неожиданностью и Октябрьская революция¹⁵. Статья Ли Дачжао, как и его соратников по Движению, писались под лозунгом «Наука и демократия», однако носили более глубокий, конкретный и действенный характер. Знание не только китайской, но и мировой действительности, выдвигали его в первые ряды революционеров-пропагандистов и борцов за возрождение Китая.

Наиболее яркой статьей начального периода «Движения за новую культуру», отражающей влияние России на Движение, является, по нашему мнению, статья Ли Дачжао «О влиянии великой русской революции», опубликованная 29 марта 1917 г. Небольшой абзац: «Алая горячая кровь русских смывает сегодня весь хлам, накопившийся за многие годы в политической жизни России, и орошает всходы свободы в нашей стране... Мы должны последовать примеру русских, пробудиться и разобраться в наших внутренних делах» — свидетельство глубокого понимания сути исторических событий и в Китае, и в России. И если большинство сторонников и участников «Движения за новую культуру» не выходили за рамки буржуазного и национального просветительства, то эта статья призывает к действию и отдает явное предпочтение использованию революционного российского опыта.

Участникам Движения обсуждались многие вопросы, в частности, опыт различных стран в построении и усилении государственной мощи. Один из излюбленных примеров — Великая французская революция конца XVIII в. как образец для других государств. Русская тема до Октябрьской революции обсуждалась, но не столь часто, как после нее. Возможность открытого высказывания различных мнений правомерно характеризовать как один из результатов «Движения за новую культуру», отразивших влияние западной «свободы слова». Раскрывая пороки капиталистического общества, обнажившиеся в годы Первой мировой войны, некоторые дальновидные мыслители и практики, такие как Чэнь Дусю, высказывались в том смысле, что после того как капитализм придет на смену феодализму, политическое неравенство уступит место неравенству социальному, а вместо гнета монархии и аристократии будет гнет капиталистов¹⁶.

Начало идеологической борьбы между левым и правым крылом китайской политической мысли, то есть между сторонниками социализма, среди которых было также немало анархистов, тесно связанных с российскими единомышленниками, и сторонниками вестернизации, ориентировало политику развития страны в двух противоположных направлениях. Следует заметить, что уже в этот начальный период развития «Движения за новую культуру» ни одно из них еще не было четко очерчено и не имело последовательного плана действий. Очевидно, что начало процесса раскрепощения сознания — главный результат «Движения за новую жизнь», открыло дорогу как усилению в Китае влияния западного мировоззрения и общественно-политической практики, т.е. вестернизации, так и изучению и распространению идеи научного социализма.

Интерес передовой части интеллигенции Китая к российским событиям и революционной идеологии развивался параллельно с интересом российских деятелей и пре-

жде всего В.И. Ленина к Китаю. Российские революционеры внимательно отслеживали события у своего ближайшего великого соседа. Широкую известность получили слова В.И. Ленина в адрес Сунь Ятсена, сказанные после победы Синьхайской революции: «Революционный демократ, полный благородства и героизма»¹⁷. Начиная со статьи «Китайская война», опубликованной в первом номере газеты «Искра» в декабре 1900 г., вплоть до последней работы 1923 г. «Лучше меньше, да лучше», В.И. Ленин с большим вниманием и сочувствием отзывался о национально-освободительной борьбе китайского народа против империалистической колониальной политики и феодализма, выражал уверенность в его победе и создании единого сильного суверенного государства¹⁸.

Очевидно, что новая для китайского революционного движения идея национально-освободительной борьбы (главным образом, под углом зрения борьбы наций угнетенных с угнетающими) была тесно связана с революциями в России. Есть немало оснований считать, что в перспективе именно эта идея, наряду с идеей социальной справедливости, превратится в одну из самых эффективных форм влияния СССР на Китай.

1. Синьхайская революция 1911–1913 гг.: Сб. документов и материалов. М., 1968. С. 50–74.
2. Чжунхуа жэньминь гунхэго шигао: [Очерк по истории Китайской Народной республики]. Пекин, 2012. Вводный том. С. 85.
3. *Мировицкая Р.А.* Проблема неравноправных договоров и китайско-советские отношения // История Китая с древнейших времен до начала XXI века. В 10 т. Т. VII. Китайская Республика (1912–1949). М., 2013. С. 108.
4. Направление «Россия, Сунь Ятсен и «Движение за новую культуру» — тема отдельного исследования. Отметим лишь факт отсутствия прямого участия Сунь Ятсена в «Движении за новую культуру».
5. *Мамаева Н.Л.* Синьхайская революция и идея конституционного правления // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 5. С. 131–132.
6. Там же. С. 132.
7. Там же.
8. См.: История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. VII. С. 80–82.
9. Чжунхуа жэньминь гунхэго шигао. С. 86.
10. Подробнее см.: *Ломанов А.В.* Интеллектуальный взрыв в развитии философской мысли // История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. VII. С. 181.
11. См.: *Тихвинский С.Л.* Сунь Ятсен — китайский революционер-демократ // *Сунь Ятсен.* Избранные произведения. 2-е изд., испр. и доп. М., 1985. С. 11.
12. Письмо Сунь Ятсена И.К. Судзиловскому (Русселю) 8 ноября 1906 г. // *Сунь Ятсен.* Указ.соч. С. 743; Письмо Сунь Ятсена И.К. Судзиловскому (Русселю). 26 ноября 1906 г. // *Сунь Ятсен.* Указ. соч. С. 744–745.
13. *Борох О.Н.* Общественная мысль Китая и социализм (начало XX века). М., 1984. С. 4–6.
14. *Чжэнь Чжунбин, Ци Цинфу.* Ши юэ гэмин цянь макэсычжун цзай Чжунго дэ чуаньбо: [Распространение марксизма в Китае до Октябрьской революции]. Лилунь юй шицзянь. 1980.
15. *Ли Дачжао.* Избранные статьи и речи. М., 1965. С. 59.
16. Чжунхуа жэньминь гунхэго шигао... С. 86.
17. *Ленин В.И.* Социализм и война (Отношение РСДРП к войне) // Полное собр. соч. Т. 26. С. 316.
18. См. также: *Тихвинский С.Л.* История Китая первой четверти XX века // *Тихвинский С.Л.* Избранные произведения. В 5 кн. Кн. 2. М., 2006. С. 11.

Разведывательное сотрудничество Японии и Польши против СССР (1919–1945 гг.)

© 2016

А.В. Полутов

В статье на основе документов из архивов Японии и исследований японских и польских историков и специалистов, большинство которых впервые вводятся в отечественный научный оборот, рассматривается сотрудничество Японии и Польской Республики в области военной разведки и криптоанализа в 1919–1945 гг., направленное против СССР.

Ключевые слова: Япония, Польская Республика, СССР, военная разведка, криптоанализ, шифры, Генеральный штаб, военный атташе, радиоразведка.

Первые пятнадцать лет XXI в. ознаменовались коренными изменениями конфигурации международных отношений и принципов функционирования системы международной безопасности. Несмотря на многочисленные инновации в военно-политической стратегии США, Японии и государств — членов НАТО, один из ее элементов — разведывательная деятельность против Российской Федерации — остается основополагающим. Она практически во всех случаях имеет глубокие исторические корни.

В полной мере это относится к истории военного сотрудничества Японии и Польской Республики в 1919–1945 гг., одним из важных элементов которого являлось их взаимодействие в сфере военной разведки.

Фундамент для такого сотрудничества между Японией и Польшей был заложен во время русско-японской войны 1904–1905 гг., когда летом 1904 г. польские революционеры-социалисты Юзеф Пилсудский и Роман Дмовский провели в Токио переговоры с представителями Генерального штаба (ГШ) и Министерства иностранных дел Японии о формировании польского легиона из числа пленных поляков и развертывании агентурной сети на территории Российской империи, включая Царство Польское, для ведения разведывательной, диверсионной и подрывной работы против российских вооруженных сил, органов государственной власти и общества в интересах Японии¹. Большинство достигнутых договоренностей так и остались нереализованными из-за отрицательной позиции японского внешнеполитического ведомства, но начало было положено и стороны уже не выпускали друг друга из поля зрения.

22 марта 1919 г. Япония признала государство и правительство Польши², но из-за гражданской войны и иностранной интервенции в России, а затем и советско-польской войны 1919–1921 гг. японская дипломатическая миссия была открыта в Варшаве

Полутов Андрей Вадимович (ум. 10.08.2016), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). E-mail: ihae@castnet.febras.ru.

только в мае 1921 г. после заключения в марте того же года Рижского мирного договора³. Первым чрезвычайным и полномочным посланником Японии в Польской Республике был назначен Каваками Тосицунэ, который в 1904 г. был переводчиком Юзефа Пилсудского на переговорах в Токио и установил с ним доверительные отношения. Кроме того, Каваками имел большой опыт организации и ведения легальной разведывательной работы против Российской империи. Накануне русско-японской войны он, будучи коммерческим агентом Японии во Владивостоке, организовал и руководил агентурной сетью по заданию японского Морского генерального штаба (МГШ)⁴.

Первый секретарь миссии Ватанабэ Риэ, неоднократно занимавший должность генерального консула Японии во Владивостоке, был хорошо известен органам государственной безопасности СССР как опытный разведчик⁵. Следует отметить, что практически все посланники, дипломатический и технический персонал японской миссии и посольства в Польше имели опыт разведывательной деятельности против Российской империи и СССР⁶. Такая кадровая политика МИД Японии как нельзя лучше характеризует японо-польские отношения, в основе которых лежала обоюдная заинтересованность сторон в установлении и развитии военного и разведывательного сотрудничества, направленного против СССР.

Следует отметить тот малоизвестный, но значительный факт, что Юзеф Пилсудский в ознаменование 20-летней годовщины победы Японии в русско-японской войне наградил 51 ее участника из числа действующих и отставных старших и высших офицеров армии и флота Японии высшим польским военным орденом «*Virtuti Militari*» II–V класса⁷, учрежденным в 1792 г. в честь победы над российскими войсками в битве под Зеленцами и вручавшимся за выдающиеся боевые заслуги. Тем самым Пилсудский показал японской стороне, что борьба против царской и советской России служила и служит объединяющим началом для польских и японских правящих кругов⁸. Другими словами, военно-политическое противостояние с СССР было лейтмотивом японо-польских отношений в 1919–1939 гг.

ГШ Японии и Польши в этот период довольно быстро нашли общий язык и стали наращивать сотрудничество в сфере военной разведки. Причины такого сближения сформулировал кадровый офицер японской военной разведки Фудзицука Сикао⁹: «Мы остро чувствуем необходимость в дружеских отношениях между Японией и Польшей и, поскольку нет никаких причин для конфликта с последней, мы стремимся развивать дружбу между нашими странами и вооруженными силами. К тому же Польша большая по территории страна, богатая важными ресурсами, и имеет все условия для развития как современное государство. Более того, в настоящее время это сильное независимое государство, и мы не должны забывать, что в мире, помимо Англии, США, Германии, Франции, СССР и Италии, существует еще и Польша»¹⁰.

Уже с июня 1919 г. офицер японской военной разведки капитан Ямаваки Масатака обеспечивал в Варшаве двусторонние контакты как представитель японского ГШ вплоть до своего назначения в 1921 г. военным атташе Японии в Польше¹¹. Именно Ямаваки, быстро продвигавшийся по карьерной лестнице, сыграл ключевую роль в сближении и развитии отношений между ГШ двух стран и их разведывательными органами. Япония действовала быстро и значительно энергичней Польши, которая только в 1925 г. назначила первого военного атташе в Японии подполковника Вацлава Енджеевича, последний в течение всего времени пребывания в этой должности до 1928 г. исполнял обязанности временно поверенного в делах¹².

Следует подчеркнуть, что, как и в случае с дипломатическими и консульскими сотрудниками Японии, на должности военного атташе, помощников военного атташе и офицеров аппарата военного атташе в Польше назначались офицеры, имевшие опыт разведывательной работы против СССР на Дальнем Востоке.

Японский ГШ высоко оценивал возможности ведения разведывательной деятельности против СССР с территории Польши и прилагал значительные усилия по укреплению связей с польской военной разведкой. Начиная с 1925 г. представители военной разведки двух стран неоднократно проводили в Варшаве и Токио совещания по координации сотрудничества в сфере разведки против СССР. В первой половине 1929 г. представитель ГШ Японии генерал-лейтенант Мацуи Иванэ посетил Варшаву для переговоров с польским ГШ по вопросам двустороннего сотрудничества и обмена разведывательной информацией¹³.

По результатам переговоров японский ГШ принял решение использовать Польшу как один из основных опорных пунктов разведывательной деятельности против СССР в Европе, увеличив численность аппарата военного атташе и резидентуры в Варшаве за счет их сокращения в Москве, в том числе по причине усиления контрразведывательного режима и активных действий советских органов государственной безопасности по пресечению разведывательной работы японских военных дипломатов и их агентурной сети на территории СССР.

В декабре 1937 г. в Варшаве состоялось очередное совещание представителей ГШ Японии и Польши, на котором стороны обсудили и обменялись разведывательными данными по трем наиболее важным и имевшим стратегическое значение вопросам — организация и дислокация частей, соединений и объединений РККА в мирное время, мобилизационный план СССР, пропускная способность советских железных дорог в военное время. В совещании приняли участие начальник 2-го отдела польского ГШ полковник Тадеуш Пелжинский и его подчиненные — начальники 4-го и русского отделения и офицеры отдела. Японскую сторону представляли военный атташе Японии в СССР полковник Савада Сингэру, секретарь аппарата военного атташе Японии в СССР майор Хиросэ Сиро, ведавший агентурной разведкой на территории Советского Союза, офицер 2-го отдела ГШ и специалист по СССР майор Такэда Исао и др.¹⁴

Первый начальник русского отделения ГШ и один из первых офицеров-стажеров в Польше Касахара Юкио отмечал: «Для сбора разведывательной информации о СССР Япония и Польша один-два раза в год обменивались данными. В то время основными странами, занимавшимися сбором и добыванием разведывательной информации о Советском Союзе, были Япония и Польша, между которыми были очень хорошие дружеские отношения. Польша близка в языковом и географическом отношении с СССР. На территории Советского Союза проживало значительное число поляков, что было весьма полезным для ведения разведки»¹⁵.

Одним из важных элементов двустороннего сотрудничества в сфере военной разведки были стажировки офицеров японской армии, на время которых они были прикомандированы ко 2-му отделу ГШ и в Польше находились в оперативном подчинении военного атташе. В 1921–1939 гг. свыше 150 офицеров японской армии прошли стажировки в Польше¹⁶. По польским официальным данным того времени, в 1935 г. Польскую Республику посетило 49 офицеров армии Японии, в 1936 — 15, в 1937 — 22¹⁷.

Во время стажировок они знакомились с органами управления, частями и соединениями, учебными заведениями, образцами вооружения, наблюдали за учениями поль-

ских вооруженных сил. Офицеры-стажеры военной разведки знакомились не только с разведывательными органами польского ГШ, но и «с организацией и работой контрразведки по советской линии»¹⁸. В 1932–1934 гг. в Польше проходил стажировку подполковник Дои Акио, изучавший в том числе организацию польской военной контрразведки и особенности ее работы против СССР в приграничных районах¹⁹. Во многих случаях оформлялась стажировка в Польшу и СССР, что обеспечивало свободное перемещение между странами для выполнения разведывательных поручений военного атташе и 2-го отдела ГШ.

На основе договоренностей между ГШ Японии и Польши офицеры-стажеры имели доступ к материалам польской военной разведки о советских вооруженных силах по профилю своей военной специальности и в первую очередь о группировке РККА на Дальнем Востоке СССР. Вкупе с увеличением аппарата военного атташе это позволило оперативно обрабатывать большой объем разведывательной информации, значительная часть которой была получена польской военной разведкой агентурным путем²⁰. Многие из офицеров-стажеров впоследствии занимали руководящие должности в военной разведке Японии.

Но главное направление сотрудничества Японии и Польше в сфере разведки держалось в строжайшем секрете. Во время советско-польской войны 1919–1921 гг. польская радиоразведка достигла значительных успехов в перехвате шифрограмм и раскрытии шифровальных ключей Красной армии, что во многом способствовало оперативным и тактическим успехам польской армии: в Варшавском сражении в августе 1920 г. расшифрованные сообщения командования Красной армии обеспечили победу Пилсудского над Тухачевским. Для Японии, с ее слаборазвитой службой криптографии и криптоанализа, сотрудничество с Польшей могло коренным образом исправить положение.

В 1921–1922 гг. состоялась Дайренская конференция, переговоры на которой между Дальневосточной республикой (ДВР) и Японией шли очень тяжело и сопровождались демаршами с обеих сторон. Японское правительство было крайне заинтересовано в получении любой информации о планах и намерениях представителей ДВР, но они проводили все рабочие встречи и совещания в изолированных от внешнего мира номерах отеля «Ямато», и японская жандармерия смогла добыть агентурным путем только обрывки бумаг, которые отправили в Токио, но там их не смогли расшифровать²¹.

Офицерам военной разведки из штаба японского экспедиционного корпуса во Владивостоке подполковнику Микэ Кадзуо и майору Токинори Хисаси, отслеживавшим почтовые и телеграфные отправления и передвижения членов делегации, в некотором смысле повезло больше. Уже после завершения конференции им в руки попали фрагменты документов дипломатической переписки с Москвой. Японский ГШ через аппарат военного атташе в Польше обратился с просьбой к польским криптоаналитикам помочь в их дешифровке и через неделю получил полностью расшифрованные тексты²².

В свою очередь японский ГШ предпринимал попытки преодолеть отставание в области криптоанализа. Офицер русского бюро 2-го отдела ГШ капитан Хякутакэ Харуёси, имея в своем распоряжении две полученные агентурным путем шифрограммы, самостоятельно расшифровал дипломатический код, которым пользовался глава делегации ДВР на Дайренской конференции Ф.Н. Петров²³.

Японский ГШ приложил все усилия для установления с польской стороной сотрудничества в области криптоанализа, заслуга в этом во многом принадлежала Ямаваки Масатака, сумевшему не только установить доверительные отношения с руководи-

телями польского ГШ, но и убедить свое начальство в необходимости использовать достижения криптоаналитиков Войска Польского. Тем не менее начальник 2-го отдела ГШ генерал-майор Итами Мацуо первоначально заявлял, что «вряд ли армии ведущего государства стоит учиться у армии третьеразрядной страны», но ознакомившись с документами об успехах польских криптоаналитиков в войне Польши с СССР, полностью изменил свое мнение²⁴.

В начале 1923 г. по приглашению и за счет японского правительства в Японию прибыл капитан Ян Ковалевский, выдающийся криптограф и криптоаналитик, организатор и первый руководитель в 1919–1924 гг. шифровальной секции 2-го отдела польского ГШ²⁵. Ковалевский в течение трех месяцев читал ознакомительные лекции и вел семинары по криптоанализу, шифровальным системам и способам взлома военных и дипломатических шифров СССР и ряда европейских стран для офицеров японского ГШ.

Обучение прошла группа, во главе с начальником 8-го (связь) отделения 3-го отдела ГШ полковником Ивакоси Цунэити, из 20 человек, включая офицеров 2-го отдела ГШ: русское бюро — капитан Хякутакэ Харуёси, английское бюро — капитан Иноуэ Ёсицукэ, французское бюро — капитан Микуни Наотоми, немецкое бюро — капитан Такэда Хадзимэ, прикомандированный к 2-му отделу подполковник Минкэ Кадзуо²⁶; от 3-го отдела ГШ: 8-е отделение — капитан Накамура Масао; от 4-го (связь, коды и шифры) отделения 2-го бюро МГШ капитан 2 ранга Накасуги Кюдзиро; переводчики капитан Кимура Сигэкичи, старший лейтенант Фукабори Юки и др. На основе лекций и семинаров Ковалевского уже после его отъезда из Японии японский ГШ издал предназначенное для командования армий и дивизий совершенно секретное «Пособие по криптоанализу», включавшее описание способов и методов раскрытия советских и немецких военных и агентурных шифров²⁷.

Японский ГШ высоко оценил польскую школу криптоанализа. Яну Ковалевскому был пожалован орден «Восходящего Солнца» 4-й степени. В 1925 г. в Польшу на годичную стажировку прибыли майор Хякутакэ и капитан Кудо Кацухико. По возвращении в Японию Хякутакэ был назначен начальником вновь созданного шифровального бюро 3-го отдела ГШ, в состав которого вошли офицеры, хорошо знавшие русский, английский и китайский языки²⁸. Бюро быстро развивалось и в 1939 г. было реорганизовано в 18-е (криптоанализ) отделение ГШ²⁹. Кадровый военный разведчик Хигути Кинтиро в своих мемуарах подчеркивал, что, благодаря сотрудничеству с Польшей, «криптоанализ японской армии достиг мирового уровня»³⁰.

В 1929–1930, 1934–1936 гг. несколько групп японских офицеров прошли годичные стажировки по радиоразведке и криптоанализу при польском ГШ³¹, что имело важное значение для совершенствования работы подразделений разведки особого назначения в Квантунской, Корейской и Китайской армиях, создание которых было начато в 1930 г.³² В 1936 г. офицеры-стажеры Фукан Эйити и Сакураи Синта под руководством польских специалистов смогли самостоятельно раскрыть один из советских военных шифров³³. Польский опыт и достижения в сфере радиоразведки и криптоанализа активно внедрялись японским ГШ в первую очередь в целях развития разведки особого назначения Квантунской армии, финансирование которой, начиная с 1936 г., предусматривалось отдельной статьей в бюджете.

Сотрудничество с Польшей в сфере криптоанализа имело важное значение для Японии на фоне постоянного роста напряженности в отношениях с СССР, зачастую балансировавших на грани войны в 30-е годы XX в. В 1932–1939 гг. польский ГШ переда-

вал по военно-дипломатическим каналам ключи к шифрам РККА, используя которые криптоаналитическое подразделение разведки особого назначения Квантунской армии смогло раскрыть шифры РККА и пограничных войск НКВД³⁴, что в ряде случаев обеспечило временные тактические успехи японцев в пограничных конфликтах на Константиновских островах, на озере Хасан и на реке Халхин-Гол. Один из руководителей японской военной разведки Котани Эцуо³⁵ отмечал, что именно с помощью польских специалистов штаб Квантунской армии сформировал и развернул подразделения радиоперехвата и криптоанализа на территории Маньчжоу-Го³⁶.

1 августа 1938 г. был создан Отдел разведки особого назначения Квантунской армии во главе с полковником Окубо Сюдзиро. Он и двое его подчиненных — Фукаи Эйити и Хагино Такэо в разные годы прошли стажировку в Польше. Отдел быстро превратился в самый мощный в японских вооруженных силах орган радиоразведки и криптоанализа, специализировавшийся на работе против СССР³⁷.

В октябре того же года завершились переговоры между дипломатическими ведомствами Польской Республики и Маньчжоу-Го об установлении консульских связей, которые курировал начальник штаба Квантунской армии. В Харбине было открыто польское консульство³⁸. Тем самым группа криптоаналитиков польского ГШ, находившаяся на постоянной основе в Харбине для оказания помощи разведке особого назначения Квантунской армии, получила консульское прикрытие.

По свидетельству бывшего офицера разведывательного отдела Квантунской армии Нисихара Масао, в 1939–1940 гг. результативность разведки особого назначения Квантунской армии резко упала из-за мероприятий, предпринятых шифровальной службой ГШ РККА и органами государственной безопасности по защите шифров и шифровальных систем³⁹. На наш взгляд, это было временное явление, вызванное тем, что 1 сентября 1939 г. началась Вторая мировая война и ее первой жертвой стала Польша.

После непродолжительного сопротивления Польская Республика прекратила существование как государство, а ее территорию поделили между собой СССР и Германия. В этой ситуации Япония, несмотря на союзнические отношения с Германией, предприняла тайные шаги по эвакуации офицеров подразделений разведки и криптоанализа польского ГШ в Японию. По свидетельству Котани Эцуо, военный атташе Японии в Польше Узда Масао обеспечил приезд в начале 1940 г. в Японию четырех ведущих специалистов польского ГШ, в том числе двух военных разведчиков по советской линии, офицера по специальным операциям и криптоаналитика⁴⁰. Вскоре трое офицеров по приказу польского ГШ отправились на Ближний Восток, а криптоаналитик поручик запаса Милиссер остался в Японии⁴¹. Он взял себе псевдоним «Michel» и в том же году Отдел разведки особого назначения Квантунской армии с его помощью раскрыл коды и шифры ВВС РККА, благодаря чему японская разведка получила данные о базировании и перемещениях авиационных частей и соединений в Забайкалье⁴². По воспоминаниям старшего офицера Отдела разведки особого назначения Квантунской армии Хагино Такэо, в 1941–1945 гг. Милиссер совместно с японскими специалистами раскрыл несколько советских военных шифров. В августе 1945 г. он находился в штабе Отдела разведки особого назначения Квантунской армии и, скорее всего, попал в плен советской армии⁴³.

Сведения периода 1939–1945 гг. об офицерах польского ГШ в Японии и Маньчжоу-Го скупы и противоречивы. Известно о трех офицерах из числа специалистов по криптоанализу, которые по приказу польского ГШ в Лондоне остались при штабе Квантунской армии. Одним из них был польский подполковник, преподававший криптоана-

лиз в разведывательной школе Накано⁴⁴. Факты говорят в пользу того, что именно польские специалисты, прибывшие из Европы в Японию и Маньчжоу-Го, помогли уже в конце 1940 г. восстановить результативность работы подразделений радиоперехвата и криптоанализа Квантунской армии.

Отдел разведки особого назначения Квантунской армии как головной орган радиоразведки против СССР занимался внедрением опыта и распространением материалов польского ГШ для улучшения работы периферийных подразделений. 27 июня 1941 г. подразделение радиоразведки генерал-губернаторства Кореи перехватило и расшифровало телеграмму «Директора» «Рамзаю»: «Сообщите, какое решение принято японским правительством в отношении нашей страны в связи с войной между СССР и Германией. О случаях переброски войск к нашим границам немедленно сообщайте нам»⁴⁵. В деле Рихарда Зорге этот перехват сыграл существенную роль. Вплоть до августа 1945 г. радиоразведка Квантунской армии оставалась сильным противником и активно работала против СССР, а ее подразделения совместно с польскими специалистами «ежегодно обрабатывали 50 тысяч шифрограмм»⁴⁶.

Сотрудничество польского ГШ с Японией во время Второй мировой войны подробно освещено в работах современных польских историков⁴⁷, из которых следует, что разведывательные резидентуры польского ГШ в Лондоне активно действовали в странах Европы и сотрудничали с японской разведкой в лице дипломатов и военных атташе Японии. Причем это сотрудничество продолжалось вплоть до мая 1945 г., несмотря на то, что 11 декабря 1941 г. Польша объявила войну Японии. Вопрос о том, против кого совместно действовали разведки противоборствующих сторон и какими сведениями обменивались во время войны, остается открытым и ждет своего исследователя.

Молниеносное сближение и тесное сотрудничество Японии и Польши были предопределены наличием общего противника в военной, политической и идеологической сферах — СССР. Это сотрудничество позволило японскому ГШ получить разведывательные данные о РККА по широкому кругу вопросов:

- военный и экономический потенциал СССР, мобилизационные возможности РККА;
- тактика, боевая организация и вооружение кавалерийских, бронетанковых, механизированных и пехотных частей, соединений и объединений РККА;
- тактика, боевая организация и вооружение частей, соединений и объединений ВВС РККА;
- органы управления, командный состав, численность, вооружение и дислокация частей, соединений и объединений РККА в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке СССР;
- фортификационное оборудование и вооружение укрепрайонов на западной границе СССР, информация о которых в сочетании со сведениями агентурной и визуальной разведки Квантунской армии позволила во многом вскрыть систему и особенности оборонительных укреплений ОКДВА на границе с Маньчжоу-Го.

Эти данные представляли особую ценность для ГШ и командования Квантунской армии при составлении и корректировке оперативных планов военных действий против СССР на Дальнем Востоке.

Сотрудничество с Польшей в сфере радиоразведки и криптоанализа имело стратегически важное значение для Японии, разведывательные органы которой, используя передовые достижения польского ГШ, получили возможность эффективно работать и на-

рашивать разведывательную деятельность против СССР. Об этом красноречиво свидетельствуют японские ордена, пожалованные высшим и старшим офицерам польского ГШ и его разведывательных подразделений.

Япония всегда и в любых обстоятельствах действовала исключительно в своих интересах и ради достижения собственных целей была готова в случае необходимости и применительно к обстановке поступиться обязательствами перед своими союзниками. Поэтому во время Второй мировой войны она не прервала связей с польским ГШ, а напротив, постаралась их сохранить и обратить в свою пользу.

В октябре 2011 г. посольство Японии в Польше опубликовало подборку фактов из истории японо-польских отношений, в том числе и о разведывательном сотрудничестве Японии и Польши. «Военное сотрудничество в межвоенный период и во время войны. 1. Соответствующие органы армии Японии в межвоенный период обратились с просьбой к польским специалистам прочесть лекции о криптоанализе с целью раскрыть шифры советской армии. Тем самым активизировалось военное сотрудничество: в 1923 г. специалист по криптоанализу польского Генерального штаба майор Ян Ковалевский в течение трех месяцев читал лекции в Генеральном штабе в Токио. 2. Во время Второй мировой войны, несмотря на разрыв межгосударственных отношений, разведывательное сотрудничество между двумя странами продолжалось (консул Японии в Каунасе Сугихара и военный атташе Японии в Швеции Онодэра сотрудничали с офицером польского Генерального штаба майором Рыбиковским)»⁴⁸.

Изучение истории разведывательного сотрудничества Японии и Польши в 1919–1945 гг. позволяет по-новому осветить и глубже понять историю противоборства советских спецслужб с польской и японской разведками. По нашему мнению, это важно и актуально, так как опыт совместной работы против СССР не утратил своего значения и остается востребованным иностранными спецслужбами, которые сегодня интегрированы в международное разведывательное сообщество во главе с США. Опыт разведывательной деятельности не устаревает, он лишь совершенствуется применительно к новым условиям, а поэтому его историю необходимо изучать и воспринимать как неотъемлемый элемент в организации противодействия и пресечения внешних угроз со стороны любых противников.

1. *Инаба Тихару*. Акаси косаку. Боряку-но нитиро сэно: [Операции Акаси: подрывная деятельность во время русско-японской войны]. Токио: Марудзэн райбурари, 1995. С. 55–58; *Рутковская Е.* Русско-японская война и ее влияние на польско-японские отношения в первой половине XX в. Русско-японская война и мировое сообщество: взгляд через 100 лет. Докл. 3-го международного военно-исторического форума (на яп. яз.). Токио: Науч.-исслед. ин-т обороны Управления нац. обороны Японии, 2004. С. 145–151; *Палаи-Рутковска Е., Ромер А.Т.* История японо-польских отношений (на яп. яз). Токио: Сайрюся, 2009. С. 45–57; *Rakka Ryusui: Colonel Akashi's Report on His Secret Cooperation with the Russian Revolutionary Parties during the Russo-Japanese War / Translated by Inaba Chiharu and edited by Olavi K.Falt & Antti Kujala.* Helsinki: Societas Historica Finlandiae, 1988. P. 71–74.
2. Япония признала независимость Польши 6 марта 1919 г., но документ о признании член делегации Японии на Парижской мирной конференции Мацун Кэйсиро вручил делегату Польши Роману Дмовскому 22 марта и от этой даты ведут отсчет японо-польские отношения. См.: Гафмусё гайкосирёкан. Дзёякусё: [Дипломатический архив Японии. Собр. договоров]. Т. 1. В13090788700; *Палаи-Рутковская Е., Ромер А.Т.* Указ. соч. С. 66–67.

3. Консульства Японии в Варшаве и Данциге (Гданьск) были открыты в апреле 1922 г. Дипломатическая миссия Республики Польша в Японии открылась в августе 1920 г., а в 1937 г. была преобразована в посольство; консульство в Токио открыто в феврале 1922 г., в Осака — в октябре 1926 г., в Йокогама — в феврале 1935 г. См.: Нихон гайко нэмпё-хэй сюё бунсё: [Хронологические таблицы и основные документы дипломатии Японии]. Т. 2. Токио: Хара сёбо, 1969. С. 96, 100, 104, 108.
4. Гаймусё гайкосирёкан: [Дипломатический архив Японии]. В07090501700.
5. *Фунакава Х.* Инцидент с арестом сотрудников генерального консульства Японии во Владивостоке // Ойкумена. 2012. № 1. С. 113–132.
6. По нашим подсчетам, почти 90% сотрудников имели опыт службы в дипломатических и консульских учреждениях Японии на территории Российской империи, СССР и Маньчжурии, в том числе в Москве, Петербурге—Петрограде—Ленинграде, Харбине, Одессе, Новосибирске, Иркутске, Хабаровске, Александровске, Охе, Благовещенске и Петропавловске-Камчатском.
7. Наградные документы датируются 1925 г., а награждения состоялись в Токио в 1925, 1926 и 1928 гг. Среди награжденных были адмирал Того Хэйхатиро, маршалы Оку Ясуката и Кавамура Кагэаки, морской министр адмирал Окада Кэйсукэ и др. См.: Кокуринцу кобунсёкан. Найкаку Дзёкун сайкасё: [Национальный архив Японии. Кабинет министров. Императорские указы о пожаловании орденов]. А10113051200; *Рутковская Е.* Указ. соч. С. 153–154.
8. *Кимура Хироси.* Нихон—порандо анго кёрёку-ни кансуру косацу // Интеридзэнсу. 2009. № 9: [Сотрудничество Японии и Польши в сфере криптоанализа // Интеллидзэнс. 2009. № 9]. С. 75; *Рутковская Е.* Русско-японская война и ее влияние на польско-японские отношения... С. 153.
9. 12.1923 — офицер русского отделения 2-го отдела ГШ. 08.1928 — сотрудник аппарата военного атташе в СССР. 12.1930 — офицер русского отделения 2-го отдела ГШ. 12.1933–05.1935 — помощник военного атташе в Польше. 12.1939–08.1942 — военный атташе в Румынии. Генерал-майор (1940), генерал-лейтенант (1944).
10. Цит. по: *Кимура Хироси.* Сотрудничество Японии и Польши в сфере криптоанализа, С. 75.
11. *Палаши-Рутковская Е., Рамер А.Т.* История японо-польских отношений... С. 70–73.
12. Военные атташе Польской Республики в Японии: 1925–1928 — подполковник Вацлав Енджеевич (Wacław Jędrzejewicz), 1928–1931 — майор Хенрик Флояр-Райхман (Henrik Flojar Reichman), 1931–1935 — капитан Антоний Слёсаржик (Antoni Ślósarczyk), 1935–1938 — майор Адам Пржибыльский (Adam Przybylski), 1938–1941 — подполковник Ежи Левиту (Jerzy Levitoux). См.: Гаймусё гайкосирёкан. Дзай хомпо каккоку гайкоккан, рёдзикан-оёби канъин идо канкэй дзаккэн: [Дипломатический архив Японии. Собр. различных документов о назначении и отзыве дипломатов, консулов и персонала иностранных дипломатических и консульских в Японии]. В15100363000.
13. В 1925–1928 гг. занимал должность начальника 2-го отдела ГШ. Во время поездки и переговоров с польской стороной его сопровождал младший брат, кадровый разведчик генерал-майор Мацуи Ситио и двое офицеров аппарата военного атташе Японии в СССР.
14. *Палаши-Рутковская Е., Рамер А.Т.* История японо-польских отношений. С. 177; *Рутковская Е.* Указ. соч. С. 163–164.
15. Цит. по: *Кимура Хироси.* Сотрудничество Японии и Польши в сфере криптоанализа, С. 76.
16. *Рутковская Е.* Указ. соч. С. 163; Бэйсё бэйкэнкюсё: [Архив НИИО МНО Японии]. С03011778300; С01003722800 и др. Отметим, что в 1921 г. первым начальником японских офицеров-стажеров в Польше был капитан 1 ранга Ёнан Мицумаса, в 1920–1921 гг. выполнявший поручения Морского Генерального штаба в Германии и Польше.
17. *Палаши-Рутковская Е., Рамер А.Т.* История японо-польских отношений... С. 175.
18. *Кимура Хироси.* Сотрудничество Японии и Польши в сфере криптоанализа, С. 76.
19. В 1935–1937 — офицер русского отделения 2-го отдела ГШ, 1938–1940 — военный атташе Японии в СССР, 1943–1945 — начальник разведывательного отдела Квантунской армии.
20. По вполне понятным причинам сведения из агентурных источников японская сторона получала в обезличенном и купированном виде.
21. *Kotani Ken.* Japanese Intelligence in World War II. Osprey Publishing, 2009. P. 13.
22. Гаймусё гайкосирёкан. Нитиро кокко кайфуку косё-но кэн. Дайрэн кайги. Иппан. 5. Роккоку нин дзуйин-но досэй: [Дипломатический архив Японии. Переговоры о восстановлении государственных отношений между Японией и Россией. Дайренская конференция. Общие документы. 5.]. В06151174800; *Арига Цутао.* Нихон рикуйкайгун-но дзёхо кико-то соно кацудо: [Организа-

- ция и деятельность разведывательных органов армии и флота Японии]. Токио: Киндай бунгэй-ся. 1995. С. 141–142.
23. *Арига Цутао*. Указ. соч. С. 142–144.
 24. *Кимура Хироси*. Сотрудничество Японии и Польши в сфере криптоанализа. С. 74–75.
 25. В 1930 г. секция была преобразована в шифровальное бюро, основными функциями которого были радиоразведка и криптоанализ шифровальных систем СССР и Германии. Специалисты бюро смогли взломать немецкую шифровальную машину «Энигма», что во многом предопределило исход битвы за Атлантику во Второй мировой войне.
 26. В августе 1923 г. назначен начальником русского бюро 2-го отдела ГШ.
 27. *Арига Цутао*. Указ. соч. С. 142–144.
 28. С 1933 г. на службу в подразделения криптоанализа специально отбирались показавшие высокие результаты офицеры — слушатели Токийской школы иностранных языков по курсу русского, английского и китайского языков.
 29. *Кимура Хироси*. Энтю-но нихон анго кайдокуси-ни окэру сугакуся-но кокэн. Дайдзюгокай сугакуси симпозиуму (16–17.10.2004): [Вклад ученых-математиков в историю криптоанализа Японии во время Второй мировой войны // 15-й симпозиум по истории математики (16–17.10.2004)]. Колледж Цуда, 2005. С. 252.
 30. Цит. по: *Кимура Хироси*. Сотрудничество Японии и Польши в сфере криптоанализа. С. 75.
 31. Стажировки проходили при соблюдении абсолютной секретности и установить точные сведения о численности офицеров-стажеров по линии радиоразведки и криптоанализа при польском ГШ, на наш взгляд, маловероятно.
 32. Бойсё бэйкэнкюсё. Рикугунсё даймицу никки: [Архив НИИО МНО Японии. Собрание секретных документов Военного министерства]. Т. 4. С01003934500.
 33. *Арига Цутао*. Указ. соч. С. 146.
 34. *Kotani Ken*. Japanese intelligence and the Soviet-Japanese border conflicts in the 1930s / The National Institute for Defence Studies Military History Studies Annual. 2008. Vol. 11. № 3. P. 135.
 35. 1934–1937 — помощник военного атташе Японии в СССР, 1939–1940 — начальник русского бюро 2-го отдела ГШ, 1940 — преподаватель разведывательной школы Накано, 1944–1945 — помощник военного атташе Японии в Германии. Полковник.
 36. Бойсё бэйкэнкюсё. Мансю-ни кансүру ёхэй-тэки кансацу. Дайрокусё. Мансю-ни окэру дзёхонимму: [Архив НИИО МНО Японии. Анализ применения армии в Маньчжурии. Гл. 6. Разведывательная деятельность в Маньчжурии]. С. 40. С13010229400.
 37. См. подробно: *Полутов А.В.* Разведка особого назначения Квантунской армии // Актуальные проблемы современной Японии. Вып. 38. М.: ИДВ РАН, 2014. С. 201–226.
 38. Бойсё бэйкэнкюсё. Рикуманмицудайникки: [Архив НИИО МНО Японии. Собрание секретных документов Военного министерства о Маньчжоу-Го]. С01003400100.
 39. *Кимура Хироси*. Сотрудничество Японии и Польши в сфере криптоанализа. С. 76–77.
 40. Бойсё бэйкэнкюсё. Мансю-ни кансүру ёхэй-тэки кансацу. Дайрокусё. Мансю-ни окэру дзёхонимму: [Архив НИИО МНО Японии. Анализ применения армии в Маньчжурии. Гл. 6. Разведывательная деятельность в Маньчжурии]. С13010229600. С. 73–74.
 41. *Кимура Хироси*. Вклад ученых-математиков в историю криптоанализа Японии во время Второй мировой войны. С. 269.
 42. *Kotani Ken*. Japanese Intelligence in World War II. P. 22.
 43. *Кимура Хироси*. Сотрудничество Японии и Польши в сфере криптоанализа. С. 78, 80.
 44. Там же. С. 77, 80.
 45. *Оцука Тораносукэ*. Нихон дэнсин дзёхоси. Гокухи лэмпо-ни миру сэисо-то хэйва: [История японской радиоразведки. Война и мир в совершенно секретных телеграммах]. Кумамото: Кумамото сюппан бунка кайкан, 2002. С. 236; Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы / Публ., вступ. ст. и коммент. А.Г. Фесюна. СПб; М.: Летний сад, 2000. С. 123.
 46. *Kotani Ken*. Japanese intelligence and the Soviet-Japanese border conflicts in the 1930s P. 135.
 47. *Рутковская Е.* Указ.соч. С. 164–167; *Палаи-Рутковская Е., Ромер А.Т.* История японо-польских отношений. С. 215–278.
 48. URL: www.pl.emb-japan.go.jp/relations/j_epizody.pdf.

Культура

Языки Китая: новейшие исследования и открытия

© 2016

О.И. Завьялова

В эпоху современных информационных технологий Китай продолжает оставаться чрезвычайно разнообразным в языковом отношении. Осуществление национальной политики неотделимо от изучения языков различных народов, населяющих КНР. Масштабные лингвистические исследования стали важной составляющей программ, направленных на сохранение нематериального культурного наследия страны. После провозглашения в 2013 г. стратегии «Один пояс, один путь» особое значение приобрело изучение трансграничных языков, распространенных также на территории соседних государств.

Ключевые слова: языковая политика, языкознание в Китае, языки народов КНР, нематериальное культурное наследие, трансграничные языки.

В эпоху глобализации и информационных технологий повсеместно в мире исчезают малые языки и малочисленные диалекты. Эти процессы происходят и в современном Китае, тем не менее он продолжает оставаться чрезвычайно разнообразным в языковом отношении. Основные национальные языки используются, где это возможно, в школьном образовании параллельно с «общегосударственным» языком *путунхуа*¹. Издаются и переиздаются письменные памятники на языках народов КНР. Выпускаются новые двуязычные словари. Любые языковые разновидности, сохраняющиеся в разных районах Китая, считаются важной составной частью нематериального культурного наследия страны.

Одной из основных задач, стоящих перед китайскими лингвистами в последние десятилетия, стало обследование в полевых условиях и сохранение на современных аудио и видео носителях всех языков страны, прежде всего, малочисленных и исчезающих. В изучение и описание полученных материалов вовлекаются десятки специалистов, среди которых ученые разных поколений. Лингвисты старшего поколения имеют опыт участия в масштабных экспедициях, предпринятых после образования КНР, они знакомы с трудами советских ученых, которые исследовали языки народов СССР и разрабатывали для них латинизированные и затем кириллические варианты письменности. Новое поко-

ление китайских лингвистов периода «реформ и открытости» в значительной степени ориентировано на западное языкознание, но при этом сохраняет приверженность традиционным методам. На протяжении длительного времени эти методы разрабатывались в самом Китае, они до сих пор используются при описании тех многочисленных языков, которые типологически (хотя и не обязательно генетически) близки китайскому.

По подсчетам на основе данных переписи населения 2010 г., китайские диалекты остаются родными для 1 млрд 100 млн человек из общего числа 1 млрд 280 млн говорящих на китайском языке, некитайские языки используют в качестве родных примерно 60 млн человек². Официальный список народов КНР сейчас насчитывает 56 этносов — численно доминирующих китайцев-ханьцев и 55 малых народов. Два малых народа из 55 — хуэй (*хуэйцзу*) и маньчжуры официально числятся китаеязычными.

Мусульмане-хуэйцзу (10,6 млн человек, по данным переписи 2010 г.³) обычно говорят на тех же диалектах, что и окружающее китайское население. В случае сравнительно поздних миграций, например, в Синьцзяне, диалекты хуэйцзу и китайцев-ханьцев могут отличаться друг от друга. Самоназвание хуэйцзу используют также примерно 20 тыс. исповедующих ислам жителей двух деревень, Танцзя и Ванцзя, в уезде Линьтао провинции Ганьсу. Недавно открытый смешанный язык этой группы местные жители называют *танван*. Он сочетает китайскую лексику с грамматической системой одного из соседних монгольских языков — дунсянского (дунсяны включены в официальный перечень народов КНР)⁴. Термин хуэйцзу до сих пор употребляется применительно к еще одной не входящей в официальный список группе, исповедующей ислам. Хайнаньские чамы, или хуэйхуэйжэнь (примерно 6 тыс. человек), говорят на языке австронезийской семьи, который стал тоновым в результате длительных контактов с сино-тибетскими народами⁵.

Второй малый народ из официального списка, который до последнего времени считался полностью утратившим родной язык, — маньчжуры (10,4 млн человек). Уже в период «реформ и открытости» выяснилось, что остатки маньчжурского языка, в общегосударственном масштабе использовавшегося при династии Цин в качестве официального, до сих пор сохраняются на северо-востоке страны — в пределах территории исторической Маньчжурии, некогда закрытой для этнических китайцев. Около 100 маньчжуров, проживающих в небольших деревнях в окрестностях г. Хэйхэ и в уезде Фуюй провинции Хэйлунцзян, понимают маньчжурский язык на слух, примерно половина из этого числа, люди старшего поколения, до сих пор могут говорить по-маньчжурски. Официально используют маньчжурскую письменность и по сути дела диалект маньчжурского языка в качестве родного переселенные при династии Цин в Синьцзян сибинцы, но они считаются отдельным народом со своим языком⁶.

Общий перечень языков, на которых говорят 55 официально выделенных малых народа Китая, не одинаков в разных источниках. Так, по данным 2009 г., размещенным на официальном сайте Комитета по работе в области языка и письменности, 53 малых народа (без учета обозначенных китаеязычными хуэй и маньчжуров) в общей сложности используют 73 близких, а в некоторых случаях даже далеко отстоящих друг от друга языков⁷. В фундаментальном издании «Языки Китая» (2007 г.), о котором пойдет речь ниже, представлено описание 129 языков. Еще больше языков народов КНР можно обнаружить в некоторых западных публикациях. Эти расхождения вполне объяснимы. Во-первых, некоторые языковые разновидности, на которых говорят группы, включенные в состав того или иного народа из официального списка, были обнаружены и описаны совсем недавно, в процессе обследований последних лет. Во-вторых, известно, что термины

«язык» и «диалект» достаточно условны, особенно неопределенна идентификация языковых разновидностей (идиомов) в качестве отдельного языка или диалекта в случае тех этносов, которые никогда не имели отдельной государственности и собственной литературной традиции. Неодинакова в различных источниках, в том числе собственно китайских, также генетическая классификация языков народов Китая и распределение тех или иных языков в рамках предложенных разными авторами классификационных схем.

Публикации китайских ученых, посвященные языкам малых народов, стали появляться начиная с 20-х годов прошлого столетия. Среди энтузиастов, по собственной инициативе проводивших полевые обследования в малодоступных районах страны, были такие выдающиеся языковеды, как Чжао Юаньжэнь, Ли Фангуй, Ло Чанпэй, Юань Цзяхуа, Ма Сюэлян. В КНР первое обследование языков было инициировано на государственном уровне в 1951 г. и продолжалось до конца 1955 г., когда состоялась научная конференция «Языки и письменные системы малых народов». Обнародованный на конференции новый проект был рассчитан на пять и в долгосрочной перспективе на двенадцать лет. Основное обследование, охватившее 1500 населенных пунктов, пришлось на 1956–1958 гг. Отдельные группы исследователей вернулись в Пекин лишь в 1960 г., локальные экспедиции с уточнением уже полученных данных проводились вплоть до начала «культурной революции» в 1966 г. В итоге были собраны материалы по 64 языкам, обследованы 1600 пунктов в разных районах страны. Результаты частично опубликовали еще до начала «культурной революции», в частности, в журнале «Чжунго юйвэнь» («Китайский язык», основан в 1952 г., не выходил в 1966–1978 гг.). До «культурной революции» были выпущены также две брошюры из инициированной в 1959 г. серии «Краткие описания языков малых народов КНР» (*Чжунго шаошу миньцзу юйянь цзяньчжи цуншу*), они были посвящены языкам мяо-яо и тюркским⁸.

В период «реформ и открытости» начался новый этап масштабного изучения языков малых народов КНР. В 1979 г. был учрежден журнал «Миньцзу юйвэнь» («Национальные языки»). В 1980–1987 гг. увидели свет 58 брошюр серии «Краткие описания языков малых народов КНР», основанные на материалах, которые были собраны до начала «культурной революции». В 1985 г. Институтом национальностей (в наст. время — Институт этнографии и антропологии) Академии общественных наук КНР совместно с отделом пропаганды культуры Государственного комитета по делам национальностей была подана заявка и получен государственный грант на проект «Изучение вопросов употребления языков и письменностей национальными меньшинствами Китая»⁹. С 2013 г., после провозглашения Си Цзиньпином стратегии «Один пояс, один путь», особое значение приобрели исследования трансграничных языков, распространенных не только в Китае, но и на территории соседних государств¹⁰.

Первое после перерыва полевое обследование было проведено в 1976 г. в граничащих с Индией районах Тибета. С 1978 г. лингвисты и этнографы начали работать в разных районах страны — как по инициативе Государственного комитета по делам национальностей, так и местных органов власти. Среди языков, обследованных в новый период, оказались, во-первых, недостаточно хорошо изученные и описанные разновидности. Во-вторых, были открыты ранее не известные языки, в том числе смешанные (ср. упомянутый выше язык *танван*). И наконец, в-третьих, лингвисты обнаружили языки, которые существуют за пределами Китая, но считались не употребляющимися на его территории, например, тувинский в Синьцзяне. Особое внимание уделялось исчезающим языкам, на которых говорят группы, насчитывающие менее тысячи человек и в дополне-

ние к этому в значительной своей части уже утратившие родной язык, перейдя на соседние национальные языки и китайские диалекты¹¹.

Среди многочисленных публикаций, в основе которых лежат новые материалы последних десятилетий, в первую очередь можно выделить уникальную серию «Исследования недавно открытых языков Китая» (*Чжунго синь фасянь юйянь яньцзю цуншу*). Первый выпуск вышел из печати в 1997 г. и был посвящен дун-тайскому (тай-кадайскому) языку *янхуан*, носители которого живут главным образом в уезде Пинтан на юге провинции Гуйчжоу. К концу 2014 г. было в общей сложности издано 48 брошюр, каждая с описанием отдельного языка, его фонетики, лексики, грамматики и, что особенно важно в случае исчезающих языков, примерами текстов¹².

В 2007 г. с учетом всех существующих материалов, собранных к тому времени, была опубликована фундаментальная монография «Языки Китая», в создании которой участвовало 90 авторов и редакторов¹³. Она содержит описание 129 языков народов КНР — от китайского до малоизвестных, обнаруженных к тому времени. Все они распределены по разделам, посвященным соответственно сино-тибетским, алтайским, австронезийским, австроазнатским, индоевропейским и смешанным языкам. В состав сино-тибетской (китайско-тибетской) семьи включены не только китайский и тибето-бирманские языки, но также, как это до сих пор принято в китайских классификациях, языки мяо-яо и дун-тайские (тай-кадайские), которые в современных западных работах обычно выделены в отдельные семьи. Тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки объединены в составе алтайской семьи (многими лингвистами она считается гипотетической). Корейский, который чаще относят к изолированным языкам, отнесен к тунгусо-маньчжурским. В индоевропейском разделе числится только один язык — таджикский. К таджикам в КНР на самом деле относят небольшие группы, живущие на западе Синьцзяна и говорящие на восточноиранских памирских языках — сарыкольском и ваханском¹⁴. Русский язык, который в среде потомков эмигрантов дореволюционного и советского периодов, похоже, сохранился лишь в пассивном употреблении небольших групп, в раздел индоевропейских языков не включен, хотя русские, говорящие на русском языке, в официальном списке 55 малых народов КНР по-прежнему присутствуют¹⁵.

Масштабные лингвистические обследования, предпринятые в период «реформ и открытости», выявили, таким образом, десятки новых разновидностей языков на территории КНР. Все эти разновидности считаются важной составной частью нематериального культурного наследия страны. После провозглашения в 2013 г. стратегии «Один пояс, один путь» особое внимание лингвистического сообщества привлекли также многочисленные трансграничные языки народов КНР, которые, подобно недавно обнаруженному в Синьцзяне тувинскому, распространены на территории сопредельных с Китаем государств.

1. О национальной политике, национальном законодательстве и системе двуязычного образования *шуаньюй* (национальный язык + *путунхуа*) см., например: *Клиновский В.А.* Языковая политика в Китайской Народной Республике во второй половине XX века: дис.... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2012; *Гулева М.А., Гутин И.Ю.* Языковая политика КНР в отношении национальных меньшинств // *Филологические науки в МГИМО*. 2014. С. 31–39; *Клиновский В.А.* Политический аспект языковых реформ в КНР // *Россия и АТР*. 2013. № 1. С. 122–127; *Актамов И.Г.* Этноязыковые процессы в многонациональных государствах: общемировые тенденции и государственная образовательная политика (на примере Республики Бурятия РФ и Автономного рай-

- она Внутренняя Монголия КНР) // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 1. С. 3–9.
2. Цао Чжунюнь. Фанъянь биньвэй, вэньхуа суйпянь хэ фанъянь сюэчжэ дэ шимин: [Исчезновение диалектов, остатки культуры и миссия диалектологов] // Чжунго юйянь сюэбао. Т. 16. Пекин, 2014. С. 207–214.
 3. Данные о численности народов КНР см.: Чжунго 2010 нянь жэнькоу пуча цзыляо: [Материалы переписи населения Китая 2010 г.]. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/pcsj/rkpc/6gp/indexch.htm>.
 4. Ибулахэймай А. (Ибрахим А.). Ганьсу цзиннэй танванхуа цзилюэ: [О говоре *танван* в провинции Ганьсу] // Миньцзу юйвэнь. 1985. № 6. С. 33–47; *Он же*. Танванхуа: [Говор *танван*] // Чжунго дэ юйянь: [Языки Китая] / ред. Сунь Хункай, Ху Цзэньи, Хуан Син. Пекин, 2007. С. 2580–2595.
 5. Ни Дабай. Хайнаньдао Санья хуэйцзу юйянь дэ сишу: [Идентификация языка *хуэйцзу*, живущих в Санья на о. Хайнань] // Миньцзу юйвэнь. 1988, № 2: *Чжэи Ицин*. Хуэйхуэйюй: [Язык *хуэйхуэй*] // [Языки Китая]. С. 2359–2573.
 6. Биньвэй юйянь вэньти: [Проблема исчезающих языков] // Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баогао 2005: [Доклад о языковой ситуации в Китае в 2005 г.]. Пекин, 2006. С. 286; *Лю Хоушэн*. Мань юйвэнь дэ цянцзю, чуаньчэн юй инъюн: [Спасение, передача следующим поколениям и употребление маньчжурского языка] // Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баогао 2014: [Доклад о языковой ситуации в Китае в 2014 г.]. Пекин, 2014. С. 139–143; В Китае маньчжурский язык оказался на грани исчезновения. URL: http://russian.news.cn/culture/2013-09/23/c_132743728.htm.
 7. Вого дэ шаошу миньцзу юйянь вэньцзы гайкуан: [О языках и письменностях малых народов нашей страны]. URL: http://www.china-language.gov.cn/141/2009_3_19/1_141_4104_0_1237432688464.html.
 8. *Се Лювэнь, Сунь Хункай*. Чжунго дэ юйянь дяоча: [Обследования языков Китая] // [Языки Китая]. С. 16–24.
 9. Там же. С. 25–26.
 10. *Завьялова О.И.* Лингвистические новации и внешняя политика Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 6. С. 116–119.
 11. *Се Лювэнь, Сунь Хункай*. Указ. соч. С. 27.
 12. Обзор брошюр этой серии, увидевших свет в 1997–2006 гг. (всего 31 брошюра), см.: *Chirkova E.* Review of *Zhongguo xin faxian yuyan yanjiu congshu: [New Found Minority Languages in China Series]* // China Review International. 2006. Vol. 13. No. 2. P. 312–321.
 13. Чжунго дэ юйянь: [Языки Китая] / ред. Сунь Хункай, Ху Цзэньи, Хуан Син. Пекин, 2007. 2638 с.
 14. *Чжоу Циниэи*. Куацзин шаошу миньцзу юйянь чжуанкуан: [Ситуация с трансграничными языками национальных меньшинств] // Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баогао 2013: [Доклад о языковой ситуации в Китае в 2013 г.]. Пекин, 2013. С. 144.
 15. *Гутин И.Ю.* Русские в КНР // Азия и Африка сегодня. 2011. № 10. С. 50–56; *Оглезнева Е.А., Блохинская А.В., Гордеева С.В., Касимова Е.В., Цзян Ин*. Языковая ситуация на Дальнем Востоке России и приграничной территории (на материале российского Приамурья и провинции Хэйлунцзян). Благовещенск 2014. С. 98–125.

Новогодние обращения председателя КНР в свете дискурсного подхода (социолингвистические заметки)

© 2016

А.В. Семенов

В статье анализируются новогодние речи председателя КНР Си Цзиньпина с позиции дискурсного подхода. Рассматривается социальное измерение дискурса новогодних выступлений, их типовое, видовое и жанровое своеобразие. Выделены релевантные конститутивные признаки обращений руководства Китая. Сделана попытка выявить национальную специфику жанра новогодней речи и показать особенности коммуникативной реализации политических целей руководства КНР.

Ключевые слова: председатель КНР, новогодняя речь, дискурс, коммуникация.

Выступление председателя КНР накануне Нового года (по григорианскому календарю) стало политической традицией сравнительно недавно, с конца 1990-х годов. Это явилось отражением проведения политики реформ и открытости, а также успехов Китая на международной арене. Изменение парадигмы политической коммуникации в сторону прямого общения с народом демонстрировало новый стиль в работе китайского руководства.

До сих пор изучение речей политических деятелей Китая проводилось под углом зрения разных научных дисциплин: истории, политологии, социологии, экономики и лингвистики. Отбор материала соответствовал предмету конкретной науки. В результате получалось, что многоплановое целостное выступление рассматривалось односторонне и использовалось фрагментарно.

В настоящее время в связи с развитием междисциплинарных исследований на основе теории дискурса можно подойти к интегральному изучению самой сути речей руководителей КНР как «особого типа языкового употребления и особого типа текстов, относящихся к специфической социокультурной деятельности»¹.

Понятие «дискурс» является многозначным, пока нет единого, удовлетворяющего всех определения. Тем не менее, основой дискурса выступает коммуникационное явление, что признают все исследователи. Расхождения возникают при «доставании» основы дискурса до полноценного определения, исходя из направления конкретной науки.

Тема нашей работы, связанная с новогодними обращениями Си Цзиньпина, предполагает ответ на вопрос: каким образом и в каком социальном контексте председатель КНР строит свои коммуникационные действия в обществе. В этой связи именно социальное измерение дискурса дает направление данному исследованию.

С точки зрения социолингвистического подхода, дискурс может иметь личностный или статусно-ориентированный характер². Субъектом настоящей темы выступает председатель КНР как представитель института государственности. Поэтому тип дискурса здесь можно определить как институциональный. Си Цзиньпин, занимая высший пост в государственной иерархии, является олицетворением политической власти в Китае. Его выступления как председателя КНР по заявленной теме носят яркий политический характер, политическим можно назвать и вид данного дискурса.

Публичные выступления политиков можно условно разделить на информативный и ритуальный жанры. Отличительными характеристиками ритуального жанра являются цикличность, локализованность во времени и пространстве, фиксированность формы и перформативность³.

Новогодние обращения Си Цзиньпина в целом соответствуют ритуальному жанру. Выступления проходят каждый год в одно и то же время — 31 декабря и из одного и того же места — рабочего кабинета председателя КНР. Обращение осуществляется в форме устного выступления. Каналом передачи информации являются теле- и радиотрансляция, а также публикация в центральной печати. Форма обращения имеет фиксированную композицию. Регламентировано и содержание выступления: председатель КНР поздравляет с праздником, желает успехов, подводит итоги уходящего года и дает перспективу на будущий год. Целью обращения является поддержание и укрепление единства народа. Это внешняя сторона ритуального жанра новогоднего выступления, и она обычно бывает похожа на подобные обращения руководителей в других странах⁴.

Специфику подхода китайского руководства к презентации новогоднего обращения можно выявить, лишь обратившись к внутренней стороне данного ритуального жанра. Она выражается в особой коммуникативной тональности и преломляется в конститутивных признаках⁵. Наиболее релевантными признаками новогодних выступлений председателя КНР являются следующие: 1) участники дискурса, 2) особенности композиции, 3) хронотоп, 4) репрезентация политических ценностей, 5) семантические особенности дискурса, 6) интертекстуальность.

Материалом для данного исследования послужили новогодние обращения Си Цзиньпина 2014–2016 годов⁶.

Для получения целостной картины дадим сначала диахронный срез жанра поздравления с Новым годом в Китае. Начало этому жанру положила статья Мао Цзэдуна «Осуществим революцию до конца», написанная 30 декабря 1948 г. В статье выражалась уверенность в победе китайской революции, образовании КНР и центрального правительства во главе с КПК. После 1949 г. поздравления с Новым годом публиковались газетой «Жэньминь жибао» как поздравительные сообщения «сяньцы» в виде передовой статьи на первой полосе газеты. Обычно за новогоднее обращение отвечал главный редактор газеты, причем Мао Цзэдун нередко лично принимал участие в этой работе.

После начала периода реформ и открытости в 1980-х годах в редактировании новогодних обращений принимал участие и Дэн Сяопин.

В 1990-х годах печатная форма новогоднего послания дополняется аудиообращением. 31 декабря 1990 г. председатель КНР Ян Шанкунь выступил по Международному радио Китая для зарубежных радиослушателей с новогодней речью «Синьянь цзянхуа»⁷. Сменивший Ян Шанкуня на посту председателя КНР Цзян Цзэминь также сначала выступал по радио, но уже 31 декабря 1995 г., в канун Нового года состоялось его первое телеобращение к зарубежной аудитории. Только 31 декабря 1999 г. своим поздравлением с Новым 2000 годом Цзян Цзэминь охватил не только зарубежных телезрителей, но и широкую аудиторию внутри страны. Именно с этого времени был задан стандарт по форме и содержанию новогоднему обращению, которое стало называться «Синьянь хоцы». Сменивший Цзян Цзэминя на посту председателя КНР Ху Цзиньтао не вносил структурных изменений в новогодние поздравления. Пришедший к власти в 2013 г. Си Цзиньпин

также оставил форму и содержание новогоднего послания без особых изменений, скорректировав лишь объемы отдельных частей содержания.

Рассмотрим новогодние обращения Си Цзиньпина в соответствии с их конститутивными признаками.

Участники дискурса

Участниками коммуникативного взаимодействия в жанре новогоднего обращения являются автор и адресат. После образования КНР автор новогоднего послания был обезличен, оно выходило в виде газетной передовицы. Начиная с 1990-х годов автор был актуализирован как председатель КНР, а его имя и должность были закреплены в названии обращения: «Поздравление с Новым 2016 годом председателя Си Цзиньпина» (*Си Цзиньпин чжэуси фабяо 2016 нянь синьянь хэцы*).

Адресат новогоднего послания изменялся с течением времени и в связи с увеличением каналов политической коммуникации. После создания КНР основным органом передачи информации была печать. Новогодние послания публиковались в газете «Жэньминь жибао» и были ориентированы на узкий грамотный слой китайского народа, в основном коммунистов. После начала политики реформ и открытости руководители Китая стали выступать сначала с новогодними радиообращениями, а затем и телеобращениями, ориентированными на зарубежную аудиторию, главным образом на китайцев, проживающих за границей. Это было связано с необходимостью привлечения иностранных инвестиций в Китай и слабой технической оснащенностью быта китайского народа. Только с 2000 г. новогодние обращения охватили и широкую зарубежную аудиторию, и все население Китая.

Обычно руководители КНР — и Цзян Цзэминь, и Ху Цзиньтао начинали свое новогоднее послание такими словами: *Дамы и господа, товарищи и друзья!* (*Ньюйшизмэнь! сяньшиэмэнь! Тунчжэзмэнь! пэньюэмэнь!*). Такое обращение свидетельствовало о приоритете зарубежной направленности речи.

В 2014 г. Си Цзиньпин также не отходил от этой традиции, но в 2015 и 2016 гг. акцент обращения сменился с внешнего на внутренний. Председатель КНР начал свое обращение: *Товарищи и друзья, дамы и господа!* (*Тунчжэзмэнь! пэньюэмэнь! Ньюйшизмэнь! сяньшиэмэнь!*). Более того, на первое место было поставлено обращение «Товарищи», которое в настоящее время принято использовать только в партийной среде, что свидетельствует об усилении роли партии в стране.

Конкретизируя далее свою аудиторию, руководитель Китая обращается со своей новогодней речью к представителям всех национальностей Китая, соотечественникам Гонконга, Аомыня, Тайваня, всем хуацяо, живущим за границей, а также ко всем друзьям Китая во всех странах и регионах мира. Это устоявшаяся форма новогодних обращений в 2015 и 2016 гг., тем не менее в 2014 г., в своей первой речи, Си Цзиньпин ставит во главу угла китайский народ и выделяет отдельные социальные группы: рабочих, крестьян, интеллигенцию, кадровых работников, рядовых и офицеров НОАК и вооруженной полиции, сотрудников общественной безопасности. Такое расширение состава адресата свойственно выступлениям, ориентированным на аудиторию внутри страны. Это также является показателем изменения вектора политики руководства КНР с понятия «развития», характерного для эпохи Ху Цзиньтао, на понятие «народ».

В новогоднем выступлении 2015 г. адресатом пожеланий продолжает оставаться китайский народ, но важной особенностью этой речи является использование сетевой лексики для выражения благодарности. Си Цзиньпин говорит, что «без поддержки народа эту работу трудно было бы выполнить, и я хочу поставить “лайк” нашему великому народу»⁸. Впервые руководитель Китая включает в свое выступление интернет-выражения, что свидетельствует о желании расширить аудиторию и привлечь на свою сторону молодежь.

Динамика изменений целевой аудитории новогодних выступлений Си Цзиньпина показывает сдвиг общей направленности обращений с зарубежной на внутреннюю аудиторию, структурирование адресата в Китае и выделение фокус-группы — партийно-государственного актива, а также расширение аудитории за счет выхода в интернет-пространство.

Особенности композиции

Композиция новогоднего обращения строится по модели праздничных речей. В ней присутствуют обязательные рамочные элементы, как обращение, оптимистичная часть (пожелание) и этикетная часть (благодарность), конгратulatoryная часть (поздравление) и констатирующая часть (в которой утверждается образ настоящего, прошлого и будущего страны и народа).

Структура текста новогодних посланий Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао строилась по одинаковым принципам. Начиналось выступление обращением к адресату. Затем автор поздравлял широкую аудиторию с Новым годом. Основная часть обычно состояла из трех блоков: подведение итогов уходящего года, обнародование планов на будущий год, особенности внешнеполитического положения и внешней политики за отчетный период. В заключение автор выступал с пожеланиями всей аудитории и благодарил за внимание. Объем послания составлял от 1200 до 1800 иероглифов. Текст был структурирован на более или менее равные смысловые части.

Новогодние обращения Си Цзиньпина хотя в целом и соответствуют выступлениям предшественников, но при тщательном их анализе обнаруживается стремление председателя КНР к поиску новой формы и передаче нового актуального содержания, не выходя за традиционные рамки. Все три новогодних послания отличаются друг от друга и по общему объему, и по сбалансированности внутренней структуры, и по содержанию констатирующих частей. Выступление 2014 года является переходным (от старого руководителя к новому). Объем текста составляет около 700 знаков, что практически вдвое меньше, чем в новогодних обращениях 2015 г. — около 1300 иероглифов и в 2016 г. — около 1200 иероглифов.

Выступления Си Цзиньпина структурно одинаковы и в них присутствуют все обязательные части и элементы. Тем не менее, в 2014 г. почти треть текста занимают обращение и поздравления, а оставшееся место отдано констатирующей части с размытой структурой, в которой не актуализированы события и успехи уходящего года, конкретные задачи на будущий год и современная внешнеполитическая обстановка. Особенностью новогоднего выступления 2014 года является насыщенность текста поздравлениями, пожеланиями и благодарностями. Автор желает счастья в новом году широкой аудитории телезрителей в Китае и за рубежом: здоровья — старшему поколению, радости — детям и счастья и благоденствия — семьям, передает искренний привет и желает благополучия и удачи тем, кто находится вдали от Родины и от родного дома. Си Цзиньпин также выражает благодарность всему народу, «который отдал пот и кровь ради успехов своей страны»⁹. Реализация в речи поздравлений, пожеланий и благодарностей носит перформативный характер, что подчеркивает ритуальную особенность этого послания Си Цзиньпина.

Отличительной чертой новогодней речи председателя КНР 2015 года является сокращение перформативов — до одного поздравления в начале текста и одной благодарности всем телезрителям в конце выступления.

Новогоднее выступление 2016 года показывает движение от ритуальности к большей информативности. Текст более четко структурирован, трехкратное повторение адресата как обращение выделяет смысловые части: итоги уходящего года, планы на бу-

дущий год и положение Китая в мире. Количество пожеланий меньше, чем в предыдущие годы. Перформативность уступает место фактам и конкретной информации.

Изменение композиции новогодних выступлений Си Цзиньпина показывает тенденцию к четкой формализованной структуре, сокращению перформативных и увеличению фактуальных высказываний. Таким образом, новогодние обращения председателя КНР по форме можно отнести к ритуальному жанру, а по содержанию — к информационному.

Хронотоп

Хронотоп представляет взаимосвязь времени и пространства, которые актуализируются в тексте. Новогодние выступления председателя КНР дают богатый материал для анализа их временно-пространственной структуры.

Общим для всех трех речей Си Цзиньпина является точка отсчета — кабинет председателя КНР в Пекине, через который проходит вектор времени: прошлое — настоящее — будущее и из которого расширяется пространство: Китай — Большой Китай (включающий Гонконг, Аомынь, территорию Тайваня и места проживания хуацяо) — весь дружественный Китаю мир.

В поздравлении с Новым 2014 годом председатель КНР делает акцент на настоящем времени, а прошлое и будущее представлены контурно и ограничены соответственно 2013 и 2015 гг. Течение времени Си Цзиньпин связывает «с практикой реформ и открытости, в ходе которой удалось добиться блестящих достижений»¹⁰. Качество времени — это коллективное, трудовое время, когда нужно прилагать все свои усилия в совместной борьбе за реформы.

В новогодней речи 2015 года акцент сделан на прошлом. В этом обращении прошлое у Си Цзиньпина многослойно и фактуально, заполнено радостными и печальными событиями.

Темпоральное пространство представлено ближней и дальней ретроспективой. Близкое прошлое — это значимые события 2014 г.: внутри страны — открытие 12 декабря центрального канала проекта поворота рек с юга на север; проведение в июне Рабочего совещания КПК о деятельности и практике обучения линии масс, на котором был принят курс исправления стиля работы и укрепления дисциплины партии; организация 10–11 ноября в Пекине 22-й неофициальной встречи руководителей стран АТЭС; и за рубежом — участие Китая в борьбе с эпидемией Эбола в Африке и помощь Мальдивам в связи с нехваткой питьевой воды в этой стране. Си Цзиньпин также упоминает и о трагических происшествиях — пропаже авиалайнера МН370 Малазийских авиалиний, в котором находилось более 150 китайских граждан, разрушительном землетрясении в уезде Лудянь провинции Юньнань.

Дальнюю ретроспективу актуализируют законодательно установленные в 2014 г. памятные даты, связанные с важными событиями в истории Китая. Это день победы в войне сопротивления Японии (1931–1945), день памяти героев, погибших за Родину, день траура по жертвам Нанкинской резни (декабрь 1937 — январь 1938 гг.).

Темпоральное пространство в настоящем передается экспрессивными выражениями и фразеологизмами, побуждающими к действию. Председатель КНР констатирует, что «дела, которыми мы занимаемся, велики, а победить можно, когда непреклонно идешь вперед; если же остановишься на полпути, то ничего не добьешься»¹¹.

Описывая будущее, Си Цзиньпин использует побудительную модальность: «нам нужно продолжать прилагать усилия», «нам нужно продолжать всесторонне углублять реформы», «нам нужно всесторонне продвигать управление государством на основе закона»¹² — и стимулирует граждан к действию для достижения цели — построения «среднезажиточного общества», однако пути достижения цели не конкретизированы.

Качество времени в выступлении 2015 года отличается многообразием и событийной насыщенностью прошлого, статичностью и экспрессивностью настоящего, а также императивностью и нечеткостью будущего.

В выступлении 2016 года вектор времени направлен из прошлого через настоящее в будущее. Прошлое гораздо более структурировано, чем в предыдущих речах, хотя и прослеживается ассоциативная связь с прошлогодним выступлением в плане всестороннего развития реформы, углубления реформы судебной системы и реализации борьбы с коррупцией.

Председатель КНР довольно подробно перечисляет достижения страны на международной арене — Китай получил право провести XXIV зимние Олимпийские игры, в финансах — юань был включен в качестве резервной валюты в корзину МВФ, в экономике — запущена производственная линия сборки собственного пассажирского самолета С-919, в науке и технике — китайский суперкомпьютер 6 раз бьет мировые рекорды, был запущен спутник для исследования темной материи, в области медицины — Ту Юю стала первой из китайских ученых, получивших Нобелевскую премию.

В 2015 г. в Китае произошли печальные события, повлекшие человеческие жертвы. Это трагедия с пароходом «Звезда Востока», сильнейший взрыв и пожар в порту Тяньцзиня, оползень в Шэньчжэне.

Путем событийности, детализованности и конкретности изложения Си Цзиньпин создает картину эффективности коллективного времени в ограниченных рамках одного года. А упоминание происшествий техногенного и природного характера создает стимул для обеспечения безопасности китайского народа.

Председатель КНР также отмечает наиболее важные события в жизни государства. Это 70-я годовщина победы в войне сопротивления и мировой войне против фашизма, а также первая за 66 лет встреча с руководителем Тайваня. Эти памятные даты придают выступлению историческую глубину и демонстрируют преемственность современного руководства страны.

Будущее Китая представлено гораздо более определенно, чем в предыдущих новогодних выступлениях. На 5-м Пленуме ЦК КПК 18 созыва было утверждено направление развития страны до 2020 г. Это первая пятилетка Си Цзиньпина и начало решающего этапа построения «среднезажиточного общества». Темпоральное пространство 2016 г. расширяется на предстоящие пять лет. Это время усилий по продвижению структурной реформы, содействию реформе и открытости, стимулированию равенства и справедливости в обществе, созданию благоприятной среды в политике, борьбе с бедностью.

Международное время представлено еще более эффективно и продуктивно. Из крупных событий 2015 г. председатель КНР указывает на участие в заседании ООН по повестке устойчивого развития до 2030 г., конференцию по климату в Париже. Реализация решений по проектам приходится на период 13-й пятилетки, тем самым международное время Китая выходит за рамки 2016 г. и расширяется до 2020 и даже до 2030 г.

Динамика хронотопа новогодних выступлений Си Цзиньпина демонстрирует последовательное заполнение темпорального пространства конкретными событиями, усложнение его структуры, расширение временных границ.

Репрезентация политических ценностей

Политические ценности — это приоритеты в политической культуре в форме норм, идей и целей, которые оказывают влияние на политическое поведение индивида в обществе. Новогодние речи Си Цзиньпина представляют институциональный тип политической коммуникации. В них заложены те политические смыслы и ценности, которые руководству страны необходимо предъявить широкой аудитории. Целью презентации по-

литических ценностей является ориентация населения в Китае и за рубежом на поддержку проводимой внутренней и внешней политики.

Базовые политические ценности были приняты в Китае на XVIII съезде КПК в ноябре 2012 г. Они известны как социалистические базовые ценности, или «три инициативы» (*саньгэ чандао*).

Первая инициатива — это ценности государства: мощь (*фуцзян*), демократия (*миньчжжу*), цивилизация (*вэньмин*), гармония (*хэсе*).

Вторая инициатива — ценности общества: свобода (*цзыю*), равноправие (*тин-дэн*), справедливость (*гунчжэнь*) и законность (*фацжжи*).

Третья инициатива — ценности граждан: патриотизм (*айго*), преданность работе (*цзиньье*), честность (*чэньи*) и дружелюбие (*юшань*)¹³.

Вышеуказанные ценности пропагандировались внутри страны, а международному сообществу Китай предложил «общие ценности для всего человечества». С этим предложением председатель КНР выступил на общей дискуссии 70-й сессии Генассамблеи ООН 28 сентября 2015 г. Они включали в себя следующие понятия: мир (*хэтин*), развитие (*фацжжань*), равенство (*гунтин*), справедливость (*чжэньи*), демократия (*миньчжжу*) и свобода (*цзыю*)¹⁴.

В новогоднем выступлении 2014 года председатель КНР через два комплексных понятия «китайская мечта» и «реформа» представил ценности социализма с китайской спецификой, которые были утверждены XVIII съездом КПК.

Как он сам разъяснял в своей речи на 1-й сессии ВСНП 12-го созыва, осуществление китайской мечты великого возрождения китайской нации — это реализация мощи государства, развития нации и счастья народа. Иными словами, понятие «китайская мечта» воплотило ценности государства, общества и индивида.

Понятие «реформа» проходит красной нитью через все новогодние речи председателя КНР. В обращении 2014 года Си Цзиньпин прямо говорит, что цель реформы — «чтобы государство стало еще более мощным, общество стало еще более справедливым, и жизнь народа стала еще более прекрасной»¹⁵. Высокая частотность использования связана с решением 3-го Пленума ЦК 18 созыва в ноябре 2013 г. о всестороннем углублении реформы. Из новогоднего выступления 2015 года мы узнаем, что в реализации решений 3-го Пленума возникли большие трудности: «в переломный момент реформ победит смелый». В своем обращении Си Цзиньпин углубление реформы связывает с реализацией законности, выражая метафорой неразрывность этих двух ценностей, которые «как два крыла птицы, как два колеса повозки»¹⁶. Понятие «реформы» занимает свое место и в речи Си Цзиньпина 2016 года. Пафос борьбы за реформы спадает, и актуализация ценности «реформы» осуществляется с помощью стандартных клише: «продвигать структурные реформы», «содействовать реформе и открытости».

Понятие «законность» (*фацжжи*) как ценность общества играет важную роль в новогодних поздравлениях Си Цзиньпина. Являясь политической ценностью, она эксплицируется как государственная и партийная ценность. Еще в 2013 г. Си Цзиньпин выступил с призывом бороться с «четырьмя привычками» (*сы фэн*) — формализмом, бюрократизмом, эпикурейством и роскошью. В планах на 2015 г. Си Цзиньпин еще более резко выступает против коррупции и в партии, где «управлять надлежит со всей строгостью», и в государстве, где надо выявлять коррупционеров и за разложение наказывать. В 2015 г. понятие «законности» транслируется как усиленная борьба с коррупцией и углубление реформы судебной системы. Работа в области установления законности во всех сферах жизни приобрела институционализованный характер, что и нашло свое отражение в конкретных языковых формулировках. В 2016 г. «законность» как ценность будет проявляться в установлении равенства и справедливости в обществе и очищении политической жизни. Автор использует метафору «изумрудные реки и зеленые горы», которая является символом прекрасного пейзажа в политической жизни. Этот образ перекликается с идеей «эко-

логической среды в политике» (*чжэнчжи шэнтай*), которую ввели в оборот в 2015 г. Она была закреплена уже в «Манифесте против коррупции» на сессии ВСНП в марте 2016 г. как образ идеального общества-природы, к которому надо стремиться.

Понятие «патриотизм» рассматривается как основная ценность гражданина Китая. Оно эксплицируется в словосочетаниях «усердная работа во имя Родины», «отдать драгоценную жизнь за государство, нацию и мир». Понятие «патриотизма» иллюстрируется празднованием 70-летия победы в войне сопротивления Японии и во Второй мировой войне против фашизма, а также проведением грандиозного парада в сентябре 2015 г. Гордость за страну также эксплицируется в перечислении успехов Китая в экономической, финансовой, научно-технической и международной областях.

Понятие «благополучие» (*миньшиэн*) раскрывается как улучшение жизни народа на основе социально-экономического развития и тесной связи с проведением реформы. В новогодних посланиях Си Цзиньпин говорит об улучшении благополучия общими фразами, без указания конкретных мер: «основной целью реформ сделать общество более справедливым, а жизнь народа еще прекраснее» (2014 г.) и «ожидания народа превратим в наши действия, а надежды народа превратим в реальность жизни» (2015 г.).

В своем новогоднем обращении 2016 года председатель КНР делает акцент на результатах политики по повышению благополучия людей. Китайский народ «много вложил, много и получил». Подводя итоги 12-й пятилетки, Си Цзиньпин говорит, что широкие народные массы охватило «чувство приобретения» (материальных благ) — «*хэда гань*». Как считают китайские авторы, этот неологизм был выдвинут Си Цзиньпином, чтобы точнее отразить разные этапы благополучия на современном этапе. Он отличается от чувства счастья (*синфу гань*), от чувства достижения успеха (*шоухэ гань*) и чувства удовлетворения (*мань гань*). «Чувство приобретения» отличается от первого понятия ориентированностью на конкретные материальные результаты, от второго — наличием духовной составляющей как удовлетворения от результатов и от третьего — незавершенностью и открытостью для дальнейшего развития¹⁷.

Повышение благополучия будет являться важной задачей на 2016 г. Председателя Си Цзиньпина волнует проблема улучшения жизни для десятков миллионов жителей деревни. Он усиливает свои слова о борьбе с бедностью метафорой «военного наступления» на бедность и победы над бедностью. Однако конкретных сроков избавления от бедности он не ставит, говоря лишь о решении проблемы в установленный срок.

Понятие «среднезажиточного общества» (*сяокан*) как социальная ценность было упомянуто Си Цзиньпином в новогодней речи 2014 года. В связи с тем, что на 5-м Пленуме ЦК КПК 18 созыва в октябре 2015 г. были установлены сроки построения «среднезажиточного общества», Си Цзиньпин объявляет 2016 год началом решающего этапа движения в этом направлении. Он также обращает внимание на социальную составляющую — равенство и справедливость в ходе построения общества *сяокан*.

Актуализация основных внешнеполитических ценностей в новогодних выступлениях председателя КНР осуществлялась путем поиска общей ценности для людей всего мира. В речи 2014 года Си Цзиньпин выступил с «пожеланием народам всего мира реализовать свою мечту», причем камертоном являлась «китайская мечта», которую он выдвинул в ноябре 2012 г. В качестве конкретного воплощения этой мечты председатель КНР предложил построить «прекрасный совместный дом».

В новогоднем обращении 2015 года тема общечеловеческих ценностей звучит по-прежнему метафорически как «чувство общего дыхания и общей судьбы с народами всего мира».

В новогоднем послании 2016 года председатель КНР уже выдвигает понятие «сообщества единой судьбы человечества» (*жэньлэй миньюнь гунтунти*) как общей ценности людей всего мира, которое было им впервые предьявлено 28 сентября 2015 г. в речи на 70-й сессии Генассамблеи ООН. Основные характеристики этой внешнеполитиче-

ской идеи — мир и сотрудничество, а также совместное владение и совместное использование (результатов развития) всеми народами мира.

Политические ценности, транслируемые председателем КНР, отражают линию партии, принятую на XVIII съезде. Они актуализируются в форме терминов: «реформа», «патриотизм», «законность», и метафор: «китайская мечта», «сообщество единой судьбы человечества». Выступающий использует термины, когда понятия точно определяют явление и занимают устойчивое место на политическом поле. Метафоры обозначают образы и идеи, которые недавно появились в политической жизни. Они представляют собой открытую систему, которая продолжает обогащаться конкретными смыслами.

Репрезентация политических ценностей отвечает своей функции убеждения в правильности курса, проводимого председателем КНР.

Семантические особенности дискурса

Содержание новогодних речей Си Цзиньпина, соответствуя ритуальному жанру, принадлежит также к политическому виду дискурса, который обладает своими особенностями. Как полагают российские ученые, отличительной чертой политического дискурса является коммуникативное оформление борьбы за власть¹⁸. Но и находясь у власти, политику необходимо четко понимать, кто сторонник, а кто противник его политической линии внутри страны и за рубежом.

Семантический анализ через общесемiotические оппозиции позволяет выявить понятия, с помощью которых политик решает свои задачи. Дуальная семантическая модель новогодних речей председателя КНР подразумевает наполнение конкретным смыслом следующих противопоставлений: новый/старый, внутренний/внешний, единство/противостояние.

Понятия «новый» и «старый» соответствуют семантике новогодней речи, смысл которой «прощание со старым годом и встреча нового года» (*цзы цзю ши сунь*). Тем не менее понятие «новизны» употребляется чаще.

В новогоднем выступлении 2014 года Си Цзиньпин предъявил политику обновления всех сторон жизни. В этой связи он часто использует прилагательное «новый» («*новые* успехи», «*новые* шаги на пути реформ», «*новые* блестящие достижения»). В 2015 г. понятие «новизны» эксплицируется как «*новые* улучшения» и «счастливая жизнь в *новом* доме». В новогодней речи 2016 года понятие «новизны» передается как смена природного цикла и полностью исчезает ее социально-политический пафос.

Понятия «внутренний» и «внешний» относятся к взаимодействию Китая и внешнего мира. Во всех своих новогодних выступлениях Си Цзиньпин отдает приоритет внутренней политике Китая, 25% текста посвящено внешнему миру. На лексическом уровне экспликация понятия «внутренний» осуществляется с помощью существительных «Китай», словосочетаний «китайский народ», «китайский голос», «китайский проект», «наша страна», «свое государство», а понятия «внешний» — с помощью существительных «мир», «земной шар», «человечество», «киностранное государство», «все страны», «народы всех стран». Несмотря на то, что понятия находятся в оппозиции, наблюдается их взаимодействие и даже взаимопроникновение. Так, в речи 2015 года понятие «внешний» используется на внутреннем поле — в описании событий, происшедших в 2014 г., как неофициальный саммит лидеров стран АТЭС в Пекине, многочисленные визиты глав государств в КНР. Тем самым, говорит Си Цзиньпин, «мир еще лучше узнал Китай».

Понятие «внутренний» постоянно «играет» на внешнем поле. Это сопряжение «китайской мечты» с мечтой народов всех стран мира (2014 г.), «демонстрация чувств одного дыхания и общей судьбы с народами всех стран» (2015 г.) и презентация «голоса Китая, который хотят слышать в международном сообществе, и проектов Китая, которых

ждут в мире» (2016 г.). Деятельность Китая в мире становится все активнее, и эта динамика находит свое отражение лексически, синтаксически и семантически в новогодних выступлениях Си Цзиньпина.

Главная коммуникативная цель новогодних речей председателя КНР — сплочение народа, поэтому и основным понятием является «единство», а его бинарной оппозицией — «противостояние». Си Цзиньпин призывает народ объединиться во имя достижения высоких внутренних и внешних целей и для отпора тем, кто мешает двигаться по выбранному пути.

На семантическом уровне концепт «единство» эксплицировался в достижении общих целей государства: проведения реформы, построения общества среднего достатка, осуществления китайской мечты и создания сообщества единой судьбы человечества.

На лексическом уровне понятие «единство» выражается через обобщающее местоимение «мы», которое доминирует по частотности во всех новогодних выступлениях и фактически играет роль основного звена, связующего тексты речей. Основными существительными с собирательной семой «люди» являются «народ», «соотечественники», «народные массы», «друзья». Словосочетания «наша страна», «вся страна», «все страны», прилагательные «общий», «совместный», обобщающее местоимение «все» также выражают понятие «единство».

В выступлениях Си Цзиньпина используются и глагольные сочетания с семантикой «сплочения»: «собраться вместе с семьей» (2014 г.), «сообща идти вперед» (2014 г.), «сплотившись единомышленно», «искать совместные решения» (2015 г.), «объединить усилия и достичь единомыслия».

Понятие «противостояние» выступает в двух вариантах — антагонистическом и неантагонистическом.

Антагонистическое противостояние в исторической ретроспективе указывает на врагов Китая — японских милитаристов и фашистов, над которыми была одержана победа, а в современной обстановке — это все то, что мешает стране добиваться своей цели. В новогодней речи 2014 года Си Цзиньпин не персонифицирует своих противников, а говорит абстрактно и использует общие формулировки: «в 2013 г. были побеждены все трудности и вызовы». В новогоднем выступлении 2015 года уже даны определения тем, кто препятствует развитию страны, — это коррупционеры, бюрократы и формалисты и те, кто загрязняет политическую экологическую среду. Так как пик борьбы с коррупцией пришелся на 2014–2015 гг., то и в речи Си Цзиньпина два абзаца отведены этой теме. В новогоднем обращении 2016 года накал борьбы, видимо, спадает, и председатель КНР упоминает об антикоррупционной кампании только в одном предложении, где говорит об углублении борьбы с коррупцией.

На лексическом уровне понятие «противостояния» выражается лексикой с семой «войны»: «борьба» (*доучжэн*), «героическая борьба» (*фэндоу*), «победа в войне» (*чжаньшиэн*); лексикой с семой «наказание»: «строго наказывать» (*яньчэн*), «покарать зло» (*чэн э*), «расследовать и отдавать под суд» (*ча чу*); лексикой с семой «против»: «выступать против» (*фаньдуй*), «антикоррупционный» (*фань фубай*). Широко используются идиоматические выражения с семантикой «противостояния»: «с позиции нулевой терпимости», «без колебаний», «высоко поднять острый меч борьбы с коррупцией», «крепко закрыть в клетке системы» (коррупционеров).

В целом, слова, словосочетания с отрицательной коннотацией и оппозиционная семантика текстов являются выразителями антагональной функции дискурса и на контрасте усиливают объединительные намерения автора.

Понятие «неантагонистического противостояния» раскрывается оппозицией «имущие» — «неимущие». Тема борьбы с бедностью неизменно начинает присутствовать в новогодних речах председателя КНР с 2015 г. Если в новогодней речи 2015 года Си Цзиньпин, выражая сочувствие бедным, говорит об улучшении работы по благосос-

тоянию жизни, в особенности помощи неимущим и предоставлении им основных жизненных гарантий, то в выступлении 2016 года он, используя военную лексику, «уже трубит в горн и призывает пойти в решающее наступление, чтобы победить бедность»¹⁹. Любопытно, что на лексическом уровне противостояние между теми, у кого жизнь улучшается и теми, кто испытывает трудности и живет в бедности, выражается как оппозиция «мы», «народ» и «они», «народные массы», «население», «люди». Тем не менее, это противостояние не является противоречием, так как руководство страны, по словам председателя КНР, «постоянно думает об улучшении жизни бедных и будет обеспечивать решение проблемы». Си Цзиньпин призывает «заботиться о народных массах, которые испытывают трудности, чтобы дать им почувствовать тепло наших сердец»²⁰.

Семиотические бинарные оппозиции создают каркас смыслового пространства дискурса председателя КНР. Особенностью семантической структуры выступлений Си Цзиньпина является иерархичность, разнообразие компонентов и изменяемость в зависимости от политической конъюнктуры. Такое построение речи усиливает эффект убеждения народа в необходимости сплочения для достижения целей государства.

Интертекстуальность

Интертекстуальность, как считает И.В. Арнольд, — это «включение в текст либо других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизменных цитат, аллюзий, реминисценций»²¹. Использование интертекста как проявления интертекстуальности позволяет расширить пространственно-временные координаты дискурса, придать ему большую достоверность, аргументированность и убедительность.

В новогоднем выступлении 2014 года Си Цзиньпин использовал немаркированное цитирование, характерное для китайской письменной культуры. Он упомянул о блестящих успехах в ходе «великой практики реформ и открытости». Так называлась опубликованная в 2009 г. книга одного из основоположников политики реформ и открытости, бывшего вице-премьера Госсовета КНР, зампреда ПК ВСНП, члена Политбюро ЦК КПК Тянь Цзюня.

Говоря о «всестороннем углублении реформы», Си Цзиньпин напоминает о состоявшемся 12 ноября 2013 г. 3-м Пленуме ЦК КПК 18 созыва, на котором было принято Постановление «О некоторых важных вопросах всестороннего углубления реформы». Принятие этого документа демонстрировало переход на новый этап политики реформ и открытости после их старта в 1978 г.

Интертекст в форме реминисценций присутствует в данном новогоднем обращении в виде фразеологизмов. Идеоматическое выражение: «с приходом Нового года все меняется» состоит из двух параллельных конструкций: *и юань фу ши, вань сянь гэн синь*. История первого чэньюя: «с приходом Нового года все повторяется» (*и юань фу ши*) уходит корнями в далекое прошлое — конфуцианский канон «Чунь цю» (Весны и осени) и его древнейший комментарий «Гуньян чжуань» («Предание Гуньяна»). Смысл этого выражения — идея цикличности миропорядка. Второй чэньюй: «все (десять тысяч явлений природы) изменяются» (*вань сянь гэн синь*) впервые появился в известном классическом романе Цао Сюэциня «Сон в красном тереме» (XVIII в.) и выражал идею перемен. Впервые эти два чэньюя объединили вместе 17 февраля 1983 г. в газете «Вэньсюэ бао» для поздравления читателей с Новым годом. Использование этих фразеологизмов, имеющих отношения к китайской письменной традиции, означает, что с приходом нового руководства в стране все будет изменяться.

В новогоднем выступлении 2015 года интертекстуальность выступает в ранее не встречавшейся форме — форме аллюзии. Си Цзиньпин, говоря об итогах 2014 года, отметил, что «они непреклонно продвигали реформу и раскусили немало твердых орехов».

Тем самым он упомянул о работе Руководящей группы ЦК по всестороннему углублению реформы, образованной 22 января 2014 г. За год состоялось 8 заседаний, причем последнее — 30 декабря 2014 г. На заседаниях группы были решены сложнейшие вопросы, связанные с реформой финансов, земельных отношений, государственных предприятий и режима прописки²².

Борьба против коррупции и злоупотреблений, которая обострила отношения в обществе в 2013–2014 гг., нашла свое отражение в новогодней речи Си Цзиньпина 2015 года в форме интертекстуальных включений. Председатель КНР особо отметил *«борьбу против формализма, бюрократизма, гедонизма и расточительства»*, что является самоцитированием его выступления на Рабочем совещании КПК 18 июня 2013 г. А фраза *«относиться к коррупционерам с позиции нулевой терпимости»* приводится из речи Си Цзиньпина на 3-м Пленуме Центральной комиссии ЦК 18 созыва по проверке дисциплины²³. Словосочетание *«борьба против коррупции»* широко использовалось в речах и статьях председателя КНР в период с 15 ноября 2012 г. по декабрь 2014 г., в частности, в его работе «Материалы Си Цзиньпина к дискуссии о партийном стиле, создании неподкупного правительства и борьбе с коррупцией». Выражение *«всесторонне продвигать управление государством в соответствии с законом»* является прямым цитированием соответствующего Постановления ЦК КПК, принятого 23 октября 2014 г.

В новогоднем обращении 2016 года интертекст представлен в еще более разнообразных формах. Си Цзиньпин использует прямое маркированное цитирование. Подводя итоги 2015 года, он обращает внимание на важную роль специального обучения *«Три строгости и три честности»*. Данная цитата соотносится с целым рядом прецедентных событий и текстов. Еще 9 марта 2014 г. на 2-й сессии ВСНП 12-го созыва в своей речи о стиле работы, известной как выступление о «трех строгостях и трех честностях» председатель КНР заявил, что *«надо строго относиться к самосовершенствованию, строго относиться к использованию власти и строго относиться к самодисциплине, также быть честным в планах, быть честным в созидании, быть честным в обращении с людьми»*²⁴. 10 апреля 2015 г. Канцелярия ЦК КПК опубликовала «Проект о развертывании специального обучения “Три строгости и три честности” среди кадровых работников от уровня уезда и отдела», а 25 мая система специального обучения была введена в действие.

Важной цитатой в речи председателя КНР стало сообщение о существенном продвижении проекта «Один пояс, один путь». Полное название проекта — «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века». Он был выдвинут в сентябре и октябре 2013 г. председателем КНР Си Цзиньпином во время визитов в Казахстан и Индонезию и явился важной стратегической инициативой нового руководства Китая. Важным шагом по реализации проекта «Один пояс, один путь» было учреждение Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (2015 г.), Фонда Шелкового пути (2014 г.) и Фонда морского сотрудничества Китай — АСЕАН (2011 г.).

Прецедентное словосочетание «круг друзей» (*«иэнью цюань»*), который использовал Си Цзиньпин, имеет претекст и предсобытие — внедрение 19 апреля 2012 г. четвертой версии популярной в Китае программы социальных сетей «Wechat». Через функцию «круг друзей» можно обмениваться с друзьями всеми видами информации — графической, визуальной и звуковой.

Как и в предыдущих новогодних выступлениях, Си Цзиньпин широко использует немаркированное цитирование. Говоря о праздновании 70-й годовщины победы в войне сопротивления и мировой войне против фашизма, председатель КНР повторяет заключительную часть своего выступления на параде в Пекине 3 сентября 2015 г.: *«Справедливость непременно победит, мир непременно победит, народ непременно победит»*²⁵.

Выдвигая «новую идею развития, опирающуюся на инновации, сбалансированность, экологичность, открытость и совместное использование» и утверждая, что Китай «вступил в решающий этап всестороннего построения общества среднего достатка»²⁶, Си Цзиньпин цитирует свою речь на 5-м Пленуме ЦК КПК 18-го созыва, проходившего 26–29 октября 2015 г.

Присутствуют в новогоднем выступлении председателя КНР и аллюзии. В обращении 2016 года Си Цзиньпин заявляет: «Если вложишь, то и получишь» (*ю фучу, цзю хуэй ю шохло*). Его слова перекликаются с претекстом речи 2014 года: «что посеешь, то и пожнешь» (*и фэнь гэньюнь, и фэнь шохло*).

В целом, в новогодних обращениях Си Цзиньпина интертекстуальность присутствует во всем разнообразии форм: маркированных и немаркированных цитат, аллюзий и реминисценций. Цитирование обеспечивает точность и достоверность информации, а аллюзии и реминисценции придают речи должную прецедентную глубину и экспрессию.

Динамика интертекста речей Си Цзиньпина показывает, что эмотивность и экспрессивность постепенно сменяются фактуальностью и документальной точностью.

* * *

В заключение следует отметить, что с точки зрения социолингвистики новогодние обращения Си Цзиньпина относятся к институциональному типу, политическому виду и ритуальному жанру дискурса.

Как ритуальный жанр дискурса новогодние выступления председателя КНР имеют внешнюю сторону, которая отражает наиболее общие черты, присущие данному жанру, и внутреннюю сторону, которая отвечает за национальную специфику.

Новогодние обращения Си Цзиньпина роднит с выступлениями политических деятелей других стран в этом жанре — повторяемость, фиксированность времени и места и жесткая форма презентации.

Отличительные черты новогодних выступлений Си Цзиньпина проявляются во внутренней стороне жанра.

Несмотря на то, что интервалом между новогодними обращениями председателя КНР был один год, диахронный анализ показывает, что каждое последующее выступление отличалось от предыдущего.

С точки зрения участников общения, можно наблюдать тенденцию сужения целевой аудитории. Ориентация в большей степени на международную публику при Цзян Цзэмине и Ху Цзиньтао сменяется на широкий социальный охват аудитории Китая при первом выступлении Си Цзиньпина и фокусировании на партийно-государственной элите в его последующих новогодних обращениях.

В своих трех новогодних обращениях Си Цзиньпин делает попытку в рамках устоявшихся традиционных формы и содержания найти оптимальную композицию для достижения своих прагматических целей. Речь 2014 года имела полностью ритуальный характер. В 2015 г. появляется фактуальность, но ритуальность все равно преобладает, проявляясь практически во всех частях текста. В 2016 г. ритуальность почти вытеснена из констатирующей части, но встречается на ее периферии и во вступлении и заключении. Текст четко структурирован и выглядит как предновогодний отчет. Тем самым он становится похожим на новогодние обращения предыдущих высших руководителей Китая.

Хронотоп как взаимосвязь пространства и времени представлен в новогодних обращениях Си Цзиньпина как вектор времени, который начинается в прошлом, пронизывает настоящее и уходит в будущее. Точкой отсчета пространства является рабочий кабинет председателя КНР в Пекине. Форма темпоральности — коллективное трудовое время, которое требует усилий всего общества, но и приносит чувство материального удовлетворения. Пространство охватывает материковый Китай и прилегающие территории, анклавов, где проживают хуацяо, и страны, которые имеют дружественные отноше-

ния с КНР. Если в речи 2014 года время фиксировано темпоративами, а расширение пространства осуществляется с помощью символов и метафор, то в обращениях 2015 и 2016 годов происходит углубление времени в прошлом и расширяются горизонты будущего. Пространство становится множественным и структурированным, и кроме реально-го мира оно расширяется в виртуальный.

Политические ценности в новогодних обращениях Си Цзиньпина можно разделить на внутренние и внешние, причем внутренние — представлены в виде иерархии: ценности государства, ценности общества и ценности гражданина, а внешние — в виде симбиоза китайских (мир, развитие, равенство и справедливость) и западных (демократия и свобода) под крышей китайского концепта «сообщества единой судьбы человечества». Актуализация Си Цзиньпином политических ценностей служит цели единения китайского народа в стране и за рубежом и поддержки внутренней и внешней политики руководства КНР.

Семантические характеристики новогодних обращений Си Цзиньпина показывают, что его речи при рассмотрении через призму дуальной модели семиотических оппозиций отвечают требованиям политического дискурса и выполняют интегрирующую и дифференцирующую функции. Семантической особенностью является взаимопроникновение и взаимодействие оппозиций, что отражает специфику политического курса Китая.

Важным приемом новогодних обращений Си Цзиньпина является использование интертекстуальности (маркированных и немаркированных цитат, аллюзий и реминисценций). Динамика содержания прецедентных текстов показывает тенденцию к постепенной замене культурно-политической семантики на политико-идеологические ассоциации, эмотивность сменяется фактуальностью, а экспрессивность — документальной точностью.

1. *Т.А. ван Дейк*. Анализ новостей как дискурса // *Язык. Познание. Коммуникация*: Пер. с англ. / Сост. В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1989. С. 112.
2. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. С. 176–178.
3. Там же. С. 248–250.
4. *Гаврилова М.В.* Лингвокогнитивный анализ русского политического дискурса. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Санкт-Петербург, 2005; *Оглонова В.Ю.* Новогоднее обращение главы государства к народу как жанр политического дискурса // *Вестник Томского гос. ун-та*. 2009. № 329. С. 19–22.
5. *Т.А. ван Дейк*. Указ. соч С. 250.
6. Здесь и далее имеются в виду новогодние обращения в канун 2014, 2015, 2016 годов.
7. *Хэ Линьшань*. Гоцзя чжуси синьянь хэцы, ни дун лэ ма: [Вы понимаете новогодние обращения Председателя КНР]. URL: http://www.21ccom.net/articles/china/ggex/20150101118373_all.html.
8. Гоцзя чжуси Си Цзиньпин фэбяо 2015 нянь синьянь хэцы: [Поздравление Председателя КНР Си Цзиньпин с Новым 2015 годом]. «Жэньминь жибао», 2015. 1 янв.
9. Гоцзя чжуси Си Цзиньпин фэбяо 2014 нянь синьянь хэцы: [Поздравление Председателя КНР Си Цзиньпин с Новым 2014 годом]. «Жэньминь жибао», 2014. 1 янв.
10. Там же.
11. Гоцзя чжуси Си Цзиньпин фэбяо 2015 нянь синьянь хэцы...
12. Там же.
13. *Ван Сымышь, Се Вэй, Чжан Чунли*. Вэй гоцзя лисинь вэй миньцзу чжухунь(чжи го ли чжэн синь шицзянь) — шиба да илай дан чжунъян туйцзинь хэ шэньхуа шэхуэйчжун хэсинь цзячжигуань цзяньшэ цзини: [Быть решительным во имя государства, формировать дух во имя нации (новая практика управления государством) — реальные факты продвижения и углубления создания основных ценностей социализма ЦК партии начиная с 18 съезда]. «Жэньминь жибао».

2016. 5 февр.: *Ян Гуйхуа*. Си Цзиньпин гуаньюй хэсинь цзячжигуань дэ лунышу: [Взгляд Си Цзиньпина на основные ценности]. «Сюэси шибао». 2014. 24 нояб.
14. *Ван Сыминь, Се Вэнь, Чжан Чунли*. Указ. соч.
 15. Гоцзя чжуси Си Цзиньпин фабяо 2014 нянь синьянь хэцы...
 16. Гоцзя чжуси Си Цзиньпин фабяо 2015 нянь синьянь хэцы...
 17. Жан жэньминь цюанчжун ю гэн до ходэ гань: [Пусть народ больше приобретет]. «Наньфан жибао». 2016. 9 март.; *Ян Фэй*. Цндай лянхуэй «ходэ гань» цун мэньсян чжаоцзинь сяньши: [Ожидаем, что на сессии НПКСК и ВСНП «чувство приобретения» превратится в реальность]. URL: http://www.ce.cn/xwzx/gnsz/gdxw/201603/18/t20160318_9602630.shtml.
 18. *Шейгал Е.И.* Семантика политического дискурса. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Специальности 10.02.01 — Русский язык, 10.02.19 — Общее языкознание, социолингвистика, психолингвистика. Волгоградский государственный педагогический университет. Волгоград, 2000. С. 4.
 19. Гоцзя чжуси Си Цзиньпин фабяо 2016 нянь синьянь хэцы: [Поздравление Председателя КНР Си Цзиньпин с Новым 2016 годом]. «Жэньминь жибао». 01.01.2016.
 20. Там же.
 21. *Арнольд И.В.* Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. Текст: сб.ст. СПб: Изд. СПбГУ, 1999. С. 376.
 22. *Лю Жань*. Шэнь гай юань нянь: цзинцизи линьюй кэнь лэ насе «ин гугоу»? [Первый год группы по углублению реформ: какие твердые орехи разгрызли в экономической сфере]. «Жэньминь жибао». 2014. 31 дек.
 23. *Шао Цзинцзюнь*. Жэньминь жибао: цзяньчи и лин жунжэнь тайду чэнчжи фубай — Шэньжу сюэси гуаньчэ Си Цзиньпин тунчжи цзай шиба цзе Чжунъян Цзивэй саньцы цюаньхуэй шан дэ чжуньюа цзянхуа: [Жэньминь жибао: твердо придерживаясь нулевой терпимости в наказании коррупции. Углубленно изучаем претворение в жизнь речи товарища Си Цзиньпина на 3-м Пленуме 18 созыва Комиссии ЦК по дисциплине]. «Жэньминь жибао». 2014. 18 фев.
 24. Си Цзиньпин лунь сань янь сань ши: линдао ганьбу яо чжисяо вэй гуань цзоши чиду: [Си Цзиньпин о трех строгостях и трех честностях: руководящие работники должны знать о критериях работы чиновника]. URL: <http://news.sina.com.cn/c/2015-06-08/155131926482.shtml>.
 25. Гоцзя чжуси Си Цзиньпин фабяо 2016 нянь синьянь хэцы...
 26. Там же.

Научная жизнь

IV Всероссийская научная конференция «Исторические события в жизни Китая и современность»

С 17 по 18 февраля 2016 г. в Институте Дальнего Востока состоялась IV Всероссийская научная конференция «Исторические события в жизни Китая и современность», организованная Центром новейшей истории Китая и его отношений с Россией ИДВ РАН. Задачей важного научного мероприятия было собиранье сил отечественного китаеведения в условиях современного изучения истории Китая. Конференция привлекла внимание свыше 40 ученых-китаеведов, преподавателей и аспирантов из Москвы, Санкт-Петербурга, Оренбурга, Екатеринбургa, Казани, Красноярска, Тюмени, Ростова-на-Дону, Донецка, а также Пекина. Контингент молодых ученых оказался самым большим. Среди участников были представители Института Дальнего Востока и Института востоковедения РАН, НИУ Высшая школа экономики, МГУ геодезии и картографии, Института международных транспортных коммуникаций МГУПС, АОН Китая. Молодежную аудиторию представляли студенты-бакалавры и магистранты Санкт-Петербургского, Омского и Сибирского федеральных университетов, УрФУ им. Б.Н. Ельцина и др. Перед началом конференции участники смогли познакомиться с новыми изданиями Центра.

Заслушанные 26 докладов были представлены в трех тематических блоках: «Внешняя политика Китая с древнейших времен до наших дней»; «Проблемы истории Китая нового и новейшего времени»; «КНР: история и современность». Наибольшее внимание ученых, как показали выступления, привлекли проблемы внешней политики Китая, прежде всего российско-китайских отношений, международной политики с участием Китая, а также проблемы КНР, включая период политики реформ и открытости.

С приветственным словом на открытии конференции выступил заслуженный ветеран, классик отечественного китаеведения, почетный председатель Общества российско-китайской дружбы академик С.Л. Тихвинский. Он поздравил всех присутствующих с праздником Весны (*Чуньцзе*), отметил успехи китайского народа в последние годы, достигнутые под руководством Коммунистической партии Китая. «Все присутствующие на данной конференции — знатоки Китая, бывавшие в этой стране или знакомые с ней через телевидение, кино, книги, газеты, являются очевидцами этих успехов», — подчеркнул С. Л. Тихвинский. «Говорить о Китае на данной конференции — задача сложная, так как только письменная история Китая насчитывает свыше 5 тысяч лет. Ни одна цивилизация в мире, кроме китайской, не смогла сохраниться на протяжении тысячелетий: инки, Египет, Месопотамия, Греция, Рим, Сасанидский Иран, Османская Турция, не говоря о более древних цивилизациях... Смотрите, какие грандиозные планы сегодня

выдвигает Китай. Это Великий шелковый путь — план возрождения пути, связывавшего китайскую цивилизацию с народами Средней Азии, Средиземноморья, странами Индийского океана. Современный проект КНР по возрождению Великого шелкового пути связан с развитием отношений с Казахстаном, Киргизией, Узбекистаном, Таджикистаном, Туркменистаном, Арменией, Грузией, Ираном — и далее на Запад. Другой маршрут, провозглашенный китайским руководством, — морской путь к странам Юго-Восточной Азии, Африки и Океании».

«Задача нашей конференции — выявление узловых моментов в истории Китая, определивших дальнейшее поступательное развитие страны и ее влияние на международную обстановку, — сказал Сергей Леонидович. — В современных международных отношениях Китай играет весьма важную роль с момента образования ООН в 1945 г., где он стал одним из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН. Изучение внутриполитической истории Китая, его культуры, истории международных отношений и внешней политики этой страны имеет также большое значение для современности».

С.Л. Тихвинский отметил, что Институт Дальнего Востока РАН располагает неплохими традициями в области изучения Китая. Издается сборник документальных материалов по истории российско-китайских отношений, датируемых с начала XVII в. Уже вышло из печати 8 томов, посвященных начальному периоду отношений России с Китаем, и 4 тома, относящихся к XX веку. Эти труды представляют собой общедоступную документальную базу по истории отношений между нашими странами. Заслуженный ветеран уделил большое внимание работе над десятитомником по истории Китая с древнейших времен до начала XXI века, начатой пять лет тому назад. Письменная история Китая, насчитывающая более пяти тысяч лет, была распределена по десяти томам, объем каждого тома составил от 50 до 80 а. л. Пять книг этого десятитомника, охватывающие различные периоды истории Китая, вышли из печати.

В заключение академик Тихвинский еще раз подчеркнул, что тематика данной конференции посвящена изучению ряда узловых моментов истории Китая, продолжающих оказывать влияние на общественное сознание страны, и пожелал успеха участникам конференции в изложении намеченных программой проблем истории Китая, сохранивших свою актуальность и в наши дни.

Тематический блок *«Внешняя политика Китая с древнейших времен до наших дней»* (12 докладов) был открыт выступлением к.и.н. А.А. Сизовой (НИУ ВШЭ) «Оценки монгольского движения за независимость начала XX века в современной историографии КНР», где докладчик попыталась проанализировать особенности отражения в современной китайской историографии событий, связанных с движением за независимость в Монголии в начале XX века. Выделена специфика оценок, данных современными китайскими исследователями, политическим процессам в Монголии 1900-х — 1910-х годов. Исследователь обратила внимание на изучение в китайской историографии роли России в движении за независимость Монголии, а также на оценку китайскими историками российско-монгольско-китайских отношений в этот период. А.А. Сизова в итоге отметила, что хотелось бы надеяться, что активизация научно-гуманитарных контактов Китая с Монголией и Россией в настоящее время будет способствовать преодолению стереотипов в изучении истории китайско-монгольских отношений и международных процессов в Северо-Восточной Азии.

При рассмотрении весьма актуальной темы «Эволюция внешнеполитических взглядов КНР в ООН» политолог, к.и.н. М.П. Харченко (МГУПС) пришел к выводу, что за те 45 лет, которые прошли после возвращения Китая в ООН, Поднебесная проделала огромный путь от «стороннего наблюдателя» до полноценного участника ключевых проектов и программ ООН. Китай включился в реализацию многих сложных программ, как, например, миротворческие проекты, программы помощи развивающимся странам и т.д. В отдельных случаях КНР стала настоящим новатором, задающим тон всей мировой ди-

пломатии и политике ООН. Сегодня выступления и позиции китайских лидеров в ООН вызывают не меньший, а порой и больший интерес, нежели выступления и точки зрения их американских и европейских коллег.

Г.А. Саркисова, к.и.н. (ИДВ) в своем выступлении констатировала, что при изучении архивных материалов по истории русско-китайских отношений во второй половине XVIII века заметное место в череде событий данного периода занимают две дипломатические миссии России в Китай (в 1757 и 1763 г.). Они связаны с именами В. Ф. Братищева и И.И. Кропотова. Значительное место уделяется характеристике источников по истории подготовки и заключения Международного акта о порядке русско-китайской торговли через Кяхту и о пограничном режиме (8 февраля 1792 г.).

В продолжение темы к.и.н. **А.С. Ипатова** (ИДВ) в докладе «Пекинская жизнь Российской духовной миссии в Китае в XVIII — начале XIX в.» представила историю миссии в связи с 300-летием ее основания. В последние десятилетия, по мнению докладчика, возрос интерес исследователей и читательской аудитории к этому уникальному российскому учреждению за рубежом, его разносторонней деятельности, вкладу миссии в развитие русско-китайских отношений, ее роли в зарождении и развитии отечественного востоковедения, в межцивилизационном диалоге двух культур — православной России и конфуцианского Китая. При этом несколько в стороне остаются такие вопросы, как отношение российских и китайских властей к Российской духовной миссии в Китае (РДМК), отношение местного населения к членам миссии, тяготы бытовой неустроенности, труднопреодолимый языковой барьер, длительная оторванность от своего Отечества, сложный внутренний мир самой миссии... И как следствие всего этого — высокий уровень смертности среди членов и учеников первых девяти миссий (1715–1820). Как подчеркнула А.С. Ипатова, по всем вышеназванным направлениям XVIII — начало XIX века были наиболее сложными в истории РДМК. В XVIII в. миссия подготовила первых отечественных китаеведов, апофеозом научных достижений РДМК этого периода стали труды начальника 9-й миссии архимандрита Иакинфа (Бичурин Н.Я.).

Студентка 2-го курса (СПбГУ) **Ю.Б. Губайдуллина** в своем выступлении «Дипломатические отношения Китая и России: история и современность» затронула вопросы истории установления дипломатических отношений Китая и России с опорой на социокультурные факторы, начиная с XVII века.

В.В. Ларин (ИВ РАН) посвятил выступление теме «Китай и украинский кризис 2014 года». Им были выделены ключевые моменты в отношении Пекина к событиям на Украине. В резюме говорилось, что за короткое время кризис не только спровоцировал обострение отношений между Россией и странами Запада, но и катализировал ряд геополитических процессов, которые привели к определенным сдвигам в структуре международных, в том числе и русско-китайских, отношений.

Руководитель школы китайского языка **Laoshi Е.Н. Касимова** (Тюмень) выступила с яркой презентацией документальной книги Айрис Чан «Насилие в Нанкине. Забытый холокост времен Второй мировой войны», которая была опубликована в год 60-летия Нанкинской резни (1997) и стала первым подробным англоязычным исследованием Нанкинской трагедии. В течение 10 лет книга Чан была запрещена к публикации в Японии. Впоследствии она выдержала 5 изданий в Америке и была переведена на многие языки (кроме русского). Вследствие того, что в российской историографии по Китаю полностью отсутствует анализ событий в Нанкине в 1937 г. и в изданиях по истории Китая, написанных российскими авторами, эти события упоминаются лишь вскользь, автору доклада показалось важным осуществить перевод и публикацию данной книги на русском языке. Е. Н. Касимовой, можно сказать, удалось раскрыть роль и значение издания для мирового сообщества.

В докладе магистранта УрФУ им. Б. Н. Ельцина **И.Р. Хамзина** (Екатеринбург) «МИД России в решении проблемы границ России и Китая в Восточном Туркестане в

70-х — 80-х годах XIX века» изложен один из интересных аспектов истории русско-китайских отношений. В 1871 г. российские войска с целью предотвращения мятежных действий поблизости от своих границ заняли территорию области западного Китая — Синьцзяна. Проблема передачи занятого края китайским властям легла в основу так называемого Илийского кризиса. Используя материалы Российского государственного военно-исторического архива, докладчик познакомил с деятельностью МИД Российской империи в рамках указанной проблемы, рассмотрел позицию внешнеполитического ведомства по ключевым вопросам территориального размежевания. Основная задача анализа использованных источников, а также Илийской карты, отметил И. Р. Хамзин, — показать эшеленность российских властей на скорейшее разрешение вопроса и предотвращение эскалации кризиса.

Стажер ИДВ Син Юаньюань (Институт мировой истории АОН Китая) затронула одну из приоритетных сегодня тем в исследовании теории международных отношений и взаимодействия Китая, России и Японии. Она отметила, что единственной возможностью в борьбе за поддержание трехсторонних отношений является укрепление китайско-русского стратегического партнерства. Хотя Япония пыталась улучшить отношения с Россией, но после украинского кризиса Украина, США и Европа инициировали санкции против РФ. В данной ситуации Япония присоединилась к участию в санкциях, так что ее дипломатические усилия в целях улучшения российско-японских отношений пошли насмарку. В заключение сделан вывод, что в китайско-американско-российских трехсторонних отношениях укрепление китайско-российских отношений является не только неизбежным выбором, чтобы сбалансировать статус сверхдержавы США, но и огромным сдерживающим фактором для политики Японии.

К.ю.н. В.И. Балакин (ИДВ) выступил с докладом «Влияние Японии на становление тайваньского национализма». С точки зрения автора, японское влияние на осознанное формирование тайваньского национализма во многом было порождено таким явлением, как «раздвоение самоидентификации» тайваньцев. Это произошло и развилось в результате целенаправленного внедрения в сознание местного населения тайваньской исключительности и абсолютной духовной несвязанности с континентальным Китаем. Противоречие состояло и до сих пор состоит в том, что тайваньский локальный национализм абсолютно не совпадает с гоминьдановской концепцией национализма, которая имеет в своей основе общеитайские корни идей Сунь Ятсена и не отягощена 50-летней историей японского колониального владычества на острове.

Выступление профессора кафедры картографии МГУ геодезии и картографии, д. геогр. н. И.А. Захаренко «Историческая картография Квантунской области России в Китае» произвело сильное впечатление на слушателей прекрасно подготовленной презентацией: фотографии географических карт и договоров, которые хранились в архивах, видеоподказ живописных мест Квантунской области (Порт-Артур и др.), научный анализ исторической географии и картографии — вся информация была концентрированно подана докладчиком. Как вывод прозвучала заключительная фраза выступления: «Культурная модель Дальнего Востока была создана картографами — это памятник, вклад российской культуры в мировую».

В завершение внешнеполитического блока докладов отметим очень важное для правильного понимания российско-китайских отношений в прошлом, настоящем и для прогнозов на будущее выступление вице-президента Общества российско-китайской дружбы Г.В. Куликовой (ИДВ) «Народная дипломатия в российско-китайских отношениях». Она представила широкое полотно истории становления Общества российско-китайской дружбы и его деятельности. Подчеркивалось, что в российско-китайских отношениях народная дипломатия всегда была и продолжает оставаться важным компонентом их становления, восстановления и развития. Народная дипломатия как необходимая составляющая процесса развития внешнеполитических связей всегда играла и продолжа-

ет играть важную роль в привлечении широких слоев общественности России и Китая к развитию отношений дружбы и сотрудничества, а ныне — в формировании отношений всеобъемлющего доверительного партнерства и стратегического взаимодействия между Россией и Китаем. Докладчик отметила, что Общество продолжало активно работать даже в непростое для отношений между странами время. Оно помогло сблизить теплые чувства народов России и Китая друг к другу, способствовало нормализации межгосударственных отношений, а затем налаживанию равноправного доверительного партнерства с КНР. 29 октября 2017 г. Обществу российско-китайской дружбы — преемнику Общества советско-китайской дружбы (первого общества дружбы с народами зарубежных стран в нашей стране) исполняется 60 лет.

Тематический блок «*Проблемы истории Китая нового и новейшего времени*» (6 докладов) представлен не столь широко, однако — с достаточной глубиной. Он открылся выступлением д.и.н. Н.Л. Мамаевой (ИДВ) «Движение за новую культуру» в Китае — начало «раскрепощения сознания» и предпосылок развития в обществе идей и направлений вестернизации и социализма». Докладчик проанализировала феномен политики развития в Китайской Республике (КР), который в 1915 г. получил в научной литературе название «Движения за новую культуру». Выдвинутый движением лозунг «за науку и демократию» как основной в процессе модернизации общества попал, что называется, в болевую точку КР для периода 1910-х — 1920-х годов. Движение продемонстрировало свои возможности в развитии науки, литературы, языкознания, культуры и т. д. Появились новые для Китая демократические идеи, в частности, идея «свободы личности» как «гарантии освобождения общества». «Движение за новую культуру» получило свое развитие в «Движении 4 мая» 1919 г., придав ему более политический и революционный характер. В докладе отмечалось, что развитие политических идей и организаций в КР, тесно связанное с начальным периодом «Движения за новую культуру», одновременно с влиянием идей Октябрьской революции в России, осуществлялось в период мировой истории, весьма насыщенный социальными потрясениями, и сопровождалось спорами и дискуссиями о путях развития Китая. Начиная с «Движения 4 мая» 1919 г. идеологическая борьба между сторонниками социализма, среди которых было также немало анархистов, и вестернизации ориентировала политику развития страны в двух противоположных направлениях. Следует заметить, подчеркнула Н.Л. Мамаева, что в начальный период развития «Движения за новую культуру» ни одно из направлений еще не было четко очерчено. Очевидно, однако, что начало процесса раскрепощения сознания широких слоев населения — главный результат «Движения за новую культуру», оно открыло дорогу как влиянию на общественность Китая вестернизации, так и научного социализма.

А.Л. Верченко (ИДВ) в докладе «Восприятие России в Китае накануне и в первые годы «Движения за новую культуру»» представила тему Россия — Китай под новым углом зрения, а именно, с позиции идейно-культурного влияния России на Китай, начиная с «Движения за новую культуру», т.е. еще до Октябрьской революции в России. До 1910-х годов Россия считалась отсталой страной с агрессивными устремлениями, у которой невозможно было заимствовать просветительские идеи, полезные для Китая на пути обновления. Их пытались искать на Западе и в Японии. На основе публикаций, связанных с восприятием России в Китае в начале XX века, прослеживается изменение отношения молодежи, студентов и интеллектуалов к своему соседу. Целям обновления общества способствовало развернувшееся в 1915 г. «Движение за новую культуру». В докладе отмечено, что критическое отношение к России как «полудикарской» стране постепенно стало меняться после Февральской революции, т.к. в это время появилось признание того, что свержением самодержавия и предоставлением власти народу Россия вступила на цивилизованный путь развития. Произошла трансформация в восприятии образа России от варварской отсталой страны к вступившему на путь цивилизованного развития государству, опыт которого достоин изучения и использования. В главном печатном органе

Движения «Новая молодежь» тема России появилась с первых номеров. Помещались переводы произведений русских писателей, а также очерки о русско-китайских отношениях. Таким образом, подчеркнул докладчик, всего за 15–17 лет в восприятии России в Китае произошли огромные изменения.

Выступление к.и.н. И.Е. Пожилова (ИДВ) «О некоторых аспектах и особенностях вооруженной контрреволюции в советских районах Цзянси» показало огромную глубину истории советского движения в Китае. Историк рассмотрел малоизвестные вопросы контрреволюционного движения в Цзянси периода «аграрной революции», мотивацию, формы и специфику сопротивления крестьянства «насаждению» советов. Анализ проблематики базировался на документах КПК и свидетельствах участников событий.

Старший преподаватель М.А. Гулева (СПбГУ) в докладе «Сворачивание конституционной реформы Гоминьдана в 1948–1949 гг.» затронула вопросы конституционного развития Китайской Республики конца 1940-х годов, когда на фоне гражданской войны вступил в силу новый Основной закон. По материалам партийных документов, прессы и выступлений Чан Кайши прослеживается, какие факторы сыграли важную роль в процессе осуществления норм Конституции и в чем заключались предпосылки ее скорого завершения в 1949 г. М.А. Гулева обратила внимание, что Национальное собрание 1946 г., проведенное для обсуждения норм нового законодательства, не только не сплотило общественное мнение и позиции партий, но, напротив, спровоцировало углубление межпартийного конфликта из-за категоричности позиций Гоминьдана и бойкотировавшей собрание Компартии Китая, а также усугубило трения по конституционному вопросу внутри Гоминьдана. Отмечено, что ключевыми причинами поражения конституционной реформы Гоминьдана в этот период стали, с одной стороны, догматизация идеологической платформы партии и несоответствие ее требованиям широких социальных слоев общества, а с другой — негативная реакция оппозиции на предпринятые правительством шаги.

В докладе «Исследование бюрократической политики Китая в работах Ван Яня 1940-х годов» к.э.н. О.Н. Борох (ИДВ) детально проанализировала концепцию китайской бюрократической политики, которую разработал в республиканский период ученый-марксист Ван Янань (1901–1969). Предпосылками ее формирования стали проведенные Ван Янанем в 1930-е годы исследования экономической истории Китая и специфики китайского полуфеодалного общества. Важным событием была состоявшаяся в 1943 г. встреча Ван Яня с британским ученым Джозефом Нидэмом, проявившим интерес к бюрократической системе Китая. Ван Янань приступил к изучению этой проблемы. После публикации серии статей об истории бюрократической политики Китая в 1947–1948 гг. вышла книга «Исследование бюрократической политики Китая» (1948). В докладе прослеживается связь этого исследования с общественно-политическими тенденциями в Китае периода гражданской войны и марксистской критикой гоминьдановского «бюрократического капитализма».

Факт наличия в гоминьдановском Китае демократической прессы и ее влияния на общественную и политическую жизнь КР был представлен в докладе д.и.н. А.В. Ломанова (ИДВ) «Чу Аньпин и либеральный журнал “Гуаньча”» — о публицисте, который известен, прежде всего, как раскритикованный в 1957 г. «правый элемент» и автор фразы о «партийной Поднебесной». Показан процесс становления взглядов Чу Аньпина в республиканский период в годы обучения в Университете Гуанхуа, сотрудничества с журналом «Синь юэ» («Новолуние») и поездки в Европу. В 1946–1948 гг. Чу Аньпин издавал в Шанхае либеральный еженедельник «Гуаньча» («Обозрение»), завоевавший авторитет среди китайской интеллигенции. Проанализирована идейная позиция журнала «Гуаньча» и его авторов.

Тематический блок «КНР: история и современность» (8 докладов) открылся выступлением А.Ч. Мокрецкого (ИДВ) «Китай в системе глобального управления в период Си Цзиньпина». На фоне дипломатии КНР после XVIII съезда КПК, имеющей все-

сторонний и всеобъемлющий характер, исследователь попытался представить место КНР в системе международного глобального управления. Он отметил, что «в год празднования 70-летия окончания Второй мировой войны и создания ООН мировое сообщество явственно наблюдает возвышение Китая и его более активное поведение на международной арене. Мир находится в переходном состоянии: меняется структура глобальной системы управления, формируется новый мировой порядок». Контуры китайской глобальной политики представлены автором через три измерения (институциональное, экономическое и концептуальное).

К.и.н. Т.В. Лазарева (ИДВ) в докладе «Закон о районной национальной автономии как фактор развития национальных регионов» прослеживает и анализирует на протяжении истории КНР действие системы районной национальной автономии и ее специфику. В 2014 г. в Китае отмечалась 30-я годовщина со дня принятия этого Закона. Практика 30-летнего применения Закона подтвердила его важную роль в совершенствовании системы национальной автономии, социально-экономическом развитии национальных регионов, создании системы национальных отношений, основанных на равенстве, единстве, взаимопомощи и стабильности. Следование Закону, заметила Т.В. Лазарева, позволило национальным районам решить многие жизненно важные задачи экономической и социальной политики, развить систему образования, медицину, улучшить жилищные условия, значительно снизить уровень бедности.

Высокий уровень анализа был представлен в выступлении д.и.н. С.А. Горбуновой (ИДВ) «Российская и зарубежная историография о причинах религиозного экстремизма в КНР» — об изучении западными и российскими учеными проблем религиозного экстремизма в КНР. Исторический аспект и связь истории и современности присущи всем работам, в которых исследуются события и процессы современного Китая. Как отмечала С. А. Горбунова, одной из актуальных тем современной синологии стала проблема террористической активности во всем мире и в том числе в КНР, связанная с экстремизмом под религиозными лозунгами. Появилось много монографий, диссертаций и статей, в которых она в той или иной степени отражена. В докладе показано, как в отечественных и западных синологических исследованиях изучается история вопроса, а также современные проявления религиозного экстремизма в среде уйгур из Синьцзян-Уйгурского автономного района.

Студентка Казанского федерального университета Д.Р. Мисбахова познакомила научную аудиторию с известной работой французского сиолога Жозефа Анри Премара *Notitia linguae Sinicae*, написанной в 20-х годах XVIII века. Впервые *Notitia linguae Sinicae* была напечатана в 1831 г., попасть в Пекин раньше этого времени она не могла. По временным рамкам это период 11-й и 12-й Духовных миссий, которые были в Китае в 1830-е — 1840-е; 1840-е — 1849-е годы. Мисбахова проанализировала причины выбора этого пособия для перевода на русский язык, а также причину его появления в библиотеке Казанского университета.

В центре внимания выступления А.В. Ершова (ИДВ) стояли вопросы очередного реформирования системы «больших министерств» в контексте седьмой реформы государственных административных органов КНР, которая началась в марте 2013 г. Центральным ее звеном является продолжение дальнейшего внедрения системы «больших министерств». Реформирование было признано важным шагом на пути реформы государственных административных органов (ГАО), при этом практические результаты были невысоки. Отмечено, что на прошедшем в ноябре 2012 г. XVIII съезде КПК вопрос о дальнейшем внедрении системы «больших министерств» был включен в повестку седьмой реформы ГАО, и после принятия Проекта реформы Госсовета был запущен очередной виток реформы, направленной на дальнейшее совершенствование аппарата Госсовета, а также местных народных правительств. В ходе реформы центрального аппарата в 2013 г. количество ведомств Госсовета уменьшилось с 27 до 18 единиц, количество орга-

нов прямого подчинения составило 6 единиц. В 2014–2015 гг. реформирование проходило на всех уровнях системы административных органов.

К.и.н. **Д.А. Смирнов** (ИДВ) проанализировал проблему влияния идеологии на развитие советско-китайских отношений в докладе «К вопросу об идеологическом факторе в советско-китайских отношениях». Под этим углом зрения рассматривались основные моменты участия Коминтерна в формировании программной стратегии КПК в китайской революции; становление и развитие концепции «китаизированного марксизма» на разных этапах китайской революции и социалистического строительства в КНР; развертывание идеологической полемики между руководством компартий обеих стран в период советско-китайской дружбы и последующей конфронтации двух государств. Историк обратил внимание, что «отход от идеологизации двусторонних отношений сыграл важную роль для нормализации советско-китайских отношений».

К.и.н. **Л.П. Черникова** (ИВ РАН) обратилась к теме «Этнонациональные группы русской эмиграции в Китае: проблемы и попытки объединения (1920-е — 1950-е годы)», подготовив яркую презентацию источников. На базе материалов периодики первой половины XX века, научной литературы, документов и материалов архивов РФ и КНР она рассказала о проблемах между этнонациональными группами, о попытках их объединения с целью представительства перед китайскими, позднее — японскими властями.

Магистрант УрФУ им. Б.Н. Ельцина **В.Л. Нежданов** (Екатеринбург) в докладе «Политика реформ и открытости: творческое развитие идей конфуцианства в современном мире» поставил ряд актуальных проблем: возможно ли соотнесение идей конфуцианства с современной политикой КНР, не является ли представление о конфуцианских идеалах в КНР мифом массовой культуры. Изучение конфуцианства, которое характерно для синологических конференций разного профиля, использовалось им при анализе исторического периода реформ и открытости. Как отмечено в докладе, конфуцианство сохранило свою суть, став в определенной степени «кризисной идеологией» на рубеже XX—XXI века в Китае.

По окончании конференции ее ведущие Н.Л. Мамаева и Д.А. Смирнов отметили профессиональный уровень этого мероприятия, прошедшего в дружеской атмосфере и дискуссиях в духе демократических академических традиций.

© 2016

*Т.Г. Герасимова,
старший научный сотрудник
Центра новейшей истории Китая
и его отношений с Россией ИДВ РАН*

Рецензии

Титаренко М.Л., Петровский В.Е. Россия, Китай и новый мировой порядок. Теория и практика / Институт Дальнего Востока РАН. М.: Весь мир, 2016. 304 с.

Мы живем в бурном, непрерывно меняющемся мире, невольно привыкая к спонтанному постоянству и непредсказуемости этих изменений и, зачастую, не всегда замечая их. Но при этом большинству земного населения вовсе не безразлично, как наш мир устроен и, главное, что ждет всех нас в обозримом будущем, как и в каких условиях будут жить наши дети?

Ответы на эти вопросы пытаются дать многие — от предсказателей-футурологов до ученых-политологов. Последним хочется верить больше, поскольку их прогнозы опираются на понимание реальных закономерностей развития человеческой цивилизации, знание диалектических законов всемирной эволюции.

Каков же будет грядущий мировой порядок, определяющими факторами в становлении которого явятся, наряду с общественным, экономическим, технологическим, информационным и культурным развитием, политико-идеологические и военно-силовые амбиции и прерференции той или иной страны, группы государств или определенного региона?

Согласно имеющимся на сегодня объективным данным, безусловными претендентами на роль «глобальных игроков» в современных условиях выступают Соединенные Штаты Америки, Китайская Народная Республика и Российская Федерация. Более того, среди этой «тройки» США на протяжении последней четверти века являются безоговорочным мировым лидером. Поэтому именно то, как будут складываться взаимоотношения в ней, в конечном итоге определит уровень безопасности на нашей планете.

России, вступившей в очередной этап конфронтации с Америкой, совсем нелишне опереться на поддержку тех внешних сил, которые заинтересованы во взаимодействии и сотрудничестве с ней. Для нее как евразийской державы такой силой является, прежде всего, Китай, а вслед за ним и другие дружественно

настроенные по отношению к ней страны, особенно в Азии.

Рецензируемое издание как раз представляет собой попытку научного прогнозирования перспектив сотрудничества России с ее евразийскими и азиатскими партнерами во главе с Китаем и анализа путей самопознания, самоопределения ею своей роли и собственного будущего во взаимосвязи с перспективами развития своей азиатской части и роли в сообществе стран Евразии и АТР.

Ответы авторов монографии на поставленные в ней вопросы одновременно призваны дать ее читателям представление о контурах того грядущего миропорядка, который определит жизнь нашего и последующих поколений. Имена этих авторов хорошо известны не только в отечественной науке, но и в широких сферах российской и международной общественной жизни.

Академик РАН Михаил Леонтьевич Титаренко, выдающийся ученый, специалист по китайской философии, истории, политике, проблемам международных и межкультурных отношений, развития связей России с ее дальневосточными соседями, автор около 300 научных публикаций, в том числе семи монографий.

В течение 30 лет он возглавлял Институт Дальнего Востока РАН, был удостоен Государственной премии Российской Федерации в области науки и технологий, являлся председателем Научного совета по проблемам комплексного изучения современного Китая Отделения общественных наук РАН, членом Научного совета при Совете Безопасности РФ и его Межведомственной комиссии, Экспертного совета при Председателе Совета Федерации, членом Научного совета при МНД РФ, председателем Общества российско-китайской дружбы.

К сожалению, эта работа стала последней в творческой биографии и в жизни Михаила Леонтьевича, успешного просмолтреть и

одобрить верстку книги к печати. Его не стало 25 февраля 2016 года.

Его соавтор — известный политолог и журналист Владимир Евгеньевич Петровский, действительный член Академии военных наук, доктор политических наук, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, эксперт Российского совета по международным делам, автор четырех монографий и более 100 научных публикаций по теории международных режимов, многосторонним механизмам безопасности, военно-гражданским отношениям, международному миротворчеству и урегулированию конфликтов, проблемам безопасности личности и содействия развитию.

Книга Титаренко и Петровского состоит из авторского вступления и трех основных частей. Во вступлении постулируется тот «решительный курс», который взяла Россия на усиление своих позиций в АТР и Азии в целом, на скорейшую интеграцию в экономическую и политическую жизнь этого региона. Такой курс рассматривается авторами не столько в качестве простого изменения регионально-политических ориентиров, отхода от «одностороннего евроцентристского крена», имевшего место в первое десятилетие после распада СССР, а как естественный поворот для такой огромной страны, как Россия, две трети территории которой находится в Азии, а до 80% природных ресурсов — в Сибири и на Дальнем Востоке.

Для его успешного осуществления важным, по мнению авторов, является проблема, связанная с осознанием гражданами России, ее общественной и политической элитами самоидентификации нашей страны как евразийской тихоокеанской державы. Это призвано стать одним из ключевых стимулов в мобилизации наших материальных, духовных сил и, что не менее важно, гражданского сознания, на подъем и развитие пока недостаточно освоенных восточных российских регионов, на углубление сотрудничества с дальневосточными и азиатскими соседями — Китаем, Индией и государствами АСЕАН.

Вполне естественно, что при такой постановке проблемы предметом авторского анализа в первой части монографии, озаглавленной «Теоретико-философские основы нового мироустройства», становятся вопросы, находящиеся на пересечении философии, истории, экономики, политологии, культурологии, экологии, этики и социологии международных отношений. Рассматривается комплексное влияние взаимодействия различных культур и цивилизаций на общемировое развитие, решение про-

блем безопасности и сотрудничества.

Авторы полагают, что в процессе интеграции России со странами Евразии и АТР ее отношения с ними наиболее полно и адекватно может определять концепция «нового евразийства», представляемая ими как одна из главных основ становления более гармоничного и справедливого мирового порядка.

А несущей опорой «строительных конструкций» такого миропорядка должны, по их мнению, быть российско-китайские отношения доверительного партнерства и стратегического взаимодействия. Близость представлений двух стран о многополюсном, более гармоничном и справедливом мире будет определять характер их практического сотрудничества по созданию нового мироустройства.

Подтверждение собственного вывода авторов о том, что современное мироустройство разбалансировано и нуждается в реформировании, они находят в недавно изданной книге Г. Киссинджера «Мировой порядок». Титаренко и Петровский в принципе согласны с патриархом американской политологии в оценке основных причин этой разбалансировки, увиденных им в «столкновении между мировой экономикой и политическими институтами», при котором «...экономика становится все более глобальной, а политическое устройство по-прежнему основано на национальном государстве...» (с. 8). Но они категорически возражают против «рецепта» Киссинджера — передоверить организацию нынешнего глобального порядка исключительно «великим державам».

По их мнению, современный мир должен опираться на многополярность и реальную полицентричность, и одна из основных особенностей его динамики — рост новых центров влияния, которые «обретают все больший удельный вес в мировых делах, меняют привычный баланс сил и на этой основе объективно претендуют на роль, соизмеримую с «весом» традиционных мировых центров, представленных ранее лишь, как правило, странами Запада» (с. 9).

В этих условиях роль Китая — страны, вырвавшейся за короткий срок из нищеты на позицию фактически второй по значимости экономической державы мира, возрастает многократно. В борьбу за его «красноложе» включились основные мировые державы. Даже США осознали, что нереально ожидать от Пекина корректировки его курса в пользу Америки, нереально искать в его лице партнера, который будет действовать в угоду американским интересам, и следует подключать его к проектам по организации совместного управления и

созданию соответствующих структур мирового порядка. Как заявил другой, не менее известный американский политолог З. Бжезинский: «Мы должны разделить обязательства. Только две самые большие и влиятельные державы смогут установить мировой порядок, в который будут включены и другие страны... Было бы хорошо, если бы и Россия приняла участие в укреплении стабильности» (с. 11–12).

Опираясь на обоснованные мнения экспертов, авторы справедливо полагают, что «улучшение американо-китайских отношений не угрожает российским экономическим и геополитическим интересам, а, напротив, создаст новые... условия для их защиты и продвижения» (с. 12). Они считают, что любые многосторонние структуры диалога с участием КНР и США в АТР и за пределами этого региона, но при участии нашей страны, «укрепляют международную стабильность и дают новые инструменты нашей дипломатии».

Построение нового миропорядка связано с осуществлением коренных изменений в нынешней мировой архитектонике. Главный вопрос не в том, возможны ли такие изменения, а в том, куда они приведут. Будет ли мировое развитие прогрессировать в благоприятном направлении, или, наоборот, породит неблагоприятные тенденции? Авторы считают, что определенную роль в обеспечении качественных параметров мирового развития может и должен сыграть прогресс в наиболее динамичном на сегодняшний день регионе — АТР, созидательный потенциал которого наибольший по сравнению с другими.

Проблема, однако, заключается в разрыве между его экономическими и политическими возможностями: в решении миротворческих задач роль его явно отстает от европейского региона, и при сохранении такого положения прогнозы о выходе АТР в лидеры мирового прогресса вполне могут оказаться несостоятельными.

Повышение политической значимости региона, необходимой для его выживания на ведущую мировую позицию, авторы видят в преодолении в АТР разногласий идеологического характера между входящими в него странами с социалистической и капиталистической ориентацией. Определяющим, по их мнению, должно стать «новое творческое политическое мышление», выявляющее в прогрессивном развитии такую форму жизнедеятельности, «которая полностью или в основных своих характеристиках направлена на осуществление общечеловеческих ценностей» (с. 18).

Такой подход, по разумению авторов, вполне оправдан, поскольку на смену прежним

концепциям о непримиримости традиций и прогресса и отождествлении его исключительно с заимствованием западного опыта развития, отказом от «восточных ценностей», ассоциируемых со стагнацией и регрессом, приходит понимание того, что на трансформацию всего комплекса общественных структур в странах «конфуцианского культурного ареала» оказывают значительное воздействие не только западные идеи, но и те самые традиционные «системы восточных ценностей» (с. 26).

Они развивают свою мысль, утверждая, что в сложном процессе формирования новых общечеловеческих ценностей и принципов бытия при сохранении самобытности каждого народа происходит не поглощение одной цивилизации другой, а синтез восточной и западной цивилизаций. А Китай и Россия выступают в нем как «базовые точки» взаимопроникновения культур, длящегося между ними уже более 300 лет (с. 32). Характерно, что восточные конфуцианские постулаты (в частности, добродетель) имеют много общего, например, с морально-этическими принципами Л. Толстого.

Таким образом, в отношении перспектив прогресса в АТР авторы приходят к выводу, что он не может протекать обособленно, вне единого евроазиатского процесса, предполагающего преодоление конфронтации цивилизаций Восток — Запад, развитие взаимодействия, их взаимовлияние, взаимообогащение и своеобразную культурную конвергенцию, на основе которых и будет «складываться новый тип межцивилизационных отношений, формироваться евроазиатское пространство мира и безопасности» (с. 41).

Значительное внимание в монографии уделяется концепции «нового евразийства», которое характеризуется как восприимчив, продолжатель и хранитель великих гуманистических соборных традиций русской культуры, способствующий преодолению «извечной поляризации» по линиям Восток — Запад, Север — Юг, несущий в себе «уникальный механизм конвергентности, согласования, соразвития и сопроцветания азиатской и европейской культур» (с. 49).

Проводя параллель, авторы отмечают, что специфические закономерности евразийства не чужды и культуре Китая с самых древних времен. По их утверждению, подлинный диалог китайской и российской культур будет углубляться на создаваемом новым евразийством «планетарном поле», в котором «все культуры обретают единство...погашается возможность межкультурных конфликтов и достигается состояние симфонии конструктивного и взаимо-

обогащающего диалога культур» (с. 50).

«Включение» наряду с этим диалогом геополитического фактора — «крайне необычное евразийское географическое положение России» (с. 55) — также подвигает к необходимости сотрудничества с нашими дальневосточными соседями, к укреплению с ними взаимодействия, взаимопонимания и союзнических отношений. И, прежде всего, все с тем же Китаем.

Главное для внутреннего и международного благополучия России — последовательно придерживаться принципа равновесности, равнозначности внимания как к западному, так и восточному азимуту внутренней и внешней политики, неуклонно следовать евразийской геополитической идентичности России, считают авторы книги.

Формирование современного миропорядка в Азии они рассматривают, ссылаясь на события исторического прошлого, что вполне логично, закономерно и справедливо, поскольку существующая на сегодняшний день нестабильная ситуация в Восточной Азии и АТР, наличие унаследованных от прошлого территориальных споров и конфликтов, отсутствие региональных механизмов безопасности и сотрудничества — не что иное, как историческое наследие второй половины XX в., и обусловлено оно связанными с ним историческими и геополитическими противоречиями.

По мнению авторов, отсутствие должных выводов из исторических уроков Второй мировой войны у некоторых ее участников препятствует налаживанию отношений добрососедства и сотрудничества между странами региона (с. 65).

Известно, что в отличие от Европы, где после той войны установилась Ялтинская система международных отношений, в Азии послевоенный порядок складывался по-иному. Договоренности, касающиеся Восточной Азии и АТР в целом, не были реализованы в условиях разгоравшейся холодной войны и конфронтации Востока и Запада. «Дров в костер» добавила война на Корейском полуострове. Внесли свою лепту и «игры» вокруг Сан-Францисского мирного договора, который СССР отказался подписывать. Все это привело в итоге к неурегулированности положения в регионе и неопределенности в отношениях Японии с Советским Союзом и КНР.

Авторы подчеркивают, что в «ловушке» холодной войны, расставленной создателями «Сан-Францисской системы», оказались не только эти страны, но до сих пор находятся и японо-южнокорейские отношения (с. 80). Их

территориальные споры с Японией вызывают соблазн у некоторых кругов переосмыслить события прошлого и пересмотреть результаты Второй мировой войны. Россия и Китай разделяют мнение о том, что эти результаты не могут быть поставлены под сомнение, они «сходятся во мнениях» при оценке ее истории и «должны сотрудничать, чтобы отстаивать важность и точность исторической правды» (с. 81).

В то же время на опасения некоторых западных наблюдателей о том, что российско-китайское стратегическое партнерство и единая позиция двух стран по некоторым территориальным проблемам в АТР могут привести к формированию «нового биполярного порядка», в котором «по одну сторону будут Китай и Россия, а по другую Япония, США и... почти все остальные страны Восточной Азии» (с. 82), авторы резонно замечают, что несмотря на отношения доверительного стратегического партнерства и взаимодействия и общие или сходные позиции по ряду вопросов, Россия и Китай не намерены формировать между собой традиционный союзнический альянс, который предусматривает чрезмерную взаимозависимость. И, напротив, задают они вопрос, не усматривается ли в провозглашенном США курсе на «возвращение в Азию» попытка воссоздания морально устаревших альянсов и блоков времен холодной войны?

Как утверждают авторы монографии, даже более тесное сближение РФ и КНР и координация усилий в сфере политики, дипломатии и военно-технического сотрудничества во все не означают их желания «дружить против Запада», а будет лишь попыткой «обеспечить взаимными усилиями свои национальные и геополитические интересы в создавшихся условиях» (с. 94).

Значительная часть рецензируемой книги так или иначе посвящена непосредственно различным аспектам двусторонних отношений России и Китая, а также их взаимодействию в многосторонних форматах — в масштабе международных организаций, неформальных региональных и трансрегиональных объединений.

Отмечается, что «Россия и Китай создали новую модель отношений между странами с различными социально-экономическими системами», которые «являются важнейшим фактором мира и стабильности в АТР и в мире в целом», не направлены против какой-либо третьей стороны и способны стать «образцом межгосударственных отношений двух крупных соседних держав в XXI веке» (с. 97).

Важно то, что сфера близости или совпадения их интересов существенно шире

сферы возможных разногласий или несовпадений, а стратегическое партнерство не просто политическая декларация. Оно трансформируется в конкретную практику в виде крупных совместных инициатив по упорядочению и гармонизации международных отношений, формированию многополярности, отстаиванию принципов международного права, противодействию политике гегемонизма и диктата.

Российско-китайским отношениям в последнее время постоянно уделяется повышенное внимание, поэтому многие их аспекты и оценки, фигурирующие в работах других политологов, неизбежно переключаются с теми, которые приводятся в монографии Титаренко и Петровского. Наряду со многими другими авторами они отмечают, что в настоящее время эти отношения «достигли самой высокой степени развития за всю историю их существования... отличаются небывалой активностью и динамизмом, ... охватывают все ключевые направления и сферы сотрудничества» (с. 98).

Однако существенно больший интерес вызывают, на наш взгляд, те конкретные соображения авторов по тематике отношений РФ и КНР, которые редко озвучиваются или вообще не были озвучены другими их исследователями. Авторы книги взывают к необходимости «открыто говорить о проблемах, существующих в наших отношениях, прежде всего экономических».

Речь идет, в первую очередь, о равновесии в отношении КНР к взаимодействию России с Центральной Азией, использовании китайской рабочей силы и о китайской эмиграции, о сохраняющихся на географических картах Китая обозначениях российской территории как якобы принадлежащей другим государствам, в частности Китаю и Японии. Затронут вопрос об интеллектуальной собственности, когда под китайским названием продаются фактически российские товары с небольшими видоизменениями (с. 106). Подробно говорится о преодолении тех проблем и сложностей, которые возникли между сторонами при заключении их эпохальной газовой сделки.

Авторы делают интересный сравнительный анализ участия России и Китая в системе глобального управления, в результате которого обнаруживается много сходного в позициях двух стран. Обе они «считают глобальное управление западной концепцией» и поэтому принимают участие в деятельности международных организаций в целях защиты своих национальных интересов, «сохраняют однозначную приверженность концепции многополярного мира и

принципу невмешательства во внутренние дела суверенных государств» (с. 142).

И Россия, и Китай не поощряют передачи государствами части своего суверенитета международным институтам, но при этом активно используют международные и региональные организации для укрепления своих позиций в соседних странах и на мировой арене. В обеих странах «либералы» влияют на выработку экономической политики, но в целом во власти (включая внешнеполитические и военные ведомства) преобладают «националисты» (с. 143).

Существенное различие заключается в том, что Китай не слишком тяготеет к участию в глобальном управлении в сфере безопасности, предпочитая сферы экономического и гуманитарного характера, а Россия, наоборот, отдавая приоритет вопросам безопасности, не проявляет особой активности в относящихся к глобальному управлению экономических вопросах.

Все это, включая детальное сопоставление позиций КНР и России в отношении ООН, Международного валютного фонда (МВФ), Всемирной торговой организации (ВТО), расходов на нужды содействия международному развитию (СМР), свидетельствует, по мнению авторов, об уникальном, взаимообогащающем и взаимодополняющем характере опыта участия сторон в институтах глобального управления, необходимости его дальнейшей активизации, усиления координации и взаимодействия.

Особое и значительное по объему место отводится в монографии анализу роли России и Китая в диалоговых системах РНК и БРИКС и такой относительно молодой международной организации, как ШОС — Шанхайская организация сотрудничества.

Возникновение этих структур и целого ряда других новых неформализованных объединений «на основе общности интересов развития и обеспечения безопасности, сохранения своей цивилизационной и этнической идентичности» (с. 166) Титаренко и Петровский рассматривают как ответ развивающихся стран на вызовы общемирового кризиса, политики военного, экономического и культурного диктата со стороны крупных высокоразвитых стран.

Детально оценивая значение трехстороннего формата взаимодействия России, Индии и Китая, авторы указывают, что он располагает мощным потенциалом укрепления мировой и региональной стабильности в силу того, что все три его участника, следуя принципу внеблоковости, показывают пример в подходах к формированию сотрудничества нового типа и, будучи важными, самостоятельными и неза-

висимыми субъектами международной политики, придерживаются близких взглядов на узловые вопросы глобального развития и многие региональные проблемы (с. 159).

Цель БРИКС — платформы для развития диалога между государствами, занимающими до 1/3 земной суши с 43% населения планеты и 21% мирового ВВП, — содействие безопасности, процветанию и развитию в условиях многополярного, взаимосвязанного и глобализированного мира. Трансконтинентальное измерение их сотрудничества придает ему особую ценность и значимость. А важная особенность, по оценке авторов, состоит в том, что «эта система полифонично объединяет и структурирует конструктивный диалог нескольких крупных мировых цивилизаций — китайской, индийской, евроазиатско-российской, африканской и латиноамериканской» (с. 167).

Среди главных целей создания ШОС, напоминают авторы, значатся «совместные усилия по поддержанию и обеспечению мира, безопасности и стабильности в регионе, построению нового демократического, справедливого и рационального политического и экономического международного порядка» (с. 187).

В экономическом аспекте речь идет, прежде всего, о помощи в решении многих социальных проблем в молодых государствах Центральной Азии путем реализации крупных региональных проектов. В политическом плане, по мнению авторов, в повестку дня ШОС наряду с региональными должны все чаще включаться вопросы глобального порядка, как, например, укрепление стратегической стабильности, нераспространение оружия массового уничтожения, создание структуры глобальной безопасности «нового типа», защита и повышение роли ООН и контроль над вооружениями.

Опыт ШОС был бы полезен также с точки зрения создания региональной системы безопасности на пространстве Евразии и АТР, поскольку организация демонстрирует пример равноправного, консенсусного общения «между великими (Россия и Китай) и средними странами (государства Центральной Азии) при

полном учете интересов последних» (с. 197).

Определенное внимание авторы монографии уделили такой острой и «модной» сегодня теме, как сопряжение процессов экономической интеграции России с Западом и с Востоком. Тема эта, безусловно, важна, но ее серьезная проработка по существу только начинается. Вопросы в связи с ней пока значительно больше, чем ответов на них. На пути такой интеграции может встретиться множество «подводных камней», не видных с первого взгляда. Нынешние отношения России с Западом затрудняют развертывание определенных интеграционных процессов, которые в других условиях могли бы осуществляться значительно безболезненнее. Да и с Востоком все не так гладко, как хотелось бы.

Оставив в сторону чисто экономические и торговые нюансы, коснемся лишь возможных политических рисков, связанных с предполагаемыми интеграционными процессами. И сразу возникает главный вопрос: где гарантии того, что наши восточные партнеры, которые экономически значительно проворнее, разворотливее и изворотливее нас, не «упрячут исключительно в свой карман» те «плоды и выгоды» интеграции, на которые мы тоже вправе рассчитывать?

Сегодня, впрочем, как и всегда, представляется особенно злободневной мысль о том, что превыше любых друзей или врагов необходимо ставить собственные интересы. Тем более что именно так поступают все наши партнеры вплоть до самых, казалось бы, близких, верных и преданных, включая Беларусь.

В заключение хочется отметить, что новая работа Титаренко и Петровского безусловно займет видное место в ряду монографий схожей тематики в силу своей аналитической глубины, актуальности и своевременности. Она написана хорошим, понятным языком, доходчиво и убедительно и будет интересна для широкого круга читателей — от специалистов-международников и политологов-теоретиков до практических работников в сферах бизнеса и внешней политики.

© 2016

*А.С. Давыдов,
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН,
заместитель главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока»*

**Стрельцов Д.В. Внешнеполитические приоритеты
Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе.
М.: Восточная литература, 2015. 279 с.**

Монография одного из ведущих российских японоведов Д.В. Стрельцова посвящена крайне актуальной теме современной международной жизни. В ней исследуются наиболее важные и существенные проблемы и тенденции, а также даются прогнозы внешней политики ближайшего соседа России на Дальнем Востоке — Японии, которая в последнее время заметно активизировала свою деятельность в стремлении выйти на лидирующие позиции на мировой экономической и политической арене. Значимость и своевременность работы трудно переоценить в силу такого набирающего все большую силу глобального тренда, как перемещение хозяйственной и политической жизни мира в Азиатско-Тихоокеанский регион. В настоящий момент указанный тренд становится особенно заметным вследствие стремительного восхождения Китая, оказывающего глубокое воздействие на переформатирование экономического и военно-политического ландшафта региона, а также практически одновременного стратегического поворота в Азию двух главных ядерных держав мира — США и России. В контексте такого развития обстановки в регионе все более заметными становятся усилия правящих кругов Японии повысить роль и место страны в международных делах в бассейне Тихого океана. Эти усилия в значительной степени стимулируются растущими на глазах соперничеством и конкурентной борьбой по всем азимутам между главными акторами на азиатской сцене — Китаем и Японией, являющимися к тому же второй и третьей экономикой мира.

Одним из неизбежных следствий указанных фундаментальных изменений является рост взаимной заинтересованности России и Японии в улучшении и комплексном развитии непростых двусторонних отношений не только как фактора стабилизации общей обстановки в сфере региональной безопасности, но и как неотъемлемого элемента обеспечения их собственных национальных интересов, будь то экономическая, политическая или военная область. В свете сказанного большим достоинством исследования является комплексный подход к заявленной теме: в нем последовательно анализируются как внутренние основы формирования внешнеполитического курса Японии, так и влияющие на него базовые международ-

ные факторы.

Рассматривая внешнюю политику Японии послевоенного периода, автор резюмирует, что за это время страна прошла большой путь, став процветающим демократическим государством и выйдя на лидирующие позиции в ряде областей экономики и политики не только на региональном, но и на глобальном уровне.

Исследуя внешнеполитические приоритеты послевоенной Японии, ученый применяет институциональный подход к выявлению основ их формирования. Специальная глава монографии посвящена особенностям внешнеполитического процесса в Японии и его месту в деле формулирования и реализации внешнеполитических приоритетов страны в АТР. Нельзя не согласиться с выводом автора о том, что в Японии повышению роли внутренних факторов внешнеполитического процесса способствовало специфическое понимание национальных интересов, которое формировалось в контексте потребностей внутреннего развития, связанных с необходимостью экономического роста и комплексного обеспечения национальной безопасности.

Особое место в работе уделено региональной политике Японии в военно-политической области. Автор отмечает, что союз с США, служивший в bipolarную эпоху опорой политики Японии в сфере национальной безопасности, сохранил свою значимость и после окончания холодной войны. При этом в силу пацифистских ограничений, налагаемых конституцией страны, уровень стратегического интегрирования Японии в американско-центристскую систему безопасности в послевоенный период продолжал оставаться на порядок ниже, чем у стран НАТО: Япония, во всяком случае, официально отказывалась США в размещении на своей территории ядерных средств, воздерживалась от создания каких-либо форм совместного с Пентагоном военного командования и соглашалась участвовать в военных действиях лишь при непосредственной угрозе собственному суверенитету.

Исследователь справедливо обращает внимание на то, что курс Японии в ядерной области отличался двусмысленностью, непоследовательностью и противоречивостью. Это было связано с тем, что Япония, с одной стороны, позиционировала себя как неядерную державу,

несущую моральные обязательства в качестве единственной в мире страны, пострадавшей от применения атомного оружия. С другой стороны, Япония, приняв от США гарантии безопасности, де-факто признала легитимность использования американского ядерного оружия для защиты от внешнего нападения.

Происшедшие с завершением bipolarной эпохи кардинальные изменения в глобальной и региональной ситуации стали подталкивать Японию к обновлению базовых подходов к политике в сфере безопасности. Особенно этому способствовали глобальные сдвиги на мировой арене и прежде всего экономическое ослабление США, их неспособность в одиночку решать задачу обеспечения интересов западного сообщества во всех регионах планеты. Существенные коррективы в курс Токио в сфере национальной безопасности вносили также территориальные конфликты с соседями, связанные с наследием Второй мировой войны, а именно с тем, что в результате подписания Сан-Францисского мирного договора у Японии не сложилось юридически безупречной системы межгосударственных границ с соседними странами.

Среди происшедших в постbиполярную эпоху изменений, ставших важным фактором трансформации курса Японии в сфере национальной безопасности, в монографии особо выделен рост военной мощи Китая. Автор приходит к выводу, что в Токио как официальные лица, так и эксперты стали обращать внимание на угрозу со стороны Китая, который, по их оценкам, из категории «партнера» и «ответственного акционера» переместился в категорию «военного соперника». При этом переоценка КНР происходила не только на уровне политического руководства, но и в сознании рядовых японцев, которые, как показывают опросы общественного мнения, стали считать Китай «самой нелюбимой страной». В связи с этим можно сказать, что в Японии «теория китайской угрозы» пришла на смену «теории советской угрозы» времен холодной войны.

Китайцы, со своей стороны, продолжают считать Японию недружественным государством, а в последние годы антияпонские настроения в Китае заметно усилились. Это способствовало тому, что японские правящие круги стали постепенно отходить от своего пацифистского статуса и превращать страну в так называемое нормальное государство, не связанное ограничениями на полноценное военное строительство. В политике обеспечения национальной безопасности Токио откровенно взял курс на активизацию военного компонента.

Огромное место в отношениях Японии с Китаем и Южной Кореей продолжают зани-

мать неурегулированные проблемы Второй мировой войны, включая проблему официальных извинений, проблему учебников истории, проблему *танфу* («женщин для утешения и успокоения»), а также вопрос о покаянии Японии за агрессивную политику, которую она проводила на материке. Многие из этих проблем, не имея перспектив решения, привели в последние годы к существенному ухудшению климата внешнеполитических связей Японии с соседями и даже к замораживанию диалога на высшем уровне, прежде всего с Китаем и Южной Кореей.

Существенное воздействие на политику Японии в АТР продолжают оказывать внутриполитические факторы. В их числе — подъем национализма в стране и поправление правящей Либерально-демократической и некоторых других представленных в парламенте партий, а также выход на политическую арену новых поколений японцев, не помнящих Второй мировой войны. Большое значение имеет и рост популизма в политике, заставляющего администрацию принимать решения, в том числе во внешнеполитической сфере, которые не всегда соответствуют подлинным интересам страны и ориентированы в первую очередь на националистические настроения электората.

Важное место в исследовании уделено участию Японии в процессах экономической интеграции, интенсивно разворачивающихся в АТР в последние два десятилетия. С годами императивность этого участия для Японии лишь усиливается. С учетом того обстоятельства, что более половины ВВП страны по-прежнему обеспечивается за счет экспорта, общее состояние японской экономики во многом зависит от наличия преференциальных механизмов в сфере внешней торговли. В книге проанализированы вопросы присоединения Японии к Транстихоокеанскому партнерству и иным форматам многосторонней экономической интеграции, таким, например, как АТЭС. Кроме того, в работе тщательно исследован вопрос об использовании Японией инструментов официальной помощи развитию для отстаивания собственных экономических и политических интересов в АТР.

Отдельная, вызывающая, естественно, особый интерес у читателя глава монографии посвящена месту и роли России во внешнеполитических приоритетах современной Японии. Это связано с тем обстоятельством, что отношения с Россией приобрели в постbиполярный период особую важность для национальных интересов Японии в контексте попыток ее руководства повысить степень самостоятельности страны на региональной и глобальной арене, а также остроты проблемы обеспечения энергоресурсами, в решении которой Россия постепенно обретает все более важную роль. Нема-

ловажным стимулом более полного поворота Токио лицом к Москве служит также беспрецедентный рост напряженности в отношениях Японии с другими акторами в Северо-Восточной Азии, прежде всего с КНР и КНДР.

Несмотря на относительно небольшой объем главы, в ней автору удалось с достаточной глубиной и обстоятельностью проанализировать практически весь спектр отношений между Россией и Японией, начиная с их первых контактов в середине века и кончая самыми последними событиями в двусторонних отношениях. Заметим, что это не всегда удается сделать в силу специфики подобного рода изданий.

В главе большое место отводится рассмотрению таких острых проблем российско-японских отношений, как территориальный спор вокруг южной части Курильских островов («северных территорий», по японской терминологии), на которые претендует Япония, а также заключение мирного договора между двумя странами. Здесь нельзя не согласиться с утверждением исследователя о том, что вся послевоенная политика Токио по отношению к СССР, а позднее и к России фактически свелась к одному — «политике северных территорий» (с. 240), и что эта политика завела российско-японские отношения в тупик (с. 248).

Можно считать вполне удавшейся попытку автора структурировать и донести до читателя свое видение так называемых имиджево-логических проблем в российско-японских отношениях (с. 234–249). В этом разделе, пожалуй впервые в отечественном японоведении, дается анализ такого феномена, как влияние представлений русских и японцев друг о друге на межгосударственные отношения. Наконец, безусловно, новым словом в отечественных исследованиях отношений России с Японией является раздел заключительной главы «Институциональные факторы в российско-японских отношениях» (с. 249–255). Здесь автор критически анализирует недостатки работы российских ведомств, в том числе МИДа, на японском направлении и обращает внимание на невосприимчивость российских академических и иных неправительственных организаций при выработке внешнеполитического курса по отношению к Японии (с. 253).

Бесспорно и утверждение автора о том, что гораздо более серьезную роль в формировании политического курса в отношении Японии мог бы играть российский бизнес (с. 253). На наш взгляд, правомерность данного

тезиса пронстекает прежде всего из того факта, что так называемое инвестиционное сотрудничество между Россией и Японией носит характер «кулисы с односторонним движением». Ведь, при наличии определенного (хотя и скромного, по международным меркам) объема японских инвестиций в российской экономике, отечественный предпринимательский капитал в Японии практически отсутствует, несмотря на то, что его гигантские суммы ежегодно вывозятся за рубеж.

Примечательно, однако, что внимательно проанализировав целый ряд факторов, тормозящих в настоящее время отношения между Россией и Японией, и одновременно — центростремительные силы и тенденции в этих отношениях, автор приходит к выводу, что «...в XXI в. для обеих стран роль их взаимоотношений с точки зрения каждой из них будет возрастать. Более того, эти взаимоотношения будут приближаться к новому качеству — стратегическому партнерству» (с. 254).

Помимо научных достоинств, можно отметить и такие положительные качества монографии, как продуманная структура работы, логика изложения и хороший литературный язык. Вместе с тем нельзя не заметить, что являясь высокопрофессиональным трудом, она содержит и некоторые неточности. Так, в тексте употребляется термин «Южно-Курильская гряда» (с. 7 и др.). Однако на самом деле Курильские острова состоят из двух гряд — Малой Курильской гряды (о. Шикотан и группа островов Хабомаи) и Большой Курильской гряды (все остальные острова, включая о. Кунашир и о. Итуруп). Кроме того, в книге указывается площадь спорных с Японией островов — 3 036 кв. км (с. 209), тогда как в действительности их площадь составляет свыше 5 000 кв. км, т.е. практически половину территории всех Курильских островов. Это принципиально важно, так как некоторые наши соотечественники питают иллюзии, что в случае возвращения Японии этих «никчемных скал» на Россию прольется дождь японских инвестиций и технологий.

Однако указанные неточности ничуть не умаляют научной, практической и познавательной значимости работы. Без сомнений, монография Д.В. Стрельцова является заметным вкладом не только в российское японоведение, но и в отечественную политологию. Наряду со специалистами она будет востребована широким кругом читателей.

Seijas Tatiana. Asian slaves in colonial Mexico. From Chinos to Indians. New York: Cambridge University Press, 2015. XIV, 282 p., il. Cambridge Latin American Studies; 100. (ISBN 9781107635777).

Книга исследовательницы из Университета Майами (Огайо, США) Татьяны Сейхас «Азиатские рабы в колониальной Мексике. От *чинос* к индейцам» принадлежит к числу тех редких, прямо или косвенно связанных с Китаем и китайцами книг, которые сообщают читателю множество неизвестных, удивительных фактов и обстоятельств. В XVI веке в Мексике как *чинос* («китайцы») официально регистрировали всех прибывающих в Новую Испанию из Азии. Тех же, кого доставляли из Африки, записывали как «negros» — «черные» или «cafres» (топоним). *Чинос* в простонародном латиноамериканском испанском до сих пор называют индейцев, это очень многозначное слово для обозначения потомков людей разных рас, а также слуг и всех людей низкого социального статуса. Если в XVI в. «chinos» и «negros» — рабы из Азии и Африки соответственно, а «indio» — все коренное население, то в XVII в. появляется словосочетание «indios chinos» применительно к лично свободным филиппинцам, осевшим в Мексике. Рабы азиатского происхождения так никогда не назывались, поскольку, согласно испанскому законодательству, все коренное население Новой Испании было свободным, т.е. индеец не мог быть рабом. В XVIII в. «chinos» — уже люди смешанных индийских и африканских кровей. Т. Сейхас отмечает, что даже в серьезных исторических исследованиях часто происходит смешение терминов «indios chinos» и просто «chinos» (с. 6).

Насколько можно судить, книга Т. Сейхас — первое серьезное исследование, в котором прослеживается, откуда пришли «китайцы», реконструируется их жизнь в Мексике; перед нами разворачивается необыкновенная история превращения рабов азиатского происхождения в лично свободных «индейцев». Т. Сейхас изучала архивы Филиппин и колониальной Мексики, результаты архивной работы помещены в единую, продуманную схему. Вызывает удивление количество записей, остав-

ленных рабами и рабовладельцами, именно они легли в основу книги, придав научному исследованию живость и достоверность.

О главной героине книги, женщине, чья история вдохновила автора исследования, многое известно из ее жития. Катарина де Сан Хуан (ок. 1610–1688) была рабыней китайского происхождения, ставшей народной святой в городе Пуэбла. Она сама точно не знала, где родилась и откуда ее в младенчестве вывезли. В Пуэбла Катарина была служанкой в семье португальского торговца, который привез ее в Мексику. Позднее хозяин даровал ей свободу, но денег у нее не было. Она поступила служанкой в дом священника посещаемого ею храма при иезуитском колледже в Пуэбла. Катарина хотела посвятить себя Богу, но по воле священника вышла замуж за *чино*, и только став вдовой, смогла вести ту религиозную жизнь, к которой стремилась. О себе она подробно поведала некоему Алонсо Рамосу, который записал ее рассказ и издал как житие святой в 1689 г., через год после смерти Катарины. Ее похороны стали большим событием в жизни города, жители хотели иметь свою городскую святую. Инквизиция сопротивлялась ее беатификации, в 1691 г. было запрещено поклоняться неофициальной святой и ее образам, которым в народе приписывали целительную силу. Было запрещено и житие, записанное Рамосом.

История Катарины — сейчас часть мексиканского фольклора. Она считается создательницей мексиканского женского национального костюма, который называется «Чина поблана» (China Poblana). На самом деле такой костюм в ярких зеленых, белых и красных тонах — цветах мексиканского флага — вошел в моду в 1870-е годы. Одевание не имеет ничего общего с дальневосточными нарядами, фасон позаимствован у баварских крестьянских платьев, невозможно предположить, что блаженная XVII в. могла носить что-то подобное.

В 1565 г. первая партия азиатских ра-

бов прибыла из испанских Филиппин в Мексику на галеонах Манила — Акапулько, все они назывались «китайцами», хотя в реальности были японцами из Нагасаки, малайцами, филиппинцами, яванцами, тиморцами, выходцами из различных районов Индии. Филиппинцев было большинство. Португальские работорговцы привозили на манильский рынок в основном мужчин из португальских колониальных владений в Азии. Многие испанцы увозили азиатских рабов к себе в Испанию, где обладание рабом-китайцем подчеркивало высокий статус владельца. Примечательна история Грегорио Морено, «индийца китайской национальности с Филиппинских островов». Испанский чиновник вывез его в Мексику, затем в Перу, снова в Мексику, затем в Севилью, где тот стал требовать от правительства денег для возвращения на Филиппины. Король удовлетворил его многочисленные просьбы, велел выдать сто золотых дукатов на дорожные расходы. Морено получил, впрочем, не собственно деньги, а лишь кредитную расписку...

По прошествии времени *чинос* стали по закону «индейцами», это — общий термин для всех аборигенов испанских колоний, после 1672 г. «китайцы» рассматривались уже как «местные» вассалы испанской короны и как таковые не могли долго оставаться рабами.

Составленная Т. Сейхас по архивным данным база данных содержит 598 имен китайских рабов в Мексике. Различными документами подтверждено происхождение 225 человек. Сложность состоит в том, что большинство людей были вывезены в младенчестве, и воспоминания их весьма туманны. Многие указывали место «отплытия», а не место рождения. Сведения об этих людях сведены в таблицу, из которой явствует, что из этих 225 человек из Филиппин прибыло 62 «испанца», т.е. католика и 17 мусульман, из Индии — 68 человек, из Бенгалии — 30, Индонезии — 15, Цейлона — 6, Японии — 4, Макао — 3, Тимора — 2 человека, а еще 9 человек назвали топонимы, которые невозможно отождествить.

Т. Сейхас описывает филиппинское общество XVII—XVIII вв. как рабовладельческое: Манила представляла собой один сплошной невольничий рынок, где продавались филиппинцы, военнопленные, мусульмане и прочий люд как для внутреннего пользо-

вания, так и на «экспорт». Новые хозяева Филиппин, испанцы, были шокированы обилием на островах своих исконных врагов — мусульман. Рабовладельческий характер филиппинской экономики вызвал ожесточенные юридические и теологические споры о рабстве. В 1574 г. был издан специальный закон о Филиппинах, но он не защищал иностранцев, т.е. нефилиппинцев и мусульман. Иностранцев поставляли португальцы, мусульмане чаще всего были военнопленными.

Для отправки товаров (ткани, фарфор, воск и специи) и людей из Манилы в Мексику ежегодно снаряжался галеон, который отплыл из Манилы в сентябре и в феврале достигал Акапулько. Маршрут азиатских рабов из Акапулько, куда прибывал манильский галеон, в Мехико и Пуэбло, назывался «Китайский путь» (*Via de China*).

Для регулирования торговых потоков и защиты от пиратов отправку галеона готовили королевские чиновники, постоянно существовала опасность перегрузок, в среднем ежегодно перевозилось от 250 до 400 человек. Несмотря на запреты властей и протесты морских офицеров против присутствия женщин на кораблях, женщин-рабынь выдавали за личную прислугу свободных пассажиров. Описывается один чиновник, который провез за один раз 15 таких рабынь, и все они забеременели во время путешествия. Позднее вышел запрет на перевозку незамужних женщин, но и он постоянно нарушался. Тяжелые условия на кораблях приводили к большой смертности среди пассажиров и невольников, так в 1629 г. погибло сто человек, тела везли в Акапулько, где был специальный тариф на похороны — 10 песо за испанца, 5 — за индийца и один — за раба.

Для торговли людьми на манильском галеоне нужно было оформлять специальную лицензию, если в XVI в. корона выдавала лицензии напрямую частным лицам, то позднее лицензии могли получить только компании, которые обещали привести как можно больше африканских рабов. Это были португальские, генуэзские, голландские монополии. Т. Сейхас много пишет о том, как транспортировка громадного числа африканских рабов через Атлантику в конце концов привела к существенному ограничению тихоокеанской работорговли.

Помимо рабов, из Манилы в Мексику

плыли и свободные эмигранты, что еще больше запутывает ситуацию с выходцами из Азии в Мексике. На галеон в поисках лучшей доли стремились филиппинцы и жители других регионов Азии. Многие моряки, измученные полугодовым плаванием, принимали решение не возвращаться на родину и осесть в Новой Испании. Эти люди получали особый статус.

Много внимания уделяет Т. Сейхас ситуации в Мексике, сделавшей необходимой для экономики привоз большого количества рабочей силы. Демографический коллапс возник из-за высокой смертности местного населения от завезенных из Старого Света инфекционных болезней. Гибель с 1530 по 1608 г. 15 млн индейцев стала для испанцев политической и экономической катастрофой. Построенные испанцами города и монастыри стояли пустыми. Для охраны оставшихся в живых индейцев были приняты специальные законы.

Сложная управленческая структура колониальной Мексики включала две политические общины, так называемые республики — индейцев (*La República de Indios*) и испанцев (*La República de Españoles*). «Республики» были первоначально созданы в местах компактного проживания индейцев в сельской местности, позднее каждый новоприбывший человек должен был приписаться к одной из общин, так обеспечивалась регистрация и сегрегация населения по месту жительства. К республике испанцев относились собственно испанцы, лично свободные метисы и все рабы. Лично свободные выходцы из Азии приписывались к республике индейцев и получали права местного населения, могли жениться на индианках, доказав, что они не были ранее женаты. Инквизиция в это время возбуждала много дел о многоженстве. В отличие от свободных филиппинцев сравнительно немногие рабы-китайцы женились на индианках, хотя законодательно это не было запрещено. Женитьба на индианках не изменяла их социального статуса. Как правило, рабы брали в жены рабынь, «китайнок», негритянок и мулаток.

Наличие подобной структуры и практика записи свободных «азиатов» в индейцы предопределили в дальнейшем превращение азиатских рабов в индейцев: с юридической точки зрения это была единственная возможность зафиксировать свой новый социальный

статус в качестве освобожденного *чино*.

Испания начала активно завозить в Мексику рабочую силу в помощь оставшимся в живых индейцам, в 1542 г. были ввезены первые африканцы, в 1565 г. — первые *чинос*. Несмотря на то, что и те, и другие были лично зависимыми людьми, их положение в экономике и обществе не было одинаковым. *Чинос* были лучшими слугами, чем африканцы, так как в большинстве своем уже знали иберийские языки и были грамотны. Многие из азиатов, как свободных, так и рабов, работали на ткацких фабриках, а также при монастырях. Более сильные физически африканцы стоили дороже *чинос* и работали в основном в сельском хозяйстве. Хозяева привлекали *чинос* к тем же работам, что раньше индейцев, и постепенно *чинос* стали ассоциироваться с индейцами. *Чинос* часто освобождали за образцовую службу, добиться освобождения им было легче, чем африканцам по ряду причин. «Китайцы» были ближе к своим хозяевам, активно осваивали ремесла, даже заводили собственные кустарные промыслы и вступали в гильдии, где рабский труд вообще был запрещен. Чем больше «китайцы» сливались со свободными азиатами и местным населением, тем более проблематичным становилось владение *чинос*. Запрет рабства «азиатов» 1672 г. предвиделся задолго, и хозяева либо давали им вольные, либо искали разные пути сохранить свою собственность, т.е. оформляли что-то вроде аренды, так называемое временное рабство. Еще до 1672 г. в Мексике возник своеобразный расизм, рабами стали восприниматься только чернокожие.

Много внимания уделяет Т. Сейхас структуре экономики свободных азиатов, оказавшей впоследствии большое влияние на характер занятий освобожденных азиатских рабов. Как члены республики индейцев филиппинцы платили казне налоги. Занимались они шелководством и ткачеством; производимое ими кокосовое вино быстро стало популярным среди местного населения; делали они и пульке, и дистилляты из агавы. Колониальные власти, всеми способами оберегающие выживших «настоящих» индейцев, только им разрешили торговать местной сельскохозяйственной продукцией, азиатам приходилось искать разные способы обходить эти запреты. Множество выходцев из Азии стали парикмахерами, что вы-

звало волну протестов со стороны парикмахеров-испанцев. Это были, пожалуй, первые в истории случаи выступлений против засилья «китайских» эмигрантов. Свободные азиаты прилагали множество усилий для того, чтобы добиться тех же прав, которыми обладало коренное население, в частности, права носить оружие и ездить верхом. Азиаты-рабы внимательно следили за всеми нюансами борьбы своих лично свободных соотечественников, чей опыт помог им быстро утвердиться в новом социальном статусе после освобождения.

Еще до 1672 г. *чинос* предпринимали массовые попытки к бегству от своих хозяев, чтобы вступить в республику индейцев на правах местного населения. В немалой степени этому способствовало внешнее сходство азиатов и коренных индейцев. Из-за этого сходства «китайцам» чаще ставили клеймо на лицо, чем африканцам, которым клеймили плечо или же не клеймили вовсе. Похожесть азиатов на индейцев, постоянная критика практики клеймения людей также приводили к тому, что владеть африканцами было гораздо проще и выгоднее.

Архивные документы сохранили множество примечательных историй постоянных попыток *чинос* добиться освобождения. Рабы-китайцы стали свободными индейцами в результате сложных процессов, которые происходили в течение почти ста лет. И хотя такую удивительную трансформацию предопределило наличие многих условий, она стала возможной

только благодаря индивидуальным усилиям каждого «китайца».

Все «азиаты», как свободные, так и рабы, по прибытию в Новую Испанию обращались в католичество и получали испанские имена. Церковь никогда не обходила новоприбывших и их потомков своим вниманием. Взаимоотношения церкви и «азиатов» были сложны и многообразны. Не все были столь ревностными католиками, как Катарина, главная героиня книги: инквизиции приходилось рассматривать нередкие случаи ереси и богохульства. В целом роль католических институций, как показывают материалы, собранные Т. Сейхас, в интеграции «азиатов» в мексиканское общество была весьма высока. Церковь многое делала для образования и воспитания *чинос*, ею предпринимались меры, позволившие принять группу законов об отмене рабства азиатов. Поддерживала церковь и беднейших представителей новых «индейцев». Очевидно, что без церковного покровительства процесс превращения «китайских» рабов в свободных индейцев был бы гораздо сложнее и занял бы больше времени.

Удивительные истории, разысканные Татьяной Сейхас в мексиканских и филиппинских архивах, их научная интерпретация и многосторонний анализ позволяют усмотреть в феномене азиатского рабства в колониальной Мексике пример формирования особой мультикультурной общности как части начавшейся в Новое время глобализации.

Юбилей ученого

Юбилей Людмилы Дмитриевны Бони

12 августа 2016 г. исполнилось 85 лет Людмиле Дмитриевне Бони — известному российскому ученому-экономисту — исследователю социально-экономических проблем современного Китая.

В 1954 г. Людмила Дмитриевна окончила китайское отделение Московского института востоковедения по специальности страновед по Китаю со знанием китайского и английского языков и была направлена на работу в качестве переводчика в Иностраный отдел Выставки достижений народного хозяйства СССР в Москве, где работала до сентября 1961 г. Затем, с 1961 по 1967 г., вместе с мужем она находилась в служебной командировке по линии Союза советских обществ дружбы (ССОД) в Индии, где работала переводчиком ан-

глийского языка в советском павильоне на Международной промышленной выставке, редактором корпункта ТАСС в Дели, а позднее — заведующей канцелярией Генконсульства СССР в Бомбее, секретарем Ассоциации русского языка и методистом русского языка отделения ССОД в Бомбее. Во время работы в Индии Л.Д. Бони не оставляла занятий своим основным иностранным языком — китайским и с большим интересом продолжала изучать Китай.

С 1967 г. по настоящее время Людмила Дмитриевна работает в Институте Дальнего Востока РАН, специализируясь на исследовании социально-экономических проблем Китая, преимущественно проблем аграрной сферы. После окончания в 1970 г. аспирантуры ИДВ АН СССР с 1971 по 1975 г. она находилась в заграничной командировке в США по линии Министерства иностранных дел СССР, где работала в различных советских загранучреждениях и одновременно исследовала тему «Система распределения и изъятия государством ресурсов товарного зерна в КНР», по которой в январе 1974 г. защитила кандидатскую диссертацию.

В 2004 г. Людмила Дмитриевна защитила докторскую диссертацию по теме «Формирование рынка в китайской деревне». С 2007 г. она работает в качестве главного научного сотрудника Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН. В последние годы ее научные интересы сосредоточены на комплексном изучении аграрной проблемы Китая, в т.ч. проблемы модернизации сельского хозяйства и продовольст-

венной безопасности. Людмилой Дмитриевной опубликовано более 150 работ, представляющих весомый вклад в отечественное китаеведение, в том числе три авторские монографии — «Проблема товарности сельского хозяйства Китая (1949–1983 гг.)» (1984), «Рынок в китайской деревне (1978–1995 гг.)» (1997), «Китайская деревня на пути к рынку» (2005); коллективная монография «Аграрная проблема Китая (конец XX — начало XXI в.)» (2009). Кроме того, подготовлен ряд информационно-аналитических материалов по актуальным проблемам современного Китая для законодательных и директивных органов РФ.

Работы Людмилы Дмитриевны Бони отличает глубина исследований, основанных на изучении и анализе большого числа оригинальных источников на китайском языке, и одновременно — стремление во время научных командировок расширить свои знания путем непосредственного общения с тружениками китайской деревни. Л.Д. Бони — почетный член Ученого совета, член Диссертационного совета по экономическим наукам ИДВ РАН, активный автор журнала «Проблемы Дальнего Востока». Высокий научный авторитет в соединении с готовностью поделиться своими глубокими знаниями по Китаю принесли ей заслуженное уважение в коллективе.

За добросовестную и плодотворную работу Л.Д. Бони неоднократно поощрялась руководством Института.

Дирекция и коллектив ИДВ РАН, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» сердечно поздравляют Людмилу Дмитриевну с юбилеем и желают ей новых творческих успехов, здоровья и счастья.

Юбилей Ким Ен Уна

Исполнилось 75 лет ведущему научному сотруднику Института Дальнего Востока РАН, кандидату философских наук, доценту Ким Ен Уну.

Ким Ен Ун родился 18 августа 1941 г. в многодетной семье рабочего в южной части о. Сахалин, находившейся в то время в составе Японии. Японские колоннальные власти не поощряли образование у корейцев, поэтому его отец окончил лишь один класс вечерней школы, а мать была неграмотной.

После возвращения южной части Сахалина Советскому Союзу судьба его семьи коренным образом изменилась. Ким Ен Ун прошел путь от разнорабочего до доцента вуза и ведущего научного работника академического института, заместителя председателя Комитета Верховного Совета СССР.

Историк по образованию Ким Ен Ун занимался исследованиями в области истории, философии, политологии, международных отношений, социологии, методики преподавания, хотя основным направлением его научных работ были международные отношения и идеология освободившихся от колониальной зависимости стран. Его становление как преподавателя вуза произошло в Иркутском университете, который он окончил в 1965 г. и преподавал там после окончания аспирантуры с 1968 по 1977 г. Затем Ким Ен Ун был приглашен во вновь открывшийся Омский университет, где проработал с 1977 по 1989 г. в качестве доцента.

Ким Ен Ун принимал активное участие в общественной жизни, возглавлял ряд крупных общественных организаций федерального и международного масштаба. Он всегда уделял большое внимание популяризации научных знаний среди трудящихся, выступая в трудовых коллективах, печатных и электронных СМИ с разъяснением сложных международных проблем и соответствующей позиции России. И сейчас он регулярно выступает по радио, телевидению, в интернет-изданиях с разъяснением ситуации на Корейском полуострове.

В 1989 г. Ким Ен Ун «ушел в политику», начав работать в Верховном Совете СССР. В 1989–1991 гг. был членом Комитета по международным делам; в 1991 г. — заместителем председателя Комитета, председателем подкомитета по регламенту Комитета по государственному строительству; членом Комиссии по депутатской этике и сопредседателем депутатской группы «Союз». Ким Ен Ун был одним из авторов концепции Постановления Верховного Совета Российской Федерации о реабилитации российских корейцев, принятого 1 апреля 1993 г. Одним из первых российских преподавателей в 1993 г. он прошел стажировку в Университете Кёнхи (г. Сеул) Республики Корея. В 1994–2004 гг. Ким Ен Ун работал в Госдуме РФ помощником депутатов.

Он был первым вице-президентом Всесоюзной ассоциации советских корейцев (1991–1992), президентом Международной конфедерации корейских ассоциаций (1993–

1999) и первым заместителем Председателя Национального Совета Федеральной национально-культурной автономии российских корейцев (1996–2004). Ким Ен Ун провел большую работу по сбору и комментированию документов для изданного двухтомника по депортации корейцев в 1937 г., много работал над созданием объективной картины истории корейской диаспоры в СССР и СНГ, демонстрируя научную объективность и идеологическую непредвзятость.

С 2003 г. по настоящее время работает в Центре корейских исследований ИДВ РАН, сначала в должности старшего, а затем ведущего научного сотрудника. Он зарекомендовал себя высококвалифицированным специалистом по внутренней и внешней политике Южной Кореи, проблемам мира и безопасности на Корейском полуострове, межкорейским и российско-корейским отношениям.

Подготовленные Ким Ен Уном материалы отличают солидная источниковая база, богатая фактологическая основа, аналитическая глубина, четкая логика изложения. Ким Ен Ун первым поставил на научную основу исследование имиджей России в Республике Корея и Республики Корея в России.

Под его руководством впервые в российском корееведении подготовлены исследования по трудовому праву Республики Корея и КНДР, по проблеме государственной службы и административного права в Южной Корее. Одним из первых в российском корееведении он стал исследовать теоретические, методологические и практические вопросы стратегического партнерства России и Республики Корея, их сотрудничества в области природопользования и охраны окружающей среды.

Ким Ен Ун принимает активное участие в научной жизни, выступая с докладами и сообщениями на российских и международных научных конференциях, семинарах, симпозиумах и «круглых столах». За годы работы в ИДВ РАН им опубликовано и подготовлено около 100 научных трудов, включая выступления на различных форумах, составивших весомый вклад в отечественное корееведение. Общее число его печатных работ — около 200 книг, брошюр и статей.

За добросовестную и плодотворную научную работу и общественную деятельность Ким Ен Ун многократно поощрялся благодарностями и памятными наградами. Подготовленные с его участием аналитические документы Центра корейских исследований ИДВ РАН неоднократно получали высокую оценку высших федеральных органов власти.

С 2013 г. Ким Ен Ун возобновил педагогическую деятельность в Школе востоковедения Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ «Высшая школа экономики». Научные работы его студентов неизменно получают высокие оценки внешних рецензентов.

Ким Е. У. активно участвует в осуществлении академических обменов и сотрудничестве российских ученых с научными центрами КНДР и Республики Корея, используя большой практический опыт, а также широкие связи в научных, политических и общественных кругах. Он принимал активное участие в организации в ИДВ трех первых в истории РАН совместных научных конференций ученых-гуманитариев России, КНДР и Республики Корея в 2014 и 2015 г.

Обширные знания о Корее в сочетании с личной скромностью, интеллигентностью и тактом в отношениях с людьми снискали ему авторитет и глубокое уважение коллег по работе и всех, кто общался с ним на протяжении его многолетней трудовой деятельности.

От всей души желаем юбиляру крепкого здоровья, новых творческих успехов, любви и заботы родных и близких на многие годы вперед!

*Дирекция и коллектив Института Дальнего Востока РАН,
редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока»*

Наш юбиляр

Юбилей Андрея Сергеевича Давыдова

А.С. Давыдов родился 23 августа 1946 г. в Москве, в семье недавних фронтовиков, любивших друг друга еще со школьной скамьи. И это стало некоей семейной традицией: на протяжении уже почти полувека сам Андрей Сергеевич счастливо женат на своей однокласснице.

По завершении средней школы он поступил в Институт восточных языков при МГУ (ныне ИСАА МГУ), который окончил в 1970 г. После получения университетского диплома молодой китаист А.С. Давыдов был призван на два года в ряды Советской Армии и проходил службу в должности преподавателя военной кафедры гуманитарных факультетов МГУ.

Принятие КНР в 1971 г. в Организацию Объединенных Наций открыло перед ним возможность поступления на Курсы переводчиков ООН в Москве для последующей работы в системе этой

международной организации — тогда у нее возникла острая потребность в специалистах с хорошим знанием китайского языка.

Направление в 1973 г. на работу в Секретариат ООН в г. Нью-Йорк (США) во многом предопределило сферу интересов Андрея Сергеевича в его последующей научной деятельности — изучение и исследование современных американо-китайских и китайско-американских отношений. В статусе соискателя аспирантуры Института США и Канады АН СССР под руководством известного ученого, доктора исторических наук Б.Н. Занегина А.С. Давыдов приступил к подготовке кандидатской диссертации.

Наряду с научной одновременно он занимался практической работой. По возвращении из заграничной командировки возглавил в 1979–1980 гг. сектор азиатских стран в Международном управлении Оргкомитета «Олимпиада-80», способствуя наряду с другими сотрудниками преодолению бойкота московских Игр, спровоцированного рядом западных стран. За эту плодотворную работу Андрей Сергеевич был награжден Почетным знаком и дипломом Оргкомитета.

По окончании Олимпиады А.С. Давыдов в 1981 г. был принят на работу в Главную редакцию информации для заграницы ТАСС при Совете Министров СССР. Журналистика стала еще одним важным направлением его деятельности. Работая в

ТАСС (1981–1987), а затем в должности заведующего редакцией изданий на китайском, корейском и японском языках Издательства АПН, куда он был приглашен в сентябре 1987 г., А.С. Давыдов постоянно обращался к тематике отношений нашей страны с ее великим восточным соседом, к проблемам взаимосвязей в «треугольнике» КНР — США — СССР. Его перу принадлежат многочисленные статьи по этим вопросам, опубликованные в советской и зарубежной печати. Он — член Союза журналистов СССР (1984–1991), России и Москвы.

Имя А.С. Давыдова хорошо известно в Китае. В 1988–1989 гг. он проходил стажировку в Шанхайском институте иностранных языков, а в начале 1990-х годов был приглашен на работу в Пекин. За восемь лет трудовой деятельности в Бюро переводов ЦК КПК (1992–1996) и агентстве Синьхуа (1996–2000) им были переведены на русский язык и отредактированы многие сотни страниц документов, издательских рукописей и информационных материалов, касающихся важнейших событий в жизни китайского народа. Переводческая и редакторская работа А.С. Давыдова составила его личный вклад в развитие и углубление взаимопонимания народов России и Китая.

По возвращении из Китая Андрей Сергеевич целиком посвятил себя научной работе, влившись в коллектив Института Дальнего Востока РАН. Собранные во время командировок в Америку и Китай уникальные материалы позволили ему в 2005 г. защитить диссертацию на тему «Идеология и прагматизм в китайской политике США».

Одновременно А.С. Давыдов проявил свои творческие и организационные способности, работая в журнале «Проблемы Дальнего Востока». С 2003 г. он занимает пост заместителя главного редактора этого издания. Коллеги по работе отмечают прекрасные деловые качества и доброжелательность Андрея Сергеевича, его искреннее стремление к повышению авторитета и расширению читательской аудитории журнала, считают его высококвалифицированным профессионалом, серьезным и грамотным специалистом.

А.С. Давыдова отличают примерное трудолюбие, ответственность и работоспособность. Он регулярно публикует статьи, рецензии, выступает с докладами и сообщениями на научных встречах, продолжает сотрудничать с российскими и зарубежными СМИ как эксперт-международник, является членом редакционных коллегий ряда зарубежных научных изданий. В поле его зрения находятся актуальные вопросы современной жизни Китая, отношения КНР с другими странами мира.

Выпущенная в свет в 2015 г. авторская монография А.С. Давыдова «Пекин — Вашингтон — Москва: взаимоотношения в контексте трансформации глобальной архитектоники» стала одной из немногих индивидуальных работ последнего времени по тематике трехсторонних отношений США, КНР и России и была отмечена в числе достижений РАН.

Активно участвуя в общественной жизни, Андрей Сергеевич на протяжении ряда лет является членом Центрального правления Общества российско-китайской дружбы.

За вклад в изучение американо-китайских отношений и многолетнюю журналистскую деятельность в российских и зарубежных СМИ, добросовестный труд на благо отечественной науки, успешное содействие развитию фундаментальных и прикладных научных исследований А.С. Давыдов неоднократно награждался Почетными грамотами Российской академии наук и Института Дальнего Востока РАН.

Руководство и коллектив ИДВ РАН, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» сердечно поздравляют юбиляра и желают ему доброго здоровья и долгих лет плодотворного труда на пользу российской синологии.

Contents

POLITICS

V. Vorobyov. The Possible Routes for Forthcoming Evolution of the Shanghai Cooperation Organization

Ya. Lexiutina. China in the BRICS: First between Equals

Yu. Morozov. China in the Arctic Region: Targets and Risks for Russian-Chinese Relations

VIEW POINT

V. Balakin. Comprehensive National Power of China: Dialectics of New Statehood Building

ECONOMY

B. Kheyfets. The Silk Road Economic Belt — New Model of Attractive Economic Partnership for the EAEU

A. Afonasiyeva. Overseas Chinese's Role in the Development of the Central Line of Silk Road Economic Belt

I. Vakhrushin. The Debt Problem in China's Economy: Approaches to Assessment, Scenarios, Solutions

V. Chuvankova. Private and Individual Entrepreneurship — Key Factor in the Economic Development of China

Z. Muromtseva. State-Owned Enterprises of China in 2011–2020: Features and Prospects of Reforming

Zh. Petrunina. China Strengthens Position in Persian Gulf' Oil and Gas Basin

Yu. Shiganova. Development of the Pearl River Delta Region: Trends, Problems and Prospects

ENVIRONMENT

E. Kranina. Speeding-Up the Creation of “Ecologically Friendly Civilization” in China

N. Prokhorova. On the Formation of the Water Market in China

HISTORY

N. Mamaeva. Russia and the First Period of “Movement for a New Culture” in China

A. Polutov. Intelligence Cooperation of Japan and Poland against the USSR (1919–1945)

CULTURE

O. Zavyalova. Languages of China: Latest Surveys and Discoveries

A. Semyonov. The Chinese President's New Year Speeches in the Light of Discourse Approach (Sociolinguistic Notes)

SCIENTIFIC EVENTS

The IV All-Russia Scientific Conference "Historical Events in the Life of China and Modernity"

BOOK REVIEW

A. Davydov. Titarenko M.L., Petrovsky V.E. Russia, China and New World Order. Theory and Practice.

V. Kistanov. Streltsov D.V. Priorities of Japan's Foreign Police in Asia-Pacific Region.

T. Vinogradova. Seijas Tatiana. Asian slaves in colonial Mexico. From Chinos to Indians.

SCHOLAR JUBILEE

Jubilee of Ludmila Dmitrievna Boni

Jubilee of Kim En Un

HERO OF THE DAY

Jubilee of Andrei Sergeevich Davydov

Contents

Summary

Summary

V. Vorobyov. The Possible Routes for Forthcoming Evolution of the Shanghai Cooperation Organization

The article discusses the results of 15 years of activity of the Shanghai Cooperation Organization (SCO), features of its structure, the relationship between the parties. The role of the SCO in the region and problems of partnership are analyzed. The article also forecasts the development of the SCO in the conditions of the emerging new world order.

Keywords: Shanghai Cooperation Organization (SCO), Tashkent Declaration of SCO fifteen years, multi-polar world, international cooperation, China, Russia, United States.

Ya. Lextutina. China in the BRICS: First between Equals

The article puts forward arguments for the assertion that China, which differs a lot from other BRICS countries owing to its economy great size and its deep economic engagement with the world, is a major beneficiary from BRICS' efforts aimed at changing the current international monetary and financial system.

Keywords: BRICS, China, international monetary and financial system, financial institutions, yuan's internationalization, economic power.

Yu. Morozov. China in the Arctic Region: Targets and Risks for Russian-Chinese Relations

The growth of Arctic region's value for national interests of China in the XXI century and the risks connected with it for the Russian-Chinese relations are considered. Key moments, concerning aims and strategy of the Peoples Republic of China in this region, are stressed. Possible steps of Russia for strengthening its positions in Arctic region with the help of China are also offered.

Keywords: Arctic region, sub-arctic states, China, Russia, Russian-Chinese relations, Northern sea way, economic zone, militarization.

V. Balakin. Comprehensive National Power of China: Dialectics of New Statehood Building

The rise of comprehensive national power of the People's Republic of China naturally is aimed to achieve for China a status of "super power", which could define new world order without looking over other contemporary "centers of power". Dialectics of building new Chinese statehood in XXI century in reality presents itself as ideological foundation for enhancing national power which would be able to become a base of country's development. Chinese statehood, despite the long periods of revolutionary shocks, demonstrates extraordinary steadiness and continuous movement in direction of accelerating the growth of comprehensive national power.

Keywords: China, comprehensive national power, statehood, world order.

B. Kheyfets. The Silk Road Economic Belt — New Model of Attractive Economic Partnership for the EAEU

The paper shows a tendency to trans-regionalization of the global economy, which is associated with the formation of new economic mega-partnerships. The conclusion is made about the greatest attraction for the EAEU of the partnership in the framework of the Silk Road Economic Belt. This partnership allows to choose the most convenient format for interaction and to smooth the existing problems in connection with the different levels of competitiveness of the EAEU and China. Possible directions and forms of coupling the EAEU and the Silk Road Economic Belt are discussed.

Keywords: trans-regionalization, economic mega-partnerships, global economic space, EAEU, Silk Road Economic Belt.

A. Afonasiyeva. Overseas Chinese's Role in the Development of the Central Line of Silk Road Economic Belt

The article is devoted to the study of overseas Chinese economic activity along the central line of Silk Road Economic Belt (SREB) in China and outside. It examines the territorial structure of overseas Chinese investment flows and industry structure of overseas Chinese enterprises in Yangtze River Delta Region and in Western regions of China. The paper analyses industry structure of Chinese enterprises in the Central Asia, Middle East, Balkan Peninsula, and Western Europe. In the conclusion the author estimates the influence of overseas Chinese business, as well as China's state-owned corporations, on the development of SREB's central line.

Keywords: overseas Chinese (huaqiao), Chinese migrants, Silk Road Economic Belt, China, Central Asia, Middle East, Balkan Peninsula, Western Europe.

I. Vakhruşhin. The Debt Problem in China's Economy: Approaches to Assessment, Scenarios, Solutions

The article deals with various aspects of the debt problem in China's economy. The approaches to the assessment of the total debt in terms of its structural components, absolute and relative figures are analyzed. The possible scenarios of China's economic performance considering the increasing debt burden factor are reviewed. Special attention is paid to the problem of local governments' debt and a complex of measures aimed at solving it.

Keywords: China's government debt, local governments' debt, local government financing vehicles (LGFV), total social financing (TSF), wealth management products (WMP), non-performing loans.

V. Chuvankova. Private and Individual Entrepreneurship — Key Factor in the Economic Development of China

The article discusses the role of private and individual entrepreneurship in the implementation of the 12th five-year plan (2011–2015) of China's socio-economic development. During this period, consistent promotion of mass entrepreneurship and innovation has become a new trend in achieving balanced and sustainable development. Private capital was actively involved into accelerating the modernization of country and development of its innovative potential, thus helping to expand the scope of employment, income growth, supply of public services.

Keywords: China, private and individual enterprises, the modernization of the country, innovative capacity, CNPC's session.

Z. Muromtseva. State-Owned Enterprises of China in 2011–2020: Features and Prospects of Reforming

Current stage of state-owned enterprises' reform is described. Development and cooperation of enterprises belonging to various forms of ownership, and public-private partnership are analyzed. Special attention is devoted to the establishment of multi-channel and multi-tier investment mechanisms. Factors of uncertainty and risk are studied.

Keywords: reform of state enterprises, mixed ownership, state assets, investment diversification

Zh. Petrunina. China Strengthens Position in Persian Gulf' Oil and Gas Basin

The Chinese economy in the past three decades grew in parallel with the rapid rise of hydrocarbons consumption. It is natural that China is interested in consolidating its positions in the countries of the Middle East and North Africa, focusing on the energy sector. This is manifested in large-scale investments. According to the author, the long-term energy cooperation is in interests of both China and oil and gas producing countries, which are making active efforts to strengthen its position on markets of the PRC and of the Asia-Pacific region.

Keywords: China, the Persian Gulf, energy security, the oil and gas factor.

Yu. Shiganova. Development of the Pearl River Delta Region: Trends, Problems and Prospects

The Pearl River Delta economic zone was established in 1980s, when the economic reforms started in China. It was one of the first regions of the country open to the outside world. During 30 years Delta became a center of a high technology manufacturing, with a highly developed service sector and a high per capita GDP. It helped the agrarian backward country to integrate into the world economy. The article analyzes tendencies, problems and prospects of the development of the Delta region, which still has a "strategic" status in China' history and economy.

Keywords: China, Guangdong, Pearl River Delta, export-oriented economy, optimization of the economic structure, problems of the development.

E. Kranina. Speeding-Up the Creation of "Ecologically Friendly Civilization" in China

The 13th five-year plan of China (2016–2020) is aimed at stimulation of innovative development with concomitant reduction in the rate of economic growth. By 2020 it is planned to enter the era of "xiaokang" — building a moderately prosperous society. China faces the task to harmonize the economy in regional and branch aspects. Good ecological indexes of production become an important factor of the country's competitiveness. Article discovers the PRC leaders' methods of solving these problems.

Keywords: environmental factors, sustainable development, "green revolution", One Belt, One Road.

N. Prokhorova. On the Formation of the Water Market in China

The features of the formation of the water market in China in the context of environmental regulation are discussed. The strategy to control the volume and quality of water in water bodies with the help of the water market is analyzed. The author considers water management and ecological construction in China as an incentive for the development of the water market.

Keywords: water market; water resources, water rights, the right to discharge, hydrographic network.

N. Mamaeva. Russia and the First Period of “Movement for a New Culture” in China

The article discusses Russia’s ideological and cultural influence on “Movement for a new culture” in China, which is insufficiently studied in Russian and foreign historiography. Against the background of historical events in China and Russia, channels of interaction between two countries and the first signs of Russian influence on China in the ideological and cultural sphere are identified.

Keywords: Chen Duxiu, Li Dazhao, Yan Fu, the February Revolution of 1917, “Movement for a new culture”, “New Youth”.

A. Polutov. Intelligence Cooperation of Japan and Poland against the USSR (1919–1945)

The article, which is based on documents from the archives of Japan, and Japanese and Polish historians’ studies, considers the cooperation between Japan and the Republic of Poland in military intelligence and cipher services in 1919–1945. This cooperation was directed against the Soviet Union.

Keywords: Japan, Republic of Poland, the Soviet Union, the military intelligence service, cipher, General Staff, radio reconnaissance.

O. Zavyalova. Languages of China: Latest Surveys and Discoveries

In the globalizing world with its modern information technologies, China linguistically is still an extremely diverse country. Its national minority policy is implemented with the participation of several generations of linguists belonging to different scientific schools. Recent large-scale field surveys of dozens of languages, with the newly discovered and endangered ones among them, is an important part of the all-China programs aimed at the preservation of the country’s intangible cultural heritage. After Xi Jinping’s “One Belt, One Road” strategy was proposed in 2013, the studies of the Chinese linguists are focused in particular on the cross-border languages of the national minorities of the country.

Keywords: China’s language policy, Chinese linguistics, languages of China, intangible cultural heritage, cross-border languages.

A. Semyonov. The Chinese President’s New Year Speeches in the Light of Discourse Approach (Sociolinguistic Notes)

The article analyzes the Chinese President’s New Year speeches in accordance with a discourse approach. We examine the social context of New Year addresses, their specific type, kind and genre. Relevant constitutive features of the Chinese leadership discourse were identified. An attempt was made to emphasize the national specific characteristics of New Year Speech and show the peculiarities of the communicative implementation of the Chinese leaders’ political goals.

Keywords: The Chairman of the People’s Republic of China, New Year Speech, discourse, communication.

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК РФ. В нем публикуются основные научные результаты исследований по следующим отраслям науки (согласно Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени) – экономические, исторические, политические науки.

Издание входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) <http://www.elibrary.ru>.

В соответствии с требованиями Министерства образования и науки РФ все научные статьи, поступающие в журнал, проходят предварительное рецензирование с целью их экспертной оценки.

Подробная информация о правилах направления, рецензирования и опубликования статей размещена на официальном сайте журнала: <http://www.ifes-ras.ru/pdv>.

В соответствии с требованиями ФГУП «Издательство «Наука» авторы должны вместе с текстом статьи присылать в редакцию заполненный бланк «Договора о передаче авторского права» (для журналов, издающихся на русском и английском языках). Бланк договора можно найти на сайте ФГУП «Издательство «Наука»: <http://www.naukaran.ru>.

Подписной индекс издания в каталоге «Пресса России» – 70 758.

Возможно оформление льготной подписки в редакции.

По вопросам подписки обращайтесь к заведующей редакцией журнала Елене Александровне Лапиной (тел.: 8 (499) 124-02-15).

На электронную версию журнала «Проблемы Дальнего Востока» можно подписаться в компании «Рунет». Тел.: 8 (495) 935-01-01. С условиями подписки можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: www.elibrary.ru.

*Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.
При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Проблемы Дальнего Востока» обязательна.
Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.*

Подписано к печати 28.09.2016 г. Дата выхода в свет 20 четв. Формат 70x100 1/16
Цифровая печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отт. 6,6 тыс. Уч.-изд. л. 15,0 Бум. л. 6,0
Тираж 414 экз. Зак. 607. Цена свободная.

Издатель: ФГУП «Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная, 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. (499) 124-09-02; E-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2016 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ФГУП «Издательство «Наука» (Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Общие требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция принимает к рассмотрению только не опубликованные ранее рукописи: статьи, переводы, документальные источники, обзоры, рецензии и др.

Материалы должны соответствовать тематике журнала (вопросы экономики, истории, внешней и внутренней политики Китая, Японии, государств Корейского полуострова, других стран АТР, а также российского Дальнего Востока); отражать собственный вклад автора в разработку научной проблемы; обладать актуальностью и научной новизной; соответствовать принятым в журнале техническим требованиям по оформлению рукописей.

Требования к оформлению материалов

1. Рукописи принимаются в электронном виде в формате doc (Word 1997–2003).
2. Объем статьи – не более 1 п.л. (40 тыс. знаков с учетом пробелов).
3. Статья должна сопровождаться аннотацией на русском и английском языках с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).
4. Статья должна иметь список ключевых слов (не более восьми) на русском и английском языках.
5. К статье должны быть приложены сведения об авторе с указанием ФИО, ученой степени, месте работы, должности и контактных данных, включая номер телефона и/или адрес электронной почты.
6. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF в оттенках серого с разрешением не менее 300 dpi.
7. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.
8. Японские имена и названия приводятся в русской транскрипции, основанной на системе Поливанова.
9. Сноски даются в конце статьи.

Оформление сносок

Книги:

- а) На русск. яз.
Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С. ...
- б) На кит. яз.
Автор. Транслитерация китайского названия книги : [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: издательство, год издания. С. ...
- в) На англ. яз.
Author: Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. P. ...

Статьи:

- а) Из печатных изданий
Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) № ... С. ...
- б) Из Интернета
Автор статьи. Название статьи. URL: Полный электронный адрес.

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.